

JOURNAL OF

International Scientific Publications:

Language, Individual & Society, Volume 5, Part 2

Peer-Reviewed Open Access Journal

Published at:

<http://www.science-journals.eu>

Publishing by Info Invest Ltd

www.sciencebg.net

ISSN 1313-2547, 2011, European Union

Editor in Chief

Sofia Agapova, Russia

Alexandr Gorbunov, Russia

Executive Secretary

Nikolai Baryshnikov, Russia

Junichi Suzuki, Japan

Editorial Board Members

Aislu Tassimova, Kazakhstan

Alireza Valipour, Iran

Bozena Supsakova, Slovakia

Evdokia Lobanova, Russia

Elena Murugova, Russia

Galina Sinekopova, USA

Irina Sidorcuka, Latvia

Igor Klyukanov, USA

Neziha Musaoglu, Turkey

Pavel Baryshnikov, Russia

Olivera Gajic, Serbia

Simona Stanisiu, Romania

Tatiana Artyukhova, Russia

Published in Association with Science & Education Foundation

Any paper submitted to the journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society - should NOT be under consideration for publication at another journal. All submitted papers must also represent original work, and should fully reference and describe all prior work on the same subject and compare the submitted paper to that work.

All research articles in this journal have undergone rigorous peer review, based on initial editor screening and anonymized refereeing by at least two referees.

Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

The authors of the articles bear the responsibility for their content.

When quoting the articles their author and edition should be mentioned.

It is not allowed the edition of the scientific articles to be copied, multiplied and distributed with the purpose of trade without the permission of the editor.

KAZAKH BILINGUAL DISCOURSE SPECIFICS

Ainakul B. Tumanova

Kazakh-British Technical University, Tole bi, 59, Almaty 050000, Kazakhstan

Abstract

The article deals with the formation of the language picture of the world in the works of modern Russian writers of Kazakhstan (A. Alimzhanov, S. Sanbaev, B. Dzhandarbekov, A. Zhaksylykov, etc.). It gives a detailed analysis of bilingual writers' fiction discourse, which is largely due to an organic fusion, contamination of two phenomena: language code L-2 (the Russian culture) and the other culture C-1 (the Kazakh culture). The results of the analysis lead to the conclusion that one language is not absorbed by the other one, there is the coexistence of the languages and a kind of imposition of one picture of the world over the other one resulting in a formation of a contaminated language picture of the world of a bilingual writer that is reflected in his/her fiction discourse.

Key words: *language, culture, discourse, Russian language, Kazakh language, language picture of the world, bilingual writer, national worldview, culture connection, contaminated language picture of the world.*

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в результате и с учетом антропоцентризма как ведущего направления в современной лингвистике основной целью при анализе художественного дискурса оказывается обращение к создателю/носителю языка, т.е. к конкретной языковой личности со специфическими чертами ее социального, психологического, этнического и иного характера, соответственно создающими ее языковую картину мира (далее – ЯКМ). ЯКМ обогащается указанными коннотативными наслоениями и потому, как правило, эксплицитно выражается в конкретной языковой личности и соответственно отображается в ее художественном дискурсе (Караулов, 2006; Маслова, 2001; Колесов, 1996; Карасик, 1996; Снитко, 1999; Гайнуллина, 2002).

Язык представляет в распоряжение художника слова богатую лексику, грамматические формы, “поэтические элементы” и т.п. Все языковые единицы объединены в контексте общей функциональной значимостью, особыми чертами, указывающими на принадлежность к определенному индивидуально-авторскому слогу. Истинную продукцию автора составляют слова и выражения, “использованные” писателем, так называемые стилемы (Махмудов, 1989; с позиций теоретической стилистики) или концепты (Аскольдов, 1980, Карасик, 1996 и др.; с лингвокогнитивных позиций), на которых “несмываема печать творческого контекста”, являющихся показателями творческого дискурса писателя как языковой личности, в том числе своеобразной языковой личности писателя-билингва.

Рассматривая проблему языковой личности писателя, невозможно обойти вопрос о его национальной принадлежности и национальном менталитете, национальном сознании как представителя того или иного этноса, которые получают языковое оформление при помощи различных эксплицитных и имплицитных средств, связанных с подобными факторами.

Национальный менталитет, в частности казахского народа, предопределяется особенностями кочевого образа жизни в далеком прошлом, спецификой быта и культуры, своеобразием природно-географического местоположения и структурой этноса. Этнические коды национального сознания проявляются в традициях и обычаях, в чувствах и поведении людей, в различных жанрах устного народного творчества – пословицах, поговорках, фразеологизмах и т.п. Такие абстрактные понятия, как любовь к родному краю, печаль и сострадание, чувство этнической принадлежности, уважение к старшим, почитание аруахов и подобные, являются неотъемлемой частью мировоззрения человека, его менталитета, которые в обязательном порядке предстают в художественном дискурсе писателя-билингва, делая такие основы изучения ЯКМ важными и интересными.

Цель статьи – охарактеризовать особенности художественного дискурса писателя-билингва, проявившиеся в процессе контаминации языков и культур в Казахстане (в нашем случае – русского и казахского языков).

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для анализа послужили художественные произведения современных казахстанских писателей последних десятилетий XX и начала XXI вв.: А. Алимжанова («Стрела Махамбета», «Гонец», «Повесть о Курмангазы»), Б. Джандарбекова («Томирис»), С. Санбаева («Белая аруана», «Дорога только одна»), А. Жаксылыкова («Окно в степь», «Шаг навстречу»), пишущих на русском (втором родном) языке.

В работе осуществлялся лингвостилистический анализ в сочетании с концептуальным, структурно-семантическим, компонентным, эмотивным и другими типами анализа. С целью установления истинности доминанты и ключевых слов привлекался прием сплошной выборки, систематизации и классификации.

3. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

3.1. Особенности формирования художественного дискурса писателя-билингва

Как известно, исследования национальной ЯКМ помогают понять различия и сходства национальных культур, их взаимодополнения на уровне общечеловеческой культуры. Деятельность человека включает в качестве составной части и символическую, т.е. культурную составляющую, которая является одновременно и универсальной, и национально специфичной. Эти ее свойства определяют как своеобразие ЯКМ, так и ее универсальность. В связи с этим при анализе ЯКМ писателя-билингва, представленной в его художественном дискурсе, следует учитывать универсальные и идиоэтнические свойства языковых единиц (концептов, сравнений, символов и т.п.). Различия между языками обусловлены различием культур, которые наиболее легко эксплицированы с помощью лексических средств языка, национально-культурное своеобразие которых может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в лакунах, указывающих на отсутствие в данном языке слов и значений, выраженных в других языках.

Одним из самых ярких и одновременно чрезвычайно сложных проявлений вариантов русского языка в современных условиях служит художественный дискурс писателей-билингвов, казахов по национальности, пишущих на русском (втором родном) языке. В их творчестве проявилось с

наибольшей глубиной взаимопроникновение двух культур и, главное, двух языковых картин мира – казахской и русской. Это привело к формированию в пределах уже сложившейся субкультуры особого лингвокультурного феномена, в котором взаимоотношение между используемым языковым кодом и историко-культурной памятью этноса (в том числе и отдельной языковой личности) носит в высшей степени сложный и неоднозначный характер. Однако осмысление и научно-теоретическая интерпретация подобного лингвокультурного явления, нашедшего отражение в художественном дискурсе писателя-билингва, осуществляются порой в упрощенно-радикальной форме, когда во внимание принимаются или лишь мировоззренческая составляющая, или лишь собственно языковой код текста. В этой связи русскоязычный писатель К. Кабдрахманов говорит следующее: «Казахские писатели, пишущие на русском языке, – это обычно люди, родившиеся в городах, выросшие в русскоязычной среде, окончившие русские школы, и для них это не было предметом выбора. Особенность творчества этих людей состоит в том, что они носят в своей душе глубочайшую внутреннюю травму и прежде всего задают себе вопрос: «Кто я?». И это казахские писатели, а не русские, потому что судить нужно не по языку творчества, а по тем вопросам, которые поднимает художник, по ответам, которые он дает. Нужно иметь в виду, что человеку, работающему со словом, перейти на другой язык почти невозможно, потому что для нас это все равно что поменять дыхание. Случаи, когда писатели начинали творить на другом языке, крайне редки и уникальны. Кроме того, казахстанский русский язык – совершенно отличен от русского языка как такового. В этом смысле люди, которые делают литературу на казахстанском русском языке, по проблематике – казахские писатели, и они делают казахстанскую литературу. Можно сказать, что у нас ситуация примерно такая же, как в Индии. Там есть писатели, пишущие на хинди, и есть пишущие на английском языке, – но это индийские писатели. Допустим, Чингиз Айтматов начинал писать на кыргызском языке, затем перешел на русский, и сейчас его гораздо больше издают в России, но он при этом остается национальным писателем» (Кабдрахманов, 2007). Сравним также менее категоричное высказывание одного из казахстанских писателей-билингвов А. Жаксылыкова: «Все мы делаем одно дело. А раз так, получается, что, хотя я пишу на русском языке, я не работаю против своего народа, не разваливаю контекст культуры своего народа, наоборот, мой русский язык – инструмент творчества – помогает решать какие-то задачи моего народа» (Жаксылыков, 2007).

Считать русский язык в Казахстане, в том числе русский язык писателей-билингвов, каким-то иным языком, чем русский язык на исконной территории (в России), пока нет веских оснований. Можно говорить о сформировавшейся особой субкультуре как результате взаимодействия двух национальных культур и изменений в функционировании русского языка в новых геополитических условиях, когда под влиянием экстралингвистических причин изменились лишь внешние, статусные отношения между языками – казахским и русским. Собственно языковые, глубинные основы (на уровне языковой концептуализации мира, на уровне лингвокультурных концептов, национально-языковой ментальности и т.п.), определяющие особенности взаимодействия русского и казахского языков, русской и казахской культур, в высшей степени исторически устойчивы, и это подтверждает языковая практика казахстанских писателей-билингвов.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме корректнее будет говорить о резких изменениях не в языке как таковом, а в соответствующей языковой субкультуре, поскольку они не касаются кодовых и системоорганизующих основ языка (в частном случае – русского языка). Коренные преобразования и изменения, о которых идет речь, как правило, не замечаются и не осознаются носителями и «пользователями» языка, так как они проявляются

лишь на уровне речевого поведения и дискурсивной деятельности, осуществляемой в соответствии с новыми нормами и узусом языковой культуры (Гайнуллина Н., 2002). Нечто подобное происходит и в современной русской языковой культуре и в некоторых ее субкультурах.

Индивидуально-авторская картина мира писателя-билингва, в значительной степени определяющая когнитивно-содержательную сторону художественного дискурса конкретного автора произведения, во многом складывается из фрагментов разных национальных картин мира. Эти фрагменты, тем не менее, образуют органично целостное, единое «полотно», на котором идиоэтнические черты разных языков и культур проявляются не как инородные вкрапления, а как атрибуты особого видения действительности, особой картины мира.

Отсутствие «особого напряжения» между казахским и русским языками в художественном дискурсе писателей-билингвов во многом объясняется органичным слиянием, контаминацией двух феноменов: языкового кода L-2 (т.е. русского языка) и иной культуры C-1 (казахской культуры), иного видения мира, что нашло отражение в особом типе картины мира, названной нами контаминированной (негомогенной) языковой картиной мира (далее – контаминированная ЯКМ). Совершенно очевидно, что такой тип картины мира представляет иную, чем русская или казахская в отдельности, картину мира и может быть объяснен как проявление взаимодействия многих факторов историко-культурного, социально-политического и собственно лингвокультурного характеров, порождающих своеобразную третью, нестандартную и потому необычную картину мира. Особое место среди всех таких факторов занимают социолингвистические процессы, влияющие на функционирование языка и языков в определенных социумах, прежде всего неоднородных (негомогенных) в этническом и языковом отношении. Именно в таких социумах, в которых исторически сложились условия для взаимодействия культур, межкультурной коммуникации и необходимость в них, объективно формируются особые культуры, в том числе и языковые культуры и субкультуры.

Собственно лингвистический аспект контаминированной картины мира предполагает прежде всего исследование взаимодействия двух языков (в нашем случае – русского и казахского), установление их социолингвистического статуса с учетом функционирования их в определенных ареалах, в том числе и за пределами исторически исконных своих территорий. В этом отношении судьба русского языка чрезвычайно показательна, поскольку в ней представлена история взаимодействия разных культур, разных видений мира, т.е. разных картин мира, в том числе русской и казахской. И это взаимодействие оказало решающее влияние на индивидуально-авторскую картину мира писателя-билингва, создающего свои художественные произведения на русском языке. Этот язык передает особую инациональную культуру, и она связана с историей функционирования русского языка за пределами своей исконной территории (России), т.е. в нынешних странах СНГ. И вот такой особый тип субкультуры, на наш взгляд, представлен в художественном дискурсе писателей-билингвов, когда не происходит кодового переключения с L-2 (где L – language – русский язык) на L-1 (казахский язык), но с помощью L-2 передаются идиоэтнические черты культуры C-1 (где C – culture – культура казахского народа). Приведем примеры из текстов художественных произведений казахстанских писателей-билингвов, пишущих на русском языке, но, тем не менее, находящихся в «круге» национальной картины мира и мыслящих категориями казахской культуры (C-1), которую они репрезентируют средствами русского языка (L-2).

3.2. Особенности использования лексических средств в дискурсе писателя-билингва

Анализ художественного дискурса писателей-билингвов Казахстана позволил определить специфику национальной ЯКМ писателя-казаха, пишущего и думающего на русском (втором родном) языке. Так, использование в речи повествователя или самого автора слов-наименований лиц (ата, аксакалы, женгей, аже, ага, коке, апа, апке, джигит и др.), слов-обращений, возгласов (калкам, айналайын; бисмилла, дунияй, барекельды и др.) без перевода и пояснений оказываются в художественном дискурсе стилистически оправданными. Например:

Издавна существует у нас обычай помогать попавшим в беду, и этот обычай, завещанный предками... Мы поставим нашей женгей новый дом, лучше прежнего.

– Барекельды, закивали старики. Толпа одобрительно загудела. Не мешкая джигиты принялись за дело. Не остались в стороне и аксакалы. Сегодня в их кучке выделялся Садык-ата (Жаксылыков, *Окно в степь*, с. 33);

– **Айналайын**. Успокойся. Приди в себя. Умереть мне за тебя... Возьми себя в руки, **калкам**, доченька моя, – неожиданно вырвалось нежное материнское слово. Тани увидела, как вдруг вздрогнула Бакыт, замерла, не веря услышанному (Жаксылыков, *Шаг навстречу*, с. 66).

В других фрагментах казахские реалии вполне естественно вводятся писателем-билингвом путем использования приложений синкретичного характера и различных вставок-ссылок, сносок и др., характерных для национальной ЯКМ писателя-билингва. Сравним:

1) Кулкай дородушно посмеивался, взглядом давая понять сидевшим вокруг: «Это же наш **ерке-баловень** Ахмет. Что с него возьмешь? Чудаки эти городские!» (Жаксылыков, *Шаг навстречу*, с. 44);

... Махамбет прошептал слова молитвы. Видит бог, не забава заставляет его нарушать покой священного места. Пусть **аруах** – дух предков поддержит и его в справедливом деле... (С. Санбаев, *Дорога только одна*, с. 357-358);

Асан все так же молча отбирал куски **курта** потверже и клал их в **коржун** – войлочную переметную суму (Санбаев, *Дорога только одна*, с. 163).

2) «**Улкен уй**»* называли ее дом (Тани – уточнение наше) в ауле, спешили к ней за советом и стар и млад. Даже молодежь не могла отправиться в город на учебу без благословения Тани-**апы**, так уж повелось. В сноске указывается: *Улкен уй – большой дом (каз.) (Жаксылыков, *Шаг навстречу*, с. 47);

– Сынок, в котле есть немного **кара-коже***, покушай... Казахизм поясняется в сноске: *Кара-коже – суп из толокна (Алимжанов, *Повесть о Курмангазы*, с. 27);

Сквозь решетку открытого **тундика*** виднелись звезды. В сноске отмечается: *Тундик – дымоход в куполе юрты (Алимжанов, *Повесть о Курмангазы*, с. 41).

Рассмотрим примеры параллельного использования казахизмов и русских эквивалентов в собственно авторской речи, что вполне естественно в речи русскоязычного писателя; в этом и отражается еще одна специфическая особенность художественного дискурса писателя-билингва (казаха – по национальности). Сравним:

Повстанцы располагались в двух старых, затерявшихся в глубине барханов **кыстау**. Когда-то это была, видать, неплохая **зимовка** с уемистыми сараями и широким двором... (Санбаев, *Дорога только одна*, с. 345).

В следующем фрагменте используется целая цепочка русских слов с пространственным значением и рядом с ними казахский микротопоним *такыр*, такое сочетание дает довольно полную картину ландшафта с наложением ЯКМ двух языков. Сравним:

Тесно становится этой музыке меж светящихся **скал**, и она устремляется на север, в **степи**, и каждая скала все громче, мощнее вплетает свой голос в эту струю. Она течет, разливаясь по безбрежному **простору**, заставляя разноголоса петь **желтые пески**, вбирая в себя все **запахи степи**, накаляясь на **такырах** (Санбаев, Белая аруана, с. 25). Такыры – перевод с казахского языка: голые участки степи, где не растет никакая растительность.

Специфика ЯКМ такого типа подчеркивается и параллельным использованием в художественном дискурсе данных писателей исторических и современных наименований топонимов такого рода, как аль-Кахир – Каир, Яксарт – Сырдарья, Мысыр – Египет и т.п.

Наши исследования показали, что в авторской речи, помимо основной информации, по ходу повествования включаются автором пояснения (уточнения, дополнения), приводятся ценные сведения и т.п., представленными то единицами казахского, то русского языков при помощи различного типа вставных конструкций, ссылок, сносок, приложений; их подробное рассмотрение выходит за границы этой статьи (см. Туманова, 2008; 2010). Данная особенность художественного дискурса писателя-билингва репрезентирует заинтересованность автора дать более полную информацию, желание быть понятым читателем, не только казахом, но и любой другой национальности. Например: В последнее время, как слышала Тани, он (Сакен – уточнение наше) работал грузчиком в сельмаге. Говорят, сильно пристрастился к дьявольскому зелью – **арак**у. Каково приходится его жене? (Жаксылыков, Шаг навстречу, с. 48-49);

Позднее на островках дальних солончаков находил он мелколистный **алабота** – любимую траву верблюдов; подальше к северу, у песков, заготавливал колючки: **эбелек и канбак**. К концу лета старик рубил мотыгой куст за кустом серебристый **кокпек** – лучший корм для скота и превосходное топливо зимой. И осенью, наконец, наступала пора **биюргуна** – самой распространенной солянки в степи, и пахучей полыни, потерявших горечь после долгих белых дождей (Санбаев, Дорога только одна, с. 239).

Как видим, введенные писателями языковые единицы совершенно точно характеризуют специфику образа жизни и особенности ландшафта казахского народа. И это достигается умелым (параллельным) использованием единиц двух языков – русского и казахского (зимовка – кыстау, летовка – джайлау, ток – кырман, голые участки степи – такыры и т.д.), что способствует более точному и яркому, неповторимому отражению национальной картины мира, предстающей в сознании и творца текста, и его адресата (читателя) как нечто третье, необычное, яркое. Так, на наш взгляд, происходит сосуществование языков, некое наложение одной языковой картины мира на другую, в результате чего и образуется контаминированная (негомогенная по своей природе) ЯКМ, своеобразно отраженная в художественном дискурсе русскоязычного писателя Казахстана.

3.3 Особенности функционирования концепта «родина» в дискурсе писателя-билингва

Яркими показателями специфики национальной ЯКМ в художественном дискурсе писателя-билингва являются концепты. Далее проследим за особенностями функционирования концептов 'родина', 'степь' в художественном контексте вышеуказанных писателей Казахстана. Наблюдения показали, что отличительной чертой художественного дискурса писателей-билингвов Казахстана является ключевой концепт 'родина', нашедший широкую и многообразную форму репрезентации в их произведениях. Чтобы понять почему это

происходит, нужно отметить, что тема родины является универсальной и поэтому встречается в художественном контексте не только русскоязычном, но и в казахском, узбекском, азербайджанском, английском, немецком, болгарском, чешском и др. В словарной статье ономаемы 'родина' отмечаются следующие ее значения – это «отечество, родная страна»; это «место рождения, происхождения кого-/чего-нибудь, возникновения чего-нибудь» (Ожегов, 1978, с. 628). Наше исследование показало, что данное понятие, выраженное лексемой 'родина' намного шире приведенных значений, и это позволяет нам определить его как универсальный концепт, определяющий дискурс любого писателя любой национальной принадлежности. При этом у каждого пишущего имеется свое видение, свое понимание, свои составляющие компоненты данного концепта.

Рассмотрим особенности выражения концепта 'родина' в русскоязычном художественном тексте, которые позволили сделать естественные выводы о том, что: а) тема родины является стержневой и выражается различными языковыми средствами, такими, как степь, родной край, родная земля, Казахстан, кочевья, народ, бескрайние просторы/дали и др., и составляет универсальный концепт; б) ключевое слово степь как образная текстовая доминанта и основная составляющая данного концепта 'родина' вместе с элементами, примыкающими к нему, представляется в качестве идиотнического концепта, характеризующего художественное и концептуальное пространство дискурса писателя-билингва; в) концепты 'родина' и 'степь', а также способы их репрезентации в художественном дискурсе отражают специфику картины мира русскоязычного писателя-казаха, национального менталитета, что, в свою очередь, позволяет говорить о его национальной ЯКМ и определяют особенности его художественного дискурса.

В жизни любого человека понятие 'родина' ассоциируется с местом, где он родился и вырос, где живут его родные и близкие, где живет его народ; неповторимыми и родными кажутся и природа, и предметы, и даже такое неуловимое, как ветер, запах трав, пенье птиц, журчанье воды, звенящая жара, пыль и т.п. Все это мы находим в художественном дискурсе писателя-билингва – это прежде всего степь, аул, просторы, небо, солнце, облака и сама жизнь. Анализ концепта 'родина' в русском художественном тексте русскоязычного писателя-казаха предполагает сплошную выборку фрагментов с вышеуказанными словами, фиксацию референциальных смыслов, наращений; описание семантической структуры ключевого слова в абстракции от контекста и в то же время с проекцией на контекст; фиксацию ассоциативных параллелей и их национальных особенностей.

Особенно трогательные строки о родине встречаются в авторской речи: авторских лирических отступлениях, сентенциях, реминисценциях и др. Так, для иллюстрации приведем следующий фрагмент: **В степи** мы бываем часто. Гурьбой выходим выбирать **кизьяк**, в играх иногда забираемся далеко от **аула**. Каждый вечер мы выходим встречать **стадо**. Раз в месяц каждому из нас выпадает черед пасти **аульных коз и овец**. Так что **без степи наша жизнь немыслима**, нам не приходит в голову, что когда-нибудь придется покинуть **эти просторы**, заполненные **ветром и облаками**. Разве можно жить без огромного **неба**, без непроходимых и таинственных **зарослей чия**, **без речки и терпкого запаха полыни**, словно въевшегося в кожу наших рук?... (Жаксылыков, Окно в степь, с. 12). Как видим, содержание этого ключевого концепта 'родина' вырисовывается из комплекса, синтеза его составляющих, выраженных, вербализованных другими лексическими единицами: небо, речка, стадо, степь, полынь, люди и их голоса и др. Каждая из составляющих является частью образного выражения концепта 'родина'.

Любовь человека к родине, его помощь и поддержка всегда необходимы, и это особенно нужно в трудные для родины времена. И тогда на лингвокогнитивном уровне 'родина' и 'степь (родная)' сливаются как ядерные концептуальные сущности. В этом случае в художественном дискурсе естественно возникают рядом данные лексемы, вербализуя ядро (основу) концепта 'родина'. Об этом наглядно свидетельствуют множество фрагментов из произведений казахстанских писателей-билингвов. Например: Увиденное **на земле предков** потрясло Токсара. **Единого народа, саков**, больше не существовало. Все погибло в клокочущем котле многолетних междоусобиц. Безвластие разжигало аппетиты степных вождей, и каждый из них стремился стать властелином саков. Стон стоял **на земле массагетов**, раздираемой кровавой междоусобицей. Насилие рождало ответное насилие, несправедливость кровавую месть. Сакским племенам стало тесно на **родной земле** (Джандарбеков, Томирис, с.18).

На наш взгляд, концепт 'родина' в авторской речи художественного дискурса представляется сложным явлением, в структуру которого входят различные синонимические единицы языка – родина, степь, родные степи, земля предков, родная земля, родные кочевья и др. При таком комплексном употреблении языковых единиц усиливается эмоционально-семантическая окрашенность содержания авторского повествования.

После длительной разлуки с родиной саки-воины возвратились на родину, проявлению радости, счастья нет предела. Об этом так же ярко повествуется в следующем фрагменте: Кони, почувствовав нетерпение всадников, летели, едва касаясь копытами **земли**, фырка и роняя хлопья пены с удил. Саки обезумели от радости. Они мчались, бросив поводья и широко раскинув руки, словно желая **обнять необъятную степь**, слизывая с губ **сладкую пыль родной земли** и вдыхая всей грудью **аромат степного разнотравья**. Суровые воины **плакали, как дети**, и не стыдились своих слез, потому что они и были **детьми**, которые прошли сквозь муки и страдания, кровь и смерть, совершили невозможное и пришли к ней, к своей **матери – Родине!** (Джандарбеков, Томирис, с. 205). Как можно заметить, концепт 'родина' как сложное синтезированное явление вбирает в себя такие понятия, как земля, необъятная степь, пыль родной земли, аромат степного разнотравья; дети, своя мать, Родина.

Анализ и обобщения фактического материала на тему 'родина' позволили нам сделать вывод о том, что в этом сложном понятии, являющимся универсальным концептом, особое место занимает слово степь, признанное нами идиоэтническим концептом.

В ходе исследования мы выделяем в качестве ключевого слова – слово степь, обладающее высокой частотностью употребления в художественном дискурсе русскоязычного писателя. Так, например, только в художественном дискурсе А. Алимжанова степь используется более 300 раз. Данное слово актуализирует следующие основные текстовые значения: 'степь' – «безлесное пространство, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата» (основное словарное значение) (Ожегов, 1978, с. 705); 'степь' – «родина, страна, родная земля»; 'степь' – «поле (место битвы)»; 'степь' – «народ/общество, мнение людей»; 'степь' – «незнакомое, прекрасное»; 'степь' – «святое место, колыбель». Во всех перечисленных значениях присутствует образ натурфакта – *степь* – в качестве «снятого момента», обусловленного узуальными языковыми связями, закрепленными в обоих языках (русском и казахском). Основной смысл, связывающий все семемы в художественном дискурсе писателя-билингва, – «родина, страна, родная земля». Именно этот смысл выступает как семантическая константа при всех вариациях идиоэтнического концепта 'степь'.

В художественном дискурсе писателя-билингва нами выделяются устойчивые функциональные заменители слова степь – Казахстан, простор/пространство, край/земля, кочевья, народ/общество, окружающие люди, мнение людей и др., сочетающиеся с определенным кругом устойчивых эпитетов. Метонимия Казахстан, выступающая в качестве функционального заменителя лексической доминанты 'степь', не обладает высокой частотностью, однако данное слово имеет глубокое, более емкое смысловое наполнение. Оно указывает на выполнение данной доминантой идентифицирующей идиоэтнической функции в данном ряду репрезентаций концепта 'родина'.

И тогда это одновременно и родина, народ, государство, земля и потому используется автором в момент описания решающих исторических событий, играющих важную роль в судьбе казахского народа. Сравним: Наверное, никто и никогда на земле не знал такого страшного джута. Джут помог джунгарам осилить **Казахию**. Стон неся по всей казахской земле от Алтая до Едилья. Умирала **великая Казахстан**. Умирал **народ**, проклиная всех богов, выдуманных людьми. Проклиная небо и землю (Алимжанов, Гонец, с. 16).

По нашему мнению, смысл доминанты 'степь', покрывающий референтивное пространство, проникает во все концептуально значимые участки национальной картины мира. Прослеживаются переключки с тремя основными семантическими сферами: «Человек», «Вещный мир», «Природа» (см. Туманова, 2008; 2010). Поэтому можно говорить о многомерности семантических переключек, о пересечении всех сфер в создании образа пространства. Например, степь как географическое (безлесное) пространство: Кругом была **степь**. Ковыль упруго хлестал по ногам. Томирис остановила коня. Оглянулась. В пяти шагах от нее остановился Бахтияр (Джандарбеков, Томирис) [7, с. 49]. Далее рассмотрим и другие значения слова «степь».

Степь как поле битвы: Широкий **степной простор** благоприятствовал применению самого ударного, действенного оружия массагетов – луков. Мобильность и маневренность – вот основа тактики Спаргаписа (Джандарбеков, Томирис, с. 82; Он (Махамбет) скакал, держа направление к колодцам **Торт-кудук**, и рассчитывал выйти **на Шубу, в безлюдную степь**, которую знал как свои пять пальцев (Санбаев, Дорога только одна, с. 353).

Степь как родная земля, место проживания: От топота сотен тысяч ног гудела **степь**. Грозный боевой танец объединил людей из разных родов и племен в единый монолитный народ! Собрать этот совет стоило невероятнейших трудов и усилий, так как вся **сакская степь** была в огне раздоров и междоусобиц. Увиденное **на земле предков** потрясло Токсара. Единого народа, саков, больше не существовало. Все погибло в кипящем котле многолетних междоусобиц. Сакским племенам стало тесно на **родной земле** (Джандарбеков, Томирис, с. 67).

Степь как народ/общество, как мнение людей: Наконец, после долгих интриг и раздоров, смертельно уставшие и охрипшие отцы сакских племен и родов согласились вручить верховную власть над **степью** и тамгу вождя вождей – Ишпакаю, богатырю и великому воину;

Вся степь знала о сладком, как согдианская дыня, и едком, как горный чеснок, языке Спаргаписа. **Вся степь смеялась** над ним: привезти в кочевую степь с ее тысячными отарами и табунами этих дохлых уродин мог только тронутый умом человек, «дивона» – юродивый (Джандарбеков, Томирис, сс.8; 27; 20).

Степь как нечто 'незнакомое, прекрасное': Поднимаясь на угорье все выше и выше, **взбаламученное ветрогонное море-степь** подкатывает к самому дому, касается травами моего окна, словно ловя его несмелый свет. Вскоре он усилился, и вот гудела и содрогалась **вся**

степь. Показалась луна, светящаяся ночной птицей летела она среди разлохмаченных облаков. И вот уже **голос степи.** Он становится все звучней, иногда походил на отдаленный крик (Жаксылыков, Окно в степь, сс.3, 12, 23).

Степь как 'святое место, колыбель': Все дальше и дальше уходил я в **ночную степь.** Шел, не разбирая дороги. (...) До самого рассвета просидел я на отдаленном одиноком пригорке, едва возвышавшемся **над степью.** Отсиживаюсь в темных зарослях густой высокой полыни, если мне сильно попадает от взрослых. Глотая жгучие слезы обиды, воображаю себя героем печальных и трагических историй. **Шелест травы** со временем начинает напоминать **шепот неведомого сочувствия** мне. **Постепенно я успокаиваюсь.** **Простор степи** открывается мне (Жаксылыков, Окно в степь, сс.3, 27).

Анализ реализованных во фрагментах смыслов идиотнического концепта 'степь' позволяет говорить о направленности образной семантики к двум культурам – казахской и русской, а колоритообразующие признаки ориентированы на усиление национально значимых рядов смысловых сочетаний, составляющих контаминированную картину мира писателя-билингва, которая соответственно отражается в его художественном дискурсе. В концептуальную картину мира русскоязычного писателя Казахстана включаются смежные области содержания концепта 'родина', реализующие тот же культурный код, который генетически присущ казаху по рождению. Именно этим вызвана способность ассоциировать базовый концепт 'родина' с помощью иных лексических средств русского и казахского языков, отражающих такую контаминированную картину мира. В ней особое место среди опорных образных операторов занимают наименования домашних животных – конь, верблюды. Образуется такая неразрывная образная цепочка, как: степь-верблюд-человек. Текстовая семантика лексической единицы верблюд позволяет говорить о национальной специфике образных смыслов, связанных с данным словом. На наш взгляд, в художественном дискурсе писателя-билингва сквозной темой является тема любви к отечеству, к родному краю.

Наши наблюдения показали, что у каждого писателя используются различные варианты представления такого сильного чувства, как любовь/привязанность к своей родине. Так, например, С. Санбаев повествует о верблюдице, ее инстинктах, любви к месту рождения, к своему краю – Мангыстау. Как только не ухаживал, не лелеял свою белую одногорбую верблюдицу – аруану старик Мырзагали (главный герой повести С. Санбаева «Белая аруана»), но все же зов родины оказался сильнее. По нашему мнению, данная повесть имеет большой воспитательный эффект для современного читателя – любовь к родине – одно из самых сильных и прекрасных чувств, какие только могут быть на свете. Сравним:

Это был **ветер страны причудливых, поющих белых гор**, которую она (аруана – уточнение наше) помнила. **Далекie, родные белые горы**, объятые белым, как молоко, туманом, звали ее (Санбаев, Белая аруана, с. 25);

Он (Мырзагали) думал сейчас о том, что ему трудно будет вести аруану обратно. **Вспоминал, как она убегала глупым верблюжонком, потом двухлеткой...** Конь догнал его, когда взошло солнце; тайлак шел, весь темный от пота, шатаясь на длинных ослабевших ногах, но шел и не оглядывался. Мырзагали поравнялся с ним и, нагнувшись, схватил за поводок. Усталый конь остановился сам. И **тайлак** (наименование верблюда в возрасте 1 года – уточнение наше) **впервые закричал.** Он закричал тонко и жалобно, и старик вздрогнул от этого **душераздирающего крика** и задержал поводок, чтобы сбить плач. Но **тайлак не унимался.** И Мырзагали спрыгнул на землю, **обнял его за шею и тоже заплакал** (Санбаев, Белая аруана, с. 15);

Последний свой побег **аруана** совершила, будучи слепой со своим верблюжонком, в результате которого она погибает, но погибает в полете, на пути к своей родине. Старик Мырзагали не смог уберечь свою любимицу, он страшно переживает ее смерть, но рядом верблюжонок – необходимо добраться как можно скорее до первого родника... И вот дорога домой: впереди, раскачиваясь на длинных прямых ногах и спотыкаясь, шел **верблюжонок**. Он тонко и жалобно плакал и оглядывался вокруг, еще не понимая, что навсегда потерял мать. Он шел послушно перед конем, потому что **впереди лежала его родина, лежал аул, где он родился и куда он будет убегать отовсюду**, как и мать, которая всю жизнь добиралась до Мангыстау (Санбаев, Белая аруана, с. 30) – так заканчивается одна из великолепных повестей о любви к родному краю.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения за функционированием универсального концепта 'родина' и идиоэтнического концепта 'степь' в художественном дискурсе русскоязычных казахстанских писателей позволил сделать следующие выводы:

- 1) идиоэтнический концепт 'степь' является определяющим в структуре универсального концепта 'родина', который в свою очередь является стержневым в художественном дискурсе писателя-билингва;
- 2) в составе концептов 'родина', 'степь' в русскоязычном тексте средством выражения национального может быть не только русская лексика, но и собственно национальная (казахская), синтез которых и составляет контаминированную ЯКМ писателя-билингва;
- 3) идиоэтнический концепт 'степь' актуализирует шесть основных текстовых значений, объединенных константным смыслом «родина, родная земля», обуславливающим процесс символизации ключевой единицы;
- 4) идиоэтнический концепт 'степь' выступает как экспрессивный центр художественного дискурса писателя-билингва, притягивающий к себе систему национально значимых рядов тропов, построенных на устойчивых ассоциациях – собственно национальных и межнациональных.

Результаты анализа позволяют утверждать, что актуализация данных концептов в художественном дискурсе художника слова определяет специфику выражения авторского мировидения, мировосприятия, мировоззрения русскоязычного писателя-билингва (в нашем случае – казах). Идиоэтнический концепт 'степь' наряду с другими подобными формирует особую национально-культурную концептосферу в пространстве художественного дискурса писателя-билингва, его творческий художественный мир, его национальную ЯКМ контаминированного характера.

Таким образом, исследования подводят к выводу, что в художественном дискурсе русскоязычного писателя-билингва Казахстана один язык не поглощается другим. В ходе анализа выявлено, что в процессе длительного сосуществования русского и казахского языков происходит некое наложение одной картины мира на другую, в результате чего образуется контаминированная (негомогенная по своей природе) ЯКМ писателя-билингва. Контаминированная ЯКМ писателя соответственно отражается в его художественном тексте (дискурсе) и имеет вышерассмотренные особенности. Следует отметить, что специфика художественного дискурса писателя-билингва не может быть раскрыта до конца и понята без

комплексного исследования всех средств формирования индивидуально-авторской модальности и актуализации модусных смыслов, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи (Туманова, 2008; 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов Ю. Русский язык и языковая личность (Москва) 2006; 5: 264 с.
2. Маслова В. Лингвокультурология. Учебное пособие (Москва) 2001;2: 208 с.
3. Колесов В. Язык как действие: культура, мышление, человек. Разные грани единой науки (Санкт-Петербург) 1996; 2: 58-69.
4. Карасик В. Культурные доминанты в языке. Языковая личность: культурные концепты (Волгоград-Архангельск) 1996; 2: 3-16.
5. Снитко Т. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах (Пятигорск) 1999: 158 с.
6. Гайнуллина Н. Языковая личность Петра Великого. Монография (Алматы) 2002; 2: 141 с.
7. Махмудов Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи (Алма-Ата) 1989: 283 с.
8. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология (Москва) 1980: 76-78.
9. Кабдрахманов К. Ауэзов М. Сложный выход из инобытия. Литературная газета Казахстана. (Алматы) 2007; 17 апреля: 1-2.
10. Жаксылыков А. Ауэзов М. Сложный выход из инобытия. Литературная газета Казахстана. (Алматы) 2007; 17 апреля: 1-2.
11. Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода. Вестник КазНУ. Серия филологическая (Алматы) 2004; №2: 4-7.
12. Ожегов С. Словарь русского языка (Москва) 1978; 2: 760 с.
13. Туманова А. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук (Алматы) 2008: 45 с.
14. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира писателя-билингва. Монография (Алматы) 2010; 1: 262 с.

Фактический материал:

1. Жаксылыков А. Окно в степь. Повести и рассказы (Алма-Ата) 1987: 128 с.
2. Жаксылыков А. Шаг навстречу. Окно в степь. Повести и рассказы (Алма-Ата) 1987:128.
3. Санбаев С. Дорога только одна. Повести и романы (Москва) 1974: 429 с.
4. Санбаев С. Белая аруана. Когда жаждут мифа. Повесть и рассказы (Алма-Ата) 1989:256.
5. Алимжанов А. Вечные корни. Повесть о Курмангазы (Алма-Ата) 1972: 158 с.
6. Алимжанов А. Гонец. Степное эхо (Алма-Ата) 1983: 548 с.
7. Джандарбеков Б. Томирис (Алма-Ата) 1982: 288 с.

**HISTORICAL PEDAGOGICAL ASPECTS OF HIGH EDUCATION TEACHER
TRAINING METHODOLOGY'S DEVELOPMENT IN MEXICO**

Elena Zhizhko, Martín Beltrán Saucedo

Master's Program in Education, Autonomous University of Zacatecas
98000 Jardín Juárez, Centro, Zacatecas, México. E-mail: eanatoli@yahoo.com

Abstract

This article is the result of historical pedagogical research, which goal was to detect aspects of high education teacher training methodology's development in Mexico. The study showed that one of the most important historical pedagogical aspects that have shaped the development of high education teacher training methodology in Mexico, is the democratization of higher education systems and opening of public autonomous universities in the 70-ies of XX century, which led to a sharp increase in the number of students in high schools and a shortage of teaching staff. Thus were established specialized university centers for training teachers and developed postgraduate education: specialization and master programs "Teaching in Higher Education" and doctoral programs in pedagogy.

Keywords: *educational system of Mexico, historical pedagogical analysis, high education teacher training*

На сегодняшний день проблеме подготовки учителей и преподавателей вузов уделяется особое внимание. Позиция международных организаций, возглавляющих и направляющих политику образования на мировом уровне, представленная в таких документах, как “Доклад ЮНЕСКО Международной Комиссии по образованию для XXI века, возглавляемой Жаком Дэлором”, а также “Декларация Всемирной Конференции о высшем образовании в XXI веке”, проходившая в Париже в 1998 году, относительно подготовки преподавателей прослеживается из следующих цитат: “Для повышения качества образования необходимо начать с усовершенствования подготовки преподавателей и учителей, а также улучшения условий принятия их на работу, условий их труда и социальной ситуации, ввиду того, что для решения поставленных задач преподаватели вузов и учителя должны, прежде всего, быть мотивированы, иметь соответствующую профессиональную подготовку и широкую профессиональную перспективу” (Delors, 1996).

Далее в докладе говорится о задачах преподавателей и об их подготовке: “Работа преподавателя состоит не только в передаче информации и знаний учащимся, но также в организации передаваемых знаний в виде учебных задач и рассмотрение их в определённом контексте и перспективе таким образом, чтобы учащийся мог установить связь между решением данных задач и других более сложных вопросов. [...] Для достижения положительных результатов преподаватель должен уметь применять на деле свои педагогические знания, ему должны быть присущи общечеловеческие качества, и не только такие как авторитарность, но и такие как эмпатия, сдержанность и простота в общении. [...] Комиссия рекомендует проводить наблюдение за подготовкой преподавательского персонала с

целью развития у будущих учителей и преподавателей вузов соответствующих общечеловеческих и интеллектуальных качеств для внедрения нового подхода к обучению [...]. Должно быть уделено большое внимание соблюдению равновесия между владением содержанием преподаваемого предмета и педагогической компетенцией. [...] Кроме того, в процессе подготовки преподавательскому персоналу необходимо разъяснять новую концепцию педагогики, дающей возможность идти далее понятия полезности обучения и развивать у учащихся критическое отношение к действительности, чувство взаимодействия, умение сопоставлять различные гипотезы” (Delors, 1996).

В другом документе, “Декларации Всемирной Конференции о высшем образовании в XXI веке” отмечается следующее: “В виду достижений научно-технического прогресса и связанных с ним изменений в обществе, человечество каждый раз всё более опирается на знания, что является причиной того, что в настоящее время высшее образование и наука составляют основу социально-экономического, культурного и экологически обоснованного развития индивидуумов, общества и наций” (UNESCO, 1998). В декларации выделены направления развития высшего образования в XXI веке, такие как демократизация обучения, искоренение авторитарного отношения преподавателя к учащимся; включение университета в общественную жизнь, рост значения университетских общественных служб; установление тесной связи между образованием и развитием общества; комбинация обучения с профессиональной деятельностью; обучение на протяжении всей жизни, рост важности последипломного образования и научно-исследовательской деятельности.

В документе предложена новая модель высшего образования, которой характерны следующие черты. Во-первых, необходимость развития у студентов чувства ответственности за своё обучение, а также чувства компромисса с окружающими за выполнение своей роли активного, самостоятельного, критически относящегося к действительности, рефлексивного участника процесса образования. Во-вторых, важность потенциализации во время подготовки главных функций, выполняемых преподавателем. Одна из них связана с направлением и стратегическим планированием своей профессиональной деятельности с позиции руководителя учебного процесса, способного предвидеть возможные учебные ситуации и, таким образом, принимать соответствующие решения с случае конфликтов или неопределённости во время учебного процесса. Другая функция связана с содействием, направлением процесса обучения не только с позиции того, кто передает знания, но также и с позиции того, кто призван способствовать личностному развитию учащихся, что включает в себя все когнитивные, аффективные и валоративные отношения. Признана необходимость компромисса высшей школы со следующими направлениями деятельности, исходящими из умений и навыков, которые должны быть развиты у преподавателя: генерировать и распространять знания посредством научно-исследовательской работы; пропагандировать культурные ценности общества; совершенствовать подготовку преподавательского персонала не только в области своего предмета, но также и в сфере педагогических наук; использовать новаторские методы обучения, способствующие развитию умений творческого и критического анализа, независимой рефлексии и коллективной работы; использовать информационные и телекоммуникативные технологии в учебных целях; оценивать, прежде всего, умение мыслить и понимать, а также навыки практической и коллективной работы студентов (UNESCO, 1998).

Важно отметить, что проведенное исследование показало, что программы подготовки преподавателей в Латинской Америке, в частности, в Мексике, опираются на представленные выше общие критерии, установленные международными организациями, управляющими высшим образованием, и которые учитывают при разработке куррикулумов системы

образования всех государств мира. С другой стороны, вузы этих стран переживают целую гамму проблем, которые тесно связаны с вопросами основания и развития университетов в латиноамериканском регионе и решение которых нуждается в особом подходе к методике подготовки преподавателей. Вузы Латинской Америки характеризуются исторической адаптацией модели организации высшего образования на основе так называемой полукOLONиальной структуры, установившейся в регионе как доминантная модель в силу политических, экономических, социальных и культурных условий. Как отмечает латиноамериканский социолог К. Тюннерманн, первым университетом, основанным испанцами в колонии, был университет Санто Доминго на Испанском острове (28 октября 1538 г.); последним был основан декретом Кадизского суда Леонский университет в Никарагуа 10 января 1812г. Всего за это время были открыты 32 университета. Большинство колониальных университетов были одновременно королевскими и папскими. Многие из них, основанные религиозными орденами, практически подчинялись только папе, в других альма матер решающую роль играла испанская корона. Первыми латиноамериканскими университетами были переняты идеи университетской автономии, свободы кафедры и классического элитарного университетского образования средневековых европейских высших школ (Tunnermann, 2001).

В начале XIX века на протяжении освободительных войн и рождения национальных государств латиноамериканские университеты переняли научный позитивизм и политико-экономический либерализм, превалировавшие в социальной среде эпохи. Сыграла также важную роль в становлении университетов Латинской Америки культура Франции с энциклопедическими и либеральными нормами обучения. Интересно замечание об этом периоде К.Тюннерманна:

Латиноамериканские университеты, как верное отражение социальных структур, которые не смогло модифицировать движение Независимости, продолжали быть “колониями духа” и хранили, по существу, стиль феодальных академий. До этого момента университет и общество шагали в ногу. На протяжении долгих веков колонии и в первые годы Республики университет полностью отвечал интересам господствующего класса общества, в чьих руках находилась политическая и экономическая власть, а посему и сам университет (Tunnermann, 2001).

В XIX веке ориентацию на профессионализацию латиноамериканских университетов определили процессы индустриализации и урбанизации, приведшие к возникновению дифференциальных, неукоснительных и пространных систем трудоустройства. Оказали значительное влияние также создание в системе образования так называемых курсов систематического обучения, направленных на распространение профессиональных знаний; основание профессиональных ассоциаций, определивших нормы для обеспечения гарантии качества профессиональных услуг; процессы сертификации и аккредитации профессиональных знаний, регулирующие рынок профессиональных услуг (Richard, 1993).

В конце XIX века латиноамериканские университеты, в том числе и мексиканские, являлись конгломератами школ (в состав университетов входили неполные средние школы и старшие классы средней школы) и профессиональных факультетов, нормированных в академическом плане постоянной фрагментацией и разделением областей знаний (Pacheco, Díaz-Barriga, 1993). Классический латиноамериканский университет является результатом длительного процесса, историко-социальной реальностью, чьи черты стали проявляться начиная с Кордобской университетской реформы, которая представляла собой движение либеральных, социалистических и анархистских течений, носившее антирелигиозный, антимилитаристский и “американистский” характер, в котором участвовал зарождающийся средний класс. Оно

началось в июле 1918 года в Университете Кордобы в Аргентине и было реакцией на сложившуюся социальную действительность, первой конфронтацией между разлагающимся обществом и Университетом, обросшим изжившими себя схемами. Его причинами были иммиграция в страны Латинской Америки представителей европейских государств, нарушившая в конце XIX века экономическую структуру региона, и зарождение среднего класса; война в Европе, революция в России, приход к власти радикалистов в Аргентине, растущая урбанизация. Движение явилось попыткой найти “американское” (то есть, латиноамериканское) решение выхода из кризиса данного момента, создать собственную культуру, а не просто копию европейской или североамериканской, преодолеть все формы зависимости (Tunnermann, 2001).

Таким образом, описанные события определили развитие современного университета и обусловили становление системы подготовки преподавателей вузов в Мексике. В середине XX века система высшего образования была представлена как одно целое, но, в то же время, составленное из разнообразных частей тело. Она состояла из учреждений формального и неформального образования, заочного, дистанционного, полустационарного и стационарного обучения. Современные высшие учебные заведения Мексики, как и всей Латинской Америки (за исключением основных ведущих университетов региона), до сих пор обладают строгой, однотипной системой, не позволяющей взаимодействия ни между модальностями, факультетами, отделами и т.д., ни с трудовым и производственным рынком. Гомогенность их программ не позволяет им обеспечивать разнообразие интересов учащихся, число и гетерогенность которых с каждым разом все увеличивается; их слишком узкая специализация противоречит междисциплинарному характеру современных наук; их строгое придерживание формального образования не дает им возможности содействовать перманентному обучению (Tunnermann, 2001).

В семидесятых годах XX в. международные тенденции модернизации образования, особенно, что касается систем образования развивающихся стран, а также распространение теории учебных технологий, разработанной учеными США, и идеологии “демократического и прогрессирующего” общества, привели к созданию “Мультинациональных проектов учебных технологий” посредством учреждения Отдела по делам образования Организации американских государств, открытия его филиалов в странах Латинской Америки и издания журнала “Учебные технологии”. Все эти факты являются внешними предпосылками разработки и введения новой национальной политики образования Мексики, направленной на модернизацию системы образования страны (Жижко, 2011).

С другой стороны, внутренние предпосылки, такие как необходимость реабилитации социальной законности, потерянной государственной системой в связи с событиями 1968 года (преследование и подавление антиправительственных студенческих волнений в стране); необходимость подготовки высококвалифицированных рабочих кадров для поддержки политики инвестиций иностранного капитала в стране; рост системы высшего образования; застой в генерировании новых знаний в области образования, - ведут к внедрению в Мексике в начале семидесятых годов XX в. курсов подготовки преподавателей вузов. Как отмечает мексиканский социолог А. Диас-Баррига, фокальным аспектом развития системы подготовки преподавателей высших школ явилось внедрение североамериканской инструментальной педагогики, основанной на теории прагматизма, вызванное кризисом в области педагогической мысли, который отображался не только на качестве научно-интеллектуальной продукции, но и на уровне подготовки преподавателей вузов (Díaz- Barriga, 1996).

Таким образом, были основаны специализированные университетские центры для подготовки преподавателей, которые действуют до сих пор. Они предлагают курсы повышения квалификации по дидактике высшей школы, курсы по учебным технологиям и методам преподавания, курсы новых методов обучения и т.д. Целью этих центров является тренинг преподавателей вузов различным техникам обучения. Они опираются на методику изложения дидактики посредством повышения инструментальной квалификации, основанную на теории педагогических технологий. Такой тип обучения заменяет педагогические знания знаниями инструментальными, рефлексию – действиями, критическое отношение к педагогической и социальной действительности – конформизмом. Нужно отметить, что в настоящее время данная педагогическая модель подготовки и повышения квалификации преподавателей вузов является преобладающей в Мексике.

Позже, в 80-х – 90-х гг. XX в., проблема подготовки преподавателей вузов Мексики усугубилась. Это было связано с тем, что с 1980 до 1993 года количество студентов, обучавшихся лицензиату¹, выросло с 731,291 до 1,141,568 человек, то есть почти в два раза в связи с открытием народных автономных университетов (в 2008-2009 учебном году в Мексике насчитывалось 2,8 миллионов студентов, что составляло 26% населения страны) (Rubio-Oca, 2010). Это обусловило необходимость срочной подготовки большого количества преподавателей вузов. Вследствие “срочности” подготовка была поверхностной и не отвечала традиционным стандартам фундаментального классического университетского образования (Kent, 1995). Ситуация доходила до абсурда: во многих случаях студенты последних курсов преподавали первым курсам, многие из них так и не закончили высшее образование, так как были приняты в университеты в качестве преподавателей на полную ставку (некоторые до сих пор преподают, не имея диплома). В свою очередь, лицензиаты разных профелей: воспитатели дошкольных учреждений, одонтологи, экономисты, химики, инженеры и т.д., - окончив одно- или двухгодичные курсы по педагогике, сами начинали преподавать на тех же курсах, готовя других преподавателей вузов и учителей.

Таким образом, в 80-х – 90-х гг. XX в. кроме специализированных центров для подготовки преподавателей, не обеспечивающих, как оказалось, должного качества обучения, были разработаны программы последипломного образования: по специализации² “преподавание в вузах”; программы магистратур “преподавание в вузах” и, наконец, докторантур³ по педагогике. Методика подготовки преподавателей по вышеназванным программам последипломного образования основана на разных теоретических концепциях, таких как кондуктуальная психология, теория учебных технологий, систематизация обучения, гуманизм и возрождение чувства национального достоинства. Важно подчеркнуть, что в реальности центральным элементом методики подготовки преподавателей вузов Мексики до сих пор является позитивистско-кондуктуальная теория, несмотря на то, что с 90-х гг. XX в. ведется поиск различных ее альтернатив, таких как марксистский подход, генетическая эпистемология, психоанализ, институциональная педагогика, идеи П. Фрейрэ и освобождение, теория знаний,

¹ Лицензиат соответствует уровню бакалавра в системе образования России.

² Диплом по специализации получают лицензиаты, окончившие одно- или двухгодичные курсы по специализации в определенной области наук (например, лицензиат-одонтолог, специалист по одонтопедии).

³ Докторантура соответствует аспирантуре в системе образования России.

критическая педагогика, куррикулярная теория, репродуктивная педагогика, педагогика сопротивления М.Фоколя, обучение компетенциям (Жижко, 2011).

Рассмотрим подробнее, в чем состоит методика подготовки преподавателей в каждой из приведённых выше моделей. Что касается программ по специализации “преподавание в вузах”, то они разработаны таким образом, чтобы предоставить преподавателям нужные элементы для понимания педагогических задач с точки зрения социологии, психологии и педагогики. Тем не менее, данные программы не включают в себя все дисциплины, необходимые для полной подготовки преподавателей вузов, в них отсутствуют, например, такие предметы как история, экономика, философия. Недостаток этих программ также состоит в том, что в них в неполной мере освещены дисциплинарные подходы, способствующие развитию конкретных знаний, таким образом, их учащиеся получают довольно поверхностное образование.

Возникновение в Мексике магистратур по специальности “преподавание в вузах” связано с необходимостью педагогической подготовки лицензиатов разных профилей (врачей, экономистов, химиков, инженеров и т.д.), преподающих в системе высшего образования. Характеристиками данной модели являются следующие: ее появление не как результата естественной эволюции области знаний, а как экстренной необходимости для повышения качества преподавания в вузах; различная теоретическая ориентация программ (позитивистско-кондуктуальная теория, теория учебных технологий, институциональная педагогика, куррикулярная теория и т.д.); обучение в магистратурах лицензиатов разных профилей, в большинстве случаев не имевших ранее педагогического образования; отсутствие научно-педагогических исследований; требование только некоторыми из программ обязательности проведения учащимися научно-педагогических исследований и написания дипломных работ; слабая общеобразовательная, теоретическая и эпистемологическая подготовка выпускников. Нужно отметить, что в начале семидесятых годов XX в. в Мексике существовала только одна магистратура по педагогике, в конце семидесятых их было уже 17, а к 1984 г. их число возросло до 38. В восьмидесятых годах XX в. возникает также идея, что преподаватели вузов, проходящие педагогическую подготовку, должны исследовать свою собственную педагогическую практику (Díaz-Barriga, 1996). В настоящее время практически в каждом университете Мексики есть отделы магистратуры по педагогике (2008-2009 учебном году в Мексике зарегистрировано 4462 вуза) (Rubio-Oca, 2010).

Необходимо особо отметить, что семинары “методы научно-педагогических исследований” были введены в программы магистратур в 80-е гг. XX в., а проведение учащимися научных исследований по педагогике и написание дипломных работ стало обязательным только в 90-е гг. XX в. В этот же период началась проводиться всеобщая университетская реформа, одним из требований которой было повышение квалификации преподавателей, приобретение последипломного образования (обучение в магистратурах и докторантурах) и проведение научной работы. В этой связи, чрезмерное давление на преподавательский персонал со стороны руководства привело к кренденциализму, падению интереса к проведению исследований и растрате и использованию не по назначению фондов, предназначенных для развития науки (Ducouing-Watty, 2003). Несмотря на эти трудности, в конце 90-х гг. XX в. – начале XXI в. было проведено немало научно-педагогических исследований. Особенно интересны те из них, которые анализируют проблематику подготовки преподавателей вузов.

Мексиканским советом по исследованиям в области образования зарегистрированы в 1992-2002 гг. научные работы по вопросам подготовки преподавателей вузов, ориентированные, прежде всего, на участников процесса обучения. Они посвящены следующим темам: неясность

целей обучения магистратур и докторантур по педагогике; существенные различия уровня качества обучения в каждой программе; занятие большинства преподавателей исследовательской деятельностью только во время обучения в магистратуре или докторантуре; незавершение значительным количеством преподавателей последиplomного образования (по данным Национальной ассоциации вузов Мексики 10000 учащихся магистратур и 1100 – докторантур не заканчивают учебу); несистематичность подготовки, низкое качество обучения; анализ процесса обучения с точки зрения его участников, их индивидуальных характеристик и институциональных условий, в которых они работают и учатся; развитие тематики подготовки преподавателей-исследователей не только в вузах столицы, но и в университетах других штатов, таких как Халиско и Агуаскальентес; гетерогенность профессиональной подготовки и разнообразие мотивов учащихся магистратур и докторантур по педагогике (Ducoing-Watty, 2003).

Таким образом, благодаря созданию программ последиplomной подготовки преподавателей вузов, одной из целей которых является развитие научно-исследовательской деятельности в области образования, последняя получила важный импульс, начиная с восьмидесятых годов. Среди тем научно-педагогических исследований выделяется вопрос о развитии концепции преподавания преподавателям. Например, А. Диас-Баррига считает, что процесс подготовки должен включать в себя историческую рекуперацию культуры; педагогическая подготовка преподавателей вузов – это, прежде всего, подготовка в сфере социальных наук, предполагающая изучение теорий, объясняющих социальные явления и, вместе с тем, явления в области образования, а также различных категорий, позволяющих объяснить социальные феномены, построить собственные обоснованные мысли, понять позиции разных авторов с точки зрения концептуальной структуры, в которой они изложены, дебатировать эти позиции, интегрировать свою собственную систему значений, разработать свою собственную интеллектуальную продукцию (Díaz-Barriga, 1996).

Другой мексиканский учёный, П.Эрнандес-Мадригаль считает, что в процесс подготовки преподавателей вузов должны быть включены такие элементы как неконвенциональный анализ и интерпретация действительности, обусловленные сложностью процесса обучения; привитие учащимся общечеловеческих морально-этических ценностей; направленность программ подготовки преподавателей на практику, участие преподавателей в дискуссионных группах, предоставление им элементов для анализа, основанного на теориях, и исследованиях в области образования и позволяющего использовать новые стратегии обучения (Hernández-Madrigal, 2005). Автор также перечисляет черты характера, которыми должен обладать преподаватель вуза, такие как профессионализм в области преподаваемых знаний; когнитивная позиция открытости и стремления к прогрессу, к учению; общительность в силу специфики работы с людьми; высокий уровень когнитивных способностей и широкий профессиональный опыт; осознание обучения как процесса принятия решений, а себя как специалиста, принимающего эти решения; способность к самонаблюдению, к рефлексии о собственной деятельности; осознание своей роли как направляющего индивидуальное и групповое обучение и самообучение, мотиватора, помощника учащихся в процессе их обучения, в котором дидактические методы должны служить, прежде всего, развитию интеллектуальных способностей, творчеству, обучению посредством открытия и использованию новых информационных и телекоммуникативных технологий; практичность, рефлексивность, новаторство, ответственность; умение разрабатывать свои собственные стратегии обучения, умение самонаблюдения и самооценки собственной педагогической практики с точки зрения

референциальных рамок мультидисциплинарного характера и концепций, относящихся к развитию, обучению, культуре и образованию (Hernández-Madrigal, 2005).

Подводя итог, можно сказать, что историко-педагогическими аспектами, обусловившими становление системы подготовки преподавателей вузов Мексики и определившими развитие методики этой подготовки, являются следующие:

- становление латиноамериканского университета, имитирующего модель средневековых европейских схоластических университетов, происходившее в период с XVI по XIX века; так были переняты идеи университетской автономии, свободы кафедры и классического элитарного университетского образования;
- адаптация наполеоновской модели французского университета в XIX веке, которая привела к концентрации внимания на высшем профессиональном образовании и отведению второстепенного значения научно-исследовательской деятельности;
- внедрение инструментальной педагогики в 70-х гг. XX века, которое имело как положительные, так и отрицательные последствия: привело к разработке новых куррикулярных проектов, учитывая цели обучения и критерии оценок; к организации процесса обучения и использованию в нем учебных технологий. Тем не менее, с принятием идеи технического мышления, проблемы образования стали рассматриваться лишь как технические вопросы, не включая во внимание их связь с теоретическими, политическими и историческими явлениями;
- демократизация системы высшего образования и открытие народных автономных университетов в 70-х гг. XX века, что привело к резкому увеличению количества студентов в вузах и нехватке преподавательского персонала.

Таким образом, в 70-х – 90-х гг. XX века были разработаны программы подготовки преподавателей вузов. Содержание методики преподавания, предусмотренной этими программами, тесно связано и определяется тремя основными моментами их эволюции, представленными на первом этапе созданием специализированных центров, таких как дидактические центры, центры учебных технологий, курсы новых методов обучения (70-е гг. XX века). Второй этап характеризуется внедрением программ по специализации «преподавание в вузах» (конец 70-х – начало 80-х гг. XX века), и, наконец, третий этап – появлением программ магистратур и докторантур по педагогике (80-е – 90-е гг. XX века). Данные три модели университетских центров подготовки преподавателей вузов параллельно существуют и в настоящее время. Их деятельность основана на различных теоретических концепциях, таких как кондуктуальная психология, учебные технологии, систематизация обучения, гуманизм и возрождение чувства национальности. Позитивистско-кондуктуальная теория методики подготовки преподавателей вузов является ведущей, несмотря на то, что в настоящее время происходит поиск различных ей альтернатив, таких как марксистский подход, генетическая эпистемология, психоанализ, институциональная педагогика, идеи П.Фрейрэ и освобождение, теория сопротивления и т.д.

Литература

1. Жижко О.А. Підготовка вчителів іноземних мов у вищих навчальних закладах Мексики. Київ-Ніжин: Видавець ПП Лисенко М.М., 2011. – 241 с.

2. Delors J. La educación encierra un tesoro // Informe a la UNESCO de la Comisión Internacional sobre la Educación para el siglo XXI, presidida por Jacques Delors. - UNESCO, 1996
3. Díaz Barriga Á. Tarea docente. Una perspectiva didáctica, grupal y psicosocial. - México: UNAM, 1995. – P. 73-99
4. Díaz Barriga Á. Investigación educativa y formación de profesores. Contradicciones de una articulación // Cuadernos del CESU UNAM. – México: CESU UNAM, 1996. – 75 p.
5. Díaz Barriga A. La escuela en el debate modernidad-posmodernidad // De Alba, A. La escuela en el debate de la modernidad-posmodernidad. Posmodernidad y educación. – México: CESU-UNAM, 1995. - P. 207-208
6. Ducoing Watty P. (coordinadora) Sujetos, actores y procesos de formación. Tomo I: Formación para la investigación. Los académicos en México. Actores y organizaciones. La investigación educativa en México 1992-2002. Consejo Mexicano de Investigación Educativa. – Mexico: Ideograma Editores, 2003. – 412 p.
7. Hernández Madrigal P. Formación docente en educación superior: la experiencia de un modelo de intervención // El contexto. Revista digital de Educación y Nuevas Tecnologías. No.27, 2005. - <http://contexto-educativo.com.ar/archivo.htm>
8. Kent R. Regulación de la educación superior en México. – México: ANUIES, 1995. – 71 p.
9. Pacheco T., Díaz Barriga Á. (coordinadores) El concepto de formación en la educación universitaria. Cuadernos del CESU UNAM. N 31. - México: CESU UNAM, 1993. – 86 p.
10. Richard O. Sobre la naturaleza profesionalizante de la universidad. CESU UNAM. Col. Pensamiento Universitario, 56. – Mexico: CESU UNAM, 1993. – 86 p.
11. Rubio Oca, J. (coordinador). La política educativa y la educación superior en México. – México: Secretaría de Educación Pública y Fondo de Cultura Económica. México, 2010. - <http://ses4.sep.gob.mx>, consultado el 15 de julio de 2011.
12. Tunnermann Bernheim C. Universidad y sociedad. Balance histórico y perspectivas desde América Latina. – Managua: Hispamer, 2001. – P. 122-278
13. UNESCO, Conferencia mundial de la educación superior en el siglo XXI. Declaración final. Visión y acción. – Paris: UNESCO.

INTERPERSONAL ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION
IN ON-LINE AREA

Irina F. Turuk, Evdokiya I. Lobanova

Department of foreign languages. Moscow State University of Economics,
Statistics and Informatics. Russia. E-mail: eilobanova@mail.ru

Abstract

В настоящее время происходят культурные взаимодействия между различными народами, странами и культурами и формируется новое отношение к международным связям, происходит обмен культурными ценностями на всех уровнях: международном, национальном и индивидуально-групповом. В процессе межкультурной коммуникации довольно часто обнаруживаются значительные различия в восприятии одних и тех же ценностей в жизни, как отдельного индивида, так и общества в целом чрезвычайно велика. В соответствии с ними, происходит отбор информации в процессе общения, устанавливаются социальные отношения, формируются аффекты (эмоции и чувства), навыки взаимодействия. Осознание ценностей своей культуры наступает лишь при встрече с представителями других культур, и обнаруживаются различия в их ценностных ориентациях. Общение в современном мире возможно только на основе межкультурного взаимопонимания и взаимодействия.

Key words: интерактивная сторона, интенция, кинесика, социально-мнемический

Коммуникация – социально-обусловленный процесс передачи и восприятия информации, как в межличностном, так и в массовом общении. Межкультурная коммуникация в информационной среде – это совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащих к разным культурам.

Коммуникация бывает двух видов:

1. Односторонняя – которая позволяет общаться не напрямую, а посредством одного канала, не получая реакции мгновенно. К данному виду коммуникации можно отнести: письмо, телеграмму и даже сообщения, записанные на автоответчик.
2. Двусторонняя – вид коммуникации, который позволяет общаться двум и более объектам. К данному виду можно отнести следующие средства: телефон, Интернет (чат, видеоконференция и т.д.)

Под *интерактивной стороной* общения следует понимать средства, которые задействованы в этом процессе. Сам процесс состоит из взаимодействия коммуникантов – кто передаёт сообщения и аудиторией – те, кому направлено сообщение.

Каждый конкретный акт коммуникации определяется культурными различиями собеседников. В зависимости от специфики культурных различий в межкультурной коммуникации принято различать коллективистский и индивидуалистский виды культуры. Коллективистский вид культуры распространён преимущественно среди восточных народов, в культурах которых

главной ценностью является отождествление себя с коллективом. Данный вид культуры является господствующим у народов Китая, Японии, России.

Напротив, в индивидуалистских культурах акцент делается на личность и главной ценностью в них является индивидуализм. Там каждый человек имеет свои принципы и убеждения. В этих культурах все поступки направлены на себя.

Межличностный характер проявляется в любом виде межкультурной коммуникации и если говорить о средствах общения, то соотношение вербальных и невербальных средств общения зависит от характера общения.

Межличностный характер проявляется по мере развёртывания общения как процесса обмена коммуникативными намерениями между говорящими. Уже в одной фразе, как правило, выражаются различные коммуникативные намерения одновременно, так как *интенции* говорящего базируются на разных тематических и интуитивных обстоятельствах.

Источником формирования интернационального заряда фразы в устном или в письменном виде может быть отношение коммуникатора к обсуждаемой теме, или ситуации. Коммуникатор стремится выразить своё отношение к ситуации и передать это отношение своему партнёру с тем, чтобы повлиять на его речевое поведение.

Коммуникация может формироваться как реакция коммуникатора на позицию, мнение, поведение коммуникатора или отражать общее отношение говорящего к собеседнику. Эмоции самого говорящего (если это в узком общении) так же интернациональны. Помимо потребности в самовыражении, в них присутствует желание говорящего вызвать у собеседника созвучный эмоциональный настрой.

В межличностном аспекте коммуникации представляет интерес рассмотреть кинесические-экстралингвистические факторы. Индивидуум в своей стране наряду с вербальными средствами общения широко использует невербальные средства в виде различных движений тела: повороты головы, моргания глаз, движения рук и ладоней, но значение этих невербальных средств различны в различных сообществах.

Индивидуум может владеть десятками различных движений, но каждое сообщество определяет, какие телодвижения определяются в какой речевой ситуации, и в какой семантической концепции, также как сообщество выбирает вербальные средства общения, т.е. язык общения.

Исследования показывают, что расстояние, разделяющее говорящего и слушающего, определяет также *кинесические* параметры, как громкость голоса, тембр голоса, интенсивность жестикуляции – всё, что создаёт интеллектуальный комфорт, освобождающий коммуникаторов от напряжения, и улучшает понимание друг друга.

Большую роль также играет такое кинесическое средство, как зрительный контакт, который заставляет собеседников вступать в определённую форму общения, объединяя его участников. Имеет значение направление взглядов, которые в свою очередь могут передавать даже некоторую дополнительную информацию. Зрительный контакт имеет специфический характер, связанный с эмоциональным, культурным и национальным уровнем общения.

Национальный характер коммуникаторов накладывает свою специфику не семантическую сущность кинесических факторов.

Использование зрительного контакта свидетельствует о том, что говорящий чувствует реакцию общения с говорящим, фиксирует его внимание на визуальную информацию.

Жесты рукой используются для объединения собственной речи визуальной информацией для усиления эмоциональности высказывания.

Изменение положения тела – ещё один параметр, несущий смысловую нагрузку в процессе межличностного общения. Хотя несколько невербальных сигналов являются универсальными, большинство жестов и выражений лица говорящих проявляют специфику говорящих, принадлежащих к различным национальностям. Так говорящие на европейских языках наклон головы вверх и вниз соответствует вербальному знаку «да» и наклон головы вправо влево – вербальному знаку «нет», а, например, у эскимосов эти движения соответствуют противоположным вербальным значениям.

В некоторых азиатских странах существует множество примеров, выразив вербальное «да» движением тела, так японцы прикладывают руки на грудь и размахивают ими.

Индивидуальное сообщество определяет точно такие жесты, движения которых используются в общении в соответствии с присущим языковым средством в данном сообществе, т.е. единство вербальных и невербальных средств общения раскрывают сематическую суть высказываний.

Каждое кинесическое средство является неотъемлемым функциональным элементом общения, дополняя и углубляя сематическую нагрузку последнего.

Интенсивность использования кинетических средств в речи коммуникаторов зависит от личностных особенностей индивидуума.

Паралингвистические параметры особенно ярко проявляются в межличностном общении. Паралингвистические параметры на вербальном фоне дают полную картину смысловой структуры и эмоциональной окраски любого коммуникативного акта, обусловленного определённой коммуникационной характеристикой.

Язык и речь в совокупности выполняют две сущностные неотделимо присущие им функции: во-первых, коммуникативную, во-вторых, мыслительную. Язык и речь благодаря этим функциям, являются средствами и орудием социальной коммуникации и личности мышления. Социальная коммуникация, как известно, представляет собой движение смыслов в социальном времени и пространстве, поэтому коммуникационная функция делится на две функции: коммуникационно-временную или *социально-мнемическую*, которую выполняет язык и коммуникационно-пространственную функцию – функцию распространения смыслов в социальном пространстве. Коммуникационная функция проявляется на межличностном, групповом, и массовом уровне, а мыслительная – лишь на личностном уровне, где она обеспечивает индивидуальное мышление. Стало быть, все мыслящие субъекты коммуникации, как индивидуальные, так и социальные имеют дело с языком и речью.

Реализация межличностной функции любой формы коммуникации, правильно встроенной на лингвистической и паралингвистической основе при электронно-технологической поддержке расширит сферы общения, повысит эффективность качества и возможностей общения и внесёт современный уровень в развитие любого вида коммуникации.

Рассмотрим возможности таких электронно-технологических средств как форум, блог, видеоконференции, электронная презентация, скайп и их адаптация к речевому общению.

В формировании межкультурной и профессиональной коммуникации с использованием новейших технологий можно отнести видеоконференцию. В видеоконференциях на международном уровне, где общение идёт “face-to-face”, межличностный аспект принимает особое значение. Видеоконференция – это интерактивный инструмент, который расширяет возможности общения, преодолевая барьер расстояния и увеличивая количество коммуникаторов, проблем общения, время общения.

Видеоконференция позволяет видеть речевой акт общения в полном объёме в синхронном аспекте, т. е. придаёт речевому акту естественность особенно за счёт межличностного характера кинесических средств общения.

Основным свойством видеоконференции является коммуникация (текстовая, аудио, видео) между участниками, находящимися в местах, удалённых на много километров. Благодаря этому феномену современной техники можно периодически реализовывать встречи коммуникантов вплоть до международного уровня. Неоспоримым преимуществом таких встреч является тот факт, что коммуниканты будут знакомиться и обмениваться своим опытом, несмотря на то, в каком государстве они находятся.

Положительные стороны видеоконференции, которые мотивируют для коммуникации и облегчают коммуникацию между участниками видеоконференции:

1) *мотивационные:*

- организация международных конференций и семинаров;
- презентация своей деятельности;
- создание международных коллективов для обсуждения и решения конкретных задач;
- возможность приглашения экспертов для обсуждения проблем из данной области;
- взаимная коммуникация между специалистами различных стран;

2) *организационные:*

- коммуникация между отдельными участниками происходит в прямом включении;
- во время видеоконференции можно пользоваться различными материалами (презентация, материалы, находящиеся в интернете, фильмы, прямые трансляции с других рабочих мест и т.п.)

3) *устранение монотонности коммуникации:*

- за один день можно иметь возможность общения с несколькими специалистами по различным темам
- общение можно проводить со специалистами, которые находятся в различных географических точках.

Согласно зарубежным исследованиям, общение с использованием видеоконференции показывают следующее:

- убедительность докладчика на 43% выше;
- 55% влияния от процесса коммуникаций обеспечивает мимика и 38% голос;
- невербальная форма общения – мимика и жесты – несут до 80% информации

В формировании письменной формы общения блоги позволяют легко создавать новую тему для обсуждения на блогах. Сеть блогов может функционировать как форум, но по теме, созданной блогером. Даже когда пишут на блог автор или редактор руководят дискуссией, управляя дискуссией и сохраняя межличностную коммуникацию.

Блоги имеют ряд преимуществ перед электронной почтой, форумами, чатами в силу следующих их характеристик: простота использования и доступность, эффективность организации информационного пространства, интерактивность и мультимедийность.

Можно определить схему формирования любого блога межкультурного общения в письменном виде:

- Информация об авторе блога
- Тема блога
- Презентация темы в режиме web-sit
- Частота размещения сообщений по теме
- Объём сообщений
- Количество гиперссылок
- График подготовки и освоение темы в режиме web-site
- Размещение в интернете
- Информационный резерв для обсуждения поставленных проблем

Взаимодействие коммуникантов в рамках данной среды опосредованно рядом специфических особенностей, первой из которых является разобщённость участников коммуникации во времени и пространстве. Это требует от участников коммуникации выработки определённых норм, регулирующих процедуры взаимодействия: очерёдность писем, скорость и обязательность ответа и т.п.

Ещё одной особенностью является многопользовательский характер данной среды. Автор темы в блоге лишается возможности предположить, с кем именно он вступает в коммуникацию. *Пассивная коммуникация* – кто его читает, *активная* – кто его будет комментировать. В то же время механизм объединения коммуникантов в сообществе по субъективным предпочтениям, по интересам или темам общения (community), предполагающий чтение участниками данного сообщества дневников друг друга или тематических сообщений, позволяет сформировать у автора представление об аудитории, с которой он общается.

Существует несколько подходов к определению жанра блогов. Блог может рассматриваться как жанр Интернет-коммуникации, который характеризуется многими технологическими факторами: синхронность, постоянство записей, размер буфера сообщений.

Функции блога: коммуникативная, функция самопрезентации, развлечения, сплочения и удержания социальных связей, саморазвития, рефлексии и психотерапевтическая функция.

Правильно организованный блог создаёт предпосылки для формирования компетенций межкультурного общения в дискуссионном режиме.

Все факторы речевого общения, рассмотренные в данной статье в совокупности, включая информационно-технологическую поддержку, расширяют возможности межкультурной коммуникации в формате средств общения и его тематической направленности.

Литература:

1. Holiday M.A.K. "Language Structure and Language Function". In Lyons. J. 1970
2. Назаренко А.П. Лингвистическое образование XXI века – новые ориентиры, новые формы. – Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации. Выпуск 3, Москва, 2008 г.
3. Рогачёва Н.Б. Новые приоритеты в русском интернет-общении. Издательский центр «Наука», 2007 г.
4. Gorny, E. Russian Live Journal: National specifics in the development of a virtual community. URL: http://www.Ruhr-uni-Bochum.de/russ-cyb/library/texts/en/gorny_r1jpdf

**SUBTEXT AS FICTION MODEL OF PERCEPTING THE REAL WORLD
AND SELF-IDENTIFICATION IN THE 1-PERSON NARRATIVE**

Kudryavtseva I. Maria

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The article analyses the fiction perspective of reality perception from the point of view moving and immovable objects which are in the narrator's vision and associated with the images from the past. These images are considered to be the chain of the incessant current of the narrator's reminiscences connecting the past and the present. The feature motivating the image constructing is given in the indirect way and modeled by the author in the form of space and time coordinate compression which generates the subtext of the narrative.

Key-words: *subtext, space and time coordinate compression, narrator, image constructing.*

1. Введение. Проблема восприятия и интерпретации подтекста представляется в современном гуманитарном знании малоизученной. Однако значение исследований в этом направлении все возрастает, так как информационные процессы в современном обществе требуют от личности все большей коммуникативной компетенции, навыков эффективной переработки информации в общении, как на уровне спонтанной диалогической речи, так и в рамках художественного дискурса. Традиционно проблема подтекста рассматривается в таких отраслях гуманитарного знания, как литературоведение, психология, лингвистика. Первоначально традиция выявления онтологических характеристик подтекста зародилась в искусствоведении. Явление подтекста как эффективного способа воздействия на адресата обнаруживается уже в античном искусстве, однако проблема исследования данного явления впервые была поднята в конце XIX века. Задействованный в театроведении, термин «подтекст» исходно подразумевал неоднозначную интерпретацию сыгранного актером сегмента текста. В данный период М. Метерлинк в своих пьесах широко использует подтекст (Шкунаева 1973). Возможно, именно поэтому в наиболее системном виде суть этого приема осмысливается данным драматургом (в частности, в статье «Трагизм повседневной жизни» (1896)). Понятие «подтекст» также применялось деятелями Художественного театра при характеристике чеховских пьес (Гитович 2002). Впоследствии оно занимает значительное место в художественной системе К.С. Станиславского, который утверждал, что смысл творчества заключается именно в подтексте, без которого слову «нечего делать на сцене» (Станиславский 1972). Восприятие подтекста речевого произведения приводит к появлению прагматического эффекта коммуникации: через положительное переживание воспринятого образа содержания усваивается особое ценностное отношение и к объекту речи. Это значит, что при восприятии текста не обязательно имеет место восприятие подтекста данного речевого произведения. При этом в работе акцент делается именно на процессе восприятия подтекста, а не процессе его понимания (интерпретация содержания текста), во многом определяемого субъективным личностным опытом отдельного читателя (Жабицкая 1975). Художественный текст как целостное речевое образование включает разные уровни гетерогенной информации: семантической и прагматической. Восприятие подтекста является

глубинным уровнем переработки дополнительной прагматической информации. Феноменология восприятия подтекста может быть описана как актуализация читательских пресуппозиций. Чтобы установить и вычленить подтекстный смысл высказывания, проникнуть в глубину его содержания, необходимо прежде всего зафиксировать тот момент, когда рождается этот смысл. Один из возможных путей выделения смысловой глубинной структуры (подтекста) высказывания – логико-семантический анализ текста, предполагающий учет тематической структуры построения текстового целого, выделение оппозиции «данное-новое». Представляется также целесообразным выделение понятия «гипертемы» – темы, повторяющейся на протяжении всего текста, и ряда частных подтем, которые либо помогают раскрытию гипертемы, либо являются развитием опосредованно связанных с гипертемой идей. Тематические элементы скрепляют текст, организуя его в единое целое. Тематические элементы текста, являясь носителями новой информации – добавочного приращения смысла, подтекста, способствуют развертыванию, динамическому развитию текста. Высказывание на языке художественной литературы отличается от высказывания на литературном языке прежде всего тем, что художественный текст адресован определенной группе читателей и не рассчитан на всеобщее понимание. Поэтому и язык художественной литературы, и идиостиль писателя как вторичные моделирующие системы разрабатываются для того, чтобы передать не столько эксплицированную информацию, сколько авторскую концепцию, его мироощущение, которые не могут быть нормированными и требуют особого языка, чтобы «опредметить» их в тексте. Язык художественной литературы строится по законам логики, но с некоторыми специфическими законами семантики, в нем не действуют правила истинности и ложности высказываний, «невозможна, в общем случае, замена синонимами практического языка», напротив, «допустима более широкая семантическая и лексическая сочетаемость слов и высказываний, синонимическая замена в рамках имплицитных соглашений данного поэтического языка. Совокупное содержание текста состоит из предикаций в цепях пропозициональных структур в рамках всего текста (Богин 1986). Это приводит к тому, что в лингвистике начинает утверждаться тот факт, что художественное высказывание принципиально отличается от нехудожественного: доминирует не содержание, а смыслы, не «что сказано», а «что это для меня значит». Содержание эксплицитно выражено лингвистически словарными значениями составляющих текст единиц, тогда как смысл является продуктом сложного взаимодействия между а также различными результатом смысла элементами текста, внетекстовыми структурами, определенных видоизмененных в тексте единиц. Содержание, представленное в словах, закреплено в значениях, коль скоро слово берется как номинативная единица, смысл обнаруживается в коммуникации. Таким образом, между смыслом и содержанием нет ничего общего, кроме того, что данные явления присутствуют в одном и том же тексте, но состоят из компонентов, представленных в разных сочетаниях. Усмотреть смысл единиц можно, только связав и соотнеся их. Но «связывание» и «соотнесение» – операции когнитивного характера. В связи с этим фундаментальное отличие содержания от смыслов заключается в том, что содержание принадлежит сфере языка, а смыслы сфере ментальности. Личный опыт, эстетические пристрастия, культура читателя вносят свои поправки в смыслообразование.

2. Размежевание понятий «смысл» и «подтекст». В зависимости от своего опыта читатель может актуализировать и те смыслы, которые непосредственно не соотносятся не только со значениями языковых единиц, но даже с текстом, потому что частью смыслообразующего механизма для него могут быть и датировка, и имя автора, и жанр, и пр. Таким образом, смысл

– это сфера ментальности, авторская и или читательская концепции текста, которые могут совпадать в большей или меньшей степени. Если рассматривать смысл именно так, то не остается оснований отождествлять его с подтекстом хотя бы потому, что подтекст в отличие от смысла не концептуален. Вместе с тем со смыслом подтекст роднит то, что и смысл, и подтекст универсальные и взаимозависимые свойства художественного произведения (Богин 1997). Размежевание понятий «подтекст» и «смысл» предопределило лингвистическую конкретизацию границ функционирования подтекста в рамках художественного произведения. В ряде случаев подтекст вычленяется исследователями в пределах одного сверхфразового единства, но чаще – в соотношении нескольких контактно и дистантно расположенных сверхфразовых единств. Подтекст, формирующийся в одном или двух контактно соотносённых сверхфразовых единствах, носит название локализованного. Дистантно расположенные сверхфразовые единства создают ретроспективно и проспективно направленные виды подтекста в зависимости от направления его развития в тексте художественного произведения [Куркина, 1985]. Специфика языковых средств выражения подтекста заключается в определенной сочетаемости единиц разных языковых уровней и обязательном сопряжении эксплицитных и имплицитных компонентов и аспектов лексического и грамматического содержания этих единиц. Исследователями, в частности, отмечается, что подтекст возникает на уровне более высоком, чем уровни слова и предложения, но он неизбежно опирается на них, вырастает из их сочетания и взаимодействия. Свое окончательное воплощение подтекст получает на уровне сверхфразовых единств, сочетаний сверхфразовых единств, а иногда и целого произведения (Хворостин 2006). В связи с этим интерпретация подтекста – это процесс, требующий в своей планирующей и исполнительской частях активизации соответствующих методов лингвистического анализа для исследовательской фиксации как от оценки познавательного уровня, так и оценки контекста высказывания в цепи коммуникативного акта. Адекватное понимание контекста предполагает сегментирование текста посредством лингвистических методов исследования и – в результате – выделение стилистически значимых для понимания текста компонентов, отделение случайного от закономерного.

3. Когнитивная предопределенность подтекстной составляющей в современной литературе. Для современной литературы характерным предстает акцент на так называемых «пограничных» состояниях повествователя, в которых субъект речи обостренно воспринимает окружающий его объективный мир. Восприятие мира повествователем базируется на иррациональном воображении. Речевое отображение акта перцепции предполагает комбинирование (сочетание данных в опыте элементов ситуации в новые комбинации, объединение или дробление), инвертирование (выворачивание наизнанку), применимые к категориям времени, пространства, причинно-следственных связей, что формирует широкую палитру средств подтекстной организации художественного дискурса. Метаморфозы выступают как изначально заданные правила повествовательной игры, законы художественного пространства и времени. Вследствие сочетания с жизнеподобным фоном повествования они перестают восприниматься как явления сверхъестественные, и поэтому читательское удивление перед стихией иррационального сменяется поиском её подтекстного наполнения. Художественная перспектива восприятия действительности определяется с позиций движущихся и неподвижных объектов, находящихся в поле зрения повествователя и в метафорическом смысле выражающих абстрактные понятия, образы из прошлого. Данные образы рассматриваются не как нечто заданное, а как звено непрерывного потока воспоминаний, соединяющее прошлое и настоящее. Признак, мотивирующий создание образа, подается, как

правило, нерасчлененно, скрыто в составляющих образа, который моделируется автором в художественном пространстве, выявляющем компрессию пространственных и временных координат.

4. Подтекст как способ анализа событий прошлого с позиций настоящего. Признаки значений, их внутренние связи несут основную нагрузку в выражении подтекстных смыслов конструируемых образов. В конечном итоге художественная перспектива в тексте оказывается ретроспективной, поскольку подтекстным смыслом движения и неподвижности оказывается анализ событий прошлого с позиции настоящего времени. Например: (1) *«...воспоминания детские мои проплывают, словно облаков слои... словно караван груженных всякой чудесной легкой и хрупкой рухлядью лодочек вблизи уходящего под самое небо высоченного обрывистого волжского утеса... Словно в песне. Если плыть по течению – он всегда находится слева. Он называется страшным словом «отвращение». Он пронизан опасностью»* (Н. Кононов. *Похороны кузнечика*). Повествователь моделирует свои воспоминания о детстве как движение «лодочек» мимо неподвижного утеса. Имплицирование компонентов образа детства представляется в многочисленных метафорах, где выражено только обозначающее. Идентифицирующая метафора детства возникает как результат параллельного развития двух образов – подвижного и неподвижного. Подвижный образ (*караван груженных всякой чудесной легкой и хрупкой рухлядью лодочек*) выражает процесс взросления повествователя; неподвижный образ (*высоченный обрывистый волжский утес*) – приволжский город, где прошло детство повествователя. Метафора «детство» как бы вбирает в себя оба образа, объединяя признаки внешнего и внутреннего сходства. Смещение художественной перспективы в анализируемом отрывке предстает результатом концептуальной интеграции. Читатель интерпретирует конструируемый повествователем образ, обращаясь к анализу пространства, в котором один объект движется по заданной траектории мимо неподвижного объекта. Сам повествователь, выступая как наблюдатель, воспринимает движение как бы со стороны. Пространство, в котором реализуется подтекстный смысл конструируемого повествователем образа, в свою очередь, образует своеобразное образное поле, определенную упорядоченную систему имплицитивных зависимостей: коннотативных, ассоциативных семантических. Один имплицитивный смысл ассоциативно порождает другой скрытый смысл. Подобная многократно опосредованная семантизация создает весьма сложные зависимости движения и синтеза результирующего образа.

5. Подтекст как результат концептуальной компрессии категорий пространства и времени. Точка зрения повествователя об объективном мире в подтекстном плане выявляет также его наблюдения над изменениями в этом мире, которые предстают результатом концептуальной компрессии категорий пространства и времени. Ср.: (2) *«Деревья, которые за день до этого еще были скелетообразные и серые, этим утром вдруг ожили, стали покрываться робкой зеленью... Чем сильнее я жал на газ, тем быстрее я приближал весну, заставляя деревья зеленеет на глазах. А вот и первая магнолия, которую я заставил проснуться от зимней спячки и зацвести... С той скоростью, с которой я вел машину, к воскресному утру можно было бы достигнуть осени...»* (А. Грабарь. *Три рассказа о любви*). Наблюдаемые изменения во внешнем облике однородных предметов моделируются повествователем как постепенное видоизменение этих предметов. Серые деревья, которые повествователь видит *за день до этого*, это не те деревья, которые он наблюдает во время

поездки на юг. Естественно, что облик деревьев меняется в процессе продвижения в более теплые южные широты. В связи с этим, «роль» дерева в повествовании – представить изменение. Сидя за рулем автомобиля и наблюдая за природой, повествователь выражает достаточно оригинальную точку зрения. То, что он видит сквозь окно автомобиля, это не «новый пейзаж», не «новые» деревья, мелькающие с той же скоростью, которую набирает автомобиль, но те же самые деревья в процессе своего изменения. С течением времени за окном автомобиля происходят кардинальные изменения. Однако читатель не чувствует, что реальная скорость предстает частью опыта повествователя. Читатель, конечно же, понимает, что машина движется с большой скоростью и водитель (повествователь) наблюдает новые объекты сквозь окно. Это основное пространственное измерение художественного повествования в приведенном тексте. Однако второе пространственное измерение предстает статическим: нажатие повествователем на акселератор не увеличивает скорость продвижения по пространству, а усиливает течение времени, результатом чего являются изменения в природном цикле. Иллюзия, описываемая в отрывке, является естественной, если ехать на автомобиле с большой скоростью по однообразному ландшафту. Однако повествователь представляет данное описание не как иллюзию. Он актуализирует свое ментальное пространство, в котором наблюдается концептуальная интеграция движения через объективное пространство с движением через объективное время. Именно результат данной интеграции повествователь наблюдает сквозь окно своего автомобиля. Индивидуальный акт перцепции объективной действительности реализуется как постепенная концептуальная интеграция двух измерений художественного повествования в ментальном пространстве субъекта речи, что и становится подтекстным смыслом произведения. Компонентом концептуальной интеграции может предстать не только объективное, но и виртуальное пространство, актуализируемое в воображении повествователя. Ср.: (3) *«Фантазия – это прозрение. Фантазия – это когда вообразишь несусветное, и это оказывается правдой. ... Если я действительно сконцентрируюсь, то смогу увидеть даже Занзибар. Сначала я должен подумать об этом всего лишь дважды, затем еще два раза и еще. А пока что я иду по центральной улице Цхалтубы: то поднимаюсь вверх, то опускаюсь в низину. Оглядываясь, я вижу крыши домов, шпиль церкви, колонны театра, бесконечные окна то здесь, то там...»* (М. Анчаров. *Самшитовый лес*). «Видение Занзибара» задействует силу воображения, чтобы трансформировать реальный ландшафт в виртуальный, обнаруживающийся в том же самом времени и пространстве. Перцептивный процесс, описываемый в примере (3), фактически предстает концептуальной интеграцией объективной реальности грузинского города с виртуальным образом далекого острова, актуализованным в когнитивном сознании повествователя. Текстовым эффектом данной интеграции становится тот факт, что читатель в том же темпоральном измерении «видит» иную обстановку вокруг повествователя, навеянную фантазиями последнего. Во фрагменте высказывания *я должен подумать об этом всего лишь дважды* повествователь прибегает к результирующей конструкции, чтобы изобразить ментальный процесс, который результируется в порождении концептуально интегрированного пространства. Объективная городская обстановка в данном пространстве на подтекстном уровне повествования воспринимается как виртуальная зарисовка далекого острова. Когда повествователь то поднимается вверх, то опускается вниз, шагая по центральной улицы своего города, он находится в процессе реализации концептуальной интеграции, при которой «здесь» может быть испытано как «там». Несмотря на тот факт, что единственным аспектом «здесь», который проецируется в концептуальную интеграцию, является «Я» повествователя, идущего по улице своего города, сконструированный виртуальный образ оказывает воздействие на читателя, поскольку он испытывается им с точки зрения субъекта речи.

6. Подтекст как результат декомпрессии идентичности повествователя и разных восприятий одного и того же пространства. В современной литературе метод декомпрессии идентичности применяется не только в отношении повествователя. В процессе актуализации двух коммуникативных перспектив повествования декомпрессия может задействоваться для моделирования двух разных реальностей в тексте. Фрагменты (4) и (5) иллюстрируют данное положение на примере категории пространства. Фрагмент (4) содержит размышления повествователя о своем опыте путешествия на лодке по Волге как отличном от обывательского опыта. Во фрагменте (5) описываются впечатления повествователя от прибытия в Каир после длительного путешествия гораздо более экзотическим арабским странам. (4) *«Волга – это две реки, которые текут параллельно друг другу в противоположных направлениях. Белоснежные пароходы, древние морские вокзалы, берущие за душу пейзажи, – все это в одном направлении. В то время как речная карта в руках, проплывающие мимо баржи и сплошные элеваторы на берегу – в другом. Только путешествуя на лодке во втором направлении, я смог увидеть эпическую мощь реальной Волги»* (Д. Новоселов. Увидеть небо); (5) *«Те европейские туристы, с которыми мне приходилось разговаривать за обеденным столом в гостинице, и я прибыли в Каир фактически из разных земных измерений и опять-таки в разный Каир. Они прилетели из Шарля де Голля и Хитроу на древнюю землю фараонов. Я же, можно сказать, добрался караванами домой из загадочной Саны»* (А. Акулов. Синергетики). В приведенных фрагментах Волга и Каир представляются как существующие в двух независимых ментальных пространствах, структурируемые различными точками зрения. Естественно, что в отличие от праздных туристов, люди, путешествующие самостоятельно, сталкиваются с менее экзотической реальностью, хотя и более правдивой. Декомпрессия разных восприятий одного и того же пространства маркируется в тексте не столько разными точками зрения, сколько их контрастом. В (4) повествователь говорит о двух разных реках, текущих в противоположных направлениях – образ, который отчетливо дает понять читателю, что Волга – это две совершенно разные и никак не пересекающиеся реальности. В (5) восприятие повествователя также основывается на идее «противоположного направления». Несмотря на тот факт, что повествователь и туристы разделяют одно пространство, они обладают разным опытом постижения Каира. Субъект текста повествует читателю, что то, что он обнаружил в Египте, – это реальность, которая не имеет ничего общего с туристическим восприятием. Точка зрения повествователя вступает в контраст с опытом других до такой степени, что он представляет себя путешественников «совсем иных земель». В противоположность туристам, прилетевшим из Европы, он рассматривает свое прибытие в город как возвращение в Европу, поскольку в сравнении с другими посещенными им арабскими городами, Каир кажется почти домом. Пространственная дифференциация двух восприятий «добавляет» необычное измерение в подтекстное моделирование точки зрения повествователя. Реальности, освоенные опытным путем разными людьми, фактически оказываются несовместимыми, поскольку их пространственное положение представляется различным: в метафорическом отношении люди видят «разные» местности. Читательское понимание моделируемых автором ситуаций основывается на концептуальной интеграции, цель которой – помочь читателю достичь запрограммированного понимания. Процессы декомпрессии в некоторых случаях функционируют как необходимый предварительный шаг в процессе адекватной интерпретации концептуально интегрированных пространств. Если интеграция пространств, как правило, не получает заметного выдвижения в тексте, камуфлируется как естественная форма индивидуального (субъективного) отражения реальной действительности, декомпрессия пространств моделируется автором таким образом, чтобы она оказалась в фокусе читательского внимания, активно используется в процессе текстового порождения «нового», необычного

восприятия знакомой ситуации. Моделирование новых ментальных пространств в художественном повествовании от первого лица оказывается необходимым механизмом для введения и поддержания в подтексте: 1) различных точек зрения одного повествователя, фокусирующихся на различных аспектах проблемы; 2) особенностей восприятия различных наблюдателей. Если ментальное пространство предстает когнитивной структурой, способствующей пониманию ситуации, то, следовательно, оно является «средой обитания» точки зрения повествователя относительно темпоральных и пространственных координатах событий, испытываемых в результате постижения этих событий эмоций. Когда оценка события предполагает наличие двух точек зрения, декомпрессия является единственным способом их разведения. Образы, возникающие в результате декомпрессии, становятся основой для последующей концептуальной интеграции, которая «наследует» точку зрения повествователя, актуализованную в одном из подвергнутых декомпрессии пространств. Например, во фрагменте (2) концептуальная интеграция настоящего и прошедшего времени «наследует» точку зрения темпорального пространства настоящего времени. Важно также подчеркнуть, что художественное моделирование новых пространств как результат компрессии/ декомпрессии позволяет читателю увидеть новые аспекты ситуации. Авторы в этом случае умело эксплуатируют метафору «познать значит увидеть», но не только в структурировании содержания этих пространств. Сознательно или бессознательно авторы также обыгрывают буквальное значение и метафорический смысл точки зрения повествователя. Если ситуации могут быть представлены как новые или измененные сферы видения, то вполне естественно, что их интерпретация требует от читателя понимания тех ситуаций, с которыми они сталкивались в реальной жизни. Примеры (1)-(5) свидетельствуют, что концептуальная интеграция, которая задействует пространство и время, в свою очередь, порождает пространства, которые дают повествователю возможность моделировать повседневные, ничем не примечательные ситуации таким образом, что они начинают заострять внимание читателя на его эмоциональных переживаниях, личном опыте. Смысл данных переживаний и опыта субъекта речи непосредственно конструирует подтекстный уровень произведения. Фактически, подобный опыт концептуального интегрирования пространств позволяет представить виртуальные образы как реально существующие в тех же самых пространственных и временных координатах, что и основная линия повествования. Объективное пространство повествования предстает одним из измерений процесса концептуальной интеграции. Интеграция, «обращающая вспять» траектории движения в реальном пространстве и объективном времени, в плане подтекста произведения выявляет личное описание опыта субъекта речи. В результате повествователь имеет возможность излагать события со своей личной точки зрения, проверенной на опыте. В действительности процессы концептуального интегрирования не изменяют события, которые являются темой повествования, они воздействуют на коммуникативную перспективу, с позиции которой моделируется повествование, построенное на художественной условности, порождающей подтекст.

7. Подтекст как результат концептуальной интеграции реального и мифологического пространства. Подтекст художественного высказывания может моделироваться в результате концептуальной интеграции реального и мифологического пространств и выявлять внезапное обретение повествователем нового способа видения объективной действительности. Например:

(6) *«Я остановился в толпе и с великой тоскою огляделся. И увидел, какое множество самых разных оборотней снует меж людьми, такими же прекрасными, как и вы, моя бесценная. Художники Возрождения лучшие других сумели постичь эту подлинную человеческую красоту –*

метры Боттичелли, Джорджоне, Тициан ...А тут рядом с вами топало через зал, клацающая когтями о каменные плиты пола, мохнатое семейство бурых медведей: папа нес под мышкой свернутый в толстый рулон полосатый бело-розовый матрац, мама, прихрамывая, тянула за лапу хныкающего большелобого медвежонка. Щеголиха-шимпанзе в модной мини-юбке, с кожаной сумочкой на длинном ремешке, перекинутом через плечо, прошла мимо и ревниво оглядела вас с ног до головы...» (А. Ким. Белка). Система наблюдаемых персонажей в повествовании разделяется субъектом речи на две разновидности: мифологические оборотни и реальные люди. Здесь же раскрывается и подтекстовое содержание контрастирующих понятий – звериного и человеческого. Воплощением «человеческого» становятся образы, созданные великими художниками. Основной характеристикой мифологического мира оборотней предстают вещи: полосатый матрац, модная мини-юбка, кожаная сумочка. Сопоставление оборотней и людей выявляет в когнитивном сознании читателя видение повествователем человека, наделённого достойной восхищения красотой. Суэта оборотней вызывает «экзистенциальную тоску». При реализации принципа метаморфозы в повествовании оказываются задействованы два типа подтекстового моделирования условного образа: семантический потенциал оппозиции «человек-зверь» и метафорическое соединение типизированных характеров людей и образов животных. В процессе изложения событий из своей жизни повествователь проявляет начитанность, виртуальная реальность прочитанных книг «вторгается» в объективную реальность жизнедеятельности субъекта речи. На уровне художественного текста в рамках одного и того же временного измерения наблюдается концептуальное интегрирование собственного опыта моделирования нарратива и «виртуальных миров» прочитанных повествователем книг. В примере (7) повествователь осуществляет компрессию временного отрезка более чем сто лет в ситуацию, в которой все писатели-путешественники, описывавшие свои приключения, разделяют одни и те же темпоральное и пространственное измерение, стоят в последовательности, определяющейся временем из путешествий. (7) «Я не был одиноким, замыкая бесконечную очередь самых, что не есть знаменитостей, покорявших мир. Во главе всех стоял Миклухо-Маклай...» (Д. Бортников. Синдром Фрица). В художественном тексте наблюдается концептуальное интегрирование всех пространств, населённых именитыми путешественниками, в единое пространство. Последовательный порядок среди различных темпоральных измерений трансформируется в пространственный порядок, в котором соблюдается та же самая временная последовательность.

Данная трансформация оказывается необходимой для того, чтобы вызвать у читателя чувство «группы» с сохранением последовательности всех задействованных темпоральных измерений. Как и в примерах, проанализированных выше, концептуальная интеграция не просто совмещает все пространства в одно единое. Дискурсы всех писателей-путешественников сохраняют свою независимость, идея «очереди» позволяет писателю представить свой опыт подготовки к путешествию как акта объединения с теми, кто его уже совершил. Подтекст высказывания выявляет значимость предстоящего путешествия для повествователя. В других случаях повествователь представляет события, происходящие в определенной книге как параллельные событиям его текущей жизни. Происходит совмещение двух виртуальных темпоральных и пространственных измерений. Ср.: (8) «Единственное, что мне оставалось, так это смотреть на перистые облака сквозь иллюминатор. Моя спутница, сидевшая в соседнем кресле, была погружена в немного потрепанный от частого чтения роман Чарльза Диккенса и, казалось, не замечала меня. Мартин Чаззлвит не без трудностей корабельной жизни пересекал сейчас океан, а я, пролетая над этим же океаном, потивал легкое вино из хрустальной бутылочки, которую дала мне бортпроводница...» (О. Базунов. Мореплаватель).

Концептуальная интеграция двух виртуальных реальностей (повествования субъекта речи и сюжетной линии классической книги) на подтекстном уровне произведения репрезентирует опыт повествователя в момент излагаемых событий. Как и в примерах, проанализированных выше, коммуникативная перспектива повествования в этом случае «стирает» тривиальное различие между фактом и вымыслом. Модель мира, воплощаемая в художественном повествовании от первого лица, состоит из нескольких слоёв: 1) жизнеподобный фон, обобщающий повседневные черты современной субъекту речи действительности. В модели мира повествователя – это видимый мир, за которым скрыта иная реальность – мир ирреального; 2) воображаемый фон, задающий важнейшие свойства реального мира. Повествователь конструирует мир, где нет резкой грани между объективным и субъективным, между реальностью и миром фантазий. С одной стороны, функцией воображаемых образов является раскрытие субъективной сферы бытия повествователя, создание образа духовной реальности, отличной от обыденного опыта. С другой стороны, результатом взаимодействия «поэтики воображаемого» и «прозы жизни» (между которыми обнаруживается концептуальная интеграция) является подтекстное выражение характерных черт действительности сквозь призму воображаемых образов. В повествовании от первого лица изложение событий осуществляется не только с точки зрения главного нарративного пространства, маркированного объективными темпоральными и пространственными характеристиками, но и с позиции соответствующих измерений, которые повествователь субъективно привносит в нарративный акт. Изложение объективных событий из жизни повествователя предполагает моделирование главного нарративного пространства (которое также предстает художественной средой, в которой иницируется точка зрения). Однако в процессе реализации концептуальной интеграции точка зрения повествователя «перемещается» в порождаемое пространство, т.е. в подтекст произведения. Другими словами, концептуальное интегрирование художественных пространств порождает подтекст, из которого читатель извлекает информацию о точке зрения повествователя на события объективной и субъективной действительности. Каждое из данных пространств репрезентирует определенное знание и отношение повествователя или других персонажей к нарративной ситуации. Однако главное нарративное пространство повествования предстает отправной точкой для читательской интерпретации, даже если процесс концептуальной интеграции «временно» видоизменяет его.

8. Подтекст как отражение процесса самоидентификации повествователя. Теория концептуальной интеграции оказывается продуктивной при исследовании характерного для современной прозы подтекстного отражения самоидентификации персонажа, множественного («расщепленного») «Я» персонажа в процессе частного, незавершенного восприятия объективного мира, дистанцирования от происходящего. Нарративный стиль при этом актуализирует образы, которые конструирует автор посредством применения механизмов концептуальной интеграции для установления или поддержания точки зрения повествователя (псевдоавтора) на события объективной реальности. Главная линия повествования оказывается связанной с предшествующим опытом повествователя. Манипулирование ментальными конструктами влияет на выбор языковых форм, отражающих внутреннее состояние повествователя, не только на уровне отдельного словосочетания или предложения, но также в структуре всего нарратива. Внешние или внутренние обстоятельства жизни повествователя, приводящие к возникновению личностного кризиса, создают препятствие непрерывности функционирования целостного психического образа. В результате образ повествователя утрачивает симультанность, приобретает сукцессивный характер. В тексте актуализируются

условия для переживания персонажем глубинных структур образа мира. Ср.: (9) *«Ни с кем из этого пестрого потока, текущего к драмтеатру, я себя не отождествляю, я никем из них не хочу быть... И я вижу себя в зеркальной стене театрального подъезда нарядной жертвой и тайным палачом, который все это измыслил. Он ожидает Эсэс. Они еще не знакомы...»* (Н. Кононов. *Нежный театр*). Персонаж анализирует свое когнитивное состояние с позиций настоящего времени. В первых высказываниях он идентифицирует себя в тексте посредством местоимения 1-го лица (*я себя не отождествляю..., я вижу себя...*). Затем повествование переключается на 3-е лицо ед. и мн. ч. (*он ожидает..., Они еще не знакомы...*). Подобный сдвиг в самоидентификации на подтекстном уровне свидетельствует, что персонаж не рассматривает себя в качестве целостной личности. «Я» художественного повествования представляет собой реальную личность, живущую в объективном мире. В личности персонажа, представленной посредством местоимения я, находят выражение чувства, испытываемые повествователем в момент актуализации текущих событий. Виртуальная составляющая «Я» повествователя отражается в местоимении он, которое манифестирует «осколок» Я как элемент бессознательной сферы его сознания (*тайный палач*). Эта часть «Я» обитает в «памяти мыслей» повествователя, что подчеркивается употреблением глагола прошедшего времени, выражающим уже произошедшее действие (*...который все это измыслил...*). Местоимение они одновременно объединяет и дистанцирует «осколки» виртуального «Я» повествователя (которые получают метафорические номинации *нарядная жертва* и *тайный палач*). Если реальная личность повествователя осознает свои поступки и желания, то ее виртуальная составляющая – сфера необузданных страстей, которые даже не подозревают о существовании друг друга (*...они еще не знакомы*). Олицетворение этих страстей способствует тому, что читатель интерпретирует их как сферы, неподвластные реальному «Я» повествователя. Таким образом, текущее понимание персонажем себя проецируется в прошлое: если реальное «Я» в дейктическом отношении связано с настоящим моментом, то виртуальное «Я» – с прошлым. Повествователь говорит о них как о уже сформировавшихся сферах своего когнитивного сознания. В то же самое время подтекст выявляет разную точку зрения персонажа относительно своего реального и виртуального «Я»: оценка данных сфер реализуется разными языковыми средствами (словоформами в первичном и метафорическом значении). Читатель осознает, что реальное «Я» повествователя сформировано на основе его «расколотого» виртуального «Я», элементы которого независимы друг от друга, не соприкасаются. Проанализируем еще один пример: (10) *«Да, а в тринадцать лет меня легко было ввести в замешательство, надев какие-либо странные одежды. Сейчас же в этом поношенном пальто отец казался мне намного старше... Сидя в накуренной комнате, я ловлю себя на том, что обращаю свой взор в прошлое и вижу человека несколько младше себя...Ему тридцать шесть. У него черные и волнистые волосы, лицо не испещрено морщинами. Как это не странно, но невероятно старая одежда только подчеркивает его юность...Я возвращаюсь в реальность только для того, чтобы удивиться, обнаружив в этом грузном, лысом и старом человеке своего отца...»* (Д. Бортников. *Синдром Фрица*). Описание в данном отрывке дается повествователем с точки зрения настоящего момента, т.е. его текущего «Я». Актуализация прошедшего времени указывает на то, что повествователь говорит о своем детстве, но его «Я» продолжает «цепляться» за настоящее. Второе высказывание вводится наречием *сейчас*, в тексте конструируется концептуальная интеграция: настоящий момент повествования и воспоминания прошлого интегрируются таким образом, что подтекстный план повествования выявляет иной взгляд персонажа на своего отца. Отец персонажа и сам персонаж описываются как объекты одних и тех же темпоральных измерений. Первое измерение – прошедшее время: тридцатилетний отец персонажа и персонаж-ребенок. Второе измерение (маркированное

наречием *сейчас*) выявляет взрослого персонажа и его пожилого отца, смотрящих друг на друга. В когнитивном сознании читателя интегрированный образ персонажей сохраняет черты, которые исходно были представлены в первом темпоральном измерении: молодой черноволосый отец персонажа, небрежно одетый, и сам персонаж, которому уже за сорок. Художественное совмещение двух измерений (компрессия времени) порождает подтекстный эффект: не смотря на временной разрыв персонаж воспринимает своего отца таким, каким он запомнил его в детстве. Использование настоящего и прошедшего времени в повествовании маркирует не только темпоральные доминанты двух измерений, но также выявляемое в подтексте смещение точки зрения персонажа с одного измерения на другое. Актуализируя настоящее время при описании содержания интегрированного измерения, повествователь выражает свою точку зрения как взрослого человека. Интегрированное темпоральное измерение обнаруживается в настоящем, поскольку ситуация описывается с точки зрения персонажа-взрослого. В процессе концептуальной интеграции темпоральных измерений в подтекстном плане приведенного отрывка обнаруживается три персонажа: повествователь, описывающий события, повествователь-ребенок, отец повествователя. В то же самое время концептуальная интеграция производит в тексте прагматический эффект помещения двух персонажей (повествователя-взрослого и отца повествователя) в один визуальный контекст. При этом между ними сохраняется временная дистанция в более чем 30 лет. Персонаж приходит к пониманию, каким был его отец в юности. Смысл, извлекаемый из подтекста, является результатом взаимоотношений между формой и значением, функциями языка и языковой структурой (лексико-грамматической и контекстуальной). Лингвистическая функция, выражаемая конфигурацией контекстуальных элементов, как и сами элементы контекста, особым образом соотносятся в отношении определенной языковой структуры. Специфическая сфера ситуационного контекста соотносится с не менее специфической языковой системой таким образом, что одна сфера может использоваться для моделирования другой сферы. Субъект-повествователь, на которого возлагается ответственность за референциальный смысл объекта повествования, выражает свою точку зрения как в эксплицитных комментариях, так и косвенно, посредством конструкций с референциальным смыслом, соответствующий субъективный выбор, комбинирование и реализацию номинаций своей личности в художественном тексте. Концептуальная интеграция образа субъекта речи и его речевой репрезентации может конструироваться без смещения в темпоральном измерении художественного повествования. «Я» субъекта речи моделируется автором как результат текущего психологического состояния взрослого повествователя, определяемого в метафорической форме через его детские представления. Например: (11) «**Я** ушел в самого себя, и мое состояние напоминает нирвану. Поезд начинает ехать. Он везет меня прочь... **Я** ехал в далекий trip, такой таинственный и пугающий... Мое сердце болело за весь мир, который был не таким, каким должен быть... Без денег, лишь с верой в самого себя, поезд Киев-Лондон вез **маленького Диму**» (Д. Факофский. *Trip*). Концепт двойного видения (взрослый повествователь – повествователь-ребенок) используется автором для объяснения «настойчивости» декомпрессии личности повествователя: субъект речи испытывает трудность в «поддержании» целостности своей личности под воздействием тех обстоятельств, в которых он оказался. Подтекст повествования выявляет виртуальный мир субъекта речи, его экзистенциальное отчаяние и страх перед лицом грядущих изменений в жизни. Читатель воспринимает отъезд повествователя как «бегство от действительности». Актуализируемая подтекстом точка зрения персонажа соотносится с языковыми элементами, которые в лингвистической референции к объектам художественного дискурса выявляют – из когнитивной и аксиологической составляющих высказывания – определенную информацию и

косвенно указывают на суждение повествователя по поводу данной информации. При этом концептуальная интеграция разновекторных референциальных смыслов отражает «квант» существования персонажа-повествователя, эксплицирует его ощущения «здесь» и «сейчас», которые могут изменяться на последующем этапе существования персонажа. «Я» повествователя при этом предстает лингвистическим телом, связанным с дискурсивным мышлением субъекта речи. Так, местоимение *он* в современной прозе способно быть речевым средством идентификации личности персонажа, ведущего повествование от первого лица. Контекст повествования в этом случае эксплицирует спонтанные, незапрограммированные события из жизни повествователя, не имеющие логической взаимосвязи с объективной действительностью. В результате из подтекста высказывания читатель выявляет сиюминутный опыт персонажа, сформированный из разнокачественных явлений, между которыми обнаруживаются не логические, а ассоциативные связи. Ср.: (12) *«Вдруг я отчетливо увидел его... Он словно из небытия вырвался, из глубокого бессознательного опьянения и нашел Себя бегущим – сумка на плече, в клешне зажат билет – по платформе за отходящим уже поездом. В ушах гудело, свистело. Глаза слезились. Сердце бесновало в горле. Провожающие расступались. Глупо было вдруг разглядеть в этом догоняющем поезде смятённом человеке собственную персону. Я уже не бежал. Летел...» (О. Негин. Кипарис во дворе).* Художественный нарратив моделируется повествователем таким образом, что как будто он говорит о другом человеке, что, в частности, подчеркивается употреблением местоимения *он* по отношению к объекту повествования. Однако из последующего изложения событий читатель узнает, что данные события непосредственно соотносятся с самим повествователем. В тексте наблюдается концептуальная интеграция объекта повествования и его языковой представленности: происходит декомпрессия личности персонажа и его репрезентации в две независимые и самостоятельные сущности. В результате местоимения *он* и *я* на подтекстном уровне повествования воспринимаются читателями как синонимы и антонимы одновременно. При этом *я* и *он* никак не взаимодействуют между собой, оказываются разъединенными волей повествователя. Когнитивным основанием подобного «разъединения», декомпрессии становятся противоречивые эмоции, испытываемые повествователем в момент сумбурно развивающихся событий. Психологическое «Я» повествователя стремится отмежеваться от того эмоционального накала, который стал следствием сумбурных событий. В связи с этим данное эмоциональное состояние приписывается повествователем «другому» лицу, возможно, воспринимаемому им глазами людей, невольно ставших свидетелями описываемых событий. «Я» повествователя, как и немые участники событий, наблюдает за «им» повествователя со стороны. Контекст повествования «затормаживает» темпоральное измерение персонажа, позволяет читателю рассмотреть все детали сложившейся ситуации. Последующие высказывания от первого лица выражают точку зрения повествователя на ситуацию. Подтекст этих высказываний выявляет тот факт, что неудовлетворенность персонажа собою настолько велика, что эмоциональный накал, испытываемый *им*, передается *я*. Против воли адресанта повествования *он* смыкается с *я*, растворяется в нем, так и не дойдя до точки взаимодействия. Ср. *Я уже не бежал. Летел.* Под влиянием ситуации *я* начинает жить по подобию с *ним*. Подтекст повествования прагматизирует переход бессознательной сферы повествователя в сферу сознательного. Эмоциональный накал, испытываемый *им*, становится реальностью *я*. Экзистенциальный опыт персонажа предстает не как феномен внешних событий, но как его внутренняя бытийная сущность, которая выявляется через подтекстное выражение, «озвучивание», не всегда совпадающее с актом говорения. В контексте художественного повествования от первого лица *я* персонажа может физически воздействовать на *него* и одновременно дистанцироваться от *его*, представляющим собой оstraненное в данном

контексте я. Стремление я стать им ведет к изменению конфигурации смыслов, формируемых высказыванием, оно становится первостепенным для повествователя событием. Взаимодействие я с ним нельзя рассматривать как диалог. Скорее всего, это монолог я, направленный ему. Он становится пассивным участником события, отражателем деструктивной сущности я. Восприятие читателя концентрируется на «внутреннем опыте» повествователя, на том, что происходит в его сугубо субъективной сфере. Например: (13) *«Я с минуты смотрел в зеркало, ничего такого не находя в том, кто пристально смотрел из толщи стекла. Тот персонаж удивительно, неотличимо и скучно походил на меня. Но, становясь прозрачнее и прозрачнее, он не делался мною. Поверху кафельной стены был раскидан хаос декалькомании из веселых немецких зверьков. Но среди них не было мышей... Он, этот мужчина в зеркале, отвернувшись от меня, провел по этой звериной кромке острую линию своим недоверчивым взором. Я-то знал, что ему нужны были только одни маленькие ручные мыши. И я, хмыкнув, раскрутил женин станочек для бритья пухлых подмышек, вытащил лезвие, преспокойно перерезал этому глупому мужику вены на запястьях и легко почиркал той же бритвой повыше, к самому локтевому сгибу. В нескольких местах. Вжик, вжик и вжик!.. Его белое жилистое лицо совсем не противилось вострому металлу. Он даже не поморщился... Мне стало чуточку горячо, может быть. Только одно мгновение. Я ни о чем не сожалел... Кто-то посмотрел на свои руки... Кто-то тихо вполз на супружеское ложе. Спина к жене. Кто-то провалился куда-то, и там ему делалось легко. Легче и легче»* (Н. Кононов. Нежный театр). В контексте примера (11) он стремится стать я, слиться с ним для того, чтобы персонаж-повествователь приобрел эмоциональное равновесие в сложившихся жизненных обстоятельствах, выдержал прессинг со стороны данных обстоятельств. Другими словами, на подтекстном уровне повествования обретение местоимением он среды существования в местоимении я играет конструктивную роль в обретении повествователем своей когнитивной целостности. Изложение событие от первого лица в конечном итоге «подавляет» повествование от третьего лица, выводит процесс языкового отражения объективных событий на сознательный уровень повествователя. Декомпрессия личности персонажа и его репрезентации в обратном направлении (от я – к нему), как свидетельствует пример (12), на подтекстном уровне повествования подчеркивает деструктивную роль данного процесса. Повествователь утрачивает свою когнитивную целостность, наблюдается травматическое раздвоение личности персонажа, которое усиливается в результате взаимодействия я и он в одной темпоральной и пространственной плоскости. Эти качественные изменения в сознании персонажа на подтекстном уровне повествования создают сиюминутную иллюзию независимости я и его как элементов одного психического подмножества, «Я» повествователя. Однако из макроконтеста произведения читатель осознает, что он – это не только отраженное я, но и образ отца повествователя. В читательском восприятии повествования наблюдается семантическое усложнение референтного смысла, выражаемого местоимением он, за счет которого углубляется дисбаланс в познании повествователем своего собственного сознания. Как и в примере (11), в данном случае на парадигматической оси текста местоимения я и он одновременно выступают и как синонимы, и как антонимы. Из приведенного отрывка читатель извлекает два значимых в смысловом отношении противопоставления, важных для его интерпретации: 1) я (персонаж-повествователь) – он (персонаж-повествователь) как синонимической пары: адресант текста видит в зеркальном отражении себя, а поэтому происходит отождествление я – он; 2) я (персонаж-повествователь) – он (отец персонажа-повествователя) как антонимической пары: адресант текста видит в собственном зеркальном отражении образ своего отца, которого видел в последний раз в детстве и который умер к моменту повествования. Для выявления последнего противопоставления значимыми в

контекстуальном отношении оказываются высказывания *Но среди них не было мышей, Я-то знал, что ему нужны были только одни маленькие ручные мыши* (аллюзия на то, что отец персонажа очень любил мышей; сам же персонаж был обделен любовью со стороны отца, видел его лишь несколько раз в жизни). «Реанимация» детских впечатлений, обострение психологической травмы, полученной персонажем в детстве, толкают его сначала на дистанцирование *я и его (я – этот глупый мужик)*, а потом и на виртуальное убийство «этого глупого мужика», которое в физическом мире оборачивается попыткой самоубийства. Виртуальная и физическая реальности пересекаются, выявляя точку зрения персонажа на происходящее: в «приверженности» к живому *я* отсутствует сожаление об уходе из жизни. Художественная модальность повествования, программируемая данной точкой зрения персонажа, «поддерживается» еще одним антонимичным противопоставлением: *я – кто-то*. *Я* обезличивается, превращается в неопределенную «трансценденцию». Психологической доминантой повествования становятся тревога, страх, актуализируется поэтика абсурда, демонстрирующая разрушение коренных, онтологических основ миропонимания персонажа.

Повтор номинации *кто-то* воспринимается как попытка персонажа остановить время, продлить эйфорию от виртуального убийства *его*. Все происходящее за счет повтора указанной номинации воспринимается без эмоций, механически. Мир вокруг персонажа патологический. Но и сам персонаж, и читатель постепенно привыкают к этому: они перестают переживать актуализованные события как трагедию. И монотонное повторение *кто-то* только способствует этому. В конечном итоге, *он, кто-то* становятся нарративными масками физически единого, но психологически множественного «Я» субъекта речи. Из всех маркеров персональности, которые задействуются в контексте повествования, собрать целостный и непротиворечивый образ персонажа оказывается невозможно. Подтекст повествования выявляет структуру «Я» персонажа как дезинтегрированного концепта идентичности, включающего эмпирическое «Я», рефлексивное «Я» и связанного с принципиальной множественностью его структурных компонентов, которая отражается в полиперсональности, дезинтегрированной телесности. При этом «расщепление» Я повествователя прослеживается во всех сферах его самобытия, в частности, в телесном и психическом опыте, отражаемом в подтексте произведения. Подтекстный потенциал поэтики расколотого «Я» повествователя, таким образом, позволяет воссоздавать деструктивную модель мира, раскрывающую смысл его эмоционального бытия, отойти от детерминированного образа объективного мира и человека в этом мире. Повествователь может осознавать дезинтеграцию своей личности. В этом случае инициатива повествования отводится одному из «осколков» идентичных двойственных «Я», обитающих в разных пространственных измерениях. В тексте создается эффект диалога сознания повествователя (персонализированного осколка его «Я») с читателем. Ср.: (14) *Итак, я выяснил, кто я, что я, зачем и куда. Это грандиозно и кошмарно. Я – клон, то есть точная копия такого же меня, который живет во внешнем мире. Я – половинка, я – часть, я – дробь, но я же и целое; все, что есть у него (меня), есть и у меня (него), только я – здесь, а он – там» (Е. Радов. Дневник клона)*. Декомпрессия личности повествователя приводит к тому, что он утрачивает контакт с собственным «Я», которое расщепляется на две части. В результате у повествователя остается только абстрактное знание о целостности своего «Я». В парадигматике текстового пространства происходит нейтрализация оппозиции синонимии и антонимии между *я* и *он*: выступая синонимами, они потенциально становятся элементами противопоставления, средством отражения в описании характера повествователя прагматики раздвоенности, приобщения повествователя к смысловой и экспрессивной нестабильности. То, что принимается за синонимичный смысл, в подтексте пронизывается тканью противопоставления. Стиль, в котором ведется подобное изложение, отражает образ

раздвоенного сознания повествователя. Через соединение «потоков сознания» «осколков» Я повествователя в единое речевое целое раскрывается ограниченность субъективного видения субъекта речи, но одновременно, моделируется многомерное повествование, претендующее на объективность. Подтекстный план повествования выявляет тот факт, что идентичное «Я» субъекта речи становится антитезой самому себе, превращается в деконструкцию как альтернативную форму существования в ином пространственном измерении. Читатель осознает, что повествование от первого лица ведется не клоном, подозревающим о существовании своего «реального двойника», а одним из «осколков» раздвоенного сознания субъекта речи. Семантическая ёмкость двух образов идентичных «Я» вносит в повествование особую экспрессию, расширяет представление читателя о ментальной реальности субъекта речи, её границах до метафизики «раздвоенности». Подтекстный план повествования опирается не столько на логику, сколько на ассоциативные связи, архетипические иерархии, эмоциональные импульсы, актуализируемые в когнитивном сознании читателя. Необычная форма повествования, выводящая за границы обыденного опыта субъекта речи, привлекают читательское внимание. Укоренённость точки зрения повествователя в бессознательном, апелляция к иррациональным формам интерпретации объективной реальности делают эмоциональное воздействие менее осознаваемым, но более эффективным. «Осколок» двойственного «Я» повествователя может встречать своего «двойника». Ср.: (15) *«Стена, вдоль которой я пробегаю, кончается, и за углом дома я сталкиваюсь с человеком, который испуганно отпрыгивает в сторону, поправляя на носу очки. Что-то такое в нём меня останавливает, не давая промчаться дальше, я внимательнее приглядываюсь к нему – и замираю в великом удивлении. Передо мною стоит мой двойник, только одежда на нём другая и очки не такие, какие обычно я ношу. "Что же происходит, – бормочу я себе под нос. – Или в этом городе я сошел с ума и уже галлюцинации начались?.." – "Ничего подобного, – отвечает двойник (и точно – моим голосом!). – По физическим законам, которые тебе известны, ты не должен видеть меня. Ведь я тот, кем ты станешь через много лет... А смысл нашей встречи в том, что я твоя будущая тоска, которая рождается из той самой, что в эту минуту грызет тебя изнутри. ... В душе, на самом дне, лежит у тебя комочек яду. Он отравит всю твою будущую жизнь". – "Что же это за яд?" – спрашиваю я. "Звериный страх, – ответили мне, – вот как он называется. Ты так и не осмелишься стать человеком"»* (А. Ким. Белка). Декомпрессия личности повествователя предопределяет «скачки» и «перемещения» во времени и пространстве, предвидение будущего. Подтекст выявляет двухплановость художественного изображения: «реальный» и «иррациональный» миры «Я» субъекта речи. Происходит «раздвижение» настоящего, его творческое претворение. Стремясь к художественному раскрытию сферы субъективного, повествователь конструирует художественный мир, где стирается грань между фантазией и реальностью, а сверхъестественное и естественное существуют нераздельно, материализуются метафоры и символы, интерпретируемые читателем как «опредмечивание» фобий и ожиданий субъекта речи. Специфическая деструктивная активность самоидентификации повествователя, приводящая к подтекстному проявлению его эмпирического «Я», может редуцироваться до стремления я стать Другим. Концептуальная интеграция я – Другой также отражает декомпрессию личности повествователя и его речевой репрезентации. Причем каждая нарративная ипостась субъекта речи – это «точка зрения», начало новой системы художественных координат, в которой высвечивается новое видение самобытия персонажа, очередное эмпирическое «Я». Интегрированный образ я – Другой включает в себе потенциальную множественность «Я», с которым повествователь идентифицирует себя, стихийный синтез разнообразных переживаний, концептуализированных как «образы-части» себя. «Бывший» образ «Я» (я) вступает в контакт с «нынешним»

эмпирическим «Я» (*Другой*), образуя с ним новое синтетическое единство (идентичность), отношения конкуренции. *Другому* в этом случае отводится иное личное имя. Идентифицируя *Другого*, повествователь познает себя. Информация о самопознании персонажа отражается на подтекстном уровне повествования. Например: (16) «Когда все закончилось, Алексей Михайлович сказал, что я выступал как Цицерон... – Эй, Альберт, классно выглядишь! – пропела проходящая мимо Марина, в то время как я стоял возле грязного зеркала и разглядывал Цицерона в свежем лавровом венке...» (А. Силаев. *Недомут*). Повествователь рассматривает свое отражение в зеркале, однако идентифицирует себя не с собственным «Я», а с известной исторической личностью. Декомпрессия в контексте выявления нарративной точки зрения субъекта речи через аллюзию становится продуктом дистанцированных когний, направленных «наружу и внутрь» потока переживаний персонажа, что нарушает целостность его «Я». Происходит полная дешифровка художественного потенциала метаморфозы раздвоения, выступающей в функции метафоры экзистенциального отчаяния субъекта речи, оставаясь при этом экспрессивным ирреальным образом, открывающим богатые возможности для подтекстного моделирования смысла. Принцип метаморфозы позволяет субъекту речи воссоздать многоплановое повествование, соединяющее иррациональное начало и образное мышление в попытке осмысления своего «Я». Подтекст повествования может выявлять потенциальную множественность «Я» субъекта речи через восприятие другого персонажа. В этом случае идентификация себя повествователем осуществляется через выражение точки зрения персонажа о субъекте речи, противопоставление участников конструируемой в тексте ситуации. Ср.: (17) «Он хозяин здесь. Это понятно – хозяин. Это такие вроде **меня** – чужаки. Хотя я довольно редкий случай даже для него. **Компоненты горизонталей**. Даже если это удача. Подчеркивая правило гурта. Он вроде бейсбольной команды, принимающей соперника на **своем поле**» (С. Шуляк. *Кастрация*). Повествователь эксплицитно указывает читателю на свое парадоксальное положение в сложившейся ситуации. Повествователь предстает не «самим собой», он не контролирует свои поступки, а помещен в двойственную позицию наблюдателя «себя» в акте восприятия другого персонажа. Повествование, с одной стороны, представляет собой «регистрацию» текущих событий внешним взглядом повествователя на себя, с другой стороны, фиксирует размышления субъекта речи от первого лица. В результате сам повествователь редуцируется до паратекстуальной функции, «перепоручает» акт повествования другому персонажу, оказывается зависимым от его точки зрения. Излагая данную точку зрения, повествователь фактически говорит о себе. Повествователь «говорит» о себе «словами» другого персонажа, передавая точку зрения того о себе, наверняка не зная ее, а лишь догадываясь о ней, исходя из самой ситуации общения. «Неизвестное, но сообщаемое» может, на наш взгляд, рассматриваться как косвенная коммуникация от лица самого автора. Таким образом, в тексте наблюдается нейтрализация повествования от первого лица, что в подтекстном плане указывает на отчуждение повествователя от себя как опыт его существования. Читатель имеет возможность увидеть «Я» свое и «Я» чужое повествователя вне их соприкосновения, в их непохожести. Повествователь осуществляет самоидентификацию через анализ своего «Я» как чужого. Другими словами, «Я» повествователя обнаруживается в когнитивном пространстве множественности, его «Я» существует как «отчужденный индивид». В этом отношении *я* и *он* воспринимаются читателем как контекстуальные синонимы, поскольку *я* заявляет о себе через *он*-суждение. В конечном итоге, отчужденное «Я» повествователем становится «Им», нейтрализуя «Я» собственное, а следовательно, и само повествование от первого лица. Налицо декомпрессия личности повествователя, поскольку он ассоциирует себя с «Я» другого персонажа. Отчужденное «Я» выставляется повествователем как понятное и отрефлексированное, не будучи таковым. Для того чтобы реализовать подобную

самоидентификацию повествователя в текстовом пространстве, автор «заставляет» его говорить о себе лексиконом другого персонажа, что придает самому акту повествования недостоверный характер, делает его плодом воображения субъекта речи. Повествование от первого лица «усиливают» недостоверность, поскольку истинное «Я» субъекта речи обнаруживается лишь на уровне авторских импликаций, причем в том же временном измерении, что и воображение и субъективные суждения повествователя. В следующем примере также обнаруживается декомпрессия личности повествователя, поскольку субъект речи ассоциирует себя с аллюзивным именем. Ср.: (18) *«Я обратил Свой взор на воду за бортом. Она была привычно зеленовато-мутной, непроглядной, местами цвела бензиновыми пятнами, чернела какими-то кляксами... Я... стал вдруг выдавать... все эти... совпадения – маслице, трамвайчик... Я усмехнулся. Не хватало еще только Берлиоза для полного счастья. Бездомный уже тут. **Бездомный** – Я. Бездомный и беспризорный. С разбитым сердцем...»* (О. Негин. *Кипарис во дворе*). Концептуальная интеграция двух образов в подтекстном плане выявляет точку зрения говорящего на себя в сложившейся ситуации. Связь аллюзивного имени и субъекта речи основана на принципе смежности: читатель воспринимает повествователя через образ известного булгаковского персонажа, а поэтому все эмоции, испытываемые повествователем также «уходят» в подтекст произведения, являются ассоциативными для читателя. Это функционирование единиц одного плана. Парадигматическая ось значений, непосредственно ассоциируемая с областью метафоризации, предполагает перенос признаков во внеположенную предметную область. Такие отношения, основанные на принципе сходства, обнаруживаются между первичным аллюзивным денотатом и объектом, с которым соотносится аллюзивное имя в тексте. Аллюзивный образ способствует более глубокому читательскому осмыслению характера и поведения повествователя. Вместе с тем, последующие высказывания (*Бездомный и беспризорный. С разбитым сердцем...*) инициируют деконструкцию подтекста, эксплицируют знания, выведенные читателем из ассоциативного образа. Номинация *Бездомный* начинает восприниматься читателями одновременно как аллюзивное имя собственное и имя прилагательное в первичном значении. Подобный повествовательный прием усиливает смысл, заложенный в исходном подтексте, выводит экзистенциональное отчаяние субъекта речи в сильную позицию текста. Деконструкция подтекста, другими словами, служит речевым средством деавтоматизации внимания читателя на конструируемых событиях и месте повествователя в данных событиях. В произведении конструируется образ мира, одновременно изоморфный и неизоморфный объективной действительности, осмысляемый и неосмыляемый в категориях понятийного мышления, что неизбежно порождает контраст с моделью действительности, выстраиваемой рациональным сознанием. Художественная реальность экзистенционального отчаяния субъекта речи выступает как искажение реальности объективной, обратная сторона, как иррациональный мир, отражающий невидимую реальность посредством парадоксальных аналогий и соответствий. Хотя противопоставление «реального» и «ирреального» мира выходит за рамки повествования, оно активизирует воображение читателя и обеспечивает специфический эстетический эффект.

9. Заключение. Механизмы концептуальной интеграции порождают новые, специфические возможности подтекстного обнаружения и анализа данной множественности мнений. В-первых, концептуальная интеграция и декомпрессия вводят в художественный дискурс новые пространства. При этом для повествователя нет необходимости представлять дополнительных персонажей, темпоральные и пространственные измерения в моделировании пережитых

событий, а следовательно, сосредоточить внимание на своем «Я». Во-вторых, компрессия и декомпрессия художественных пространств произведения порождает не только подтекстный смысл, но и позволяет подтексту одновременно реализовывать несколько точек зрения. В результате, повествование от первого лица глубже исследует описываемую ситуацию, связанную с самоидентификацией субъекта речи или его восприятием объективной действительности. При этом в повествовании не нарушается такой важный фактор поддержания читательского внимания, как непрерывность дискурса и его связность. Читательское понимание результатов самоидентификации личности повествователя основывается на принципах концептуальной интеграции, вводимых в художественную ткань текста для обеспечения данного понимания. Примеры, проанализированные в данном параграфе нашей диссертации, свидетельствуют, что выявление декомпрессии предстает необходимым этапом в окончательной интерпретации концептуальной интеграции читателем. Если концептуальная интеграция не получает выдвижения в тексте, как правило, воспринимается естественной для повествования, то декомпрессия занимает сильную позицию в тексте, используется для моделирования нового восприятия знакомой ситуации. На уровне художественного повествования актуализация новых ментальных пространств субъекта речи преследует цель в подтекстном плане обозначить его точку зрения на себя в данной ситуации. В силу множественного характера «Я» повествователя, выражаемые им точки зрения отличаются нелинейностью, алогичностью. Процесс декомпрессии оказывается оптимальным способом их упорядочивания, когнитивной основой их читательского объяснения. Дискурс повествователя наполняется противоречиями и недопониманием со стороны читателя, который не в состоянии ответить на вопрос «почему?», что оставляет широкое поле для бесконечного множества интерпретаций в рамках не только культурных, но и психологических сценариев. Важно подчеркнуть, что в ряде случаев новые концептуально интегрированные образы повествователя структурируются таким образом, что на подтекстном уровне художественного произведения читателем выявляются специфические характеристики субъекта речи. Повествователь фиксирует то, что происходит вокруг него, тот эмоциональный эффект, который оказывает на него происходящее. Однако он не размышляет над данными событиями, которые, тем не менее, «оставляют» эмоциональные «следы» на дискурсе субъекта речи.

Литература

1. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ 1986; 72.
2. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуализации текста. Жанры речи. Саратов: Колледж 1997; 20-21.
3. Гитович И.Е. Пьеса прозаика: феномен текста. Чеховиана: «Три сестры» – 100 лет. Москва: Наука 2002; 8-9.
4. Жабицкая Л.Г. О психологическом подходе в исследовании восприятия художественной литературы. Проблемы социологии и психологии чтения. Москва: Наука 1975; 43.
5. Куркина Л.Я. Герменевтика и «теория интерпретации» художественного произведения. Герменевтика: история и современность. Москва: Мысль 1985.
6. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. Москва: Искусство 1972; 47.

7. Шкунаева И. Д. Бельгийская драма от Метерлинка до наших дней. Москва: Искусство 1973.
8. Хворостин Д.В. Скрытые компоненты смысла высказывания: Принцип выявления: Автореф. дис. канд. филол. наук. Челябинск 2006.

TEACHING COMPREHENSION OF A FOREIGN PROFESSIONALLY
ORIENTED TEXT BY TRANSLATOR

Nataliya Nikolaevna Gavrilenko

Peoples' Friendship University of Russia, 6, Mikluho-Maklaya st.,
117198, Moscow, Russian Federation, E-mail: nngavrilenko@narod.ru

Abstract

Integrative model of teaching professionally oriented translation considers the comprehension of a foreign text as a key stage of this activity that determines the success of creating a translated text. Prerequisites for comprehension of professionally oriented texts by a translator (interpreter) are his subject, language, sociocultural, discursive knowledge, i.e. his professional competence. The translator (interpreter) is to have the highest level of comprehension and be able to evaluate the message from the positions of a language, subject and background knowledge of the recipient. At this level the translator analyses the statement and develops the strategy of the translation taking into account all known factors and specific professional situation of the translated text, i.e. comprehension and an adequate interpretation of a foreign professionally oriented text are the basis of its subsequent translation into the native language.

Key words: *integrative model of teaching translation, translation comprehension and interpretation of the original text, levels of comprehension, professional competence of a translator, general and particular skills of a translator.*

1. ВВЕДЕНИЕ

В конце XX столетия в России сформировался новый подход в переводоведении, основанный на представлении о переводе как порождении речевого произведения, в процессе которого интенциональный смысл не переносится из исходного текста в текст перевода, а создается переводчиком как новое единство формы и содержания, в новых коммуникативных, культурологических и языковых условиях (Крюков, 1996; Иовенко, 1992; Татаринцов, 2007).

Известно, что наибольшие трудности у переводчика возникают на этапе понимания текста на иностранном языке. При обучении этой сложной деятельности следует помнить, что переводчик понимает смысл высказывания, чтобы затем передать его на языке перевода, а не наоборот (переводит текст, чтобы затем понять смысл). К сожалению, такой подход часто имеет место при обучении переводу, сводя его к изучению различных видов грамматических и лексических трансформаций, оставляя за рамками обучения главную задачу переводчика – научиться понимать смысл высказывания на иностранном языке, логику и последовательность изложения аргументации автора, чтобы затем выработать стратегию перевода. В результате в тексте перевода возникает большое количество интерференций, калек с иностранного языка и т.п.

Интегративная модель обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации рассматривает понимание иноязычного текста как ключевой этап данной деятельности

(Гавриленко, 2009). Только знание факторов, которые повлияли на создание иноязычного высказывания, помогает переводчику проникнуть в его смысл. Такую возможность предоставляют информационно-справочный поиск и анализ высказывания с дискурсивных позиций, т.е. рассмотрение специфики института науки и техники, специфики профессионального общения, жанровой разновидности текста, обусловленной коммуникативной функцией и целями общения, характеристик отправителя и получателя высказывания, социокультурных факторов, влияющих на создание специального дискурса, общих закономерностей его построения, стилистических характеристик, основных способов их реализации и т.д.

Модульная система обучения пониманию иноязычного текста переводчиком предусматривает:

- формирование общих умений переводческого понимания профессионально ориентированных текстов;
- формирование частных умений понимания жанров, наиболее типичных для деятельности переводчика в сфере профессиональной коммуникации;
- обучение будущих переводчиков информационно-справочному поиску;
- обучение переводческому анализу профессионально ориентированных текстов;
- обучение выработке стратегии предстоящего перевода на основе проанализированного и понятого текста.

2. ПОНИМАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ТЕКСТА ПЕРЕВОДЧИКОМ

Полное, глубокое и точное понимание переводчиком иноязычного текста выступает предпосылкой его адекватного перевода на родной язык. Сложность данной проблемы подтверждается большим количеством исследований в области методики преподавания иностранных языков. Следует отметить, что этап понимания иноязычного текста в деятельности переводчика долгое время оставался за рамками исследований по переводу. В области переводоведения впервые данная проблема была освещена в исследовании Р.К. Миньяр-Белоручева. Автор рассмотрел особенности аудирования в деятельности последовательного переводчика (Миньяр-Белоручев, 1976). Позднее понимание иноязычного текста переводчиком было проанализировано в монографии И.И. Халеевой с позиций межкультурного общения (Халеева, 1989). Однако до настоящего времени методика обучения пониманию иноязычного текста переводчиком остается слабо разработанной областью дидактики. Справедливым представляется замечание, что «в переводческой литературе молчаливо исходят из принципов, что понимание как предпосылочная деятельность переводчика есть нечто само собой разумеющееся, что оно не нуждается в каком-то исследовании и разъяснении» (Брандес, 1988: С. 19).

В предложенной вашему вниманию статье использован подход к переводу как профессиональной деятельности, который делает необходимым выход за рамки узкого понимания перевода и включение этапа понимания в качестве основной составляющей данной специальности. Такой подход предполагает формирование специальных умений переводчика, направленных на решение определенных профессиональных задач.

Прежде чем рассматривать собственно понимание в деятельности переводчика, следует сделать акцент на том, что понимание профессионально ориентированного текста невозможно без наличия какого-либо «исходного», «первичного» знания, на основании которого и осуществляется указанный процесс, т.е. понимание требует предпонимания /предзнания /предпосылочной базы (Гадамер Г.Г., 1991; Дроздова Т.В., 2003; Кубрякова Е.С., 2002). Такое «предпонимание» профессионально ориентированного текста исследователи связывают, прежде всего, с общим объемом экспертных знаний реципиента/адресата текста, так как эти знания обеспечат последнему адекватное понимание содержания текста. В деятельности переводчика в сфере профессиональной коммуникации такой базой будут служить знания и умения, составляющие его профессиональную компетентность. К этим знаниям и умениям относятся, в первую очередь, предметные знания в определенной профессиональной сфере общения, полученные в процессе обучения основной специальности. К предпосылочной базе переводчика следует также отнести экстралингвистические знания, знание социокультурного, исторического, ситуативного контекста высказывания, знание характеристик автора иноязычного текста и получателя текста перевода, специфики логико-смысловой организации текста по специальности, а также предшествующий опыт переводчика.

3. ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Проблема понимания трактуется в различных науках по-разному. Анализ существующих подходов показал, что, в первую очередь, понимание текста рассматривается в работах по психологии, психолингвистике, герменевтике, социологии и философии.

3.1 Переводческое понимание с позиции психологии

Исследователи отмечают ряд различий между пониманием устной и письменной речи. Так, при устном переводе переводчик сам участвует в акте общения: непосредственно слышит высказывание, понимание высказывания облегчается мимикой, жестами и т.д. При письменном переводе переводчик «оторван» от ситуации, в которой создавалось высказывание, но он может контролировать темп поступления информации, возвращаясь к непонятым словам, предложениям. Однако, по мнению многих исследователей, понимание устного и письменного текста подчиняется общим законам переработки информации.

С точки зрения психологов понимание текста представляет собой неоднородный процесс, во время которого у реципиента создается образ содержания текста. Этот процесс позволяет осуществить переход от линейной структуры текста, т.е. материальных знаков языка, к структуре его содержания. В отечественной психологии понимание трактуется широко, включает собственно процессы восприятия и понимания, все перцептивные действия и всю дальнейшую мыслительную переработку информации.

3.2. Переводческое понимание с позиции психолингвистической школы

Представители Московской психолингвистической школы понимание текста определяют как процесс перевода смысла текста в любую другую форму его закрепления — это может быть пересказ смысла высказывания другими словами, перевод на другой язык, смысловая компрессия и т.д. Конечным результатом понимания является динамичный образ содержания текста, за которым стоит «изменяющийся мир событий, ситуаций, идей, чувств, побуждений, ценностей человека – реальный мир, существующий вне и до текста» (Леонтьев, 2003: С. 141).

В результате процесса понимания формируется картина общего смысла текста – концепт. Такой подход к пониманию во многом определил развитие исследований в этой области.

3.3. Переводческое понимание с позиции когнитивистики

Введение в аппарат исследователей когнитивных понятий позволило соотнести понимание с коммуникативным процессом и с результатом познания — знанием, которое представляет смысл, содержание текста, и определить его как когнитивную деятельность (разновидность речевой), «результатом которой является установление смысла некоторого объекта (обычно текста или дискурса)» (Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996: С. 124).

На основе понимания происходит «интерпретация» высказывания, ее исследователи рассматривают как когнитивные действия, объектом которых выступают продукты речевой деятельности. Интерпретация представляет собой глубинный уровень понимания, который достигается при соотнесении языковых знаний со знаниями о мире, со структурами представления и хранения знаний, с предшествующим опытом человека. Наличие необходимой базы общих и разделенных знаний позволяет адресату сделать выводы, получить концептуальную картину мира, интерпретировать текст на основе усвоенной информации, что свидетельствует о понимании текста. В результате интерпретации у человека формируется концепт текста, его мыслительный сгусток, максимально свернутая глубинная смысловая структура (Кубрякова, 2002).

Таким образом, формирование концепта в результате понимания и интерпретации профессионально ориентированных текстов будет определяться умением переводчика привлекать экстралингвистические знания, извлекать необходимые знания из своей памяти, распознавать интенцию автора, следить за логикой представления информации, за ее распределением в тексте и т.д. Такое понимание текста переводчиком можно достичь на основе дискурсивного анализа профессионально ориентированного текста (Гавриленко, 2010)

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что *единый процесс взаимодействия восприятия, понимания и интерпретации составляет основу понимания переводчиком иноязычного текста. Данный процесс обусловлен спецификой текстов, которые нужно понять, в нашем случае — профессионально ориентированных текстов, и требует выхода за рамки текста, т.е. его дискурсивного анализа. В результате понимания, на основе такого анализа у переводчика формируется концепт текста, который представляет объективный смысл, содержание текста.* При этом следует отметить, что понимание иноязычного текста выступает предпосылкой исполнения профессиональной деятельности переводчика, а не целью, как при обычном понимании. К этому следует добавить, что обычный читатель/слушатель субъективно интерпретирует полученную информацию, тогда как переводчик обязан интерпретировать понятую информацию объективно, а уже когнитивный багаж получателя позволит последнему сделать соответствующие выводы.

3.4. Уровни переводческого понимания исходного текста

С позиций теории речевой деятельности понимание высказывания переводчиком будет иметь три уровня: побудительно-мотивационный, аналитико-синтезирующий и исполнительный. Мотивационно-целевая сторона опосредована деятельностью отправителя высказывания. Понимание как результат чтения/аудирования удовлетворяет собственную потребность реципиента. Это может быть детальное понимание и удержание сообщения в памяти для дальнейшего использования информации, а также понимание для развлечения, расширения кругозора и т.д. Специфика понимания как компонента профессиональной деятельности

переводчика состоит в том, что оно направлено не на удовлетворение собственной, личной потребности, а на выполнение профессиональной деятельности. На этом этапе переводчик приходит в состояние готовности максимально полно и точно понять текст, чтобы затем передать его на языке перевода. Уже здесь возникает такой компонент ситуации общения, как получатель с его социокультурными особенностями, предметными и фоновыми знаниями, учет которых необходим переводчику с самого начала его деятельности. Следует отметить, что получаемая информация, чаще всего, не значима для самого переводчика, то есть мотивация и сама деятельность переводчика имеет опосредованный характер и предметом понимания является «чужая мысль, которая затем воссоздается для других от себя» (Зимняя, 1978: С. 42).

На следующем уровне понимания в деятельности переводчика — аналитико-синтезирующем, или формирующем — происходит основная работа по приему и декодированию информации. Этот уровень охватывает в основном процессы непосредственного взаимодействия реципиента с текстом (т.е. аудиовизуальное восприятие сенсорными рецепторами), а также «ближайшие» ментальные процессы обработки полученной информации (Каменская, 1990: С. 126–127). На этом этапе переводчик средствами внутреннего кода осмысливает высказывание, воспринятое на иностранном языке. Этот код «представляет собой универсальный язык, с которого возможны переводы на все другие языки» (Жинкин, 1964: С. 36). Переводоведы отмечают, что переводчик должен стремиться как можно быстрее уйти от способов выражения мысли в оригинале и руководствоваться исключительно внутренней программой.

Третий уровень структуры понимания – исполнительный. На этом уровне понимание становится результатом осмысления предмета высказывания, глубинные процессы понимания текста могут привести к изменению (развитию) как тезауруса, так и концептуальной системы личности реципиента (Каменская, 1990: С. 126–127). По мнению психологов, на основе установления на предыдущем уровне смысла высказывания на данном уровне формируется замысел ответного решения. Это значит, что именно на этой фазе понимания у переводчика формируется замысел сообщения на языке перевода, в терминах Т.М. Дридзе – «общий нерасчлененный смысл, общая концепция» (Дридзе, 1984: С. 71). Можно предположить, что только когда переводчик понял смысл высказывания и замысел автора, он будет анализировать лингвистическую, социокультурную, предметную специфику высказывания с позиции получателя, чтобы выработать стратегию его перевода на родной язык. У опытных переводчиков, по всей видимости, данный процесс происходит в сжатой форме.

Чтобы учесть множество факторов, влияющих на понимание переводчиком текста по специальности, следует принимать во внимание характеристики понимания текста, которые исследователи выделяют с позиций герменевтики и социологии. Герменевтический подход к пониманию высказывания предполагает полное и глубокое проникновение в текст, что связано с привлечением объективного исторического материала (фактического и научного), информации о личности автора оригинала как носителя культуры определенной эпохи, а также с логическим анализом и теоретическим осмыслением текста. Осмысление текста и понимание имеют место только в контексте всей деятельности и обусловлены целями, которые преследует человек. Результатом процесса понимания является постижение смысла. Таким образом, смысл и осмысление приобретают социокультурный статус.

Исследуя коммуникативно-познавательные процессы в рамках нового междисциплинарного научного направления — семиосоциопсихологии, Т.М. Дридзе полагает, что главное для интерпретатора – способность, готовность и умение понимать суть. Поэтому в процессе понимания текста необходимо понять не только смысл высказывания, но и «Почему?» и «Ради

чего?» этот текст возник, т.е. в чем состоит коммуникативная интенция автора, каким образом автор ее объективирует и насколько адекватно названная интенция интерпретируется партнерами по коммуникации (Дридзе, 2000: С. 125).

С позиций рассмотренных подходов, понимание переводчиком профессионально ориентированных текстов будет предполагать, с одной стороны, учет характеристик высказывания, исторического, социального, культурного ситуативного контекста, с другой — учет социально-психологических характеристик отправителя и получателя высказывания как представителей определенной профессиональной сферы общения. Близкий по сути подход предлагают в рамках интерпретативной модели перевода исследователи французской и канадской школ перевода, которые считают, что в основе понимания лежат «когнитивные дополнения», т.е. экстралингвистические знания, которые необходимо мобилизовать, чтобы понять замысел автора высказывания. Эти дополнения предоставляются самой ситуацией, знанием характеристик автора высказывания, знанием контекста, предметными знаниями и т.д. (Bodrova-Gogenmos, 2000; Delisle, 1993; Israël, 1998; Selescovitch, Lederer, 2002 и др.)

Поняв и интерпретировав текст, переводчик должен уяснить, что не поймет получатель текста перевода. Это значит, что переводчик должен осуществлять «двойное» понимание иноязычного текста: в системе социально-психологических координат лингвокультурной общности носителя иностранного языка и в системе координат носителей языка перевода. Для переводчика такие знания представляются важными, так как он, будучи связующим звеном, непосредственно не участвует в акте общения, высказывание не адресовано лично переводчику.

Таким образом, анализ процесса понимания высказывания с позиции психологии, психолингвистики, герменевтики и семиосоциопсихологии показывает, что *при обучении переводческому пониманию иноязычного текста целесообразно использовать междисциплинарный/интегративный подход к пониманию высказывания, позволяющий учесть:*

- *психологические особенности понимания как основного этапа профессиональной деятельности переводчика;*
- *специфику понимания профессионально ориентированного текста, создаваемого в определенном историческом, социальном, культурном контексте;*
- *социально-психологические характеристики отправителя иноязычного текста и получателя текста перевода.*

4. УРОВНИ ПОНИМАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Существуют различные точки зрения по данному вопросу. Большинство исследователей полагают, что эти уровни будут аналогичными для чтения и аудирования. В теории и методике преподавания иностранных языков высшим уровнем при чтении является *изучающее чтение*, а при аудировании — *критический* уровень понимания. Однако, рассматривая переводческое понимание письменных текстов, нельзя приравнивать его к *изучающему* чтению, так как “объектом “изучения” при этом виде чтения выступает *информация*, содержащаяся в тексте, но не языковой материал (Фоломкина, 1987). Нельзя говорить и о “*филологическом* чтении”, при котором внимание читающего сосредоточено не на извлечении научного содержания, а на особенностях языкового выражения и, соответственно, на овладении его лучшими формами и наиболее современными образцами (Чаковская, 1986).

Очевидно, переводчику важны как умение извлекать всю информацию из высказывания с учетом ситуации, в которой будет использоваться текст перевода, знаний получателя и требований заказчика, так и умение максимально полно уяснить языковую форму выражения мысли автора, чтобы оформить текст перевода в соответствии с нормами языка перевода.

Высшим уровнем смыслового восприятия текста на слух считается *критический* уровень (Гез, 1979; Смирнова, 1982). Проведенный анализ понимания в процессе последовательного перевода показал, что не все из выделяемых исследователями умений необходимы переводчику в его профессиональной деятельности. Такие компоненты критического понимания, как формирование личного отношения слушающего к полученной информации и ее критическая оценка, необязательны для переводчика, так как он должен воздерживаться от собственных оценок и эмоций. Однако следует отметить, что если для обычного слушателя, достигшего критического уровня понимания, характерно критическое осмысление предметного содержания высказывания, то для переводчика предметом осознания оказывается как смысл высказывания, так и его языковое выражение. Переводчик должен так понять высказывание, чтобы затем передать его смысл и языковую реализацию в новой коммуникативной ситуации, учитывая различия в социокультурных, предметных и языковых знаниях отправителя и получателя текста.

Все вышеизложенное позволяет говорить о профессиональном *переводческом* понимании и интерпретации текста. По всей видимости, критическое осмысление высказывания, характерное для зрелого чтеца и критического уровня аудирования, оказывается не релевантным для переводчика. *Переводчик должен оценивать смысл и языковое выражение высказывания, но не с позиции собственной заинтересованности, а лишь с учетом языковых, предметных, фоновых знаний получателя текста перевода, чтобы адекватно передать содержание и языковую форму высказывания.*

Однако существуют и другие точки зрения по данному вопросу. Рассматривая процессы восприятия и понимания с позиций когнитивного подхода, Ю.Н. Караулов каждый уровень понимания соотносит с трехуровневым представлением языковой личности. Первый уровень соотнесен с вербально-семантическим уровнем языковой личности, второй (интерпретация) — с тезаурусным (когнитивным) уровнем, на котором происходит формирование концептов, понятий, и третий (понимание замысла автора) — с мотивационным (прагматическим) уровнем, на котором происходит понимание деятельностно-коммуникативных потребностей автора высказывания (через прецедентные тексты, сферы общения, коммуникативные ситуации, т.е. через учет всех внеязыковых факторов) (Караулов, 1987: С. 51–58).

М.П. Брандес выделяет два уровня понимания: герменевтический, который основан на чувственно-эмпирическом и интуитивно-психологическом способах понимания, и логико-теоретический, рациональный, наиболее глубокий, ибо он предполагает осознание источников, целей, мотивов и причин явления или сообщения (Брандес, 1988: С. 30–32).

С позиций психолингвистики, с учетом когнитивных знаний реципиента исследователи выделяют три уровня понимания текста:

- понимание на уровне буквальных значений языковых знаков;
- понимание на уровне поверхностного смысла как результата определения контекстуальных смыслов;

- понимание на уровне глубинного смысла как результат интерпретации (Кубрякова, 2002).

Совершенно очевидно, что переводчик должен понимать профессионально ориентированный текст на уровне глубинного смысла.

Нельзя забывать, что переводчик не просто понимает текст, а использует его в качестве ориентировочной основы в своей профессиональной деятельности, которая качественно отличается от простого восприятия и понимания текста и предполагает понимание в качестве своего структурного компонента. В зависимости от характера этой «большой» деятельности, места в ней восприятия текста, типа текста, степени сформированности навыков и умений «большой» и «малой» деятельности и ряда других факторов в каждом конкретном случае оптимальна разная стратегия восприятия, в том числе понимания (Леонтьев, 2003: С. 143). Для переводчика этап понимания определяет его дальнейшую деятельность. Существует большая зависимость между глубиной понимания текста переводчиком и тем, что будет выражено в тексте перевода. Уровень понимания иноязычного текста в существенной мере определяется накопленными переводчиком знаниями. Чем разнообразнее эти знания и чем их больше, тем глубже понимание текста. При подготовке к деятельности переводчика профессионально ориентированных текстов студенты уже обладают глубокими предметными знаниями в области основной специальности. Исследователи отмечают, что глубина понимания содержания или смысла научного текста зависит от предметных знаний получателя. Относительно полное понимание высказывания возможно, только если коммуниканты принадлежат к одному социальному полю. Наиболее близки к полному пониманию научные тексты, основными единицами которых выступают научные понятия (Болотнов, 1992: С. 7–8).

Интересным представляется логико-гносеологический подход к пониманию текста, в рамках которого выделяют такой критерий понимания, как общая понятность/непонятность текста. При этом указывается, что для некоторых текстов (к ним можно отнести профессионально ориентированные тексты) критерии уровня понимания не могут быть выработаны ни лингвистикой, ни психологией, ни любой другой наукой, так как для понимания такого текста необходимо быть специалистом в той области, которая представлена в тексте (Попович, 1982). Справедливым представляется замечание, что переводчик профессионально ориентированных текстов постоянно сталкивается с проблемными ситуациями, которые не могут быть решены без привлечения научных понятий, отсутствующие в интеллектуальном багаже лингвистов (Лапина Н.Ю., 1989, с. 78). Для переводчика специальные предметные знания позволят глубже проникнуть в смысл высказывания и адекватно передать понятый смысл в тексте перевода.

Таким образом, *переводческое понимание можно определить как процесс восприятия, понимания и интерпретации иноязычного высказывания переводчиком на основе дискурсивного анализа текста и информационно-справочного поиска с целью его последующего перевода. Заканчивается данный этап переводческой деятельности выработкой стратегии перевода понятого высказывания на родной язык.*

Проведенный анализ позволил определить профессиональные действия и соответствующие умения, необходимые для переводческого понимания и интерпретации текста. Переводчик должен уметь:

- учитывать имеющиеся предварительные предметные знания при понимании иноязычного текста;

- понимать и интерпретировать высказывание, предназначенное для других лиц, с целью его последующего перевода, не будучи при этом непосредственным участником общения;
- выделять в тексте ключевые слова, отражающие основную информацию, для их последующей передачи на языке перевода (при последовательном переводе – для их письменной фиксации);
- прогнозировать продолжение высказывания, опираясь на профессиональные знания и опыт, а также коммуникативную ситуацию;
- удерживать в поле внимания как смысловое содержание профессионально ориентированного текста, так и его языковую реализацию;
- учитывать исторический, социальный, культурный контекст, в котором создавался иноязычного текста, с целью его понимания, интерпретации и последующей передачи в тексте перевода;
- привлекать и анализировать факторы коммуникативной ситуации перевода для понимания коммуникативного замысла автора и логики изложения высказывания;
- соотносить полученный образ содержания высказывания с социальным, историческим и ситуативным контекстом, а также социально-психологическими характеристиками отправителя иноязычного текста и получателя текста перевода с целью интерпретации текста;
- при письменном переводе привлекать и обрабатывать различные документальные источники по теме иноязычного текста, создавая собственную информационно-справочную картотеку;
- консультироваться у специалистов, экспертов, носителей иностранного языка.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ этапа понимания иноязычного текста в деятельности переводчика позволяет предположить, что предпосылкой понимания переводчиком профессионально ориентированных текстов служат его предметные, языковые, социокультурные, дискурсивные знания, т.е. его профессиональная компетентность. Для него представляется важным понимание всей информации, содержащейся в тексте, понимание глубинного смысла, что требует максимальной активизации всех механизмов, обеспечивающих понимание высказывания. Переводчик должен владеть высшим уровнем понимания и уметь оценивать поступающее сообщение с позиции языковых, предметных и фоновых знаний получателя. На этом уровне переводчик анализирует высказывание и вырабатывает стратегию перевода с учетом всех известных факторов профессиональной ситуации и специфики переводимого текста, то есть понимание и адекватная интерпретация иноязычного профессионально ориентированного текста выступают основой его последующего перевода на родной язык. Помощь на этом этапе профессиональной деятельности переводчика могут оказать информационно-справочный поиск и переводческий анализ профессионально ориентированного текста.

REFERENCES

1. Брандес М.П. Стил и перевод (на материале немецкого языка), М.: Высш. шк., 1988: 127.
2. Гавриленко Н.Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. Книга 1, М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2009: 178.
3. Гавриленко Н.Н. Понять, чтобы перевести: перевод в сфере профессиональной коммуникации. Книга 2, М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2010: 206.
4. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. Философия и герменевтика, М.: Искусство, 1991: 367.
5. Дридзе Т.М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах. Кн. 2, М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000: 115–37.
6. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации, М.: Наука, 1984: 268.
7. Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста: Монография, Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003: 224.
8. Зимняя И.А. Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности // Вопросы теории перевода, М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1978, Вып. 127: 37–49.
9. Иовенко В.А. Основы концепции детерминации в переводе (на материале испанско-русских и русско-испанских переводов): Дис. ...докт. филол. Наук, М., 1992: 301.
10. Каменская О.Л. Текст и коммуникация, М.: Высшая школа, 1990:152.
11. Крюков А.Н. Межъязыковая коммуникация и проблема понимания // Перевод и коммуникация / Отв.ред.: А.Д. Швейцер, Н.К. Рябцева, А.П. Василевич, М.: Ияз РАН, 1996: 73–83.
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание, М.: Языки русской культуры, 2002: 800.
13. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов, М.: МГУ, 1996: 245.
14. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики, М.: Смысл; Спб.: Лань, 2003: 287.
15. Миньяр-Белоручев Р.К. О некоторых особенностях аудирования при устном переводе // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации), М.: Наука, 1976: 119–26.
16. Татаринов В.А. Методология научного перевода: К основаниям теориям конвертации, М.: Московский лицей, 2007: 384.
17. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи, М.: Высшая школа, 1989: 238.

TEACHING TRANSLATION ANALYSIS OF A SPECIFIC DISCOURSE

Nataliya Nikolaevna Gavrilenko

Peoples' Friendship University of Russia, 6, Mikluho-Maklaya st. ,
117198, Moscow, Russian Federation, E-mail: nngavrilenko@narod.ru

Abstract

Going beyond the text, the analysis of historical, social, cultural and situational context in which the original text was created and where the translated text will be used make it necessary for the translation of text analysis from discursive positions. This approach has allowed to include a specific discourse, which is created in the process of communicating in professional scientific and technical field, and its subspecies into instructional content of translation comprehension of professionally oriented texts. It is reasonable to analyse these texts from the discursive positions. The proposed sequence of translation analysis will contribute to the perception, comprehension and interpretation of a foreign professionally oriented text to its translation into the native language.

Key words: *translation text analysis, discursive approach, subspecies of a discourse, translation comprehension and interpretation of the text, professionally oriented translation.*

1. ВВЕДЕНИЕ

Известно, что наибольшие трудности у переводчика возникают на этапе понимания текста на иностранном языке. Полно и точно понятый текст, правильно определенные логические связи, цель и мотив отправителя высказывания являются предпосылками адекватного перевода текста на родной язык. понимание иноязычного текста как ключевой этап данной деятельности. Специфика деятельности переводчика профессионально ориентированных текстов на этапе понимания иноязычного текста обусловлена, в первую очередь, особенностями переводимых текстов. Именно характеристики переводимого текста служат основанием для дифференциации видов перевода на художественный и специальный/информативный/профессионально ориентированный. Выход за рамки текста, анализ исторического, социального, культурного, ситуативного контекста, в котором создавался исходный текст и будет использоваться текст перевода, обуславливают необходимость переводческого анализа текста с дискурсивных позиций.

2. ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ПРОЦЕССУ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ

Переводчик профессионально ориентированных текстов чаще всего имеет дело с текстами, традиционно относящимися к научному стилю речи. Следовательно, переводчик должен понять иноязычный текст с учетом факторов коммуникативной ситуации, социокультурных факторов, влияющих на его создание и восприятие, чтобы затем воспроизвести его на другом языке, в другой культуре и другой коммуникативной ситуации.

Такой взгляд на текст возможен с позиции «дискурса», понятия, которое в настоящее время используется в лингвистической литературе наряду с понятием «текст» и еще не получило однозначного определения. Следует отметить, что русские и французские исследователи при рассмотрении понятия «дискурс» часто опираются на концепцию М.М. Бахтина, согласно которой реальной единицей речевого общения является текст как высказывание, специфику которого составляют «два его полюса» — система языка и «неповторимое событие текста», «его смысл». Смысл высказывания становится ясным только в коммуникативной ситуации, в процессе общения в определенной сфере (Бахтин, 1979).

2.1 Дискурс в деятельности переводчика

Разнообразие трактовок «дискурса» обусловлено тем, что данное понятие изучают разные науки, и каждая вкладывает в него свой смысл, дает различные определения. Наиболее полно, на наш взгляд, современное понимание «дискурса» отражено в определении, данном Н.Д. Арутюновой: «Дискурс (от фр. *discours* — речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их создания (когнитивных процессах)» (Арутюнова, 1990: С. 137).

Во Франции понятие «дискурс» сформировалось в 1970–1980-е годы. Подробный анализ становления понятия «дискурс» во Франции проведен в работах Д. Менгно и П. Серио (Maingueneau, 1996a; Серио, 1999). Рассматривая всю многозначность термина «дискурс», Серио отмечает, что в настоящее время «в рамках теорий высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания)» (Серио, 1999: С. 26).

Проведенный анализ существующих взглядов на дискурс показал, что данное понятие определяется исследователями как явление динамичное, как процесс создания текста, обусловленный социальными, культурными, историческими, коммуникативными и лингвистическими факторами.

Следует отметить, что в последних работах в области лингвистики текста также значительно расширен круг рассматриваемых вопросов. Текст большинство современных исследователей считают основной единицей общения, рассматривают его с позиций включенности в текстовую деятельность, влияющих на его создание факторов коммуникативной ситуации, определяют его как центральное звено в элементарной коммуникативной цепочке: автор – текст – реципиент. Исследователи устанавливают текстовые категории различного порядка, анализируют текст с позиций культурологии, проводят структурный анализ текста и устанавливают типы связи между смысловыми и формальными частями текста и т.д. При всем многообразии подходов к изучению текста их объединяет понимание текста как законченного речевого целого, обладающего определенной структурой.

2.2 Соотношение текста и дискурса при обучении переводу

Из множества существующих определений текста общепризнанным считается определение, данное И.Р. Гальпериным: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами

лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин, 1981: С. 18).

Анализируя существующие взгляды на соотношение текста и дискурса, В.Е. Чернявская отмечает, что текст, будучи формальной завершенной структурой, представляет собой базовый компонент дискурса. В свою очередь, дискурс — «это языковое выражение общественной практики в ее различных коммуникативных сферах; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая – социально-, идеологически-, культурно-, исторически обусловленная ментальность» (Чернявская, 2002: С. 230). Данное толкование дискурса представляется наиболее отвечающим целям подготовки переводчиков, так как для полного понимания смысла иноязычного текста переводчику необходимо рассмотреть максимальное количество факторов, повлиявших на его создание, т.е. проанализировать текст с дискурсивных позиций. Поэтому столь важно при обучении переводу понятие «дискурс», который позволяет переводчику уяснить смысл, намерение автора и «спуститься» на текстовый уровень, чтобы проанализировать средства, которые использовал автор для достижения поставленной цели.

Г.В. Колшанский справедливо отмечал, что перевод представляет собой сложное взаимодействие всех компонентов коммуникативного акта в их динамическом развитии – от образования отдельных высказываний до законченного текста. «Перевод как процесс и результат достижения адекватности передачи мысли, выраженной на языке оригинала, требует участия и таких факторов, которые выходят за чисто языковые, т.е. действительно коммуникативных факторов, а именно учета ситуации, компетенции коммуникантов, значения предыстории того или иного текста; [...] владения полной информацией о, так сказать, истории соответствующего текста (письменного или устного), другими словами, знания всех языковых, культурных и исторических пресуппозиций соответствующего текста» (Колшанский, 1984: С. 167). Только умение соразмерять и учитывать лингвистические и экстралингвистические факторы, которые тесно взаимодействуют в процессе перевода, свидетельствует о профессионализме переводчика.

По мнению ряда исследователей, в основе экстралингвистических ситуаций, которые используются при интерпретации дискурса, лежат некие инвариантные, стандартные, бесконечно воспроизводимые схемы, архетипы, концепты, фреймы, гештальты. По всей видимости, именно анализ составляющих дискурс позволит переводчику максимально полно понять и передать на языке перевода смысл высказывания, так как истинный смысл высказывания связан с профессиональной, социальной и групповой принадлежностью автора и может быть вскрыт и понят только при широком контекстном анализе и учете всей ситуации общения.

2.3 Понятия «адекватность» и «эквивалентность» при переводе

Рассматривая феномен «дискурса» при подготовке переводчиков, следует остановиться на важном для данного исследования различии между понятиями «эквивалентность» и «адекватность» перевода. Основным объектом эквивалентности является перевод как результат, а адекватность рассматривает перевод в его процессуальном аспекте, обращая особое внимание на соответствие стратегии перевода коммуникативной ситуации (Швейцер, 1989: С. 52–53). В процессе подготовки переводчика профессионально ориентированных текстов основное внимание, на наш взгляд, должно быть направлено на формирование умений переводчика понимать, анализировать высказывание и выбирать стратегию перевода в соответствии со спецификой коммуникативной ситуации, с требованиями заказчика, т.е. на

адекватность перевода. Такое понимание адекватности перевода соотносится с анализом дискурса. Исследователи справедливо отмечают, что перевод возможен не столько на основе сравнения языков, сколько на основе сравнения дискурсов двух или нескольких стран (Миронова, 1997: С. 27; Durieux, 2000, Р. 16). Понятие «эквивалентность» соотносится с понятием «текст» и будет также использоваться в процессе подготовки переводчиков, но на этапе исправления и оценки сделанного перевода. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что анализ профессионально ориентированного текста с дискурсивных позиций будет одним из важных этапов в деятельности переводчика, обуславливающим адекватность понимания и перевода текста, а, следовательно, данному анализу следует учить будущих переводчиков.

Следует отметить, что во Франции понятие «дискурс» плодотворно используется в процессе изучения иностранных языков и при подготовке переводчиков. При обучении профессионально ориентированному переводу дискурсивная компетенция является одной из основных составляющих профессиональной компетентности переводчика и во многом определяет этапы данной деятельности – понимание иноязычного текста и создание текста перевода, поэтому введение понятий «дискурс» и «анализ дискурса» представляется обоснованным при подготовке переводчиков профессионально ориентированных текстов.

3. СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Однако не все виды дискурса релевантны деятельности переводчика профессионально ориентированных текстов. Проведенный анализ существующих типологий дискурса показал разнообразие подходов при их создании и позволил выделить две большие группы типологий дискурса: берущие за основу какой-либо один отличительный признак («гомогенные») и имеющие в основе несколько критериев («гетерогенные»). Примером первой группы могут служить типологии на основе выделения функций, реализуемых в дискурсах в процессе общения. Исследователи выделяют экспрессивный, аргументативный и информативный дискурсы, описательный, повествовательный и т.д. Примером второй группы могут служить типологии, основанные на описании признаков и типов функционирования дискурса, особенностей ситуаций и общественных институтов, отправителя и получателя дискурса и т.д. Авторы данных типологий выделяют исторический, поэтический, педагогический, *научный* и другие типы дискурса. Некоторые исследователи выделяют научный дискурс, ограничивая рамки анализа общением среди ученых.

Существует и другой подход, согласно которому интересующие нас профессионально ориентированные тексты исследователи рассматривают как один из подвидов специального дискурса. Этот тип дискурса характеризуется с позиций определенной тематики и функций общения, профессионального статуса отправителя и получателя высказывания, в рамках определенного социального института, специфических характеристик ситуации общения, канала передачи информации (Charaudeau, 1983, 2000; Dictionnaire d'analyse du discours, 2002; Loffler-Laurian, 1984).

Такое широкое толкование специального дискурса, позволяющее рассматривать технический и научный дискурсы как его подвиды, в наибольшей мере отвечает целям подготовки переводчиков. Следует отметить, что понятия «наука» и «техника» тесно взаимосвязаны что обуславливает сложность разграничения научных и технических текстов, с которыми имеет дело переводчик в своей профессиональной деятельности, и делает целесообразным их рассмотрение в рамках одного специального дискурса.

4. ПОДВИДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Специальный дискурс в зависимости от специфики получателя будет иметь ряд подвидов. Наиболее подробно подвиды специального дискурса освещены в работе А.-М. Лофлер-Лорьян (Loffler-Laurian, 1984). На основании ориентированности на реципиента она выделяет в специальном дискурсе семь подвидов (типов) дискурса:

- узкоспециальный дискурс,
- общенаучный дискурс,
- научно-популярный дискурс,
- рекламный дискурс,
- научно-педагогический дискурс,
- диссертация, дипломная работа,
- официальный дискурс.

Такой подход к выделению подвидов специального дискурса можно сравнить с выделением подстилей научного стиля в работах российских исследователей. Выделяют следующие типы текстов: 1) академические (собственно научные), 2) информационно-реферативные научные, 3) справочно-энциклопедические научные, 4) научно-оценочные, 5) научно-учебные, 6) научно-инструктивные, 7) научно-деловые (Троянская, 1989: С. 93). В зависимости от сферы научно-познавательной деятельности: 1) собственно научный (академический), 2) технический, 3) научно-дидактический, 4) научно-популярный и 5) научно-информационный подстили (Кузнецов, 1991: С. 124); академическая научная литература, рассчитанная на подготовленного читателя, и научно-популярная, рассчитанная не на профессионала (Брандес, Провоторов, 1999: С. 59) и т.д.

Однако не все выделенные подвиды специального дискурса являются типичными для деятельности переводчика. Мы проводили опросы переводчиков и исследовали жанры, типичные для данной деятельности, которые показали определенную динамику в развитии данного вопроса на протяжении десяти лет. Так, в 1993 г. среди текстов, релевантных деятельности переводчика, часто встречались тексты, относящиеся к научно-педагогическому дискурсу (это объяснялось тем, что переводчики в период существования СССР в рамках помощи и содействия развивающимся странам часто переводили научные лекции, консультации, семинары для иностранных специалистов), а в настоящее время научно-педагогический дискурс редко встречается в деятельности переводчика. Результаты последних опросов показали также, что в деятельности переводчика почти не встречаются диссертация и дипломная работа. Вместе с тем отмечается появление новых жанров, таких как веб-сайт, стендовый доклад и др.

Проведенные опросы переводчиков показали, что в их деятельности встречаются общенаучные, узкоспециальные и деловые тексты. С данной тематикой могут быть соотнесены следующие подвиды специального дискурса: общенаучный, узкоспециальный и официальный. Рассмотрение подвидов специального дискурса, основанного на специфике получателя, представляется целесообразным при подготовке переводчиков, поскольку для них чрезвычайно важна информация о возможном получателе перевода. Эта информация во многом определяет выбираемую стратегию перевода. Будучи представителем определенного социального

института, получатель выполняет статусные роли, которые соотносятся с определенными стереотипами речевого поведения специалистов. На основании данного положения А.Я. Гайсина выделяет следующие статусные роли специалистов в сфере профессионального общения:

- ученый-теоретик, производственник/инженер-практик/научно-технический работник, решающий узкопрофессиональные проблемы;
- служащий в офисе/секретарь-референт, организующий делопроизводство, подготавливающий проведение совещаний, симпозиумов и др.;
- коммерческий представитель предприятия/специалист среднего и низшего менеджмента, директор фирмы/менеджер высшего звена, ответственные за выработку стратегии, тактики, принятие решений;
- начальник, подчиненный, коллега/сотрудник (Гайсина, 1997: С. 36).

При рассмотрении подвидов специального дискурса, типичных для деятельности переводчика, с позиций отправителя и ориентированности на получателя была использована номенклатура выделенных Гайсиной статусных ролей специалистов. При рассмотрении подвидов специального дискурса были также проанализированы существующие в России и во Франции каналы передачи высказывания в профессиональной сфере общения. Результаты проведенного анализа специального дискурса можно представить следующим образом.

Узкоспециальный дискурс

Отправитель	Канал общения	Получатель
➤ ученый-теоретик ➤ научно-технический работник	<u>Письменно</u> специализированные журналы (Journal de physique, La Recherche и т.д.), сборники научных трудов, сайты, информационные порталы в Интернете. <u>Устно</u> Конгрессы, конференции, выставки, видеоконференции	➤ ученый-теоретик ➤ производственник ➤ инженер-практик ➤ научно-технический работник

Автором узкоспециального дискурса может быть ученый-теоретик, научно-технический работник, решающий узкопрофессиональные проблемы. Этот дискурс предназначен специалистам в той же области знаний, в которой работает автор, или читателям, багаж знаний которых достаточен для его понимания. Данный дискурс требует от получателя углубленных знаний и практики в определенной области науки и техники, в нем присутствует большое количество специальных терминов. Его цели чрезвычайно разные – представить новое открытие, обсудить преимущества и недостатки технического или научного проекта. Предметом обсуждения выступает область техники или науки или обе одновременно.

Общенаучный дискурс

Отправитель	Канал общения	Получатель
➤ ученый-теоретик ➤ научно-технический работник ➤ журналист, специализирующийся в данной научно-технической области	<u>Письменно</u> Журналы по различным областям науки (La Recherche, Pour la Science), сайты, информационные порталы в Интернете. <u>Устно</u> Конференции, видеоконференции, выставки	➤ ученый-теоретик ➤ производственник ➤ инженер-практик ➤ научно-технический работник ➤ неспециалист, имеющий обширные знания в области науки

Автор и получатель общенаучного дискурса — не всегда специалисты в данной области науки и техники. Общенаучный дискурс требует от получателя общих научных знаний, а не углубленных знаний и практики в определенной области. Цели данного дискурса: проинформировать о новых открытиях и изобретениях, привлечь внимание специалистов к решению общих вопросов в той или иной области науки и техники.

Официальный дискурс

Отправитель	Канал общения	Получатель
➤ коммерческий представитель предприятия ➤ директор фирмы ➤ менеджер высшего звена	<u>Письменно</u> корреспонденция, факс, Интернет, электронная почта <u>Устно</u> совещания, переговоры, выставки	➤ директор фирмы ➤ менеджер высшего звена

Автором официального подвида специального дискурса может быть специалист (практик или исследователь). Данный дискурс предназначен специалистам в той же области, в какой работает автор, или получателям, багаж знаний которых достаточен для его понимания, например, директору фирмы или менеджеру высшего звена, ответственным за выработку стратегии, тактики, принятие решений. Официальный дискурс требует от получателя углубленных знаний и практики в определенной области науки и техники. Его цели могут быть разнообразными: представить документацию предприятия/фирмы, обсудить преимущества и недостатки технического или научного проекта, изложить проект бюджета, вложений и т.д.

5. ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПЕЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Переводческий анализ специального дискурса становится по сути «анализом дискурса» или «дискурсивным анализом». Это понятие еще не получило четких границ и по-разному определяется исследователями.

В исследованиях российских авторов просматривается несколько подходов к анализу дискурса. Примером системного подхода к анализу дискурса служит работа В.В. Михайловой. Автор рассматривает дискурс как сложное, многоплановое образование и выделяет три «измерения»/«уровня» дискурса: участники коммуникации, ситуация общения и сам текст. При выделении и анализе научного дискурса автор рассматривает следующие категории: институциональность/личностность, авторство, адресность, информативность, интертекстуальность. Дальнейшая конкретизация характеристик отправителя и получателя в рамках ситуации общения и рассмотрение таких составляющих дискурса, как содержательность, структурность, стилевая принадлежность, целостность, позволяет автору выделить жанровые разновидности рассматриваемого типа дискурса (Михайлова, 1999).

Другой подход к анализу дискурса предлагает Н.Н. Миронова, которая при рассмотрении оценочного дискурса использует характеристики комплексной Модели общения: сфера общения, вид практической деятельности, характеристики коммуникантов, хронологический период, тип стратегической и практической цели каждого коммуниканта, характер информации, композиция текста, речевой стиль и т.д. (Миронова, 1997: С. 46–47). Данный подход представляется наиболее отвечающим таким характеристикам дискурса, как динамичность и соотнесенность с определенной сферой общения. Французские исследователи предлагают, по сути, близкую схему анализа дискурса, выделяя следующие характеристики: социальный институт, цель дискурса, характеристики отправителя и получателя, дискурсивные операции (Серио, 1999; Dictionnaire d'analyse du discours, 2002; Grize, 1990; Maingueneau, 1996b; Moirand, 1994, и др.). Исследователи отмечают, что целью анализа дискурса является выработка метода понимания продуктов речевой деятельности. Такое понимание анализа дискурса близко к пониманию стратегии перевода, которая строится в зависимости от специфики переводимого текста, и определяет понятие адекватности перевода.

Предложенные подходы к изучению дискурса составляют значительный вклад в процедуру анализа дискурса, но вместе с тем не включают, на наш взгляд, все значимые для переводческого анализа текста факторы. Авторы, например, не рассматривают в качестве самостоятельной категории такой важный фактор, как канал сообщения информации, накладывающий ограничения на дискурс. Представляется значимым при анализе переводчиком специального дискурса выделение в качестве самостоятельной категории основных функций и целей общения как одного из факторов, помогающего понять и передать смысл высказывания. При этом следует отметить, что не все составляющие специального дискурса будут оказывать одинаковое влияние на процесс его понимания и перевода. Вероятно, при переводе различных жанров эти факторы будут иметь разное значение.

Выделенные составляющие дискурсивного анализа были сопоставлены с детерминирующими факторами профессиональной деятельности переводчика. Вопрос детерминированности деятельности переводчика является объектом многих исследований в области перевода. Наиболее полно детерминирующие факторы перевода представлены в работе В.А. Иовенко, который считает, что деятельность переводчика обусловлена в основном теми же факторами, которые определяют коммуникативную деятельность в целом, но в переводе приобретают

некоторые особенности. Отмечая когнитивный характер переводческой обусловленности, автор выделяет следующие детерминанты данной деятельности:

1. концептуальные (коммуникативное задание и прагматика адресанта и адресата);
2. культурологические (социокультурные потенциалы контактирующих языковых общностей – реалии культуры, истории, общественной жизни коллективов адресанта и адресата и национально-психологические аспекты коммуникации с участием двух языков);
3. лингвистические (языковые системы, языковые нормы, речевые/узуальные нормы иностранного и родного языков);
4. текстовые (содержательные, композиционные параметры построения текстов на иностранном языке и на языке перевода, стилистика разноразличных текстов, объем текстов и т.д.) (Иовенко, 1992: С. 131-138).

К сожалению, следует отметить, что вопрос детерминированности применительно к профессионально ориентированному переводу остается мало разработанным. Выделяются отдельные детерминанты — норма общеупотребительного языка перевода, речевой контекст, установка переводчика на фоновые знания получателя. Однако факторы, которые важны при переводе профессионально ориентированных текстов, будут иметь свою специфику и варьироваться в зависимости от переводимого жанра. Именно эти факторы являются основанием для выбора стратегии перевода.

При отборе составляющих, которые важны для анализа специального дискурса с целью его последующего перевода, мы опирались на последовательность рассмотрения дискурса с позиций теории общения, на выделяемые переводоведами детерминанты деятельности переводчика как коммуникативной деятельности, а также на исследования в области социологии, психологии, лингвистики и пограничных с ними наук. В результате проведенного нами исследования была разработана последовательность анализа специального дискурса, которую предлагается использовать в процессе подготовки переводчиков профессионально ориентированных текстов:

- институциональная обусловленность специального дискурса;
- сфера общения, в которой создавался специальный дискурс;
- коммуникативные функции и цели специального дискурса;
- жанр специального дискурса;
- канал общения;
- характеристики коммуникантов – отправителя и получателя специального дискурса;
- логико-смысловая структура специального дискурса;
- интердискурсивность;
- социокультурные особенности специального дискурса;
- язык, стиль, терминология специального дискурса.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенное позволяет обучать профессионально ориентированному переводу на основе специального дискурса и его подвидов, которые создаются в процессе общения в профессиональной научно-технической сфере. Предлагаемые в процессе обучения переводу иноязычные тексты предлагается анализировать с дискурсивных позиций. Такому анализу характеристик специального дискурса, который типичен для профессиональной сферы общения, следует учить в процессе формирования профессиональной компетентности переводчика, что обуславливает необходимость включения данных характеристик в содержание обучения переводу. Предложенная последовательность переводческого анализа будет способствовать восприятию, пониманию и интерпретации иноязычного профессионально ориентированного текста с целью его перевода на родной язык.

REFERENCES

1. Charaudeau P. De la compétence sociale de communication aux compétences de discours // Didactique des langues romanes : le développement des compétences chez l'apprenant, Louvain-la-Neuve : De Boeck-Duculot, 2000: 41–54.
2. Charaudeau P. Langage et discours. Eléments sémiolinguistique (théorie et pratique), Paris : Hachette, 1983: 176.
3. Dictionnaire d'analyse du discours / Sous la direction de P. Charaudeau, D. Maingueneau, Paris: Editions du Seuil, 2002: 666.
4. Durieux C. Traduction littéraire et traduction technique : même démarche // Revue des Lettres et de la Traduction, № 6, Liban: Kaslik, 2000: 11–25.
5. Grize J.-B. La construction du discours : un point de vue sémiotique// Le discours: représentations et interprétations/Etudes rassemblées par Michel Charolles/Sophie Fischer/Jacques Jayez, Nancy : Presses Universitaires de Nancy, 1990: 11–8.
6. Loffler-Laurian A.-M. Norme de communication et traduction des textes techniques // META, XXXIX, 2, 1984: 175–82.
7. Maingueneau D. L'analyse du discours en France // Le français dans le monde, Spécial : Le discours : enjeux et perspectives, 1996a: 8–15.
8. Maingueneau D. Les termes-clés de l'analyse du discours, Paris : Seuil, 1996b: 94.
9. Moirand S. Décrire des discours de spécialité // Lenguas para fines específicos, Universidad de Alcalá de Henares, 1994: 79–91.
10. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь, М.: Сов. Энциклопедия, 1990: 136–137.
11. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества, М.: Искусство, 1979: 291–294.
12. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста, Курск: Изд-во РОСИ, 1999: 224,

13. Гайсина А.Я. Обучение профессиональному общению на основе текста (английский язык, неязыковой вуз): Дисс. ...канд. пед. Наук, М., 1997: 259.
14. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования, М.: Наука, 1981: 139.
15. Иовенко В.А. Основы концепции детерминации в переводе (на материале испанско-русских и русско-испанских переводов): Дис. ...докт. филол. Наук, М., 1992: 301.
16. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка, М.:Изд-во «Наука», 1984: 176.
17. Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка (публицистический и научный), М.: Высш.шк., 1991: 160.
18. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики, М.: «НВИ» - «ТЕЗАУРУС», 1997: 158.
19. Михайлова В.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей), Дисс. ... канд. филол. Наук, Волгоград, 1999: 194.
20. Серио П. Как читают тексты во Франции//Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса/Составитель П. Серио, М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999: 12-53.
21. Троянская Е.С. Обучение чтению научной литературы, М.: Изд-во “Наука”, 1989: 272
22. Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Манерко, Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2002: 230-2.
23. Швейцер А.Д. Эквивалентность и адекватность // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров. Сб.н.тр., Вып. 343, М.: МГИИЯ, 1989: 52–8.

ОДЕЖДА – «ВНЕШНЯЯ» ФОРМА НАРРАТИВА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Оксана Н. Лагода

Кафедра дизайна, Государственный технологический университет, Черкассы, 18006, Украина.

E-mail: lagoda_oxana@mail.ru

Abstract

In modern conditions it is logical to consider the clothing in terms of Narratology - the theory of narrative. Costume as a sign system, vestimentary cultural code displays the history of culture and humanity. Its diversity (ethnic, national, historical and modern), formed in the everyday culture and everyday culture under the influence of fashion. Also improved his "language": forms, images, styles, colors, etc. Any suit tells the story of their owner, indicates its sex, age, social status, etc. The person tends to identify himself. It uses a system of signs and their meanings. Clothing, therefore, becomes the external form of a narrative identity.

Key words: *clothing (costume), vestimentarnaya fashion, ethnic and social identity, the transformation of culture, fashion, fashion design.*

Интерес к вестиментарной моде (лат. *vestimentum* – имеющий отношение к одежде) приобретает все более разнообразные формы в своем культурологическом измерении. Одной из наиболее важных проблем в этой сфере считается отсутствие индивидуальности, проблема самоидентичности в глобальном мире. Стереотипы стилей, форм, образов, цветовых решений в одежде практически «преследуют» как европейских, так и отечественных производителей, дизайнеров и стилистов, в то время как ими же предпринимаются попытки создания «нового» концептуального искусства костюма XXI века с учетом современных трансформаций культуры.

Приоритетная роль в формировании мировой вестиментарной моды, безусловно, традиционно принадлежит европейским центрам во Франции, Великобритании и Италии. Однако активнейшее участие в этом процессе в конце XX века продемонстрировали, к примеру, японские дизайнеры, творчество которых оказало не только влияние на развитие «языка» европейского костюма и формирование модных тенденций, но и на трансформацию семиотического поля моды, на содержание и эстетическое значение ее смыслообразований.

Безусловной и неоспоримой сегодня является также роль бельгийской школы моды, представители которой – Анн Демельмейстер, Дрис Ван Нотен, Дирк Биккемберкс, Мартин Марджела и др., – в своей методике создания одежды основываются на сочетании традиции и инновации, новейших технологических достижений и глубоком изучении истории костюма. Переосмысление собственного культурного наследия в поисках самоидентичности способствует созданию инновационного потенциала – своеобразного «пути в будущее», формируя субкультурные феномены массовой культуры.

Процесс самоидентификации как таковой предполагает обращение к историческим и духовным корням, традиционной культуре, литературе и искусству, философии и религии – ко всему тому, что создает неповторимый облик каждой национальной (этнической) культуры. Изменения в восприятии и реализации тех или иных универсалий в современной культуре,

одежды в частности, по сравнению с традиционной, указывают на курс культурного развития в пользу культурно-национальной идентичности. Либо поглощения ее другой, более сильной культурой, или же попытки создания сбалансированной культуры как синтеза «старого» и «нового», «своего» и «чужого». Такими универсалиями в современной культуре – чертами, характеризующими критерии направленности на самоидентификацию, положительную или отрицательную перцепцию, могут служить, к примеру, категория красоты (эстетический идеал) и телесные практики в традиционной культуре Востока, или же гендерные проекты славянских культур, реализованные в костюме. Кроме того, все также актуальна социальная идентификация, проблемное поле которой охватывает все сферы жизнедеятельности человека не исключая и практику вестиментарной моды.

Таким образом, в современной моде продолжается интернационализация культурных ценностей разных эпох и народов. Формируя единое информационное пространство, она предполагает не только обращение, «цитирование», изменение, преемственность в культуре одежды, привнося удобные, общепринятые и общепонятные нормы поведения, профессиональные языки и символы, международные бренды, образцы массовой культуры и др., но и влияет на культурные универсалии, превращая их в динамичные категории. Подобная динамичность во многом обуславливается своеобразием создаваемых дизайнерами коннотаций, благодаря которым происходит постоянное «обновление» модных образов, стилистики костюма, форм его рекламы, а главное – эмоций, которые их сопровождают. И именно в таком контексте в вестиментарной моде актуальность приобретает фундаментальная категория креативности как творческая черта индивида, характеризующаяся способностью к продуцированию принципиально новых идей и входящая в структуру одаренности в качестве независимого фактора. Особенно интересен тот факт, что речь может идти, как о сугубо профессиональном художественном творчестве кутюрье и дизайнеров в сфере создания одежды, так и о субъективном, индивидуально-репрезентативном аспекте, характеризующем отдельно взятого человека в реально существующих национально-исторических, социально-культурологических, общественно-экономических и любых иных условиях, что и указывает на пути поиска самоидентичности. Одежде в этих поисках отведена не последняя роль.

Коннотации, или семантические ассоциации, – это те элементы в одежде, которые отражают культурные представления и традиции, господствующую в обществе практику использования (потребления) вещи и многие другие внеязыковые факторы. Коннотация включает дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании человека, которым в процессе творческого переосмысления и интерпретации, создания артефакта, придает дополнительные оттенки, служащие для выражения эмоционального или оценочного отношения к одежде и ее элементам, как к предмету или вещи. Именно с этой целью человек на протяжении веков придумывал и усовершенствовал для выражения своих мыслей и чувств ряд знаковых систем – кодов, одним из которых и является костюм как универсальный «вестиментарный культурный код».

Знаковая система – код, – накладывается на мыслительный процесс и позволяет выразить его в объективированном виде. Важно, что различные культурные и другие ситуации предполагают использование разных кодов. Различные типы знаковых систем, как своеобразные наборы знаковых систем с одинаковыми характеристиками знака, на котором они основываются, остаются в центре внимания многочисленных исследований. К примеру, у Р. Барта в книге «Система моды. Статьи по семиотике культуры» указаны названия таких кодов, как: коннотативный; естественный; искусственный; исторический; культурный; смешанный или псевдореальный; вестиментарный, разделенный на словесный вестиментарный код и реальный

вестиментарный; иконический и вербальный [1]. Каждый из указанных кодов, прежде всего, выполняет коммуникативную функцию. Термин «коммуникация», который появился в научной литературе в начале XX века, в широком смысле рассматривается как «процесс взаимодействия и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию» [2: 117]. Подобное коммуникативное понимание природы вещей, одежды в частности, позволяет говорить об акте коммуникации как о процессе, происходящем на определенном повествовательном уровне. Отметим это.

В ряду знаковых систем костюм является самым необходимым человеку для взаимодействия с окружающей средой, поскольку не только защищает, но и содержит и транслирует значительное количество информации о своем владельце. Вся история развития человечества является своеобразным свидетельством того, что, приспосабливаясь к обстоятельствам (историческим, культурным, экономическим, социальным) с помощью традиционного костюма, человек осваивал и изменял среду и самого себя. Результатом этого стало в частности увеличение функций традиционного костюма. Это значит, что изменялся и усовершенствовался его язык – его знаковая система. Усовершенствование языка костюма привело к тому, что люди не только лучше понимали друг друга, но и лучше влияли на изменения окружающей среды, изменялись сами вместе со сменой языка костюма, который сами и усовершенствовали. Это указывает на то, что когнитивная функция народного костюма – развитие интеллекта на основе изучения языка костюма, – не менее важна, чем его коммуникативная функция.

Обладая общим строением, ключевыми элементами культуры выступают знаки и символы, с помощью которых информация не только передается, но и интерпретируется. Культура, таким образом, превращает весь окружающий мир в бесконечный набор текстов. В одних случаях это сознательно созданный текст (человек своим внешним видом, одеждой что-то хотел сказать), в другом случае – произвольный текст, который может оказаться не менее креативным. Поэтому сегодня актуально изучение одежды – исторического, национального или этнического, современного костюма, – как своеобразного текста; рассмотрение тела (телесных практик) как текста не только в контексте исторического, социального, культурного развития человечества, но и с позиций современного концептуального искусства, массовой культуры и культуры потребления, а также – продукта проектной культуры дизайна.

Общеизвестно, что процесс дизайна предполагает как социально-экономический и статистический анализ, так и функциональный, функционально-стоимостный, технологический анализ, а также анализ формы и композиционного формообразования. Являясь самостоятельным видом творческой деятельности, он синтезирует научное, техническое и художественное творчество, формирующие визуальный язык дизайнерской формы, в данном случае – дизайнерской формы одежды. Создание же формы – это и есть создание «семиотического пространства культуры», в котором для человека жизненно важным является соответствие внутренних смыслов и внешнего состояния вещей. Иными словами – «...эстетический дискурс дизайна, в котором вариации образного и знакового, пластического и конструктивного, декоративного и функционального программируются поисковой активностью человеческого сознания и потребностями человеческой чувственности...» [3: 8].

Современный дизайн одежды принято отождествлять не только с искусством костюма, но и с индустрией моды. Как известно, потребление произведений искусства заключается в их визуальном восприятии. Однако «...потребление моды состоит в ношении одежды... Данный этап является ключевым в идеологии моды, поскольку мода как вера воплощается в материальном объекте» [4: 139]. Экспликация теории художественного проектирования

костюма, как системы создания одежды – дизайна, а также теории моды – системы создания «модного» как особой ценности в контекст истории и теории дизайна, имеет сегодня неопределенное, двусмысленное значение. И, что особенно интересно, изучением этих вопросов занимаются в основном не искусствоведы и культурологи, а социологи, экономисты и маркетологи в контексте массовой культуры или же культуры потребления.

Как продукт дизайнерской деятельности, вещи, в частности одежда, могут иметь разный уровень художественной и практической ценности. Например, уникальные произведения haute couture, как проектирование образно-пластической, художественной формы, что максимально близко декоративно-художественному творчеству и современному искусству в целом, а также арт-дизайну, в котором вещь подымается с утилитарного до художественного уровня. Дизайну вообще присущ экспериментальный, художественный поиск, благодаря которому происходит непрерывный процесс стилевых изменений и стилеобразования [5].

Однако в любом случае, одежда – это утилитарная вещь, создание которой, и весь процесс с ним связанный, предполагает использование, то есть потребление в самых разнообразных формах этой вещи. Потребление, в свою очередь, категория, рассматриваемая в поле социальных, экономических и культурологических проблем. «История дизайна – относительно молодая дисциплина по сравнению с историей искусств – возможно, больше преуспела в изучении той совокупности социальных аспектов, экономических элементов и культурологических проблем, которые воздействуют на объекты материального мира и сами оказываются под их воздействием. Связь между производством, потреблением и имеющимся артефактом, всегда занимавшая центральное место в любом определении истории дизайна, требует исследования культурного контекста и очень хорошо подходит для изучения исторического и современного костюма...» [6: 42].

Наряду с высоким уровнем производства и потребления, возрастающей мобильностью человечества, фундаментальной характеристикой изменений нашего времени является процесс глобализации. Он влечет за собой серьезные последствия, среди которых, прежде всего, потеря предметами потребления, к которым относим одежду и дополнения к ней, тех символических значений, которые придавали им мифы национальных культур. Их практически полностью заменила реклама брендов, фирм, виртуальные рекламные образы, стили продукции и т. п., образующие совершенно новую систему знаков, которые наполнены своеобразными смысловыми референциями. Мир современного человека переполнен подобными знаками – общепонятными отнесениями к действию или явлению, которыми они сами не являются. Их природа иногда бывает необычайно сложной, двусмысленной, часто – неуловимой. Семиотика рекламных образов и слоганов, стилей, фотографии и других форм дизайна, исполняющих функции языка, на котором сообщаются различные идеи, ассоциации и чувства, является коммуникативно-идентификационной составляющей созданных дизайнерами образов продуктов потребления. Сегодня она приобретает особое значение не только для развития национальных моделей дизайна одежды, но и для анализа процессов, связанных с проблемами самоидентичности, экологии культуры и человека [7]. Это доказывает, что знаковые значения вестиментарного культурного кода претерпели значительные изменения, как в реальной жизни, так и в профессиональной деятельности и в индустрии моды.

В семиотике, как известно, знак имеет две составляющие: означающее – физическая форма знака (внешняя, визуализированная); и означаемое – ментальная концепция, к которой отсылает знак, иными словами – смыслообразование. В потребительской культуре предметы потребления продаются благодаря рекламе, использующей их. Задание таких

смыслообразований, облеченных в знаковую дизайнерскую форму, – привести в действие культурные ассоциации и желания таким образом, чтобы, в конце концов, продукт потребления становился означающим, приобретая особую ценность в сознании потребителя. Средствами передачи необходимой информации, знаками определенных качеств товара, мифами и другими ассоциациями в рекламе становятся визуальные знаки – стайлинг продукта, дизайн рекламы, графика, а также брендинг и, безусловно, мода, с методологической точки зрения социологии культуры, как искусственно созданный культурный смысл [4: 37].

Воспринимаемая длительное время как «несерьезная тема», «поверхностная и изменчивая материя», особенно в отношении одежды, мода сегодня подвержена переоценке как сфера гуманитарных исследований, научной разработке концепций моды в наиболее актуальных аспектах [8]. Сама же деятельность по созданию, оформлению и продаже продуктов и услуг как знаков получает все большее эстетическое наполнение. Это значит, что дизайн уверенно занимает центральное место в указанном процессе, благодаря чему экономическая жизнь общества становится культурной и эстетизированной [9]. Не последнее место в ней отведено вестиментарной моде как «концептуальному инструменту для объяснения природы символической деятельности»: «Мода – это нематериальное измерение современной культуры; она зарождается и непрерывно производится и воспроизводится, вызывая в людях постоянную потребность в переменах...» [4: 139]. Ценность моды, собственно, и заключается в ее символическом значении.

Сегодня вся система производства и потребления подвергается глубоким изменениям. Как процесс создания и интерпретации смыслов культура пронизывает всю эту систему. Ориентируясь на потребности пользователей, дизайнеры в роли культурных посредников создают разнообразные формы потребления, которые становятся для потребителей способом их самовыражения и самоидентификации. «Эти новые формы можно рассматривать с точки зрения впечатлений, объединяющих различные стадии потребления в единое целое, воспринимаемое всеми органами чувств...» [9: 43]. Таким образом, современники определяют дизайн как «дизайн впечатлений», иными словами – «эмоциональный дизайн». Для дизайна одежды подобный эпитет не только органичен и целесообразен, о чем вспоминалось выше. Во многом он был присущ ему всегда и воплощался в образно-стилистическом решении костюма, представленного во время дефиле, в рекламных кампаниях, фото-сессиях, в витринах трендовых магазинов. История образного, эмоционально-чувственного в дизайне одежды уходит корнями еще к явлению дендизма и костюмированным вечерам Пуарэ.

Современный дизайн одежды, и вся вестиментарная мода, демонстрируют выразительную персонификацию и индивидуализацию образно-стилистических решений костюма, которые доминируют сегодня не только на мировых подиумах и в гляцевых журналах, но и в повседневной жизни. Дизайн – это процесс, в результате которого продукт (одежда и ее элементы) получает закодированное символическое значение, выражающееся через дизайн самого продукта и дизайн его рекламы. Цель такого кодирования – указать покупателям на предпочтительное прочтение продукта, то есть на то, как этот продукт следует воспринимать. В процессе потребления возможно и декодирование продукта, поскольку существует реальная возможность его альтернативного прочтения различными субкультурами и отдельными индивидами. Практически, это одна из «новых» и наиболее важных задач современного дизайна впечатлений, которая находится в поле общекультурной проблематики и остается практически неисследованной.

Изучением культурной проблематики сегодня занимаются различные гуманитарные дисциплины, что, собственно, объясняет различия, существующие среди значительного количества определений самого понятия «культура». Отличия существуют также в трактовке данного феномена западной и отечественной научной традициями.

В общефилософском понимании культура является совокупностью всех созданных человечеством ценностей, то есть формой жизнедеятельности, которая отделяет мир природы и биологические формы существования от результатов материального и духовного производства человека, а также весь комплекс его отношений с природой и отношение к самому себе.

История и культурология рассматривают культуру как специфический вид деятельности, связанный с выражением художественно-эстетических вкусов, которые формируют отдельные «сферы культуры» – искусство, театр, музыка и пр. Психология и педагогика сосредотачивают внимание на изучении культуры человеческого мышления, воспитания, поведения и т. п. Этнологический взгляд на культуру, сложившийся еще в XVIII веке, сформировал понимание культуры как непрерывного и последовательного способа деятельности человека, который обеспечивает сохранение этноса и воспроизводство его бытийных основ. Отсюда и главный методологический подход к изучению культуры как системы символов, отображающих конкретные реалии и требующих соответствующего декодирования и интерпретаций. В то же время, «выделенный в культуре этнический компонент можно лишь условно отождествлять с понятием «этнической культуры» – невероятно сложным и многогранным явлением» [10].

Предпосылками и необходимым условием формирования этнической культуры является возникновение группы людей, которая стремится к самосохранению и обеспечению целостности собственной жизнедеятельности, то есть к самоидентичности. В процессе адаптации к экономической среде и историческому развитию она накапливает специфический культурный опыт, отличный от опыта иных групп. Именно на такой основе, в которой значительное место отведено бытовой традиции, обычаям и т. п., кристаллизируются отдельные культурные комплексы, самобытность которых углубляется благодаря аккумуляции культурных особенностей из созданной данной группой собственной искусственной среды [10: 346-354]. Таким образом, обыденная культура – это неотъемлемая часть культуры вообще, а также наиболее яркий «маркер» идентификации.

Теоретическое осмысление культуры повседневности на уровне философских и культурологических представлений началось относительно недавно, хотя эмпирическое представление об этом феномене сложилось намного раньше. Представления о культуре повседневности претерпели изменения, которые то разделяли, противопоставляя, проявления духовной жизни и быт (Шпенглер), то не разделяли духовные ценности и ценности обыденной жизни (Фрейд) [11].

Особое влияние на формирование теории культуры повседневности имели представители школы «Анналов»: М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Дюби и др. Так, в своем труде «Структуры повседневности: возможное и невозможное» Фернан Бродель предложил определенную структуру, актуальность которой реальна и сегодня, в частности упоминая в 5 главе костюмы и моду. Он практически создал одну из «относительно ранних концепций структуры самого понятия «культура повседневности», элементами которой (по Броделю) выступают: «система первичных потребностей (в пище, одежде, жилище) и возвышающаяся над ней система вторичных потребностей (изысканная пища, модная одежда, роскошное жилище – и отсюда деньги как символ этих вторичных потребностей)» [11]. По мнению М.В. Лукова из подзаголовка книги – «возможное и невозможное», – вытекает, практически неисследованная

Ф. Броделем, третья система потребностей – «стремление осуществить невозможное, сфера желаний, мечты». По мнению ученого это потому, что «третичные потребности» связаны не с материальной цивилизацией, которая непосредственно интересовала француза, а с духовной культурой (искусством, наукой, религией): «Следствием этого грандиозного умолчания... становится... потенциальный вывод общекультурологического плана: структуры повседневности – это только материальные феномены бытия» [11]. И одежда, безусловно, среди них феномен исключительный.

Вслед за опубликованным впервые в 1967 г. трудом Ф. Броделя, в 1968 г. издается «Система вещей» Ж. Бодрийяра. В этой работе «совершен уже не исторический, а культурологический прорыв в теоретическом осмыслении культуры повседневности». Ж. Бодрийяр условно разделил все вещи на «функциональные» и «псевдофункциональные»: «...зыбкий пробел в функциональном мире, вещь, оторванная от своей функции, в ней подразумевается размытая, ничем не ограниченная функциональность, то есть скорее психический образ воображаемой функциональности» [12]. Именно такое разделение актуализировало «весьма существенное для конца XX в. явление – выход на передний план в общественном и индивидуальном мировоззрении обыденной культуры» [11].

Подробно рассмотрел и описал быт и нравы, обыденную культуру России XVIII – XIX вв. в контексте мировой культуры Ю.М. Лотман. Им рассмотрены общественная и образовательная системы, мода, этикет, обычаи, а также исторические события и личности в свете обыденной культуры. Для Лотмана повседневная жизнь – категория историко-психологическая, система знаков, то есть в своем роде текст. Для него бытийное и бытовое – неразделимы, поскольку неразрывна связь глобальных явлений с повседневными, непрерывен сам культурно-исторический процесс.

Однако, приводя в своей статье сведения о развитии научного видения обыденной культуры и культуры повседневности, М.В. Луков настаивает на разделении этих двух понятий, хотя «...для большинства исследователей это синонимы. ...Но при изучении новейшей культуры более плодотворным представляется дифференциация этих понятий. Под «обыденной культурой» логично понимать ту сферу культурной жизни, которая связана с бытом и обыденным сознанием. Под «культурой повседневности» – весь объем культуры, актуализированной в человеческой жизнедеятельности сегодняшнего дня, здесь и сейчас... Постепенно намечается масштабный переход от господства «обыденной культуры» к господству включающей ее, но и не только ее, «культуры повседневности» [11]. В этом смысле «концепция повседневной культуры – пожалуй, самый неожиданный ответ из тех, что антропология может предложить для удовлетворения извечного вопроса о смысле человеческого существования» [13: 5] и не только.

История костюма – это история культуры в самом широком смысле этого слова, потому что практически все, чего смог достичь человек в разных сферах своей жизнедеятельности, нашло отражение в одежде. Костюм дает нам представление как о культурных и экономических контактах народа, так и о его эстетических идеалах, ценностных ориентирах, обычаях и многом другом [14]. Очевидно, что одежда, а точнее – культура одежды – это наиболее существенная и интересная с точки зрения предмета исследования составляющая, как обыденной культуры, так и культуры повседневности. Важно лишь выявить эту грань между первым и вторым, различая функциональное, символическое, смысловое и пр. значение костюма в определенном контексте. Подобный подход указывает, в первую очередь, на то, что в контексте обыденной культуры следует говорить о традиционном (национальном, этническом, региональном)

костюме, а также – об историческом костюме как результате стилевого выявления ставшего «традиционным», «хрестоматийным образом» определенной эпохи. В культуре же повседневности следует рассматривать особенности «отклонений» от традиционного – как этнического, так и исторического костюма, сформировавшиеся под влиянием моды и различных социокультурных изменений в обществе. Соответственно, каждый из костюмов будет наделен определенным и отличительным нарративом в контексте «указанного» повествования.

В современных исследованиях прослеживается тенденция считать народный костюм, прежде всего, инструментом формирования национальной идентичности. Народным, в строгом смысле, может называться только документированный крестьянский костюм определенной местности, с определенным набором характерных черт (региональный костюм). Термин же «национальный костюм» весьма расплывчат. В свою очередь мода считается своеобразным механизмом «разложения» традиционного костюма, что опять-таки указывает на необходимость разделения обыденной и повседневной культуры.

В отношении моды принято считать, что наиболее адекватному описанию и объяснению способствует её социологическое изучение, поскольку процессу распространения и смены модных образцов, в частности одежды, характерно, прежде всего, ценностное отношение людей к вещам и к другим людям. Ценности существуют лишь intersubjectively, то есть социально. Иными словами, изучение моды позволяет выявлять факты ценностной динамики и стратификации. Именно эти две наиболее важные проблемы – ценностная динамика модных образцов и связь моды и стратификации, – являются ключевыми в социологии моды.

Мода связана с повседневным проявлением ценностей в жизни человека и, в таком контексте, она более чем традиционна и постоянна. Подтверждением этому может служить тот факт, что мода стала предметом исследования и постоянного интереса многих выдающихся социологов. В концепции моды каждого из них, прежде всего, отражена социальная сущность моды именно такой, какой та была в определенную эпоху и время. Своеобразие же и существенное отличие современной моды состоит в том, что она – индустрия, создающая модные образцы виртуально, не как вещь, а как образ. Мода, поскольку она становится индустрией, есть процесс воспроизводства социальной реальности в виде ее симуляции. Включаясь в процесс смены модных образцов, люди не столько приобретают и используют одежду и другие вещи, сколько приводят в движение модели социальной реальности.

Концепция индустрии моды, так же, как и концепции подражания (Г. Тард, Г. Спенсер, Г. Зиммель), демонстративного потребления (В. Зомбарт, Т. Веблен), механизма обновления социокультурных норм (Г. Блумер, П. Бурдьё), имеет собственную область применения. Функциональная нагрузка моды как культурного модуса в современных условиях как одного из механизмов социальной регуляции общественного поведения более чем актуальная проблема. Она является своего рода «метрономом развития культуры», признаком динамичной структуры социума [15].

Современники выделяют практически шесть основных направлений, которые раскрывают сущность моды как культурного модуса: деятельностный подход (Е.Я. Басина, А.Б. Гофман, Б.Д. Парыгин, К.М. Кантор); экономический подход (И.В. Архипова, С.О. Аничкина, Н.Т. Фролова); эстетический подход (В.И. Казаринова, Т.В. Козлова, Н.Т. Савельева); коммуникативный подход (В.Ю. Борева, Л.В. Петров); психологический подход (Б.Д. Парыгин, М.И. Килошенко); комплексный подход, при котором указанные аспекты рассматриваются в единстве (З.Б. Элькина, Давыдова). Поскольку мода всегда семиотична, «...включение в моду –

непрерывный процесс превращения незначимого в значимое» [15: 126-127], возможно также рассмотрение моды как семиотического феномена. Изучение моды как знаковой системы позволяет выделить основные принципы функционирования модных знаков в конкретной культурной ситуации. И, что очень важно, учесть, что мода присуща лишь конкретным типам общества, а значит, что во временном измерении не носит универсального характера. Это, в свою очередь, наталкивает на мысль о множественности «повествований» моды, нарративность которых произвольна и независима.

Наиболее яркими представителями семиотического подхода в изучении моды являются Р. Барт и Ж. Бодрийяр, которые рассматривали культуру потребления, в частности потребления одежды, как «систематический акт манипуляции знаками». Так, для Р. Барта, мода – это идеальная модель смыслообразований вообще: абсолютно эфемерная, оторванная от функции, от бытовых реалий, мода представляет собой чистый, самодовлеющий смысл, риторику, апофеоз идеологии.

Учитывая то, что «костюмом» мы называем комплекс элементов одежды и дополнений к ней, подразумевая образ человека – носителя костюма, составляющих вместе определенную художественную, образно-стилистическую, формально-эстетическую систему, а также все выше сказанное, вырисовывается ряд проблемных вопросов, требующих научного осмысления, в частности:

- принцип «прочтения» одежды (костюма) как определенного текста, «написанного» в культуре повседневности; его локальных и индивидуальных (групповых) особенностей, позволяющих идентифицировать человека в социуме;
- необходимость выявления своеобразия «написания» текстов одежды (костюма) в культуре повседневности под влиянием моды;
- проблема соотношения «модного костюма» с «традиционным костюмом» как сообщений – текстов, созданных в равных условиях обыденной жизни, влияющих на формирование культуры одежды как специфической культуры потребления.

Понятно, что человеку в этих проблемных вопросах будет отведена главная роль как Создателю, Интерпретатору, Менеджеру, Потребителю и пр., определяющему не только функциональное, материальное, художественно-эстетическое значение костюма, но и его смысловое, символическое и даже этическое измерение. В этом смысле человек в контексте своего костюма как знаковой оболочки, несущей определенный нарратив, сам становится знаком, символом, определяющим повествовательную логику коммуникативной цепи. Позы, жесты, манера поведения, походка и т.п. в процессе коммуникации «считываются» в пределах того или иного социокультурного поля. Человек, как существо социальное, действует, предвидя реакцию окружающих, осознанно провоцирует конкретный тип реакции. Именно на этом уровне потребление, одежды в частности, становится социальным действием и принимает форму коммуникации, которая порождает определенные нарративные категории. Таким образом, потребление и выступает как система коммуникации и обмена, как код знаков, которые постоянно посылаются, получают и изобретаются вновь, то есть как язык (Бодрийяр) [12].

Человек стремится одеваться в человеческих, «окультуренных» формах, одновременно обеспечивая свое физическое выживание и создавая тексты, интегрирующие его в различные социокультурные поля. Такое потребление в качестве текста обладает лишь относительной свободой, поскольку потребитель создает любой текст, в пределах ограничивающей и

направляющей его структуры. Таким образом, он с помощью одежды конструирует свою идентичность, опираясь на доступные ему ресурсы, вписывая себя в рамки культурной программы и норм языка своего поля. Однако он не только потребляет, но и сообщает – повествует окружающим текст о себе, манипулируя их впечатлениями. Как и любой язык, язык одежды не только объясняет, но и навязывает, принуждает, проявляя силовой характер определенного социокультурного поля в допустимых для него нарративах.

Любая речь имеет ряд ограничений (правил), иными словами, нормирована. Но что бы человек не говорил, он неизменно говорит о себе, а главное – использует для этого общедоступные и всем понятные знаки и символы. Свобода индивидуального потребления – это иллюзия, которую мы пытаемся на практике противопоставить опыту прошлого, зафиксированному в символических стереотипах. К ним мы можем отнести не только одежду и манеру ее носить, но и тело человека (телесные практики), которые, превращаясь в текст, читаются и интерпретируются в соответствии с нормами невербального языка конкретной культуры или субкультуры. О динамике эталонов тела, как нарративов навязываемых обществу, можно судить по модным журналам, предлагающим не только вестиментарную моду, одежду и дополнения к ней, но и фигуры фотомоделей как эталоны и образцы «потребления».

К концу XX века, когда общество массового потребления сформировалось окончательно, продуцирование потребностей стало явным и, практически, основным заданием постиндустриальной экономики. Это же задание взяла на себя культура, прежде всего, массовая. Мода как массовая индустрия и современное искусство, а также своеобразный медиа-продукт, становится одной из сфер, где указанная тенденция проявилась достаточно ярко. Структурно встроенная в современное общество массового потребления, она выделилась как система в «сферу вкусов и стиля», в отдельную предметную область [4].

В современных научных трудах, поэтому мода описывается как открытая структура, состоящая из: индустрии моды; моды от-кутюр как художественной системы; и репрезентации моды в СМИ. Мас-медиа, описывая темы моды, репрезентируют арт-систему моды и ее смыслы, рекламируют товары модной индустрии, создавая варианты нарративов в пределах определенных групп потребителей. Их основная функция – это трансформация образов и смысловых значений элитарной культуры в образы культуры массовой, в частности используя фотографию. Отсюда та существенная роль, которая отведена фотографии моды в современных глянцевах журналах [16].

Сложившаяся на рубеже XX – XXI века ситуация в фотографии моды достаточно интересна и определена несколькими факторами. Прежде всего, фотография моды, как и мода вообще, призывает потребителей быть свободными как от социальных, расовых, экономических, так и от сексуальных, гендерных и иных клише. Кроме того, в отличие, к примеру, от фотографии 1960-х годов (функция которой состояла в соотношении предложенных кутюрье и дизайнерами вещей с определенным кругом людей – элита, богема, аристократия, которые могут их себе позволить и таким образом идентифицироваться) фотография моды сегодня лишь указывает на определенный товар или услугу, определяющие для потребителя варианты выбора одежды как стиля жизни.

С 1990-х годов количество вариантов стилей возросло настолько, что их вариативность сама стала характеристикой состояния общества модного потребления конца XX века, а игра стилями – естественным способом самовыражения человека постмодерного времени. Источником создания стилей становится практически все пространство культуры – искусство, музыка, кино, дизайн [5]. Кроме того, весь процесс демократизации моды второй половины XX

века, вылившийся в тенденцию борьбы с диктатом моды в 1990-х годах, нашел отображение в фотографии моды демонстрирующей «настоящую» реальную – повседневную жизнь. Демонстративная готовность фэшн-фотографии следовать реалиям жизни вылилась в ее интерес к моде улиц с ее «сленговым», диалектичным, но понятным большинству языком, сюжетами, в которых сексуальность или расовые проблемы не скрываются, а, наоборот, демонстративно выставлены напоказ, предлагаются как объект рефлексии. Таким образом, в фотографии моды рядом с имитацией реальности, способом прорыва к ней становится шок и эпатаж, что провоцирует нарративы «нового толка». Главная задача – обратить на себя внимание, что созвучно с рекламной съемкой. Фотография словно апробирует в обществе наиболее радикальные идеи моды, шокируя средствами визуализации образов. В свое время Р.Барт написал: «...благодаря языку, который теперь поддерживает Моду, она стала повествованием... Оно иногда иллюстрирует, реже – контрастирует со словесным описанием, но в любом случае – становится частью специфического рассказа, который частично выполняет функции билитристики...»

Изучение фотографии моды носит междисциплинарный характер, опираясь на исторические исследования моды (ее теории и практики), эволюцию искусства фотографии, культурную антропологию, социологию, искусствознание. Результативным является изучение фотографии моды, содержащее анализ сопровождающих ее текстов в модных журналах, которые носят не только описательный характер, но и концептуальные подходы к пониманию самого феномена моды.

Работ посвященных непосредственно фотографии моды не так много. Среди них: книга американской исследовательницы Н. Розенблюм; диссертация О. Аверьяновой, посвященная тенденциям развития фотографии в западных журналах мод XX в. как арт-фото.; лекции В. Левашова об истории фотографии, где отдельная глава посвящена фэшн-фотографии и портретам знаменитостей как коммерческой фотографии. В частности, Левашов указывает на двойственный характер фотографии моды, соединяющей коммерческий заказ со средствами выразительности искусства, а также определяет границы этого явления. Это существенно для понимания истоков фотографии моды, которые кроются в искусстве графики, в гравюре, в творчестве известных художников. Средства, используемые ею, указывают на динамический и синтетический характер самого явления.

В XX веке активно развивается альтернативная фотография моды, стремящаяся быть в среде современного искусства. Такие фото, прежде всего, печатают глянцевые журналы. Поэтому исследование глянца как отображения социокультурных процессов интенсивно развивается. Фотографию моды рассматривают в рамках системного подхода к культуре, определяющего одну из наиболее важных функций культуры – адаптивно-ориентационную: человек адаптируется к окружающему миру через практики повседневности.

Отдельное направление исследований составляет функционирование фотографии моды в выставочном и медийном пространстве, предлагающих зрителю (потребителю) образы самоидентификации, всевозможные ситуативные телесные практики, реальные и альтернативные пространства. Фотографию моды можно рассматривать среди визуальных медиа, которые могут служить реализацией стратегий современного искусства: анализ произведений фотографов моды, репрезентирующих образ человека; глянец, где значением фотографии моды и ее образов являются составляющей структуры массовой культуры (модные дефиле – искусство перформанса, фотография моды – художественное произведение).

Фотография моды также связана с культом звезд, позволяющим персонифицировать модные тренды и стили, продемонстрировать их исключительность.

Фотографию моды обычно рассматривают отдельно от рекламной фотографии. Однако, основные характеристики рекламной фотографии присущи и фотографии моды. Это, прежде всего, использование всем понятного и доступного визуального кода. Фотография моды использует практически два денотативных объекта – тело и одежду. Каждый из них указывает на другой как источник оценочных смыслов, в результате чего складывается впечатление о круговороте конотативных значений: ценностных, эмоциональных или стилистических окрасов, имеющих визуальный, то есть закрепленный в системе, или окказиональный – индивидуальный, обусловленный специфическим контекстом характер. Однако каждый из указанных объектов на фотографиях таким вторичным значением не наделен.

Конотативные смыслы используются как послания на реальность и тиражируемые образы, чтобы сохраняться в памяти зрителя. Образ в памяти носит аморфный, зыбкий характер, возникающий благодаря фотографии. Его особенность состоит в перетекании значений от целого к деталям и наоборот, то есть фотография моды предстает как часть общего целого, которое хорошо известно зрителю. Кроме того, что фотография моды является частью «воображаемого» сюжета, от которого остаются лишь маркеры в виде пространства, поз, антуража, жестов, она, в то же время, является частью абсолютно реального пространства журнала – единого целого или его отдельной части, в которую включена. И, собственно, не важно, это репортажная или постановочная фотография.

Появлению модной фотографии в музеях как арт-фотографии способствовало признание ее как искусства с середины XX века. До тех пор фотографию расценивали как документальное свидетельство эпохи. Разная, но неизменно элегантная, яркая, завораживающая, искушающая, часто скандально-провокативная, фотография моды передает не только шарм модных подиумов или гламур и роскошь прославленных Домов моды. Как и любое иное искусство, она фиксирует атмосферу времени, стиль и настроение эпохи, идеалы, к которым культура в той или иной точке пространственно-временного континуума неизменно стремится. Ее стилистика, художественно-образные приемы, сюжеты и «лексикон», сложившиеся на протяжении всего XX века в единую систему значений и символов, которые функционируют в сфере модной индустрии, являются ярким отображением внешней формы нарратива самоидентичности современников, представляя тем самым актуальный предмет научного интереса.

Все изложенное выше, по мнению автора, позволяет сделать заключение о том, что одежду (костюм) в современных условиях логично рассматривать с точки зрения современной нарратологии, которая представляет собой весьма обширную область научного поиска в области сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), соотносимых с определенной «историей». Категория нарративности сегодня получила широкое распространение и богатое концептуальное наполнение, что объективно положительно может сказаться на углублении и расширении знаний об одежде в контексте обыденной и повседневной культуры, культуры потребления и современной индустрии моды. Проблема культурной, социальной, этнической идентификации человека посредством знаковой системы его костюма, способной продуцировать определенные нарративы как внешнюю форму самоидентичности, актуальна сегодня как никогда. А фотография вестиментарной моды, фиксирующая своими специфическими средствами и приемами разнообразные нарративы, претендует на то, чтобы стать темой специальных исследований.

Использованная литература:

1. Барт, Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2004. – 512 с.
2. Шарков, Ф. И. Современные маркетинговые коммуникации. Словарь – справочник / Ф. И. Шарков. – М. : Альфа-Пресс, 2006. – 352 с.
3. Пригорницька, А. А. Естетосфера сучасного дизайну: автореф. дис. ...к.ф.н. : 09.00.04 / А. А. Пригорницька. – Київ: КНУ ім. Т. Г. Шевченка, 2005. – 16 с.
4. Кавамура, Ю. Теория и практика создания моды / Юнийя Кавамура ; пер. с англ. А. Н. Поплавская ; науч. ред. А. В. Лейбсак-Клейманс. – Минск : Гревцов Пабlishер, 2009. – 192 с.
5. Козлова, Т. В. Стиль в костюме XX века: Учебное пособие для ВУЗов / Т. В. Козлова, Е. В. Ильичева. – М. : МГТ У им. А. Н. Косыгина, 2003. – 160 с.
6. Fashion-бизнес: теория, практика, феномен / под ред. Николя Уайт и Йена Гриффитса ; пер. с англ. А. Н. Поплавская ; науч. ред. А. В. Попова. – Минск : Гревцов Пабlishер, 2008. – 272 с.
7. Лагода, О. М. Художньо-образні особливості костюма в дизайні одягу кінця XX – початку XXI століття: дис. ...канд. мистецтвознавства : 17.00.07 / Лагода Оксана Миколаївна. – Харків: ХДАДМ, 2007. – 183 с.: іл.
8. Вайнштейн, О. Конспекты с конференции / О. Вайнштейн // Теория моды: Одежда. Тело. Культура ; Новое литературное обозрение. – Осень (№ 5), 2007. – С. 250-263.
9. Пресс, М. Власть дизайна: Ключ к сердцу потребителя / Майк Пресс, Рейчел Купер ; пер. с англ. А. Н. Поплавская ; науч. ред. Б. П. Буландо. – Минск : Гревцов Пабlishер, 2008. – 352 с.
10. Савчук Б. Українська етнологія. Навчальний посібник для ВНЗ / Б. Савчук. – Івано-Франківськ : в-во «ПЛЕЯ-НВ», 2004. – 559 с.
11. Луков М.В. Культура повседневности. К истории вопроса / ДЪЛО // – № 17 [131]. – 2010. – С. 6-13.
12. Baudrillard J. Le système des objets. Paris: Gallimard, 1991. (Collection Tcl). Рус. пер.: Бодрийяр Ж. Система вещей. – М. : Рудомино, 1995. – 92 с.
13. Марков Б.В. Культура повседневности: Учебное пособие / Б.В. Марков. – СПб. : Изд-во: Питер, 2008. – 352 с.
14. Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII – XIX веков / Р.М. Кирсанова. – М., 2002. – С.7.
15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М. : Гнозис, 1992. – 288 с.
16. Которн, Н. История моды в XX веке / Н.Которн ; пер. с англ. Л.Кныша. – М. : Тривиум, 1998. – 176 с.

RUSSIAN AND JAPANESE NAMES IN LINGVOKULTUROLOGICAL DIMENSION

Vladimir N. Zhdanov
Sapporo University, Sapporo, Japan

Abstract

The article describes how the Russian and the Japanese names were formed under the influence of historical, cultural and linguistic factors, and suggests an analysis of what factors, circumstances influence on the choice of the name in Japan and in Russia. When thinking of the name of the child, Russians sometimes follow the orthodox tradition or family tradition, or fashion; quite common is the choice of the name after some well known person, or the family relative, or friend. Japanese, when choosing the name of the child, think not only of semantic and sonorous features but also of the calligraphic beauty of the hieroglyphs of which the chosen name consists.

Key words: *lingvokulturology, history, name, imenoslov, christianity, buddhism, tradition, semantics, fashion, choice.*

Во всяком этносе имя человека выступает как «импульс культуры» (Топоров, 1988), как социально-культурный знак, зафиксированный в национальном языковом лексическом корпусе языка. Семантика именослова несёт на себе отпечаток национального самосознания народа, его истории и создает особую неповторимую национальную картину мира. «В ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека – имядателя» (Материалы к серии "Народы и культуры". 1993). Изучать «знаки языка» как «тела знаков языка культуры» призвана такая относительно новая дисциплина, как лингвокультурология. Её предметом, по справедливому мнению В.В.Красных, «выступают грамматика и словарь лингвокультуры, т.е., основные единицы лингвокультуры, их классы, категории, система, структура, отношения и функционирование» (Красных. 2011), которые, на наш взгляд, во многих случаях надлежит анализировать в социально-историческом контексте. Что мы и делаем в данной работе, рассматривая некоторые существенные лингвокультурологические особенности русских и японских имён.

История и семантика. Русские и японские именословы складывались вместе с формированием русской и японской наций на протяжении более 1000 лет под влиянием различных социально-исторических, языковых, этнических и др. факторов.

В отличие от процесса формирования японского именослова, русский складывался с гораздо более резкими и контрастными изменениями. Всю историю русской антропонимики можно разделить на 4 периода. 1-ый период дохристианский – когда в ходу были славянские, языческие имена. 2-ой -- Христианский (988 г. – 1918), когда право наречения получает церковь, и именослов, основу которого начинают составлять греко-византийские имена, резко меняется. 3-ий -- советский период (1918 – 90 годы XX века), в котором решающим моментом стал Декрет об отделении церкви от государства (принят 20 января 1918 года), сделавший выбор имени независимым от церкви, в результате чего русский именослов, во многом утратив свою духовную православную основу, становится зависимым от капризов политики и моды. И

наконец, современный этап, в котором сохраняются черты, как православного русского, так и советского периода.

Как сообщают разные источники, до принятия христианства у восточных славян не было существенного различия между именем и прозвищем. Личное имя в древнерусском языке — *рекло, назвище, прозвище* — обычно было связано с разными обстоятельствами рождения ребёнка. например, ожидание ребёнка или неожиданное его появление (*Ждан* и *Неждан*); порядок рождения детей в семье (*Первак, Вторак, Третьяк* и т.д); физические особенности (*Беляй, Горбач, Толстой*); имена, связанные с флорой и фауной (*Берёза, Ёлка, Волк, Щука, Медведь*) и т.д. Академик А.М.Селищев выделял 19 групп такого рода имён-прозвищ (Селищев.1948). Впоследствии от этих имён-кличек образовалось большинство русских фамилий. Среди дохристианских имён особое место занимают имена князей, состоящие из основ двух слов, символизирующих власть, славу, воинскую доблесть. Например, *Владимир* (владеющий миром), *Ярослав* (по одной версии: славящий Ярилу, то есть, бога солнца, по другой версии – сильный/яркий и славный).

Возникновение с принятием Православия (988 г.) русского канонического именослова на основе византийского (включающего греческие, римские, еврейские, скандинавские имена) стало одним из главных духовных ресурсов формирования русского национального менталитета. Каноническое имя давало человеку духовный идеал, небесного покровителя в лице ангела-хранителя, становилось связывающим звеном с силами небесными. Как писал П.Флоренский, «Имя оценивается Церковью, а за нею -- и всем православным народом, как *тип*, как духовная конкретная *норма* личностного бытия, как *идея*, а святой -- как наилучший ее выразитель, свое эмпирическое существование сделавший прозрачным так, что через него нам светит благороднейший свет данного имени» (Флоренский. 1993). (Многие ошибочно думают, что Санкт-Петербург назван в честь его создателя, Петра 1. Однако на самом деле город так назван в честь святого Петра, покровителя человека Петра. На это указывает первая часть названия города *Санкт*. Переименование в 1914 году из-за войны с немцами Санкт-Петербурга в Петроград было своего рода святотатством).

Вместе с тем, как отмечает ведущий русский антропонимист А.В.Суперанская, несмотря на то, что имена из "святцев" давались русским целое тысячелетие, они оставались непонятными большинству русских людей. Поскольку многие канонические имена по своему звучанию были труднопроизносимы, они подверглись процессу обрусения, при котором менялась их форма и они становились легкими для выговора. Так Аквиллина превратилась в Акулину, Феодора — в Федору, Дионисий—в Дениса, Диомид — в Демида (Суперанская. 1964).

С началом советского периода, как известно, антирелигиозная пропаганда, гонения на церковь (сопровождавшиеся массовым закрытием храмов, репрессиями) и революционная пропаганда привели к большим преобразованиям в русском именослове. Революция и атеистическое воспитание способствовали в 20-х годах откату от православной веры и новому пониманию в массовом русском сознании имени как символа новой жизни, новых революционных преобразований. В 1924 году возникло общественное движение «За новые имена», которое пропагандировало новые революционные имена. Среди них было много имён-[неологизмов](#)/

Как пишет В.Д.Бондалетов, имена-неологизмы в основном образовывались двумя способами: семантическим, т.е. в качестве имени начинали использовать какое-либо имена нарицательные и морфологическим, т.е. путём сложения основ или заглавных букв двух и более основ, путём аффиксации и др. (Бондалетов.1983) Вот примеры имён, образованных семантическим способом: 1) имена, связанные с революцией и революционными преобразованиями:

Коммунар, Свобода, Победа, Авангард, Идея, Атеист, Плаката; 2) имена, образованные от технических, физических и математических терминов: *Комбайн, Дрезина, Ампер, Микрон, Магнита*; 3) имена, образованные от названий химических элементов: *Радий, Иридий, Ванадий*. При морфологическом способе образования новые имена образовывались путём аффиксации, т.е., с помощью суффиксов и окончаний (*энергия - Энергий, сталь - Сталий, индустрия -- Индустиан, правда - Правдина*), путём сложения основ (*революция+мир -- Ревмир и Ревмира*); путём аббревиации слов (*Мэлор* – от слов Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция, *Вил* – Владимир Ильич Ленин). Большинство новых имён не прижилось, но некоторые из них сохранились и получили распространённость, например, Нинел и Нинель, Владлен). В истории японского именослова такого рода тенденции не замечались.

Изменение в 20–е годы традиционного именослова некоторые современные русские учёные рассматривают как преступление против национальной культуры. В частности Топоров считает, что «Проводимая после революции «деноминация», так радикально нарушившая и разрушившая прежнее состояние экологии имени, преследовала те же цели, что и всякое насилие... она преследовала свои задачи — ошеломить человека, заставить его усомниться в добрых основах старого именословия, забыть себя не только через зачеркивание, стирание, изъятие, уничтожение людей и материальных воплощений духовной культуры, но и через «порчу» языка (Топоров. 1989).

В 60-е годы в СССР пришла незначительная мода на имена героев западной литературы, западных кинофильмов: Дик, Жанна, Эрик, Рудольф, Роберт. Мода на западные имена не раз возникала и в истории японского именослова (в периоды Мэйдзи, Сёва, Хэйсэй)

В целом, начиная с середины XX века и по настоящее время, в русском обществе заметно преобладание традиционных, канонических имён. Хотя, конечно, бывают исключения. Например, родители решили дать ребёнку очень редкое имя БОЧ РВФ 260602 (Биологический Объект Человека рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26 июня 2002 года). Правда, суд не позволил это сделать. Среди новейших экстравагантных имён встречаются такие: *Быкан* – быть как Путин; *Моргозедир* – мои родители голосуют за Единую Россию; *Пухохло* - Путин - хороший, Ходорковский – плохой; *Преузаста* - преемник Путина - залог стабильности; *Планура* - План Путина работает (Журнал курьёзов. 2009).

Первые шаги формирования японского именослова схожи с российским. В древности у предков современных японцев, также как и у восточных славян были имена-прозвища. Также как и в древней Руси в древней Японии имена князей значительно отличались от имён простонародья, но в ином аспекте. «В Японии при рождении мальчика из знатной семьи давалось детское имя (*дзимэй* или *дзимё*), после обряда совершеннолетия (*гэмпук*) это имя менялось на настоящее (*дзиммэй*), затем юноша выбирал себе псевдоним, который и служил его именем в повседневном общении. Настоящее имя табуировалось и сохранялось в тайне на протяжении всей жизни» (Фролова. 2004).

Принятие Буддизма и появление письменности также, как и в России обращение к Православию, стало основополагающим фактором формирования национальной культуры. Однако в Японии буддизм не вызвал таких революционных преобразований в именослове, как в России. Японские имена во многом сохранили свою природную первозданность, в то время как большинство славянских имён у русских было вытеснено иностранными именами. До начала Реставрации Мэйдзи полные личные имена, включая фамилию и имя, были только у аристократов (*кугэ*) и самураев (*буси*). Все остальное население Японии довольствовалось личными именами и прозвищами.

Считается, что первыми документально зафиксированными японскими именами были вырезанные на мечях китайскими иероглифами имена: Оваке, Такариносукуне, Вакатакеру, Охохико, обнаруженные в результате раскопок кургана 5 века (Ватанабе. 1958). Имя Вакатакеру, наверное, принадлежало императору, поскольку значение морфемы Ваке – подношение Богу, а император в Японии, как известно, считался божественного происхождения. Определённый интерес представляет имя Охохико, в котором морфема *хико* имела значение *почётное звание*, и впоследствии она превратилась в суффикс, имеющий то же значение. *Хико* встречается и в современных именах. Например, Казухико, Мицухико и др.

Что касается простых людей, то обычно значение их имён было тесно связано с окружающим миром: природой, семьёй. Имена могли указывать: 1) на родственные отношения, например, Ояхито (*оя* – родители), Анимаро (*ани* – старший брат), Маимо (*маи* – младшая сестра); 2) местожительство, например, Абенемаро (*абене* – дом, семья); 3) животных, например, Ариоми (*ари* – муравей, Таймаро (*тай* – морской окунь); 4) растения, например, Мацуоми (*мацу* – сосна). Сайгуса (*гуса* или *куса* – трава), Комэ (*мэ* или *умэ* – японская слива); 5) род занятий, например, Инукай (*ину* – собака, *кай* – кормить). Были также имена, связанные по своему значению с предметами быта, одеждой, праздниками, Богом и т. д.

Если в истории русских имён можно выделить чёткие периоды: то представляется, что в истории японской ономастики это сделать труднее, поскольку японская ономастическая модель формировалась более плавно.

В период Ямато (593-710) к именам аристократов стали добавляться различные аффиксы-указатели высокого социального статуса и уважения: *-ирацукко*, *-ирацимэ*, *-тари*, *-хито*, *-мэ*, *-маро*, *-о*, *сонсё* и др. Например, *сонсё* подчёркивал почётность звания. *Сонсё-химэ* – *о высокоуважаемая принцесса*. В период Ямато по решению правителей страны представители японской элиты получили «удзи», своего рода указатели должности и местожительства. В это же время как к женским, так и к мужским именам стали добавлять суффиксы *-кими* и *-ко*. Последний сохранился до настоящего времени во многих женских именах (Ueno.2001).

В период Хэйан (794-1191) элитарное население Японии стало получать фамилии и имена. Однако высшие верховные правители считались божественного происхождения и фамилии не имели (не имеет её и теперешний император). В этот период к каждому имени стал обязательно добавляться суффикс, указатель социального положения, называемый *кабанэ*. Например, *кабанэ куниниомияцукко*, означал хозяин удела, своего рода *князь*, а *кабанэ оми* – слуга или придворный, *инаги* – крестьянин, *инукай* – псарь/собачник. И эти *кабанэ* должны были передаваться последующим поколениям, но в целом эта система чётко не работала и в конце концов развалилась. Другое важное событие этого периода – топографическая реформа, которую в 713 году провёл император Гэнмэй. Она заключалась в том, что все названия местности стали писаться только двумя иероглифами. И в соответствии с этим имена людей тоже стали писаться двумя иероглифами.

В период Муромати (1333-1568), когда официально было только 4 сословия (воины и аристократы, крестьяне, купцы и ремесленники), только воинам (*буси*) и аристократам было разрешено иметь «удзи» (указатель родового происхождения) и «кабанэ» (указатель социального статуса). В особых случаях, когда простой человек совершал подвиг, ему могли дать «кабанэ».

В периоды Камакура (1185-1333), Муромати (794-1191), Эдо (1600-1868), время самураев, у представителей японской элиты развивалась тенденция менять своё имя. При рождении

ребёнок получал детское имя (*ёмэ* или *домэй*), которое он носил до 15 или 16, иногда до 20 лет. Детским именам не придавали большого значения, и среди них часто встречались одинаковые. Например, в роду Токугава у первого сёгуна Иэясу Токугава и почти у всех последующих мальчиков этого рода Токугавау было одно и тоже детское имя Такэтиё. По достижении совершеннолетия глава рода или известный самурай-герой торжественно давал мальчику официальное имя. Но при этом в имени должен был сохраниться иероглиф, указывающий на данный род. Такой иероглиф передавался из поколения в поколение. Например в семье Токугава, это иероглиф «иэ», означающий *дом/семья*. Церемония имянаречения называлась *генфуку* (своего рода крестины), а человек, дающий имя – *генфуку-оя* (своего рода крёстный отец). И отношения между *генфуку-оя* и тем, кому он дал имя, рассматривались, как отношения между отцом и сыном. Полученное при совершеннолетию имя (*хонмё* или *нанори*, то есть, актуальное или настоящее имя) становилось официальным, но в то же время не было принято обращаться по этому имени к человеку (такого рода запрет назывался *имина*), поэтому его обычно не произносили в повседневной жизни, а использовали целый ряд других имён: *цусё* – прозвище, *кемё* – условное имя, *зокумё* – общепринятое имя, *ёбина* – звательное имя. Иногда детское имя использовали как прозвище, иногда прозвище было связано с какими-то особенностями этого человека, его деятельностью. Например, Минамото Куро Ёсицунэ, Минамото – фамилия, Куро -- детское имя и одновременно повседневное прозвище, Ёсицунэ – официальное имя. Другой пример, Ходжо Сиро Токимаса, где Ходжо — фамилия, Сиро -- детское имя и одновременно повседневное прозвище, Токимаса – официальное имя. Некоторые в прошлом детские имена и прозвища стали в настоящее время популярными именами. Это *Таро*, *Итиро*, *Дзиро*, *Сабуро*, *Сиро* и др. Их основа также нередко используется в современных именах. Например, *Синтаро*, *Кэнъитиро*, *Тосиро*.

Обычно самураи не раз меняли свои имена с началом нового существенного этапа в жизни (повышение в должности или переезд на другое место службы). Господин обладал правом переименования своего вассала. По правилам самурайских поединков перед боем самурай должен был назвать свое полное имя, чтобы противник мог решить, достоин ли он такого соперника. Разумеется, в жизни это правило соблюдалось куда реже, чем в романах и хрониках (Фролова. 2004).

Функционирование имён (имянаречение и восприятие имени). В настоящее время и в России, и в Японии имя новорождённому часто даётся в силу каких-либо субъективных тенденций. Но традиционное имянаречение в России и в Японии заметно отличается. В России оно опирается на календарь православной церкви. В Японии оно носит более креативный характер, поскольку связано с иероглификой и требует немало усилий для того, чтобы из двух/трёх тысяч знаков выбрать подходящие по написанию и звучанию. Не только звучание, но красота и смысловое значение иероглифов определяют энергичную сущность имени. При этом, когда хотят связать имя новорождённого с именем какого-либо близкого и дорогого человека, то обычно из его имени заимствуется какой-либо один иероглиф. Звучание имени, созданного на базе этого иероглифа, может быть совершенно другим, но значимый смысловой компонент переносится из одного имени в другое. Как мы уже сказали, в средневековой Японии начальный иероглиф феодальной фамилии обычно переносился из одного имени в другое и передавался из поколения в поколение, становясь как бы графическим символом данного рода.

В современной России имя новорождённому часто даётся в силу каких-либо субъективных тенденций. Например, имя, с точки зрения родителей, красиво звучит, или имя выбирают, потому что оно модное. Нередко дают имя в честь какого-либо дорогого и близкого человека. Например, в честь бабушки или дедушки, друга или подруги, в честь известного человека.

Например, Юра в честь Гагарина или Володя в честь Путина. Современные статистические данные показывают, что наиболее популярные в последнее время имена в России – это традиционные русские имена. Начальник Управления ЗАГС по Москве Ирина Муравьева сообщила, что в 2008 г. самыми популярными мужскими именами были *Дмитрий, Александр, Максим*; женскими: *Анастасия, Мария, Дарья*. В отзыве на эту информацию было высказано мнение, что главную роль в выборе таких имён может играть фоносемантический фактор (Популярные имена в России. 2010).

Если для русских традиционное восприятие имени было связано с аурой православного святого, то для японцев традиционное восприятие имени во многом соотносилось с понятием коллективной, родовой, общинной, семейной чести (*Гипри* -- сохранение чести). В качестве примера можно привести события, произошедшие в Японии после покушения в 1891 г. на Цессаревича Николая. Многим японцам тогда было стыдно за несоблюдение правил гостеприимства. (В Киото двадцатишестилетняя девушка убила себя, показав тем самым своё извинение перед Цессаревичем). В префектуре Ямагата через два дня после покушения жители одной деревни решили, что Цуда Санзо, совершивший покушение на Николая, опозорил своё имя, поэтому все, кто носит фамилию Цуда и имя Санзо, должны отказаться от этой фамилии и от этого имени. В известной книге американки Р.Бенедикт «Хризантема и меч» приводится много примеров того, как важна честь имени для японцев. Люди, допустившие обмолвку при публичных зачитываниях императорских рескриптов, -- кончали жизнь самоубийством, дабы сохранить своё доброе имя. Другой пример, человек, который, обращаясь к сыну, ошибочно произнёс имя императора Хирохито (имя императора в Японии никогда не произносится), убил себя и своего сына. Таким образом, можно сказать, что имя в Японии в большей степени принадлежит обществу, а не личности, как в России и в Западных странах.

В японском языке много идиом, связанных со словом имя и показывающих, как тесно оно связано с такими понятиями, как честь, жизненный путь, карьера. Например, *naonasu* (сделать имя) – стать знаменитым; *nao agi* (иметь имя) -- быть известным; *nao tatanai* (не стоит имени) – не может сохранить достоинство; *bakagino nao* (только имя) – только формальность; *ugi nao* (продать имя) – стать всемирно известным; *nao kegasy* (загрязнить имя) – испортить репутацию.

При выборе имени в Японии могут руководствоваться следующими факторами: 1) красота и смысл иероглифов, как уже было отмечено, может иметь значение и то, что эти иероглифы соотносятся с именем дорогого человека; 2) краткость имени: в том случае, если фамилия длинная, имя подбирается короткое (фамилия Мацубаяси, имя Кэн), но это далеко не во всех случаях; 3) значение имени для формирования характера, дальнейшей жизни и судьбы человека (например, имя Сачико (ж.) означает «к счастью рождённая», Мичико (ж.) – «красивая и мудрая», Кумико (ж.) – «вечно прекрасная», Казуки (м.) – «радостный мир», Кацу (м.) – «победа», Нозоми (ж./м.) – «надежда», Синтаро (м) – настоящий мужчина); 4) какие-либо особенности, связанные с рождением данного ребёнка, в частности время года. Например, у японского профессора в Саппоро 4 дочки, которых зовут в соответствии с тем временем года, когда они родились: Харуна – рожденная весной, Нацуно – рождённая летом, Акина – рождённая осенью, и Фуюно – рождённая зимой). Используется в имянаречении и порядок рождения детей (например, Таро – первенец, Ичиро – первый сын, Кенъичи – сильный первый сын, Ничиро – второй сын, Кендзи – сильный второй сын, Рензо – третий сын). Существуют специальные книги, помогающие выбрать имя.

В Японии также как и в других странах считается, что имя предопределяет судьбу человека, помогает ему быть счастливым, сильным, красивым. Кроме того семантика многих японских имён тесно связана с миром природы: луной, звёздами, водой, цветами, растениями, животными, что свидетельствует о сохранении родовой анимистической традиции. Вот небольшой список такого рода имён (список взят из русских сайтов в Интернете, правда, надо сказать, что некоторые японские имена, приводимые на русских сайтах, не часто встречаются в современной жизни, а некоторые взяты из популярных комиксов).

Митики (ж./м.) – прекрасная луна

Хоси (м.) – звезда (редкое имя, но распространённая фамилия)

Юко (ж.) – дитя солнца

Минами (ж.) – красивая волна

Рока (м.) – белый гребень волны

Мококо (ж.) – дитя персика

Рико (ж.) – дитя жасмина

Юри (ж.) – лилия

Юрико (ж.) – дитя лилии

Умэко (ж.) – цветок дикой сливы

В России похожее явление, как мы уже говорили, выше, было в дохристианский период, и из такого рода русских прозвищ сформировались русские фамилии.

В целом можно сказать, что в Японии довольно свободный выбор имени. Лишь в отдельных редких случаях государственные органы регистрации могут не разрешить дать ребёнку неподходящее с их точки зрения имя. Например, в том случае, когда родители решили назвать ребёнка *Акума*, что значит *чёрт*. Им понравилось красивое звучание этого имени, а на значение иероглифов они не обратили внимания.

Существенную роль в японской ономастике играет гендерный признак. Девочкам, как правило, даются имена, связанные по смыслу со всем красивым, приятным и женственным. В отличие от мужских имен, женские имена иногда записываются не кандзи, а хираганой. Большинство японских женских имен заканчиваются на "-ко" ("ребенок") или "-ми" ("красота"). Некоторые современные девушки не любят окончание "-ко" в своих именах и предпочитают его опускать. Например, девушка по имени "Юрико" может называть себя "Юри".

После смерти японец получает новое, посмертное имя (каймё), которое пишется на особой деревянной табличке (ихай). Эта табличка считается воплощением духа усопшего и используется в поминальных обрядах. Каймё и ихай покупаются у буддийских монахов, иногда еще до смерти человека и стоят довольно дорого.

Обращение по имени в японском обществе заметно отличается от того, что принято в русском. В России по имени могут обращаться друг к другу друзья, знакомые, дети, подростки, люди примерно одного возраста, коллеги, близкие. В русской семье обращаются друг к другу по имени муж и жена, дедушка и бабушка, дети. Учитель в школе может обращаться по имени к ученикам. Но в Японии обращение по имени используется гораздо реже. Как совершенно справедливо заметили исследователи М.А.Кронгауз и К.Такахаси: «Одной из самых значимых

отличительных особенностей японской системы обращения является тенденция к избеганию обращения по имени» (М.А.Кронгауз, К.Такахаси. 2002). По имени обычно обращаются друг к другу только близкие друзья. Правда, они могут обращаться друг к другу также и по фамилии, большой разницы между обращением по имени и по фамилии нет.

В Японии человек именуется в большей степени по его функции, должности, рангу, положению в семье. Обращение только по имени довольно ограничено также в связи с тем, что в японском речевом этикете получила большое развитие система форм вежливости. В японском языке при обращении используются различные суффиксы или специальные слова, которые прибавляются к имени или фамилии и указывают на соотношение старший-младший, ранг, пол, положение в обществе. Самые распространённые суффиксы: *-сан*, *-кун*, *-тян*, *-сама*, а также слова: *-сэмпай*, *-сэнсэй*. Обращение с суффиксом *-сан* (*-сан* переводится как *господин* и может добавляться как к имени, так и к фамилии) имеет нейтрально-вежливое значение и используется в официальной речи или по отношению к вышестоящим лицам». Например, студент младшего курса может обращаться к студенту старшего курса по имени или по фамилии с суффиксом *-сан* (Дайскэ-сан, Сато-сан). Он будет использовать этот суффикс, в том случае, если выбирает нейтральную форму обращения. Но если он хочет подчеркнуть своё уважение к старшему, то вместо суффикса *-сан.*, употребит слово *-сэмпай* (Дайскэ-сэмпай, Сато-сэмпай), то есть старший. И, как правило, у студентов и школьников превалирует эта форма обращения. А студент старшего курса, обращаясь к студенту младшего курса, обычно прибавляет к имени суффикс *-кун* (Дайскэ-кун, Ямада-кун), который подчёркивает внимательное и заботливое отношение к младшим. По отношению к студенткам эта форма обращения не используется. В редких случаях босс может так обратиться к молодой служащей, добавив к её фамилии *-кун*. Суффикс *-тян* чаще всего используют после имени, обычно сокращённого, при обращении к детям и девушкам (например, девочка по имени Томоко – Томо-тян). Иногда студенты, главным образом девушки, в разговоре между собой могут так называть любимого преподавателя. Семантику этого суффикса в целом можно определить как *миленький, милашка, очаровашка*. Например, в университете Саппоро преподавателя Такахаси Кэньитиро студентки иногда называют -- Кэн-тян, а профессора Хикита Гундзи – Гун-тян. Японские преподаватели, обращаясь к студентам, к мужской фамилии или имени обычно добавляют суффикс *-кун*, а к женской – *сан*. Для выражения особой симпатии к студентке к фамилии или имени можно добавить суффикс *-тян*. Но это исключительные случаи. Русские преподаватели чаще всего обращаются к японским студентам по имени, что для японцев как правила чужого монастыря. Суффикс *-сама* используют в очень вежливой речи после имени по отношению к старшим и высокоуважаемым людям. В Японии этот суффикс широко употребим в сфере обслуживания при обращении к пассажирам, покупателям, клиентам. В магазинах, ресторанах, аэропортах и прочих общественных местах беспрестанно звучит *о-кыаку-сама* – что на русский язык можно перевести как *О Высокоуважаемый господин Гость*).

В японской речи довольно часто к имени или фамилии добавляют слово, обозначающее профессию или социальный статус. Это *сэнсэй* (учитель), *сэмпай* (более старший ученик), *кохай* (более младший ученик), *сячэ* (президент компании или начальник), *гакучэ* (ректор), *бучэ* (начальник отдела) и др. Например, Сато-сэнсэй (преподаватель Сато), Миякоси-гакучэ (ректор Миякоси).

При обращении членов семьи друг к другу решающее значение имеют возраст (соотношение старший-младший) и пол. Дети обращаются у отца – *otoosan*, к матери – *okaasan*. Младшие называют старшего брата -- *oniisan*, старшую сестру – *oneesan*. Старшие братья и сёстры обычно обращаются к младшим братьям и сестрам по имени. Но в разговоре о семье младшего

брата называют *ototo*, младшую сестру – *imoto* (приставка *O* подчёркивает уважение). Также, не обращаясь к отцу, а говоря о нём, используют слово *chichi*, а по отношению к матери – *haha*, старшего брата в разговорах называют *ani*, старшую сестру – *ane*. В современной японской семье дети могут обращаться друг к другу и по имени независимо от старшинства, но это бывает гораздо реже, чем в русской. В японской семье имена традиционно используют только старшие по отношению к младшим (Алпатов. 2008). Поэтому нередко молодые японцы не знают имён своих дядей, тёток, бабушек и дедушек. В то же самое время «низшие члены семьи в разговоре с высшими называют себя не личными местоимениями, а личными именами» (Алпатов 2008: 126). Например, младшая в семье девочка по имени Томоко, не скажет «Я сыта», а скажет «Томоко сыта».

Называть просто по имени высокоуважаемого человека, как обычно бывает в США, в Японии не принято. Японист Алпатов приводит на этот счёт очень интересный пример. «В 1997 году во время встречи на Енисее Б.Н.Ельцина и тогдашнего премьер-министра Хасимото Рютаро российский президент провозгласил: «Будем общаться по-дружески: Борис и Рю». Он исходил из практики своих взаимоотношений с лидерами западных стран. Но у японцев, слышавших эти слова в переводе по телевизору, они не могли не вызвать недоумения: в Японии по имени, да ещё сокращённому обычно называют детей, иногда женщин, а взрослого мужчину так могут назвать только члены семьи, но никак не иностранцы» (Алпатов 2008: 82).

История русских и японских имён показывает, что в древности на заре формирования национальных именословов было схожие черты: имена появлялись на базе прозвищ и их создание было обусловлено особенностями окружающего мира (природа, семья, порядок рождения детей в семье, физические особенности и др.). Определённое сходство также можно отметить и между церемонией «генфуку» в Японии и крестинами в России.

Принятие буддизма, как мы уже заметили, не сыграло такую большую роль в процессе формирования японского именослова, как обращение к Православию в России. Вместе с тем благодаря Православию в России феодально-сословная иерархия не оказала столь значительного влияния на формирование именослова, как в Японии. В современных условиях, несмотря на существенные лингвокультурологические различия, в русском и японском обществе усиливается общая тенденция давать имена в силу каких-либо субъективных тенденций.

Что касается функционирования имён в коммуникативных процессах, то в отличие от русского, в японском обществе более высока роль семейно-социального статуса, нежели фактора персонификации, поэтому форма обращения по имени здесь используется реже.

В данной работе также использовались материалы для диссертации аспирантки кафедры русского языка университета Саппоро Эндо Рики.

Литература:

- 1) Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М., 2008. 125-126. С.
- 2) Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М., 2004.
- 3) Березович Е.Л. Этническая проблематика в работах по лингвистике // «Гуманитарные науки», № 99, 1999.

- 4) Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983. 132-133. С.
- 5) Журнал курьёзов Алекса Веббера. Perly. Ru. 19.02.2009.
- 6) Красных В.В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // XXII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык во времени и пространстве. Шанхай. 2011. 12.С.
- 7) Кронгауз М.А., Такахаси К. Обращение по имени в русском и японском языках.// Труды по культурной антропологии: Памяти Григория Александровича Ткаченко. М., 2002.
- 8) Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1999.
- 9) Материалы к серии "Народы и культуры". Вып. 25: Ономастика. Кн. 1, Имя и культура. М., 1993. Ч. 1. с. 250.
- 10) Популярные имена в России. Planeta-imen. Narod.ru 06.10.2010.
- 11) Сперанская А.В. Русские имена. "Наука и жизнь". № 8, 1994.
- 12) Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Уч. зап. МГУ, 1948, Вып. 128, кн. 1. 56.
- 13) Топоров В. Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) // Исторические названия – памятники культуры: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1989. 125–129. С.
- 14) Флоренский П. Имена. 1922. <http://www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren03>.
- 15) Флорова Е.Л. Японский язык. Имена собственные. М., 2004. 13,33.С.
- 16) K.Machida. Namae towa nanuka? // Namae no gengogaky. Tokyo. 2005.
- 17) Mizutani O. Japanese: the Spoken Language in Japanese Life. Tokyo. 1981. Japan Times, № 106.
- 18) R.Ogawa. Kodomo no nazuke // Meimeq no sekai, 1997, 52 p.
- 19) K.Ueno. Namae to Sekai j meguru kihonteki mongai // Namae to sekai. Tokyo. 2001.
- 20) Watanabe M. Nihondzin no namae. Sono rekishi to samazamana kata. Tokyo. 1958.

**REGIONAL SPECIFICITY OF AN IMAGE OF THE STRANGER IN LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF THE INHABITANT OF BOUNDARY REGION**

Tamara N. Zhuravel

Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University,
82a Svobodny avenue, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: info_ifiyak@mail.ru

Abstract

The article considers the concept "stranger" within the limits of the theory of intercultural communications. The author brings an attention to the question: whether residing territory influence on an image of "stranger" in language consciousness linguacultural generality? For receive the answer the author compares ethnic stereotypes of Russian and Tuvinians living in Tuva and in the Usinsk hollow of Krasnoyarsk region. Ethnic stereotypes of inhabitants of Tuva already have been an object of ethnolinguistic research while components of the concept "stranger" in language consciousness of inhabitants of the Usinsk hollow have been revealed by the author independently by spending an ethnopsycholinguistic research. The conclusion was that residing at a border will allow the individual to approach another's culture to his own one, also it weakens the ethnic intensity existing between two genetically various nationalities.

Key words: *intercultural communication, ethnolinguistics, ethnic stereotypes, Russians, Tuvineans, concept "stranger".*

1. «Чужой» как лингвокультурная категория

Категория «свое – чужое» является одним из базовых, глубинных компонентов языкового сознания человека. Она оказывает влияние на формирование мировоззрения и поведенческих установок, на этнические стереотипы того или иного народа. Именно поэтому данная категория оказывается в центре внимания нескольких наук. Так, этнопсихология, этнолингвистика и этнопсихоллингвистика рассматривают концепт «свое – чужое» в приложении к этническим стереотипам и, как следствие, к этническим конфликтам. Лингвокультурология изучает данную категорию в аспекте межкультурной коммуникации, а также в качестве одного из основных элементов языкового сознания лингвокультурной общности. В частности, профессор Л. В. Куликова называет «чужое» «центральной категорией межкультурной коммуникации» [Куликова, 2004: 37]. Проблемы чужеродности также затрагиваются в таких науках, как социология, философия, искусствоведение, социальная психология, история и многие другие.

В толковом словаре русского языка содержится следующее определение слову «чужой»: «1. Не свой, не собственный, принадлежащий другим; 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний. 3. Далекий по духу, по взглядам». Все эти определения даются опосредованно, как оппозиция «своему», «родному», «близкому» [Ожегов, Шведова, 1996: 877].

Следовательно, концепт «чужой» в языковом сознании представлен в качестве элемента дихотомии «свой – чужой». Чужое представляется как «не-свое», противоположное своему, но одновременно позволяющее отчетливее осознать, идентифицировать свое. Л. В. Куликова

отмечает, что «коннотационное поле слова «чужой» имеет, как правило, негативный оттенок». Это видно из парадигмы характеристик семантического поля «чужой», приводимого в монографии Л. В. Куликовой. В частности, можно отметить следующие значения: чужое как иностранное; чужое как принципиально непознаваемое, чужое как потенциально опасное. С другой стороны, концепт «чужой» представлен и иными перцептивными характеристиками. Так, чужое может быть «своеобразным, необычным», «пока незнакомым, но доступным посредством ознакомления» [Куликова, 2004: 40]. То есть, помимо негативной окраски, данная категория содержит потенциал приближения. В. Г. Зусман считает такой подход возможным в условиях формирования «вторичной языковой личности». Тем не менее, исследователь отмечает, что «нельзя свести друг к другу свою и чужую концептосферы», то есть при потенциальной возможности приближения чужого к своему, возможность *освоения* полностью исключается [Зусман].

Для данного исследования важны следующие характеристики места концепта «чужой» в языковом сознании: чужое является субъективной категорией, зависящей не столько от расстояния, языка, социальных или антропологических признаков, сколько от самоощущения языковой личности, а субъективизм восприятия чужого влечет за собой непостоянство этой категории. Как пишет Л. В. Куликова: «никто и ничто не являются раз и навсегда чужими» [Куликова, 2004: 43].

Следовательно, при определении составляющих концепта «чужое» важно помнить, что сами по себе антропологические и культурные признаки иного народа не могут выражать сущность чужеродности. По мнению Г. Вайнриха, чужеродность есть интерпретация национально-культурной специфики другого народа. Когда те или иные признаки воспринимаются языковой личностью как чуждые, только тогда можно говорить о наличии в них элемента чужеродности [Weinrich, 1985: 198].

Таким образом, категория «чужой» является индивидуальной, личной. Однако совокупность личных установок людей говорящих на одном языке и являющихся представителями одного этноса, как правило, формирует этнические стереотипы и составляет языковое сознание народа в целом.

2. Региональная специфика образа «чужого»

В данном исследовании мы поставили вопрос: оказывает ли какое-либо влияние территория проживания на образ «чужого» в языковом сознании отдельной лингвокультурной общности? В частности, накладывает ли отпечаток на представление о чужом проживание на границе между двумя различными по своему национальному составу регионами. Объектом исследования послужила Усинская котловина, расположенная на юге Красноярского края и граничащая с Республикой Тува. Усинская котловина – это место длительного совместного проживания русских и тувинцев. Согласно данным, представленным в работах историка-востоковеда В. Г. Дацышена, первые контакты между этими двумя этносами относятся к XVII в. В XVIII веке эта территория была закреплена за Россией, однако тувинские кочевники часто нарушали границу и даже селились в Усинской котловине, которая тогда имела статус Усинского пограничного округа. В. Г. Дацышен отмечает, что к началу XX в. «совместное проживание на территории Усинского края русских и тувинцев не привело к смешению двух народов. Документы почти не фиксируют смешанных браков, активного взаимодействия

религиозных систем и проч.» [Дацышен, 2009]. Таким образом, несмотря на длительное проживание на одной территории, оба этноса так и оставались этнически чуждыми друг другу.

На сегодняшний день можно констатировать некоторые факты сближения русских и тувинцев в Усинской котловине. Так, получили широкое распространение межэтнические браки. Тувинцы осваивают русский язык, причем не только в учебных заведениях, но и в своих семьях, активно входят в русское культурное пространство. Однако сделать однозначный вывод о «присвоении» тувинцами русской культуры нельзя. Это самостоятельная миноритарная этническая группа, говорящая на языке своей народности и оперирующая категориями своего языкового сознания. Метод включенного наблюдения на территории Усинской котловины показал, что на сегодняшний день существует значительная разница в восприятии русскими тувинцев Усинской котловины и тувинцев, проживающих в Туве. Сами усинские тувинцы также фиксируют эту разницу. Следовательно, можно сделать предположение о том, что в языковом сознании населения Тувы и жителей приграничного региона присутствуют различия в содержании концепта «чужой».

3. Образ «чужого» в сознании жителей Республики Тува

Этнических стереотипы русских и тувинцев уже являлись объектом исследования этнопсихологии. Так, в 1997 – 2002 гг. Б. А. Мышлявцевым было предпринято исследование образа «другого» в русском и тувинском сознании. Были использованы методы включенного наблюдения, а также устного и письменного опросов.

Анализируя экзоэтнонимы русских и тувинцев, исследователь приходит к выводу, что представителям другого этноса может быть отказано в принадлежности к культуре вообще. Так, для обозначения тувинцев русские могут использовать слова «черти» и «бесы», то есть «нелюди», враждебные людям существа. В свою очередь среди тувинцев распространено именование русских словом «чашпан», которое можно перевести на русский язык как «сорняк», «попынь». Таким образом, тувинцы могут воспринимать русских как нечто некультурное, вредное, паразитирующее [Мышлявцев, 2003: 439-442].

В личностных характеристиках, которые давали русские тувинцам, наиболее часто звучало представление о тувинской агрессивности. Так, по словам информатора, «агрессивность – это и есть внутренняя суть всех тувинцев» [Мышлявцев, 2003: 444]. Также, по мнению русских, тувинцам присуща лень, склонность к воровству, лживость, нечистоплотность, тупость, медлительность. В целом в представлении русских о тувинцах складывается крайне негативный образ. В качестве положительных черт назывались только талантливость в искусстве и взаимовыручка [Мышлявцев, 2003: 445].

Тувинцы о русских отзываються несколько благожелательнее. Б. А. Мышлявцев полагает, что это связано с национальной принадлежностью самого исследователя: тувинские информанты испытывают закономерное чувство неловкости в разговоре с русским исследователем на темы, касающиеся черт его народа. Тем не менее, тувинцы отмечали у русских такие качества, как наглость, неуважение к родственникам, высокомерие. Обобщая данные, полученные от тувинских информантов, Б. А. Мышлявцев пишет: «В целом вырисовывается образ русских как людей более активных, чем тувинцы, более приспособленных к современной жизни, уверенных в себе, более рациональных, осознающих значимость своего народа и своей культуры и не признающих за другими народами большой значимости, не видящих ценности чужеродной культуры, высокомерных, индивидуалистичных» [Мышлявцев, 2003: 447].

Различие в антропологических типах русских и тувинцев отмечалось информантами значительно реже. Исследователь также отмечает, что «среди русских Тувы совершенно не употребляются распространенные в России в отношении монголоидных народов слова «чурки», «чуреки», «узкоглазые». На первый план, таким образом, выдвигаются социокультурные и личностные характеристики.

Согласно исследованию, проведенному Б. А. Мышляцевым, категория чуждости по отношению к русским и тувинцам в Туве представлена достаточно ярко. Представитель другого этноса в большей степени оценивается негативно, даже враждебно, ему отказывают в принадлежности к культуре. Образ «чужого» включает коннотативные оттенки неприятия и даже страха.

4. «Чужой» в языковом сознании жителя Усинской котловины

Чтобы определить ассоциативное поле концепта «чужой» в языковом сознании жителей Усинской котловины, в марте 2011 года в с. Верхнеусинское автором статьи был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Данный метод сбора материала считается одним из самых эффективных методов исследования структуры сознания различных лингвокультурных общностей. Таково, в частности, мнение известного ученого-психолингвиста Ю. А. Сорокина [Сорокин, 2007: 11]. О возможностях ассоциативного эксперимента В. Жданова замечает следующее: «Применение ассоциативного эксперимента позволяет собрать множество индивидуальных анонимных реакций, которые при обработке могут быть сведены к общему знаменателю путем выделения в них общей семантической доминанты» [Жданова, 2006: 24]. Таким образом, данный метод позволит обобщить образы сознания отдельных представителей этноса и представить их в качестве единого комплекса образов (или концепта) целостной этнической группы.

Эксперимент проводился в разновозрастной среде. Нижняя возрастная граница – 14 лет; верхняя – 78 лет. Испытуемым было предложено назвать 5 первых пришедших в голову слов на слова-стимулы «русский» и «тувинец». Текст анкеты составлялся на тувинском языке для тувинских информантов и на русском языке – для русских. Несмотря на то, что все усинские тувинцы являются билингвами, мы сочли необходимым проводить исследование на родном языке информантов, так как языковое сознание индивида отражается именно в том языке, который человек воспринимает как родной. Проведение эксперимента сопровождалось некоторыми объективными трудностями. Во-первых, есть разница в проведении эксперимента в городской аудитории и среди сельских жителей. Не все участники эксперимента верно поняли свою задачу – многие отказывались или давали неадекватные ответы. А во-вторых, было сложно добиться искренних ответов – многие, особенно люди старшего поколения, пытались ответить «правильно», возможно, сгладив при этом существующую остроту в отношениях между русскими и тувинцами.

Тем не менее, в результате эксперимента было получено 250 реакций, из них 184 русских и 66 тувинских. Небольшое количество тувинских ассоциаций вызвано тем, что, тувинское население с. Верхнеусинское составляет всего 30% от общего числа жителей, а также тем, что, как уже было сказано выше, добиться согласия на участие в эксперименте от тувинцев было довольно непросто.

Некоторые результаты эксперимента приведены в таблице 1.

Табл. 1. Взаимные представления русских о тувинцах и тувинцев о русских

Русские о тувинцах		Тувинцы о русских	
Люди	15	(другая) национальность	6
Народ	8	Люди	4
Узкие глаза / узкоглазые	7	Добрые	3
(другая) национальность	7	Злые	3
Соседи	6	Прикольные	2
Друзья	5	Тупые	2
Как и все	4	Говорят (только) на русском языке	2
Кочевники	4	Друзья	2
Азиатская внешность	4	Народ	2
Соленый чай / хан чай	4	Сильные	2
Черные волосы / черноволосые	3	Умные	2
Смуглая / темная кожа	3	Второй язык	2
Незнакомый / другой язык	3	Красивые	2
Скотоводы	3	Интересный	1
Нация	3	Беспомощные	1
Традиции	3	Цвет волос	1
Страх	3	Болтливые	1
Национальная одежда / костюмы	3	Привычные	1
Живут в Туве	2	Знание русского языка	1
Как русские (как мы)	2	Песни	1
Доброжелательные	2	Танцы	1
Гостеприимные	2	Гостеприимные	1
Объединенные	2	Как тувинцы	1
Националисты	2	Односельчане	1
Шаманы	2	Артистичные	1
Всего	184	Всего	66

Как видно из таблицы, большинство реакций являются единичными. Это нормально, если учесть, что эксперимент проводился в письменной форме. Мы сочли возможным сгруппировать все единичные реакции и выделить значимые тематические группы, которые отражают содержание концепта «чужой».

В ядре ассоциативного поля с обеих сторон оказались нейтральные определения другого этноса как людей вообще или как людей, принадлежащих к определенной национальности. Таковы частотные ассоциации «люди» (15), «народ» (8), «национальность» (6), «как и все» (4), «нация» (3), племя (1) на слово-стимул «тувинцы» и ассоциации «национальность» (5), «люди» (4), «народ» (2) на слово-стимул «русские». Эти ассоциации не причисляют представителей другой национальности ни к своим, ни к чужим. Если проанализировать аналогичные реакции, но с выраженным оттенком «свой» или «чужой», то можно увидеть, что «своих» реакций было получено больше. Таковы «соседи» (6), «друзья» (5), «как русские» («как мы») (2), «проживают с нами» (1) – о тувинцах и «друзья» (2), «как тувинцы» (1), «односельчане» (1), «соседи» (1), «россияне» (1) – о русских. Представление о тувинцах как о «чужих» просматривается в таких единичных реакциях, как «другая национальность», «разговаривают непонятно», «живут по своим правилам», «живут рядом». Среди тувинских реакций была зафиксирована только одна с оттенком «чуждости» – «другая национальность». Как видно, из этого сопоставления, многие реакции представителей разных этносов идентичны.

Антропологические признаки отмечают только русские информанты в отношении тувинцев. Это «узкие глаза» («узкоглазые») (7), «азиатская внешность» (4), «черные волосы» («черноволосые») (3), «смуглая (темная) кожа» (3), «темные» (1), «отличаются цветом глаз, волос» (1), «черноглазые» (1), «маленькие» (1), «пухлые» (1). В целом, данные ассоциации нейтрально отмечают отличительные особенности внешности. Для тувинцев внешние признаки оказались не важны.

Близкими к ядру концепта также оказались культурные признаки. Особенно актуальным это оказалось в отношении к восприятию тувинцев русскими: «кочевники», «соленый чай (хан чай)», «незнакомый (другой) язык», «скотоводы», «традиции», «национальная одежда (костюмы)», «шаманы», «горловое пение», «лошади», «юрта», «многодетные» и др. В этот перечень вошли как особенности материальной культуры, так и традиционные занятия, семейные отношения, язык и пр. В данной группе реакций отчетливо проявляется культурная составляющая категории чужеродности – интерес. Чужое не предстает как нечто опасное, страшное. В отношении же русских такого богатства ассоциаций не наблюдается. Можно отметить лишь три реакции, относящиеся к языку: «говорят только на русском языке» (2), «знание русского языка». В этих реакциях прослеживается оттенок «очуждения»: частица «только» в первой реакции демонстрирует четкую границу между тувинцами-билингвами и русскими, не говорящими по-тувински. Вторая реакция была получена от школьника, для которого русский язык является учебным предметом. «Знание русского языка» для этого респондента, таким образом, отделяет русского ученика от него по социальному признаку «успешности в учебе».

На периферии языкового сознания обеих групп оказываются многочисленные реакции, характеризующие личные качества представителей двух этносов. Наиболее полно эта тематическая группа представлена в тувинских ответах. Согласно полученным реакциям русские предстают «добрыми», «злыми», «сильными», «умными», «беспомощными», «болтливыми», «гостеприимными», «артистичными», «трудолюбивыми», «культурными», «спортивными», «веселыми», «хозяйственными» и др. Как видно, большинство этих реакций положительные. К отрицательным можно отнести только две единичные реакции «злые» и «беспомощные». Возможно, они связаны с личным опытом респондента и, в любом случае, не могут быть релевантными при характеристике языкового сознания этнической группы в целом. Русские наделяют тувинцев менее привлекательными чертами. Так, тувинцы «грубые», «невоспитанные», «необразованные», «воры». Среди положительных характеристик можно

назвать «умные», «честные», «вольные», «гостеприимные», «доброжелательные». Отметим, что реакция «воры» пересекается с данными, собранными Б. А. Мышлявцевым. Однако если русские в Туве дают эту характеристику очень часто, то в с. Верхнеусинское она единична.

Довольно значима для характеристики образа «чужого» группа реакций, оценивающих представителей другого этноса на эмоциональном уровне. Отметим, что положительного восприятия тувинцев русскими здесь практически не обнаруживается. Это негативные реакции «страх» (3), «агрессия» (2), «ненавижу» и нейтральные – «хорошего и плохого поровну», «можно общаться», «нормальные». Положительных реакций всего две: «красивый язык» и «хорошие». Отметим, что реакции «страх» и «агрессия» соответствуют данным Б. А. Мышлявцева. Тувинцы о русских отзываются исключительно положительно: «прикольные», «интересный», «привычные», «великий», «преодолевают препятствия».

Еще одна большая группа реакций – «особенности поведения, мировоззрения, образа жизни». Она представлена только русскими ассоциациями. Во многом они соответствуют тем характеристикам, которые содержатся в исследовании Б. А. Мышлявцева. Это ассоциации «националисты», «не любят русских», «драки», «толпа, держащаяся друг за друга», «конокрады», «пьяные», «безработные», «национальная солидарность».

В конце нашего обзора следует рассмотреть очень важную, на наш взгляд, группу периферийных ассоциаций русских респондентов. Ее можно определить как «местоположение». В этой группе содержатся следующие реакции: «место на карте», «Тува», «коренные жители», «таежники». Особенно любопытны с точки зрения дихотомии «свой – чужой» две последние реакции. Они представляют тувинцев исконными, коренными обитателями Усинской котловины, переворачивая, таким образом, ориентиры «свой» и «чужой». Некоторые русские жители пограничного с Тувой района считают себя чужаками, пришлыми. В. Г. Зусман назвал это явление «эффектом остраннения своего». Он пишет о диалогической природе концепта «свой» и о возможности превращения «своего» в «чужое». Видимо, указанные реакции можно считать проявлением именно этого эффекта остраннения и объяснить их можно нахождением на границе, пребыванием вне своей исконной территории.

Среди тувинских реакций такого эффекта замечено не было, однако достаточно большое число ассоциаций указывает на приближение «чужого» к «своему». Такова, к примеру, реакция «второй язык». Часть русской культуры – ее язык – мыслится отдельными представителями тувинской этнической группы своим. О приближении также говорят преимущественно положительные характеристики русских людей, восприятие русских как людей живущих рядом – соседей, односельчан. Скорее всего, это связано с тем, что все тувинцы в той или иной степени владеют русским языком, то есть оказываются втянутыми в русское культурное и языковое пространство. В Туве билингов значительно меньше и, соответственно, более высока степень обособленности двух этносов друг от друга.

С другой стороны нельзя не заметить, что тувинские «языковые» реакции носят амбивалентный характер. Так, следует отметить три реакции, относящиеся к языку: «говорят только на русском языке» (2), «знание русского языка». В этих реакциях прослеживается оттенок «очуждения»: частица «только» в первой реакции демонстрирует четкую границу между тувинцами-билингвами и русскими, не говорящими по-тувински. Вторая реакция была получена от школьника, для которого русский язык является учебным предметом. «Знание русского языка» для этого респондента, таким образом, отделяет русского ученика от него по социальному признаку «успешности в учебе». Русский язык, таким образом, предстает

одновременно как средство приближения тувинцев к русским, так и отдаляет, проводит четкую границу между своим этносом и чужим.

Как итог проведенного исследования, мы можем констатировать некоторый сдвиг в восприятии «чужого» жителями Усинской котловины. Длительный опыт совместного мирного проживания сделал образ чужого более привлекательным и менее опасным, хотя языковой барьер, все еще присутствующий между русскими и тувинцами (особенно со стороны русских) не позволяет сделать вывод о трансформации «чужого» в «своего». Мы можем говорить лишь о небольшом смягчении оценок, большей толерантности между представителями двух этносов. Разумеется, достаточно полноценные выводы можно сделать только после тщательного этнопсихолингвистического обследования как городского, так и сельского населения Республики Тува. Однако уже имеющиеся данные показывают, что проживание в пограничном районе позволят индивиду приблизить чужую культуру к своей, ослабляет этническую напряженность, существующую между двумя генетически различными национальностями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дацышен В. Г. Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений // Новые исследования Тувы. – 2009. - № 3. http://www.tuva.asia/journal/issue_3/465-dasishen.html.
2. Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость»: лингвокультурологические этюды. – М.: Гнозис, 2006. – С. 5–178.
3. Зусман В. Г. «Свое» и «чужое» как концепт культурологии // Межкультурная коммуникация. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/index.php.
4. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004.
5. Мышляцев Б. А. Русские и тувинцы: «образ другого». Проблема взаимодействия культур // Сибирский этнографический вестник. – 2003. - № 14. – С 438.–449.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996.
7. Сорокин Ю. А. Этнос, сознание, культура, язык // Социальная психолингвистика. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 4–32.
8. Weinrich H.: Fremdsprachen als fremde Sprachen. In: ders.: Wege der Sprachkultur. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart 1985, S.195 – 201.

**THE ROLE OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES
IN THE DEVELOPMENT OF FUTURE SCENARIOS**

Tatiana A. Novolodskaya

The Department of Philosophy, SPb SU ITMO (Saint-Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics),
11, Chaikovskogo str., St-Petersburg 191187, Russia.

Abstract.

The article considers the question of logical feasibility design of virtual reality to ensure the effectiveness of forecasts relevant to the problems of study of society and the personality. A new scientific paradigm offers the system approach to the analysis of complex, non-trivial problems. A system point of view on any action allows predicting a chain of consequences and can inhibit the actions, leading to irreversible negative consequences for the person.

Key words: *socially-humanitarian knowledge, a virtual reality, a mythologized consciousness, multivariance of the future, theoretical history, logic expediency, interdisciplinary approach, the style of thinking, forecasting.*

1. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО - ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В философии истории существуют разные модели предмета исторической науки, как раздела социально-гуманитарного знания. Различные модели изучаемых явлений присутствуют и в естественных, и в точных науках. Их представители научились всерьёз относиться к своим моделям, уравнениям, расчётам. Только это позволяет осознать имеющиеся в каждой из этих дисциплин проблемы и наметить пути дальнейшего исследования. Конечно, и здесь возникают свои «сбои». Стоит вспомнить прогнозы ученых-метеорологов, предлагающих диаметрально противоположные точки зрения относительно характера изменения климата Земли в обозримом будущем. И дело здесь не в низкой квалификации учёных, а в особенностях самого объекта исследования. Климат – сложное явление, и на его формирование и изменение влияют слишком многие факторы, комбинации которых не поддаются фиксации с помощью «удобных» для точного прогноза динамических законов.

В социальной философии и истории дело с прогнозированием будущего и разработкой оптимальных сценариев развития общества тоже наталкивается на серьёзную проблему. В самом деле, в ходе развития, начиная от отдельного человека и кончая человечеством как целым, неоднократно приходится делать выбор. Отказываться от одних путей, предпочитая другие. Смысл и значение различных социальных дисциплин в большей мере определяются возможностью предложить адекватные исследуемому моменту прогнозы, как в развитии общества в целом, так и отдельных социальных феноменов.

Традиционная история и социальная философия делали акцент на одном конкретном историческом пути. При этом за основу бралась определенная система доминирующих

факторов. На вербальном уровне уже существует значительный набор построенных на таких основаниях моделей. Так, Гегель, К. Маркс, А. Тойнби, М.Вебер, Л.Н. Гумилев и др. представляют историческое развитие достаточно ясным, логичным и самосогласованным образом. Каждая из этих концепций предлагает достаточно убедительное описание социальных феноменов и их динамики. Но относительно точности прогнозов на будущее все эти модели оказались далеко не безупречны. Слишком сложный, вероятностный процесс представляет общество в своем развитии. И поэтому возможности мифотворчества не отпускают исследователей и в этом сугубо научном делании.

Не удивляет нас и имеющееся множество сценариев его развития, предлагаемых учёными различных школ и направлений. И это объясняется следующими факторами.

Многовариантность будущего зависит от наших действий и наших представлений о нем. Отмечая крайне низкую сбываемость прогнозов, сделанных в 70-е годы XX века относительно нашего времени, А.В. Юревич в недавно опубликованной статье «Ассиметричное будущее», пишет: «...мы, дожив до нового тысячелетия, оказались совсем не в том будущем, которого ожидали. Но существует и еще одна возможность, состоящая в том, что при наличии разных вариантов развития, человечество избрало не тот вариант, который представляется наиболее вероятным т.е. в каком-то смысле не прогнозы оказались неправильными, а человечество развивается «неправильным» путем». [1; с.78].

Похожая ситуация наблюдалась и в начале XX в. в России, когда, по меткому замечанию В.В.Розанова, Русь слиняла в два - три дня. Она разом рассыпалась вся. Не осталось ни Царства, ни Церкви, ни Войска.

Не так давно правительства, в рамках плановой экономики, а потом и рыночной, планировали развитие своих государств на пятилетнюю или трехлетнюю перспективу. Но современный экономический кризис «вселенского масштаба», истощение многих важнейших ресурсов, ухудшение экологической ситуации, быстрый рост населения стран третьего мира, изменение политической карты мира и передел сфер влияния создали качественно новую ситуацию. Сейчас становится совершенно очевидно: надо быстро реагировать на эти изменения и принимать решения, способные повлиять на ход развития и сохранения цивилизации. Вопрос возникает и о том, кто же станет экспертом по выбору путей развития.

Давно известно, что человечество может выбрать тот вариант развития, который в данный момент угоден его духовным предводителям. Это определяется следующими обстоятельствами. Реальность всегда конкретна в социальном её предъявлении. Определения эти предлагаются конкретными социальными субъектами. Чтобы понять состояние сконструированного социального универсума в данное время или в заданный временной интервал, следует понять социальную организацию, позволяющую тем, кто определяет реальность, заниматься этим. Так было всегда. Обратимся за историческими аналогиями к ситуации, имеющей место в Древней Индии.

Известно, что в Древней Индии сначала брахманам удалось распространить свои определения реальности на общество в целом. Именно брахманы, как «главные эксперты», за несколько веков распространили кастовую систему на весь индийский истеблишмент. Одним правителям она показалась образцом высшей цивилизации, а другие уловили в ней неограниченные возможности для социального контроля. Кодекс законов Ману дает представление о предложенном брахманами типе общественного устройства и его преимуществах. Брахманы

были признаны не только авторами такой социальной архитектоники, но и имеющими на её воплощение в жизнь космические полномочия.

Однако, в такой ситуации был неизбежен конфликт между теоретиками и практиками власти. Последних представляли «кшатрии», т.е. военная и княжеская каста. Эпические творения Древней Индии, «Махабхарата» и «Рамаана», красноречиво свидетельствуют об этом конфликте. Не случайно два великих теоретических восстания против универсума брахманов - джайнизм и буддизм - имели свое социальное размещение в касте кшатриев.

Новое конструирование реальности джайнистами и буддистами приводит к появлению и нового персонала экспертов. Пока теории продолжают обладать непосредственной прагматической применимостью, все это соперничество может разрешаться средствами практической проверки. Вопрос может быть решен сравнительно легко: достаточно посмотреть, какая теория приводит к более убедительным результатам на практике.

Такая возможность исчезает при решении вопросов об **обосновании правильности** теории Вселенной. Теоретики теперь вынуждены заменять практическую проверку абстрактной аргументацией. По самой своей природе такая аргументация не несет с собой внутренней убежденности в практическом успехе. То, что убедительно для одного, совсем не убеждает другого. В этих случаях «теоретики» нередко прибегают к различным силовым подкреплениям: например, побуждают правителя использовать военную мощь для навязывания собственных аргументов соперникам. Иначе говоря, определения реальности могут усиливаться с помощью силовых структур. И это совсем не означает, что такие определения будут менее «убедительными». Власть в обществе включает и власть над определением и конструированием реальности. Тем самым вновь привносится своего рода псевдопрагматизм: теории убеждают, поскольку они работают, т.е. становятся стандартным, само собой разумеющимся, знанием в данном обществе.

Это предполагает, что для конкуренции между соперничающими определениями реальности всегда будет иметь место некое социально-структурное основание. Оно будет воздействовать или даже непосредственно детерминировать своим развитием исход такого соперничества. При этом концептуальные модели могут сочиняться чуть ли не в полной изоляции от того, что имеется в системе действительных отношений. Различные социальные группы будут находить точки соприкосновения с конкурирующими теориями и станут их «носителями». Соперничающие определения реальности, таким образом, получают свое разрешение в сфере конкурирующих социальных интересов, которые, в свою очередь, «переводятся» на язык теоретических терминов. Такая поливариантность теоретических конструкций вряд ли способна обеспечить науку о развитии общества солидной системой законов, обеспечивающих её прогностическую функцию.

Следует учитывать и тот факт, что смысловое поле культурных контекстов выражает разнообразие социально-исторических сценариев самого человеческого бытия, мировоззренческих и ценностных предпочтений его участников. И эти предпочтения формируют особый духовный космос обитателей разных культурных пространств.

Отличие жизненных укладов и стилей мышления между Востоком и Западом послужило в свое время определенной предпосылкой становления такого европейского течения, как «евроцентризм». Согласно этому миропониманию, Европа, с присущим ей духовным укладом, является центром мировой культуры и цивилизации. Для этого, конечно, были свои основания. Следует вспомнить, что именно в Греции получили свое рождение такие области

человеческого гения, как: наука, философия и профессиональное искусство. Древний Восток формировал другие способы освоения мира, другие познавательные практики и методологические установки..

Идея европоцентризма, хотя и несла в себе обособление Запада, в то же время подспудно была воодушевлена поиском родовых основоположений человечества. Она исходила из мысли, что все народы пройдут западными магистралями и обретут единство. В этом смысле представления о Востоке как зоне «недовыполненного» человечества служили той универсальной схемой, которая, сохраняясь, могла, в разное время и в разных обстоятельствах, наполниться совершенно различным содержанием.

Движение всех народов к единой всемирной истории породило всё же важную идею поиска изначальной универсальной культуры. Сложилось представление, что различные народы не были разделены в духовном и религиозном смысле. У них были общие корни, но единая культура впоследствии распалась на множество самостоятельных ареалов.

2.МИФОЛОГИЗИРОВАННОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ.

В современном обществе так же сохраняются свои «идолы пещеры», мешающие осуществить чисто научный подход к решению исторических и социальных вопросов. Причина этого кроется в наличии мифологизированного сознания общества. Раньше популярен был «европоцентризм» – теперь достаточно напомнить о таких мифах, как: «всеобщие интересы», «общечеловеческие ценности», выражаемые якобы в программах некоторых партий и отдельных депутатов, или о «всемирно-исторических миссиях» того или иного класса, политического деятеля. Решения, принятые на основе таких мифов, будут далеки от рационально достоверных основ. К разряду таких мифов относится и утопия чисто научного конструирования переустройства общества, без учёта традиций, уклада жизни, ценностных ориентиров, которые определяют духовный космос его субъектов.

Историк не может руководствоваться тем стандартом рациональности, который принят в его время. Он должен реконструировать представления о рациональности людей изучаемой им эпохи. Историк должен не вытягивать изучаемый артефакт в современный контекст его прочтения, а стараться преодолеть время и пробиться к тому мировидению и пониманию, которое было характерно для изучаемой эпохи, культуры, цивилизации.

В современной России мифологизированное сознание наиболее отчетливо артикулирует себя в постмодернистских увлечениях. «Постмодернистский» проект является типичной мифо-технологией. Причем в наиболее явной форме он проявлен в политике и политических темах средств массовой информации.

Можно констатировать, что с 1995 года практически вся публичная политика в России заменена калейдоскопом рекламных эпизодов. Азбука рекламы состоит в том, чтобы социально значимую потребность привязать к торговой марке. В политике торговая марка заменяется персонажем, за который происходит агитация на выборах. Декларируется связка между возможностью удовлетворить объявленную потребность и способностями рекламируемого «героя».

Другое правило говорит о том, что оперативная реклама без стратегической поддержки вянет, теряет смысл. Отсутствие концептуальной мифологии или подмена ее мифологией

сиюминутной, обрывочной, бытовой постепенно изобличает в рекламируемом персонаже лжеца. Поэтому политика превращается в «грязное дело», в череду разоблачений, в непрерывную смену одних «провинившихся» руководителей - другими. И, как говорил известный политический деятель, «процесс пошел».

Постмодернизм как явление в современной философской культуре есть реакция на новый этап отчуждения человека в мире – от Себя, от Себе - подобного, от Природы. В обществе человеку приходится разыгрывать роли. За пределы общества ему не выйти. Остается одно – отнестись к репертуару ролей так же, как к нему относится актер: суметь сыграть и наслаждаться этим умением. Таким должно быть постмодернистское отношение, которое не признает надобности притязать на произнесение последних и окончательных приговоров в любой сфере человеческой жизни. Просто следует выйти за пределы их прочтения в принятых категориях.

Но постмодернистское увлечение не является привлекательной жизненной позицией, даже в эпоху кризисов и катастроф. Для человека осознание самого себя, как реально существующего в мире, - является жизненно необходимым. Принимая какое-либо решение, человек всегда подкрепляет его ещё и чувством уверенности, правоты, веры, надежды, желания и т.д. Возникает вопрос: почему же стремление на научной основе строить общественные отношения наталкиваются на непреодолимые препятствия, превращающие самые благие намерения в утопию? Отметим некоторые из таких препятствий.

Деятельность социального субъекта всегда детерминирована фактором времени. Принятие решения и выполнение той или иной социальной деятельности происходит в конкретном временном интервале. Надо делать именно тогда, когда это диктуется временными обстоятельствами. Потом будут другие обстоятельства, при которых это действие может стать бесполезным или даже вредным. Субъект социальной деятельности всегда находится во власти времени. Его подталкивают оппоненты, конкуренты, логика самого социального процесса, в который он погружён. Социальному субъекту не всегда отводится время для серьёзных размышлений и принятия продуманных решений. Надо успеть всё сделать вовремя. Для получения точных сведений нет времени: информация успевает устаревать уже в ходе её собирания. Получается такая картина: намерения социального субъекта ориентируются на принятие решения и последующего практического действия на основе достоверных научных данных. В реальности всё выходит иначе – импровизированные и интуитивные решения без надёжного информационного обеспечения.

Социальные изменения затронули и положение индивида в системе общественных отношений. Судьба человека стала рискованной. Риск этот связан, как ни странно, – со свободой выбора, которой так дорожит современный человек. В кризисные периоды развития общества, когда наблюдается максимальная неопределённость, вероятность принятия рационально обоснованных решений становится минимальной. Долгосрочные прогнозы становятся практически равными нулю. Если этот теоретический вывод перевести на язык текущей практики, то надо говорить о том, что в современном обществе мера рационального социального решения обратно пропорциональна степени его актуальности, срочности, общественной востребованности. Чем больше обществу нужны те или иные решения, тем более скороспелыми и необоснованными научно они будут.

Область социально-культурных отношений, ставящая под сомнение возможность принятия чисто рациональных решений в области социальной деятельности, приводит к возникновению у некоторых субъектов такого психологического состояния как «амбивалентность чувств». С одной стороны, их одолевают чувства страха, неуверенности в завтрашнем дне, а с другой –

развиваются азарт, желание найти нетривиальные решения, проявляется творческий подход к разработке возможных сценариев самореализации. Развитие общества отменило наследственные социальные координаты индивидов, сделало его социальную жизнь более мобильной, требующей физических и духовных усилий для решения встающих перед ним проблем.

Противоречивость бытия имеет отношение и к сфере общественных отношений, особенно проявляясь на уровне социальных коммуникаций. С одной стороны, в обществе возрастает всеобщая грамотность, доступность научной информации в результате развития компьютерных технологий и Интернета. Это способствует прозрачности общества, увеличивает возможности коммуникации между его членами. «Паноптикум» становится со стороны технических средств возможным.

С другой стороны, возможность оперативно собрать информацию наталкивается в обществе на препятствие, связанное с сознательным её утаиванием с помощью всякого рода паролей, искусственных знаковых систем, кодов, доступных только посвящённым. Тенденция прозрачности общества наталкивается на обратную тенденцию – не допустить всеобщей просматриваемости всех и всего всеми, то есть на сознательное сокрытие происходящего.

Обе эти тенденции следуют из высшей социальной ценности – свободы. Я свободен знать всё, и я свободен скрывать всё. Наличие таких тенденций опять-таки вынуждает современного социального субъекта часто руководствоваться не точными характеристиками, а приблизительными описаниями социальных процессов.

В современном обществе, обремененном реликтовыми пластами мифологем, трудно осуществить чисто научный подход к решению социальных вопросов. Достаточно напомнить о таких мифах, как «всеобщие интересы», «общечеловеческие ценности», выражаемые якобы в программах некоторых партий и отдельных депутатов, или о «всемирно-исторических миссиях» того или иного класса, политического деятеля. Решения, принятые на основе таких мифов, будут далеки от рационально достоверных основ.

3. РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В АНАЛИТИКЕ СОЦИАЛЬНО - ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ.

Но не всё так безнадежно. Общественная наука сегодня как никогда нуждается в перспективах для своего развития. И такую перспективу увидели даже наши «смежники» - учёные в области естественных наук. По мнению авторов работы «Синергетика и прогнозы будущего», эта проблема может быть разрешена при создании современной «теоретической истории». Они предлагают следующее «рабочее определение» этого понятия. «Под теоретической историей будем понимать междисциплинарный подход, позволяющий исследовать и описывать причинно-следственные связи, определяющие поведение и поле путей развития больших социальных групп на характерных временах от 10 до 1000 лет и обладающие предсказательной силой». [2; с.64]. Они сразу делают оговорки: это определение требует уточнения из-за понятий «большие социальные группы» и «предсказательная сила».

Под «большими социальными группами» могут пониматься в одних случаях этносы, в других - граждане страны или полиса, в-третьих, элиты, определяющие ход исторических процессов. А «предсказательная сила» - это способность давать прогноз определенных событий на некоторых характерных временах. Времена же определяются типом событий, полнотой и

достоверностью информации о состоянии общества. Ученые убеждены, что множество характеристик исследуемых процессов могут быть предсказаны, и почти всегда можно дать «слабый прогноз»: ответить на вопрос, чего не произойдет в данной системе.

Междисциплинарный подход позволяет, по их мнению, задать «горизонт предсказуемости». Он предполагает использовать модели социальной психологии, экономики, результаты математического и имитационного моделирования для получения ответов на исторические вопросы. Если прежде модели теоретической истории ставили историю в центр наук, то сейчас это можно делать на совсем другом уровне. Теоретическая история может поставить во главу угла не только реальность, но и «возможности, ситуации выбора, точки бифуркации исторического процесса». Теоретическая история должна иметь дело не только с критическим анализом прошедшего, но и с «сослагательным наклонением», - т.е. с тем, что можно назвать «виртуальной реальностью». Путь к созданию и исследованию «виртуальной реальности», позволяющей лучше понять существующую и «спроектировать» будущую, проходят и многие другие дисциплины, например, теоретическая география, психология и т.д. Но при этом следует всегда помнить, что на результаты научного исследования (в том числе и «виртуальных реальностей») большое влияние оказывает стиль научного мышления.

Стиль мышления представляет собой сложную, иерархически упорядоченную систему образцов, принципов, форм и категорий теоретического освоения мира. Эта система изменяется во времени, она подчиняется определённым циклам, постоянно воспроизводит свою структуру и обуславливает специфическую реакцию на каждый включаемый в неё элемент. Она подобна живому организму, проходящему путь от рождения до исчезновения, непрерывно возобновляющему себя и придающему своеобразие всем протекающим в нём процессам.

Стиль мышления складывается под воздействием культуры. Представитель аналитической философии Л. Витгенштейн полагает, что существует «семейное сходство» между различными элементами одной и той же культуры: её математикой, архитектурой, религией, политическими организациями и т.д. Одно из выражений этого сходства – свойственный культуре единый способ теоретического видения мира.

История науки – это почва, в которую уходит своими корнями научная теория, а культура – та атмосфера, общая для всех теорий, без выяснения особенностей которой, не могут быть поняты особенности структуры, развития теорий, характер их обоснования в науке и укоренения в культуре.

Существенные трудности связаны не только с пониманием особенностей стиля мышления своей эпохи, но и с анализом стилей мышления других эпох. Теоретический горизонт каждой эпохи ограничен свойственным ей стилем мышления. Никто не может подняться над историей и выйти из своего времени, чтобы рассматривать прошлое «беспристрастно», без всякого искажения. Объективность исторична, и она прямо связана с той позицией в истории, с которой исследователь пытается воссоздать прошлое. С учётом особенностей существующего стиля мышления можно определить и те фрагменты реальности, которые становятся в данную эпоху объектом научного познания.

Объектом познания является тот фрагмент реальности, объективной или мысленно сконструированной, на изучение которой и направлено научное познание. Для социально-гуманитарных дисциплин объектами могут выступать, например: деятельность государства, ценности общества, его идеалы, общественные связи и коммуникационные процессы. Для того, чтобы эти объекты вошли в сферу научных изысканий, требуется провести определённую

операцию по превращению объекта познания в предмет исследования данной науки. Содержание объекта при этом подвергается расчленению на специфические аспекты, согласно целям и способам идеализации, принятым научным сообществом на данном этапе развития науки. Такие мысленные конструкты или модели и будут рассматриваться как предмет познания в конкретной научной дисциплине.

Науки социально-гуманитарного профиля занимаются анализом, как закономерностей исторической и социальной жизни, так и её ценностных состояний, а также мотивов деятельности субъектов. Предметы и способы познания здесь конструируются, согласно целям и задачам исследования. Так, человек, являясь предметом изучения социологии, истории, политологии, экономических наук, культурологии и др. имеет в каждой из этих областей знания свою специфику. Присутствующая в этих теориях та или иная модель человека мысленно конструирует и различные социальные реальности. Онтологизация теоретических моделей даёт разные онтологии не только экономических или политических отношений, но и общества в целом.

Историческая наука как область социально-гуманитарного познания всегда связана с ценностно-смысловым освоением и воспроизведением человеческого бытия. Категории «смысл» и «ценность» являются ключевыми для понимания исторических реалий, в которых протекает человеческая жизнь. Человеческая жизнь – это всегда осмысленное бытие. Смысл предстает как духовная направленность бытия человека, его основание для реализации высших ценностей, таких как: истина, добро и красота.

В социально-гуманитарном контексте мир задан человеку духовно-смысловым своим проявлением. Здесь мы попадаем в царство ценностных сущностей, которые подлежат пониманию и истолкованию. Этим и отличается объект социально-гуманитарного познания от его предмета, который есть не что иное, как «мир человека», «смысловая реальность», раскрывающаяся при контакте субъекта познания с соответствующими фрагментами объективной реальности. Таким образом, в данном контексте процедура понимания выступает операцией по нахождению смыслов. Поэтому оно органически связано с самопониманием и самопостижением, что осуществляется в пространстве языка. Так в структуру социального познания входит аксиологическая компонента, а стиль мышления становится ценностно-ориентационным.

Отсюда становится понятным, почему конструирование «виртуальных» реальностей даже в контексте их междисциплинарного исследования, должно учитывать роль субъективных факторов влияющих, как на содержание самих феноменов, так и на результаты прогнозов относительно динамики их развития. В результате можно сказать, что логическая целесообразность присутствует при использовании виртуальных моделей для исследования общества и человека в социально-историческом процессе. Там, где имеет место вероятностный детерминизм, как метод описания и объяснения сложных феноменов, всегда востребованы альтернативные модели их представления и изучения. Здесь наблюдается и альтернативность истинного знания, которую обеспечивают разные условия его получения и применения. Здесь следует вспомнить Арнольда Тойнби, который в середине XX века, анализируя исторические судьбы различных цивилизаций, обратил внимание именно на точки бифуркации, где такое управление на несколько веков определяло ход развития огромных государств. Ему принадлежит и термин «альтернативная история» для нетрадиционного анализа, имеющего дело не с одной реализовавшейся траекторией цивилизации, государства или этноса, а с целым массивом возможностей. [З. с.60-65].

Рост влияния социально-гуманитарных дисциплин на форуме научного знания особенно заметен в периоды, когда происходит смена научных парадигм и меняется стиль мышления. Новая научная парадигма предлагает системный подход к анализу сложных, нетривиальных проблем. Системный взгляд на любое действие позволяет прогнозировать цепочку последствий и способен запретить действия, ведущие к необратимым отрицательным последствиям для человека. Современное общество обречено на эпоху «катастроф», если не сумеет определить императивы, нарушение которых опасно для сохранения человека. Многие связывают надежды на поиски оптимальных путей дальнейшего развития общества с возможностями компьютерных технологий и качественной перестройкой информационной среды. Но нельзя забывать и об опасности, исходящей из-за неграмотного диалога человека и машины. У «думающих автоматов» отсутствуют устойчивые человеческие установочные критерии, и это грозит учёным, соблазнённым беспрецедентным могуществом своих интеллектуальных помощников, оказаться в роковой ловушке. Советы машины могут стать непостижимо коварными, преследующими не человеческие цели, а цели решения абстрактных, трансформированных в искусственном мозгу задач. Наука вынуждена в сложившейся ситуации приобрести способность морального видения и ответственности. Идеал «ценностно-нейтрального» исследования сменяется его гуманитарной обоснованностью. Перед лицом глобальных проблем, стоящих перед каждым из живущих на Земле людей, раскрывается понимание ответственности за сбережение жизни и разума как явления Вселенной. Новая мировоззренческая культура предполагает поиски оптимального общественного устройства людей, органически сочетающего принцип личности с принципом общности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путь к созданию и исследованию «виртуальной реальности», позволяющей лучше понять существующую и «спроектировать» будущую, проходят и многие науки, в том числе и социально-гуманитарные дисциплины. Рост влияния социально-гуманитарных дисциплин на форуме научного знания особенно заметен в периоды, когда происходит смена научных парадигм и меняется стиль мышления. Современное общество обречено на эпоху «катастроф», если не сумеет определить императивы, нарушение которых опасно для сохранения человека. А определение этих императивов опирается на уверенность в том, что логическая целесообразность присутствует при использовании виртуальных моделей для исследования общества и человека в социально-историческом процессе. Виртуальные модели, таким образом, должны быть сопричастны законам объективного развития социальных феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юревич А.В. Ассиметричное будущее. // Вопросы философии. 2008. №7.
2. С.П.Капица, С.П.Курдюмов, Г.Г.Малинецкий. Синергетика и прогнозы будущего. Гл.2. Возможна ли теоретическая история? М.1997.
<http://www.synergetic.ru/sections/index.php?article=books/kkm/index.htm>
3. Тойнби А. Дж. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели. // Знание - сила. 1994. N8, с.60-65. и Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

**CONCEPT OF SOCIAL REPRESENTATION OF YOUTH AND ITS ROLE IN FORMATION
OF INTERGROUP AND INTERPERSONAL COMMUNICATION OF STUDENTS IN THE
CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS**

Tassimova Aislu A. Institute of humanitarian researches ,
Sarkulova Zhanar Aktobe State University after K.Zhubanov
Aktobe city, st. named after Brothers Zhubanovs' , 263, 030000, Kazakhstan.

E-mail: igi.mussaev@rambler.ru

Abstract

The sociology and social psychology approach to youth not simply as to the age group, but to as specific socially-demographic group which is characterized, on the one hand, by psihologo-physiological features inherent in it, realization mainly to the activity connected with preparation and inclusion in public life, in social system; on the another hand- by its subculture, the internal differentiation corresponding to social division of a society. Youth - specific socially-demographic group of the population which is characterized by high mobility, heterogeneity, and plays a special role in demographic reproduction of a society. it is necessary for considering the youth as the major source of valuable and behavioural innovations, the most vigorous carrier and the animator of new morally-ethical values which testifies the degree of a susceptibility of a new view on life and a way of self-expression. The youth is one of most widely investigated categories of the population in social psychology. However during the last years it requires both sciences and experts in the fundamental analysis of problems of youth which assumes the complete approach to studying of all variety of public relations and displays of young generation, youth and society interaction. First of all, it is in the formations of social representation of youth and its development as social group. It is connected with big social problem expressed in the contradiction between an inclusiveness of youth in new social space and absence of adequate knowledge and effective system of realization of their innovative potential, especially in sphere of interpersonal communication within the group.

Key words: social representation, socially-demographic group, potential, demographic reproduction, social system, social group, youth, interpersonal communication, intergroup communication, view on life, way of self-expression.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема социальных представлений молодежи в последнее время становится все более актуальной как в отечественной, так и в зарубежной науке. Ей уделяют все больше внимания при изучении самых разных проблем. Чтобы рассматривать проблемы молодёжи, необходимо представлять себе, что же такое молодёжь, чем она отличается от других общественных групп. В отечественном обществоведении долгое время молодёжь не рассматривалась как самостоятельная социально-демографическая группа: выделение такой группы не укладывалось в существовавшие представления о классовой структуре общества, и противоречила официальной идеологической доктрине о его социально-политическом

единстве. В последние годы с изменением общенаучного подхода к решению ряда социальных проблем возникла потребность в целостном подходе к изучению всего многообразия общих связей и закономерностей молодого поколения, в рассмотрении молодежи как органического субъекта развития общества. Сегодня ученые определяют молодежь как социально-демографическую группу общества, выделяемую на основе совокупности характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в казахстанском обществе. Социология и социальная психология подходит к молодежи не просто как к возрастной группе, а как к специфической социально-демографической группе, которая характеризуется, с одной стороны, присущими ей психолого-физиологическими особенностями, осуществлением преимущественно деятельности, связанной с подготовкой и включением в общественную жизнь, в социальную систему; с другой - со своей субкультурой, внутренней дифференциацией, соответствующей социальному делению общества. Молодежь - специфическая социально-демографическая группа населения, которая характеризуется высокой подвижностью, гетерогенностью, особой ролью в демографическом воспроизводстве общества. Молодежь необходимо рассматривать как важнейший источник ожидаемых в обществе ценностных и поведенческих инноваций, самый энергичный носитель и мультипликатор новых морально-этических ценностей, который свидетельствует о степени восприимчивости нового взгляда на жизнь и способа самовыражения.

1. АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В последнее время одним из факторов, влияющих на поведение молодежи, были названы социальные представления (репрезентации). На необходимость изучения представлений индивидов об окружающей действительности практически с начала XX века указывали видные психологи и социологи. У. Томас и Ф. Знанецкий (1918) обратили внимание на то, что субъект реагирует на ситуацию, исходя из того, как он сам ее воспринимает. Разработка этой проблемы привела У. Томаса к формулировке «теоремы Томаса»: «Если ситуации определяются как реальные, они и становятся реальными по своим последствиям» (1923). Данный феномен, названный «самоисполняющимся пророчеством», описан также Р. Мертном в начале Великой Депрессии в США (1930). Таким образом, традиция изучения представлений человека в психологии и социологии была заложена уже относительно давно. Однако до того, как на эту проблематику обратила внимание французская школа социальных представлений С. Московичи, активного развития ее не наблюдалось [1]. С. Московичи (1976), базируясь на теории индивидуальных и когнитивных представлений Э. Дюркгейма (1914), показал, что человек при выборе способов действия опирается не на стимулы объективной реальности, а на то, как он их себе представляет. Данное положение ранее наглядно было продемонстрировано известным «тюремным экспериментом» Ф. Зимбардо (1972). Таким образом, интенсивное изучение **социальных представлений** (или «репрезентаций») в современной социальной психологии началось в русле решения вопросов социального познания французской социологической школой под руководством С. Московичи. Наиболее известными представителями этой школы стали С. Московичи (1976, 1992), Ж.К. Абрик (1994), В. Дуаз (1994), Д. Жоделе (1989), Ж.-П. Кодол (1986) [1, там же 4,5,6]. Теория социальных представлений была развита из положений Э. Дюркгейма (1914) [2], различавшего **индивидуальные и коллективные представления**. По мнению Э. Дюркгейма, у людей существует два типа сознания: индивидуальное, характеризующее каждого субъекта как

индивидуальность, и коллективное, являющееся общим для какой-либо социальной группы. И именно последнее выражается в коллективных представлениях. Коллективные представления «исходят не из индивидов, взятых изолированно друг от друга, но из их соединения» (1995, с. 234). Развивая положения Э.Дюркгейма, С.Московичи считает [3], что социальные представления не тождественны коллективным представлениям Э.Дюркгейма. Это скорее, не процедура коллективного, надиндивидуального сознания, а «факт индивидуального сознания, психосоциальное явление, включающее в себя единство когнитивного и эмоционального» (цит. по: Абульханова-Славская, 2000, с.297) [7]. Социальные представления, по мнению С.Московичи, – это «универсальный социально-психологический феномен, включающий все формы познания», объединяющий «идеи, мысли, образы и знание, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности)» (цит. по: Augoustinos, Innes, p. 215) [8]. С.Московичи, объясняя природу социальных представлений, считает их рядом «понятий, высказываний и объяснений, возникающих в повседневной жизни в процессе межличностного общения. В нашем обществе они эквивалентны мифам и системам религиозных убеждений в традиционных обществах: их можно было бы даже назвать современным вариантом здравого смысла» (цит. по: Лейенс, Дарден, с.140). Данное определение С.Московичи считается классическим. Уточняя определение, данное С.Московичи, Д.Жоделе считает социальные представления «формой познания социальной действительности» (цит. по: Андреева, с. 207). Именно Д.Жоделе дала наиболее полное определение категории «социальное представление». Она считает, что категория «социальное представление» «обозначает специфическую форму познания, а именно знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которого социально обусловлены. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Как таковые, они обладают особыми характеристиками в области организации содержания, ментальных операций и логики. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления молодежи предопределены контекстом и условиями их возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которые они выполняют во взаимодействии с миром и другими людьми» (1990, р. 361-362). Определить социальные представления молодежи пытались и в отечественной социальной психологии. Например, Е.Б.Маценова предложила такое определение: «Социальное представление – это способ осмысления, интерпретации человеком феноменов социальной жизни» (2001, с.3). Проблематика социальных представлений, начало изучения которой было положено во французской школе С.Московичи и его последователями, получила определенную поддержку и у исследователей других стран, Например, австралийских авторов M.Augoustinos & J.M.Innes (1990); немецких ученых Б.Шефер и Б.Шледер (1993); финских A.Vornanen (1993), H.Raty & L.Snellman (1992) и японских исследователей H.Azuma & K. Kashivagi (1987) и др. В современной отечественной социальной психологии социальные представления изучаются как одно из функционально образующих социальное мышление процедур такими учеными, как К.А.Абульханова-Славская (2000); Г.М. Андреева (2000); Г.Э.Белицкая, О.П.Николаева (1993); В.В. Знаков (1997) и др. Стоит отметить, что подобная проблематика в свое время в отечественной психологии поднималась виднейшими психологами, такими как Л.С. Выготский (1920-е гг.) и С.Л. Рубинштейн (1940) [9].

2. СООТНЕСЕНИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ С ТЕОРЕТИЧЕСКИМИ ПОДХОДАМИ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ И МЕЖГРУППОВЫХ ОБЩЕНИЙ СТУДЕНТОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КАТЕГОРИИ МОЛОДЕЖИ.

Попытки соотнесения основных положений теории социальных представлений с другими распространенными подходами делались и в отношении теории межличностных и межгрупповых общений. Эта линия рассуждений анализировалась в отечественной и зарубежной литературе (Каган М.С., 1988; Карнеги, 1989; Леонтьев А.А., 1997; Парыгин Б.Д., 1999.), поэтому здесь имеет смысл отметить только те взаимные преимущества, которые дало бы сотрудничество представителей этих двух направлений [10, 11, 12, 13, 14]. Традиционная социальная психология обращала преимущественно свое внимание на межличностные отношения, поэтому относительно их изучения значительно раньше был разработан арсенал методических средств. Главным из таких средств является широко известный в социальной психологии метод социометрии, предложенный американским исследователем Дж. Морено, для которого она есть приложение к его особой теоретической позиции. Сущность методики сводится к выявлению системы «симпатий» и «антипатий» между членами группы, т.е. иными словами, к выявлению системы эмоциональных отношений в группе путем осуществления каждым из членов группы определенных «выборов» из всего состава группы по заданному критерию [15]. Таким образом, формирование межличностных отношений в группе является не только необходимым компонентом деятельности, осуществление которой предполагает взаимодействие, но и одновременно обязательное условие нормального функционирования коллектива студентов. Межличностная совместимость основана на принципах сходства и взаимно дополнительности. Также в отношениях большую роль играет и межличностная привлекательность. С межличностной привлекательностью у студентов тесно связано понятие «аттракция». В.Н. Куницына под аттракцией рассматривает процесс предпочтения одних личностей другими, взаимного притяжения и симпатии между ними [16]. За последние 20 – 25 лет изучение проблемы межличностных общений стало одним из ведущих направлений в психологических исследованиях. Большой вклад в разработку проблемы межличностных отношений внесли многие известные психологические направления. Существенное влияние на исследования в области поведения личности и межличностного общения оказал психоанализ З.Фрейда и его последователей. Одним из центральных положений его теории было убеждение, что любое поведение человека хотя бы частично, но обусловлено бессознательными импульсами. Фрейд пришел к выводу, что на поведение человека оказывают влияние психологические импульсы и влечения, направленные на удовлетворение инстинктов человека. Согласно психоаналитической теории, с самого раннего детства мы устанавливаем шаблоны поведения, под которые склонны подгонять все наши будущие или все важные последующие отношения. З.Фрейд полагал, что люди все время находятся в состоянии конфликта, истоки которого лежат в неосознаваемых агрессивных побуждениях [17]. Последователи З.Фрейда, А.Адлер, К.Юнг, К.Хорни и Э.Фромм, обосновывали влияние на формирование поведения человека не только психофизиологических, но и социальных факторов. В социальной психологии общение рассматривается не только как обмен информацией, но и как восприятие или познание людьми друг друга. Студенчество – это особая социальная категория, специфическая общность людей. Студент как человек определенного возраста и как личность может характеризоваться с трех сторон: с психологической стороны, с социальной стороны, с биологической стороны. В процессе образования студенты усваивают образцы поведения общества и социальных групп по принадлежности к ним, либо соотносят свое поведение с их нормами и ценностями. Одним

из ближайших социальных окружений, через которое общество оказывает влияние на личность в сфере образования, является учебная группа. Общение на данном этапе развития личности является ведущим видом деятельности наряду с учебной. Общеизвестно, что межличностные отношения студентов быстро развиваются и включают три элемента - когнитивный (гностический, информационный), аффективный и поведенческий (практический, регулятивный). Межличностная совместимость основана на принципах сходства и взаимодополнительности. Также в отношениях большую роль играет и межличностная привлекательность. С межличностной привлекательностью у студентов тесно связано понятие «аттракция». В.Н.Куницына под аттракцией рассматривает процесс предпочтения одних личностей другими, взаимного притяжения и симпатии между ними [16, там же]. Студенчество – это особая социальная категория относящаяся к молодежи, специфическая общность людей. Студент как человек определенного возраста и как личность может характеризоваться с трех сторон: с психологической стороны, с социальной стороны, с биологической стороны. В процессе образования студенты усваивают образцы поведения общества и социальных групп по принадлежности к ним, либо соотносят свое поведение с их нормами и ценностями. Одним из ближайших социальных окружений, через которое общество оказывает влияние на личность в сфере образования, является учебная группа. Общение на данном этапе развития личности является ведущим видом деятельности наряду с учебной. Общеизвестно, что межличностные отношения студентов быстро развиваются и включают три элемента - когнитивный (гностический, информационный), аффективный и поведенческий (практический, регулятивный). Традиционная социальная психология обращала преимущественно свое внимание на межличностные отношения, поэтому относительно их изучения значительно раньше был разработан арсенал методических средств. Главным из таких средств является широко известный в социальной психологии метод социометрии, предложенный американским исследователем Дж. Морено, для которого она есть приложение к его особой теоретической позиции. Сущность методики сводится к выявлению системы «симпатий» и «антипатий» между членами группы, т.е. иными словами, к выявлению системы эмоциональных отношений в группе путем осуществления каждым из членов группы определенных «выборов» из всего состава группы по заданному критерию. Таким образом, формирование межличностных отношений в группе является не только необходимым компонентом деятельности, осуществление которой предполагает взаимодействие, но и одновременно обязательное условие нормального функционирования коллектива студентов. Система межличностных отношений в студенческой группе в силу своей внутренней психологической обусловленности и сложности зачастую складывается стихийно. В большинстве случаев, будучи трудно различимой, в педагогическом процессе, она организационно не оформлена, особенно в начальный период вузовского обучения. Результаты исследований, педагогическая практика показывают, что в контексте образовательного процесса высшей школы не все студенческие группы имеют ярко выраженный статус сплоченного коллектива. Некоторые из них отличаются межличностная обособленность, яркая конфронтация одних группировок другим, подавленность, отстраненность отдельных членов группы. Педагогическая наука находится в поиске средств реализации личностно-ориентированного образования, однако в педагогической практике данная идея, в контексте формирования внутригрупповых отношений студентов, реализуется не всегда успешно, поскольку не всегда учитываются закономерности. Одним из самых ярких показателей эффективности межличностных отношений является стабильность эмоциональных проявлений членов диады или группы. Ее можно достичь не только созданием общей положительной ситуации в группе, но и учитывая индивидуальные особенности каждого студента, когда тренинг общения позволит сгладить все шероховатости личностных

контактов. Полноценное развитие человека невозможно без общения, а дефицит его ведет к различным отклонениям в развитии психических состояний и свойств. В наше время, когда жизнь требует повышения стрессоустойчивости, адаптированности человека к новым условиям окружающей среды, старые приемы и методы деятельности уже помогают недостаточно. Психологический тренинг, являясь системой специально организованного интенсивного воздействия, может решить многие из актуальных проблем межличностных отношений студентов. За последние 10-15 лет психологический тренинг стал одной из наиболее распространенных форм психологической практики. Перемены, происходящие во всех сферах современного общества, требуют от каждого человека развития способности к самоорганизации во всех видах жизнедеятельности. Современная социальная ситуация характеризуется неопределенностью, повышенной конкурентностью и ужесточением требований к личности. Это приводит к нестабильности эмоциональной сферы и увеличению напряжения во взаимоотношениях между людьми. Структура личности студента, как будущего профессионала, формируется через стабилизацию отношений с окружающими людьми. В основе коррекционных и адаптивных составляющих межличностных отношений всегда лежит критерий эмоциональности, который в большинстве своем является индикатором и настроения, и поведения, а также формирует отношения. Поэтому именно психологическая коррекция эмоциональных составляющих и является той важной основой, через реализацию которой тренинговые ситуации позволили в определенной степени реконструировать личностные образования, то есть создавать новообразования личности, которые являются психологической коррекцией поведения. Несмотря на очевидную значимость данной проблемы, остаются вопросы, требующие дальнейшей проработки. С одной стороны, в социуме не вызывает сомнения необходимость научного понимания и развития индивидуально-типологических особенностей характера, влияющих на межличностные отношения, с другой, недостаточно научных исследований. Возникает ряд несоответствий и противоречий между: потребностью студентов в эффективном общении и недостаточном развитии навыков, необходимых для межличностных отношений; между возрастающей потребностью практики в теоретико-методическом обосновании развития общительности студентов и недостаточной изученностью индивидуально-типологических особенностей проявления эмоциональной нестабильности эмоций, влияющих на межличностные и межгрупповые отношения.

3. СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗВИТИИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ПО ОТНОШЕНИЮ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Попытки соотнесения основных положений теории социальных представлений с другими распространенными подходами делались и в отношении теории социальной идентичности. Эта линия рассуждений анализировалась в отечественной и зарубежной литературе [18,19,20] (Андреева, 2005; Шихирев, 1999), поэтому здесь имеет смысл отметить только те взаимные преимущества, которые дало бы сотрудничество представителей этих двух направлений. В теории социальных представлений трудно найти детальную проработку вопроса о том, каким образом процесс и форма социальных представлений зависят от характеристик групп, являющихся субъектами репрезентаций. В текстах разработчиков теории можно встретить декларации, которые, видимо, должны приниматься как само собой разумеющиеся вещи: например, тезис о том, что ни средством представлений социальные группы не только строят непротиворечивую картину мира, но и формируют, а также преобразуют свои отношения с другими группами. «Группа обнажает свои контуры и обнаруживает свою идентичность через

системы смыслов, придаваемых представлением», - пишет Д.Жоделле (Jodelet, 1984, p. 372). В этой связи возникает естественный вопрос: как и почему именно такие смыслы придаются представлениям? Этот аспект подается авторами как, безусловно, важный для социальной психологии: «Разрешать проблемы, придавать определенную форму социальным взаимодействиям, руководить массами - это мотивы, толкающие на создание представления (Moscovici, 1984, p. 43) [3 там же]. Между тем, огромное число исследований, проведенных за последние двадцать лет, сосредоточено преимущественно на содержании поля представлений, причем ни их предмет, ни контекст (как групповой, так и культурный) не имели четких социальных рамок. Речь идет о многочисленных исследованиях представлений о здоровье, питании, сельском хозяйстве, семье, психической болезни, интеллекте, оплодотворении и т. п. По-видимому, именно это обилие «безадресных» исследований и породило волну критики из лагеря теоретиков социальной идентичности с предложениями о включении в методологию исследования социальных представлений групповых параметров: «Это предполагает, что внутригрупповая динамика и межгрупповые отношения управляют или направляют формирование любых конкретных социальных представлений» (Breakwell, 1993, p. 198) [21]. На наш взгляд, эта критика и эти предложения настолько важны для дальнейшего развития методологии изучения социальных представлений, что стоит рассмотреть их хотя бы тезисном порядке. Прежде всего, соотношение групповой специфики и возникновения социального представления воплощается в вопросе: почему именно эти, а не другие группы испытывают потребность в формировании представления? Может быть, этот предмет важен для них в данный момент времени, может быть, причина во влиянии СМИ, навязывающих то или иное видение предмета, или именно этот предмет может укрепить групповую идентичность, психологически «защитив» группу? Анализ этих обстоятельств многое проясняет и в механизме конструирования представления, и в том, какое конкретное содержание оно приобретет. В ряде ваших исследований (см., напр.: о войне, о демократии, о справедливости и др.) мы попытаемся развить эту методологическую линию. Не менее важным становится и вопрос о связи между социальными представлениями. Не секрет, что подавляющее большинство исследователей рассматривали отдельно взятые представления, в лучшем случае интерпретируя их общественный контекст и иногда - процесс якорения нового представления на старом. Однако, если мы хотим действительно понять ситуацию в ее целостности, взаимоотношения между представлениями должны составить специальную исследовательскую проблему. Особенно актуальной эта задача становится в случае исследования общественной реальности в период трансформационных политических и экономических изменений, когда представления переплетаются и образуют причудливые конгломераты. При анализе динамических аспектов конструирования социальных представлений на первый план выходит проблема, которой, на наш взгляд, уделялось недостаточно внимания в большинстве эмпирических исследований. Речь идет о консенсусе как отличительной черте социальных представлений. Как мы отмечали ранее, мысль о «разделяемости» представления членами конкретной группы является определяющей в понимании существа этого феномена. Можно даже сказать, что свойство быть разделяемым членами группы, быть основой для консенсуса - это важнейший атрибут социального представления. Между тем, даже в случае сформированного социального представления, консенсус никогда не бывает абсолютным, и на это указывают критики (Breakwell, 1993, p. 207; Potter, Wetnerell, 1987). Важнейшим достижением в продвижении методологии исследования социального представления в этом направлении стал, в частности, подход, развиваемый в Экс-ан-Провансе Абриком, Фламаном и Молинером, связанный с эмпирической разработкой идеи ядра и периферии социального представления. В интересующем нас смысле имеют значение выводы этих авторов о том, что именно

периферические элементы представления, в отличие от ядерных, несут в себе индивидуальные различия, в то время как ядерные обеспечивают его целостность и, в конечном счете, консенсус в группе. Но и в применении этой идеи, думается, есть методическое ограничение, касающееся определения той меры «плотности» и «связности» элементом ядра, когда можно с уверенностью говорить о наличии консенсуса в группе. Методически, по мнению Абрика [4 там же], ни результаты факторного анализа, ни уровень корреляционных связей между элементами не могут быть надежными критериями принадлежности к ядру (Abric, 2000). Поиск адекватных техник как эмпирического, так и статистического анализа, по-видимому, становится настоятельной потребностью. Теория социальной идентичности подсказывает, что степень принятия социального представления различна и непременно варьируется по подгруппам и по отдельным личностям. Кроме того, социальная идентичность членов группы по-разному проявляется в разных ситуациях и, как верно отмечает Брейквелл: «Даже если социальное представление является очень характерным для группы, а, следовательно, для социальной идентичности ее членов, оно, скорее всего, не будет использоваться в конкретной ситуации, если социальная идентичность не рассматривается как релевантная в этой ситуации» [21, там же] (Breakwell, 1993, p.209). А ситуативная релевантность представления всегда будет определяться целями группы и его возможностью повлиять на изменчивую общественную ситуацию. Это еще один пункт, который наводит на размышления, но пока не достаточно проработан в эмпирических исследованиях социального представления. Сторонники теории идентичности активно ищут методологические и эмпирические пути исследования социальной идентичности в ситуации неопределенности через идею самоконструирования идентификационных структур (Белинская, 2002, с.54). Продвижение в этом направлении может создать благоприятную почву для ее соотнесения с идеями конструирования социального представления. В частности, можно предположить, что, в соответствии с положением группы в обществе, ее идентификация себя как социально фрустрированной, в периоды общественного кризиса имеет устойчивую связь со структурой социального представления о значимых общественных явлениях. Доказательства этого, полученные в эмпирическом исследовании на примере социального представления о богатстве и справедливости, рассмотрены ранее в наших исследованиях. Согласно теории социальной идентичности, человек может предпринимать усилия с целью улучшения своего «Я - образа» двумя путями: или путём усиления **своей личной идентичности**, или же попытками **улучшения своей социальной идентичности**.

4. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ.

Анализ социальных представлений проводится со следующих позиций [22, там же] (Андреева, 2000, Шихирев, 2000 и др.):

- *формирование социальных представлений* (зацепление, или «анкеровка», объектификация, натурализация),
- *структура социальных представлений* (информация, поле представления, установка),
- *функции социальных представлений* (познание, опосредование, адаптация).

Процесс формирования социальных представлений разбивают на три этапа: зацепление, объектификация, натурализация. Первый этап формирования социальных представлений – зацепление, или «анкеровка», – характеризуется тем, что какой-либо новый объект или явление привлекает внимание индивида, заставляет на нем сконцентрировать внимание, «зацепиться».

Проблему «анкеровки» подробно разрабатывал В. Дуаз (1994). Он предлагает выделять три типа зацепления:

- психологический; этот тип связан с общими ценностями и верованиями, опосредующими наши отношения с другими людьми;
- социально-психологический; это способы, с помощью которых люди символически соотносят себя с социальными отношениями;
- социологический; включает в себя позиции различных социальных групп в системе социальных отношений (Шморина, 1996) [20, там же].

Второй этап формирования социальных представлений – объектификация. Этот этап характеризуется перерастанием незнакомого и абстрактного в конкретное, понятное и знакомое. С.Московичи поясняет этот процесс следующим образом: «Объектифицировать – означает раскрыть знакомое качество в туманной идее или сущности, перевести понятие в образ» (Moscovici, 1984, p.38). Объектификация может проходить в дух форм: персонализации и фигурации, как предположили С.Московичи и М.Хьюстон (1983). Персонализация характеризуется привязкой нового объекта или явления к какой-либо известной личности и фактически к ней сводится (как, например, психоанализ сводится к личности его основателя – З.Фрейду). Фигурация представляет из себя подобный персонализации процесс, но вместе с известной личностью, новый объект или явление сводятся и связываются также и с какой-либо формулой или формулировкой (как например, теория относительности сводится к Эйнштейну и формуле $E = mc^2$, или рационализм – к Декарту и его высказыванию «Cogito ergo sum»). Таким образом, объектификация характеризуется тем, что полученное «знание» «включено в когнитивную структуру индивида... в сильно упрощенном, препарированном виде» (Андреева, 2000, с. 211) [22, там же]. Третий этап формирования социальных представлений – натурализация – характеризуется принятием полученного в ходе предыдущих этапов «знания» как объективной реальности и включением его в собственную когнитивную структуру в соответствии со сложившейся картиной мира индивида. Следующий параметр анализа социальных представлений – структура социальных представлений, включающая в себя три компонента: информацию, поле представления, установку (Андреева, 2000; Шихирев, 2000; Шморина, 1996 и др.). Эти три компонента постоянно пополняются в ходе социализации человека, в его повседневном жизненном опыте. Первый структурный компонент – информация – это сумма, количество знаний об объекте представления, осведомленность о нем. Информация «проникает в «щели» обыденного сознания через разные источники» (Андреева, 2000, с. 210). Этот компонент является необходимым условием формирования социальных представлений. Второй структурный компонент – поле представлений – это качественная характеристика социальных представлений, их образные и смысловые аспекты. Поле представлений формируется в социальной группе посредством определения общих смысловых границ, в которые помещается информация, и определения диапазона возможных толкований какого-либо понятия. Третий структурный компонент – установка – это общее отношение субъекта к объекту социальных представлений, готовность к его оцениванию. Установка – это интериоризация почерпнутого из полученной информации и из поля представлений, сформированного в группе, а также из собственного опыта. Установка также может существовать и при недостаточно полной информации об объекте социальных представлений и нечеткости определения поля представлений. Третий параметр анализа социальных представлений – их функции. Обычно выделяют три функции: познания, опосредования, адаптации (Андреева, 2000, Шихирев, 2000 и

др.). Первая функция – познания – характеризуется описанием, классификацией и объяснением событий и явлений. Здесь социальные представления выступают в роли теорий, которые интерпретируют, объясняют события или явления в рамках определенной когнитивной структуры (Шморина, 1996). Вторая функция – опосредования – подразумевает собой опосредование, ориентацию и регуляцию поведения, социальных отношений и коммуникаций в группе, а также способствует выделению ценностей, которые регулируют поведение индивида (Андреева, 2000, Шихирев, 2000). Эта функция реализуется на внутригрупповом, межличностном уровне (Шморина, 1996). Третья функция – адаптации – характеризуется интеграцией новых и уже сложившихся знаний о событиях или явлениях, т.е. адаптацией поступающей информации о событиях, явлениях, феноменах политического, научного или какого-либо иного плана к сформированным, существующим у индивида взглядам. Эта функция способствует сохранению сложившейся картины мира субъекта. Некоторые исследователи (Шморина, 1996 и др.) выделяют также и четвертую функцию социальных представлений – сохранения стабильности и устойчивости индивидуальной и групповой структуры сознания. Так как новый объект (явление, феномен), нарушает равновесие индивидуальной когнитивной структуры, то это равновесие необходимо восстановить при помощи дифференциации и интеграции. Таким образом, социальные представления являются актуальной проблематикой в социальной психологии, по которой производится достаточно много исследований, в том числе направленных на выявление их содержания, как в отечественной, так и в зарубежной социально-психологической науке.

ВЫВОДЫ

В настоящее время сформулированы основные подходы к разработке критериев оценки социального представления молодежи. В свете особенностей нынешнего периода они могут рассматриваться, скорее, как принципиальные и вместе с тем гипотетические требования достижения необходимого консенсуса между обществом и молодежью по поводу ее развития.

К ним относятся:

- баланс интересов, обеспечивающий общественное согласие различных групп населения, в том числе молодежи и студентов в процессе модернизации общества;
- возможности, предоставляемые обществом для свободного выбора или иного уклада в многоукладной экономике;
- условия, создаваемые обществом для осуществления личной свободы и проявления собственной индивидуальности;
- социальные гарантии, предоставляемые обществом молодежи для компенсации обусловленного возрастом социального неравенства;
- общественная забота о своем будущем (ресурсы, здоровье, интеллектуальный потенциал, экология, окружающая среда и др.);
- уровень осознания молодежью общественных стандартов и требований будущего;
- этические нормы отношений в молодежной среде и в обществе, соответствующие Всемирной декларации прав человека;

- степень сформированности исторического сознания как своеобразного психологического моста между прошлым и будущим.

Там, где есть человек, где есть человеческое общество, всегда складываются и определенные культурные традиции. Однако социум не статичен, он постоянно изменяется под влиянием новых веяний времени. Это касается всех сфер нашей общественной жизни и культуры прежде всего. Появляются новые поколения, носители новых культурных идеалов. Под их влиянием рождается феномен, названный контркультурой.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Московичи С. От коллективных представлений — к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. - С. 83-96.
2. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представлений коллективные// Социология. Еепредмет, метод, предназначение. – М., 1995. – С. 23–58.
3. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations// Social Representations/ Ed. by R. Farr, S. Moscovici . – Cambridge – Paris, 1984. – P. 6
4. Abric J.-Cl. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representations. 1993. V. 2. # 2. P. 75-78.
5. Дуаз В. Явление анкеровки // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 34–52.
6. Jodelet D. Representation sociale: phenomenes, concept et theorie// Psychologiesociale / Ed. by S. Moscovici. - P.: PUF, 1984b. P. 357-378
- 7.Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Социальная психология в трудах отечественных психологов / Сост. и общ.ред. А.Л. Свенцицкого. СПб.: Питер, 2000. – С.
8. Augoustinos M., Innes J.M. Towards an Integration of Social Representations and Social Schema Theory// British Journal of Social Psychology. – 1990. – # 29. – P. 213–321
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – 720 с.
10. Каган М.С. Мир общения. – М: Политиздат, 1988. -321с.
- 11.Карнеги Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей: Перевод с англ. – М: Прогресс, 1989. – 544с.
12. Леонтьев А.А. Психология общения. 2-е изд. – М: Смысл, 1997. -365с.
13. Парыгин Б.А.Анатолія общения: учеб. пособие. – СПб: изд-во Михайлова В.А., 1999. – 301с.
14. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии и теории. – СПб: СПбГУП, 1999.-с.297-431.
15. Морено, Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковой. — Москва: Академический Проект, 2001.
16. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорыша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб: Питер, 2001. – 544с.

17. Зигмунд Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. Перевод Г.В. Барышниковой. Литер. редакция Е.Е. Соколовой и Т.В. Родионовой. СПб: Алатейя, 1999г.
18. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: АспектПресс, 2004. – С. 365
19. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М.: ИП РАН; КСП+ – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – С. 448
20. Шморина Е.В. Представления о педагогическом общении у разных групп учителей: Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1996. – С. 182
21. Breakwell G.M. Social representations and social identity // Papers on social representations. 1993. V. 2 (3). - P. 198-217

AXIOLOGY OF JOURNALISM: THE PARADIGM AND METHOD OF ANALYSIS

Viktor A. Sidorov

St.Petersburg State University, faculty of journalism: 199004, St.Petersburg,

1 line of Vasilyevsky island 26, (812) 328-3184, E-mail: pr.dept@jf.pu.ru

Abstract

Compared with the previous ones the modern society can be particularly characterized by its information content, the emergence of a new information culture. In this connection, the basic operations of mass media and journalism have been radically transformed in many ways. In the postmodern situation the attitude toward mass media on the part of society has changed and, consequently, the conditions for the analysis of their activity became more complex, as the media sphere has been so comprehensive that has absorbed more or less significant manifestation of politics, culture and leisure. At the same time the value component of mass media became clearly understood: journalism and the media not only produce and reproduce socially important values, but itself it is the same intrinsic value of society. Thus, the emergence of a new scientific discipline - Axiology of journalism - was objectively predetermined. Urgent scientific challenge was to develop the methodology of value analysis of media sphere.

Key words: *information age, mass media, axiology of journalism, value analysis of the media sphere, significance, evaluation, value, ideal.*

Рубеж двадцатого и двадцать первого столетий, рубеж тысячелетий воспринимается сегодня стыком разноименных, но генетически взаимосвязанных эпох. Возникли принципиально новые социально-политические и технологические коллизии – рушились и образовывались государства, перерождались политические системы, расширилось явное и скрытое переселение народов, усилились социокультурные потрясения. Все это сопровождалось взрывообразными и радикальными переменами в техническом оснащении сфер производства, образования, культуры, всех видов коммуникации.

Социальные и технические (технологические) перемены не только сами по себе приобрели определенный радикальный характер, они во многом сумели качественно преобразить окружающее нас пространство. Мы живем в непривычном для нас мире, который кто-то называет информационным обществом, несогласные с ними рассматривают жизнь современного социума в понятиях «информационной эпохи» (термин М. Кастельса).

Конечно же, не в дефинициях дело, а в той реальности, про которую совершенно отчетливо высказался критик теорий информационного общества Фрэнк Уэбстер: «есть факт: мы живем в мире, где возросло количество информации и связанной с ней деятельности, которая составляет существенную часть организации быта и труда. Под каким углом зрения ни посмотри на эту проблему, роль информации резко возросла» [Уэбстер 2004, 80]. Новая реальность, высказывает свое мнение известный философ, это цивилизация мирового хозяйства, мировых финансов, электронных денег, трансконтинентальных реактивных перелетов, эпохи Интернета и спутникового телевидения. Так что мы живем и действуем внутри нового мира, не осознав

этого факта. Правда, не ясен вопрос о социальной модели развития этой достигшей своего пика цивилизации [Толстых 2009, № 44].

Мы постулируем качественный характер цивилизационных изменений, которые в особой степени повлияли на функционирование журналистики и средств массовой информации. Что, говоря строго, общеизвестно и не нуждается в подробных пояснениях. Однако, фиксация того или иного состояния изучаемого процесса – необходимая фаза анализа, поскольку с нее начинается теоретический анализ в целом. Отметим постулируемое и перейдем к тому, что в этом контексте всего важнее: сегодня технические/технологические перемены находятся в неразрывной связи с социокультурными преобразованиями жизни. В принципе, так было всегда, но сегодня в особенности – в наши дни технические перемены внедрены в ткань социокультурных.

Современная информационная культура представляет собой единство традиционной культуры и электронных средств коммуникации. Новые электронные средства не отделяются от традиционных культур – они их абсорбируют. Примером является японское изобретение *караоке*... В целом в Европе, так же как в Америке или в Азии, мультимедиа, по-видимому, поддерживают, даже на ранней стадии своего развития, социальную/культурную структуру, характеризующуюся следующими чертами: во-первых, *широкой социальной и культурной дифференциацией*, ведущей к сегментации пользователей/зрителей, читателей/слушателей... во-вторых, *ростом социальной стратификации среди пользователей* [Поликарпова 2009].

Ключевой характеристикой произошедшего социокультурного сдвига оказались информация и технологии, которые оперируют ею, обрабатывают и передают. Да и сами СМИ претерпели радикальные изменения благодаря новым способам сбора и передачи информации — от легких видеокамер, которые сделали доступными те места, куда раньше журналистам проникнуть было трудно, до спутниковой связи, позволяющей передавать изображение на несколько тысяч километров за считанные минуты... Высокая концентрация символов вокруг человека — книги, брошюры, радио, телевидение, видео, Интернет — означает также, что информация по таким вопросам, как сексуальные отношения, сексуальное удовлетворение и проблемы, связанные с сексом (от ожидаемого поведения до эпидемии СПИДа), стала более доступной, чем прежде, это неизбежно закрепляется в нашем сознании... Весьма трудно судить, сколько информации и информационных технологий вызывают эти грандиозные изменения или хотя бы коррелируют с ними, однако никто не спорит с тем, что перемены происходят глубинные, что они идут широким фронтом, набирая темп в последние десятилетия и что информация является составляющей этого процесса [Уэбстер 2004, с. 83].

Сейчас происходит революция в информационных технологиях (она называется цифровой революцией), вобравшая в себя значительные достижения электроники, математики, философии, психологии и экономики. В результате перед нами кардинальный перелом в развитии информационных технологий, возникших и совершенствующихся вместе с эволюцией человеческого общества. Общество наполнено и пронизано потоками информации, которые нуждаются в обработке. Поэтому без информационных технологий, равно как и без энергетических, транспортных и химических технологий, оно нормально функционировать не может. Насыщенность социального мира мощными и интенсивными информационными потоками не только значительно изменила его, но и привела к возникновению ряда новых проблем, связанных с использованием в СМИ таких новейших информационных технологий, как электронные средства хранения, обработки и распространения информации, телекоммуникационные, компьютерные технологии, WEB-технологии [Поликарпова 2009].

Информационная эпоха, будучи, с одной стороны, закономерным следствием НТР двадцатого века, с другой – результатом объективных экономических и социально-политических процессов, до неузнаваемости трансформирует среду обитания человека. В том числе в области массовых коммуникаций, а еще конкретней – в сферах функционирования журналистики и СМИ. Уместно перечислить явные приметы результатов этой трансформации – Интернет в целом, сетевая журналистика, Интернет-версии традиционных изданий, Интернет-телевидение и Интернет-радио, цифровое телевидение, хранение и широкое распространение кино- и аудиопродукции на лазерных дисках (включая «оцифровку» шедевров прежней эпохи), новые формы и скорости связи аудитории с редакциями газет, радио и телевидения, новые методы и формы индивидуального выражения членами общества своих мыслей и настроений – личные сайты, блоги и пр. И все это так или иначе связано с журналистикой и воздействует на нее, потому что изменились возможности ее взаимодействия с аудиторией, способы сбора и хранения информации, поменялись технологии подготовки журналистских произведений.

Эффективная, творческая деятельность в современных условиях уже немыслима без СМИ, поскольку вне их невозможны ни согласованность действий масс, ни формирование единых идеологических и мировоззренческих установок. Иными словами, средства массовой информации являются не только результатом грандиозного скачка в развитии технических способов передачи информации и трансляции культурных ценностей, но и феноменом культуры, отвечающим на определенный социально-исторический запрос эпохи. Этот феномен в высшей степени сложен и мозаичен, потому что в его производстве принимают участие наука, культура, эстетика, этика. Область его отображения – вся наша действительность. И сегодня уже судьбы мира – культурные, экономические, политические, социальные – неотделимы от СМИ, поскольку они обеспечивают приобщение личности к экономическим, культурным, политическим, социальным ценностям [Поликарпова 2009].

Сказанное широко известно. И все же повторение необходимо, чтобы подчеркнуть довольно серьезный недостаток наших прежних рассуждений – сосредоточенность исключительно на перечисленных фактах перемен в журналистике. А это факты, свидетельствующие об экстенсивном характере изменений в массмедиа. Что же касается вопросов интенсификации функционирования журналистики, то об этом пока и речи нет. Тогда как только интенсивный характер трансформации журналистики и СМИ может достоверно указать на решающее воздействие на эту сферу со стороны новой среды обитания – информационной эпохи.

Оглядываясь в недавнее прошлое, замечаешь, что сегодня идеи Ж. Бодрийяра, Д. Борстина, М. Маклюэна можно считать подготовительными по отношению к сказанному позднее другими аналитиками, для которых воедино сплелись три технологических фактора – количественный рост и повсеместное распространение СМИ, появление и экспансия Интернет, наращивание скорости и объемов передаваемой информации. Взрывообразный рост медийной сферы подорвал веру общества Нового времени в истину и реальность, считает итальянский философ Джанни Ваттимо, и указывает, что благодаря экспансии СМИ доступ к ним получили самые разные группы, регионы и страны, поэтому для всей этой аудитории не может быть одной реальности и одних перспектив, они неизбежно придерживаются разных взглядов на проблемы и события. По мнению американского исследователя Марка Постера, современную эпоху следует обозначить как этап электронного обмена сообщениями, когда знаки только симулируют, подделывают действительность и – что самое важное – теряют свой репрезентирующий характер. Личность в таком обществе «децентрализована, диспергизирована, размножена и непрерывно изменяется», она вовлечена в «непрерывный процесс одновременного становления многих идентичностей», поэтому знак, вместо того

чтобы означать определенную вещь, относится к «поток» означаемых», это становится характерной чертой эпохи [Уэбстер 2004, с. 341-343].

Таким образом, вопрос о связи, с одной стороны, скорости и широкой доступности передаваемой информации, а с другой, с глубиной ее осмысления в журналистских произведениях, приобрел иное прочтение – способен ли наш современник за передаваемыми по каналам массовой коммуникации знаками разглядеть адекватное реальности содержание? Можно полагать, что исчез, или потерял свое значение, плюрализм мнений как характеристика демократического общества, поскольку плюрализм имеет какой-либо смысл до тех пор, пока индивид способен своим сознанием охватить спектр возможных представлений по интересующей его проблематике. Когда же истин столько, сколько мест их возникновения, сколько источников информации, тогда обесмысливается само представление об истине.

В ситуации постмодерна не могло не измениться отношение к массмедиа со стороны общества, которое оказалось круглосуточно погруженным в активную (если не сказать, агрессивную) информационную среду. Поведение человека, его ценностные установки, идеалы оказались прямолинейно, без какого-либо камуфляжа, детерминированными массмедиа. Однако факт такого бесцеремонного вторжения в сознание человека не стал для специалистов, как может показаться, легко понимаемым. Отнюдь, анализ медиасреды и последствий ее воздействия на человека значительно усложнился, что объяснимо как объективными, так и субъективными причинами. Объективные основания усложнения научного анализа восходят к важнейшей особенности функционирования медиасферы: она стала столь всеобъемлющей, что вобрала в себя все сколько бы то ни было значимые проявления политики, культуры, досуга. Недаром возникли гипотезы о медиатизации политики или тотальном охвате культуры человечества медиакulturой. Из сказанного вытекает и субъективный фактор усложнения для наших дней анализа массмедиа: новая социокультурная ситуация еще не описана, еще не выработана соответствующая методология ее изучения. Можно предположить, что для сложившейся новой информационной реальности оказались востребованными – в дополнение к уже испытанным – новые методы анализа.

В этих неоднозначных условиях, именуемых наступлением информационной эпохи, дискуссии о свободе журналистского творчества и объективности журналистских произведений, свободе функционирования СМИ неизбежно приобретают дополнительные аспекты. Да, по-прежнему целесообразно и продуктивно вести разговор о политических свободах без отрыва от экономической их составляющей, вне контекста которой, не раз доказано, политическая свобода прессы становится невразумительной. Но сегодня и этого, классического, подхода мало, потому что важнейшие характеристики информационной эпохи – скорость и объемы передаваемой информации, всеобщий доступ к ее приемникам и некоторым видам передатчиков – одновременно становятся характеристиками как среды обитания человечества, так и условий деятельности СМИ. Практически, на одном уровне с экономикой и политикой новая среда функционирования журналистики приобретает значение решающего фактора влияния на свободу журналистского творчества и свободу печати. Назовем его фактором информационной эпохи.

В начале нового тысячелетия, когда ощутимо явственными стали угрозы цивилизационных потрясений, когда вновь на повестке дня вопросы стратегии человечества и отдельных стран, когда сфера духовного бытия человека заново раздираема неугасимыми противоречиями прошлого, когда наука вплотную подошла к практике клонирования человека, а религиозное сознание, подкрепленное наступательной политикой церкви, все активнее пытается занять

командные высоты, с новой силой в журналистику и практику СМИ входит ценностное мировосприятие.

В наши дни телевизионный экран демонстрирует всему обществу столкновение по-старому и по-новому трактуемых идеалов и ценностей, что, в общем-то, понятно – так есть, так было всегда. Однако, ценностный конфликт нашего времени более глубок, чем когда-либо, – в медийном пространстве идет яростное противостояние полярных ценностей. Что происходит воочию и с непредсказуемым результатом. Таким образом, возникновение аксиологии журналистики оказалось предопределенным.

Вопрос о ценности журналистики тождествен вопросу, какой смысл придается этой значимости – этический (идеальный) или онтологический (о социальной сущности)? Фактически, на журналистском поле возбуждается старый философский спор, который в информационную эпоху обрел дополнительную остроту.

Г. Риккерт, представитель Баденской школы философов, утверждал «надбытийную» природу ценностей: «Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности» [Риккерт 1998, с. 94]. М. Шелер давал «обоснование онтологической природы ценностей» [Чухина 1994, с. 381], их «фактичности». Н. Гартман видел в ценностях «сущности» [Гартман 2002, с. 178].

Переводя спор философов о «надбытийности» или «онтологичности» ценностей в аспект функционирования журналистики, отметим его теоретическую актуальность. Потому как уже давно укоренилось понимание журналистики исключительно как результата работы сознания. Но всегда ли и во всем ли продуктивен такой подход? Может быть, более уместно, учитывая социальную природу журналистики, учитывая, что результаты журналистского труда в определенной мере отражают объективную сторону предмета журналистского познания, говорить о материальном основании ценности журналистики, продуцируемых и репродуцируемых ею ценностях.

Нельзя не учитывать, что журналистские произведения – опубликованные в газете, прозвучавшие по радио, показанные по телевизору – есть результат духовной деятельности человека, понимаемой здесь как осмысление увиденного, прочувствованного, обдуманного им. Снова вспоминается классическое положение Ф. Энгельса о том, что все, побуждающее человека к деятельности, должно обязательно пройти через его голову, отразиться в ней в виде мыслей, побуждений, чувств, проявлений воли – в виде «идеальных стремлений», которые действуют как «идеальные силы». Побуждение к деятельности – идеально, сама деятельность – факт материального мира.

Это положение, как никакое другое, особенно применимо к журналистике. Усилия журналиста носят интеллектуальный, идеальный характер, а результат усилий может выглядеть как изменение материального порядка. Не газетный текст является материализацией интеллектуального труда журналиста, равно как и показанное на экране изображение чего-либо, а действия того, кто газету прочитал, что-то понял в ней, обдумал и совершил нечто под влиянием обдуманного.

Воспользовавшись положениями структурно-функционального анализа Т. Парсонса о функциях и обеспечивающих эти функции социальных институтах, приходим к пониманию неоднозначности бытия журналистики, ее активного рассредоточения по всему пространству социальной системы. Отчего закономерен вопрос об особой ценности журналистики для социума. Это сравнительно новый аспект теоретического анализа журналистики. В социальной

реальности усматривается пока что не артикулируемый исследователями закон функционирования журналистики: само общество нуждается в журналистике и находит в ней свой особенный смысл. Для общества журналистика давно стала не просто атрибутом социальной действительности, она обрела статус постоянного присутствия в делах общества. Потому что исполняет видимые даже неспециалисту важные социальные роли – вездесущего агента и связного, проповедника и обличителя, советчика и утешителя...

Тем самым предопределилось, что в журналистике императив долженствования («журналистика должна», «СМИ обязаны») уравновешен императивом ценности. С одной стороны, журналист должен обществу, с другой – его произведение и многообразная творческая деятельность нужны тому же обществу. Журналистика, являясь важнейшим звеном духовной жизни человека, выступает в качестве общественно значимой ценности.

Ценность журналистики производна от культуры и взаимодействует с культурой журналиста. На наш взгляд, утверждение общественной ценности журналистики духовно и нравственно прогрессивно. Не надо сопоставлять культуру журналиста с абстрактной шкалой ценностей, надо собственно культуру журналиста, равно как и журналистику в целом, представить в качестве общественно значимой ценности. Именно поэтому к ней применим аксиологический подход:

1. журналистское знание как результат познания действительности есть ценность;
2. журналистика стимулирует практику, продуцирующую ценности;
3. журналистика творит нечто, имеющее отношение к несомненным ценностям – красоте, добру, справедливости.

Во второй половине XX века гуманитарная мысль вновь обратила особое внимание на анализ аксиосферы культуры. При этом сохранялось противостояние ее идеалистического толкования и позитивистского сведения ценностного осмысления человеком мира и ценностей ориентации человеческого поведения к биологической избирательности всех живых существ. Объясняется это тем, что во второй половине драматического прошлого века вновь возникла ситуация тотальной «переоценки ценностей», отражая обострившееся до предела осознание кризиса сложившегося на Западе типа общественного бытия и культуры. Возникшее на наших глазах представление о новом великом историческом переломе – о смене индустриального общества постиндустриальным, капитализма посткапитализмом, модернизма постмодернизмом, породившее даже, по Ф. Фукуяме, идею «конца истории» – при одновременной предельной активизации контактов Запада и Востока в условиях преодоления колониализма и признания принципиального равноправия культур всех регионов и всех народов мира, не могло вновь не вывести проблему ценности на авансцену теоретического сознания [Каган 1997, с. 9-29].

Обратим внимание на это положение профессора М. Кагана. Оно указывает на социально-политическую причинность очередного исторического этапа переоценки ценностей. Прослеживается наличие определенных детерминант, предопределяющих выдвижение на авансцену истории тех или иных ценностей, а также их всякий раз особое содержание. Назовем для нашего времени основные детерминирующие факторы эпохи глобализации:

- социально-политические (образование новых политических и социальных систем, крушение прежних; транснациональное функционирование экономики; противостояние Востока и Запада, Юга и Севера, «золотого миллиарда» и бедных регионов планеты),

– этнокультурные и конфессиональные (возрастание фактора национализма и поиска национальной идентичности народов; усиление роли церкви, возникновение теократических государств; массовая миграция в страны Запада; новый этноконфессиональный облик Европы и пр.),

– техногенные (радикальные перемены в условиях сбора, анализа и распространения информации, а также ее хранения; появление новых носителей информации; информатизация всех областей бытия человека и т.д.).

Техногенный фактор, как никогда ранее, повлек за собой определенные перемены во взаимодействии различных общностей и индивидов, а также в их социальном облике – от образа жизни, экспансии «массовой культуры» до постановки политических целей. Возникли новые точки пересечения социальных интересов, новые зоны политических и ценностных конфликтов.

Ярким примером социокультурной причинности ценностного политического конфликта стала история с рисунками европейского карикатуриста, опубликованными в одной из газет Дании.

Проследим некоторые этапы развития сюжета по сообщениям из Интернет-источников.

Газета Jyllands-Posten 30 сентября 2005 г. опубликовала 12 карикатур под заголовком «Многоликий Мухаммед». Четыре из двенадцати рисунков представили пророка и ислам в весьма критическом и карикатурном виде. На одном из них Мухаммед с тюрбаном в виде бомбы, на другом показан в сопровождении двух шахидок экстремистом с саблей в руке. Третья карикатура изображает пророка в раю, куда прибывают погибшие в бою шахиды. Пророк обращается к ним с обращением: «Погодите, в раю не осталось девственниц».

Это вызвало бурю негодования в арабских странах, а также угрозы со стороны различных исламистских группировок. Датские журналисты долгое время отказывались приносить извинения, ссылаясь на свободу высказываний. Датчан поддержали журналисты многих стран (норвежская евангелическая газета Magazinet опубликовала рисунки из Jyllands-Posten на своих страницах. В знак солидарности с коллегами карикатуры опубликовали ABC и El Periódico в Испании, La Stampa и Il Corriere della Sera в Италии, Die Welt в Германии и т.д.). Карикатуры на пророка Мухаммеда были перепечатаны в 143 изданиях 56 стран. Чаще всего карикатуры появлялись в СМИ стран ЕС (70 газет). В США ни одно общенациональное издание не опубликовало карикатуры, однако 14 местных газет все же перепечатали их. Кроме того, датские аналитики обнаружили рисунки в трех канадских, трех новозеландских, двух австралийских и одной японской газетах. Из стран с преимущественно мусульманским населением карикатуры были опубликованы в Алжире, Боснии и Герцеговине, Египте, Индонезии, Иордании, Малайзии, Марокко и Саудовской Аравии. 31 января 2006 г. главный редактор Jyllands-Posten все же принес официальные извинения за публикацию карикатур. В ряде арабских стран и в Палестине извинения европейцев не были приняты.

Вспышки конфликта высветили ценностный аспект «карикатурного конфликта».

Обратимся к страницам труда С. Хантингтона, где в частности подчеркнуты предрассудки в восприятии широко распространенной и ограниченной по сути концепции цивилизации Запада как универсальной цивилизации мира, а также аморальность веры в то, что не-западным народам нужно усвоить западные ценности: это нереалистические ожидания, особенно если учесть, что одинаковые образы, транслируемые одновременно в гостининых самых разных точек земного шара, вызывают совершенно различную реакцию. С этой реакцией разных людей не

совладать, даже если в твоём распоряжении глобальное информационное превосходство: две американские и две европейские организации доминируют в области сбора и распространения новостей на глобальном уровне [Хантингтон 2003, с. 73, 78-79, 511].

История с датскими карикатурами позволяет принципиально иначе посмотреть на некоторые следствия глобализации информационного пространства. До сих пор процесс медийной экспансии Запада рассматривается как направленный в одну сторону, ещё не замечаются выходы за пределы представлений середины XX века, когда информационное наступление Запада изучали исключительно с позиций в медийном отношении слабых стран. Это можно сравнить с гадающей мишенью – попадут в неё или не попадут. Действительность наших дней во много раз сложнее: в системе мировых информационных потоков мира – между сильными и слабыми, большими и малыми её элементами – возникли и упрочились закономерные связи, которые не могут бесконечно выступать как односторонне направленные. Хотя до поры, до времени медийные мощности Запада обеспечивали превосходство в эфире – направленный на Восток и Юг информационный поток неизменно оказывался сильнее встречного.

Сегодня привычная ситуация обернулась её непривычным состоянием.

Во-первых, каналы международных коммуникаций донесли до исламского мира сообщение из Дании, причем, как оказалось понятным позднее, совсем не то, что было сознательно изготовлено на экспорт – так, пустяк, домашнюю заготовку. И оказалось это не случайной утечкой информации, а закономерным проявлением системных свойств глобальных информационных каналов. Во-вторых, те же самые каналы, только направленные в противоположную сторону, донесли до стран Запада резко негативную реакцию на карикатуры со стороны мусульманского Востока. В острую дискуссию вступили аналитики.

Духовные ценности, если они оказываются на стыке культур, на их пересечении способны вызвать кризис, в том числе политический. Также его можно обозначить как кризис культуры в фазе её превращения в цивилизацию (глобальную информационную реальность), который означает не уничтожение ценностей, а их переоценку [Выжлецов 1996, с. 67]. Переоценка может на поверку оказаться возвращением к однажды пройденным дорогам. Так, в датских карикатурах, пишет академик М. Б. Пиотровский (не только директор Эрмитажа, но и крупнейший специалист по истории и культуре Востока) есть оскорбительная вещь: они содержат весь набор стандартных поношений Мухаммеда, издавна существующих в христианской цивилизации, весь арсенал оскорблений, проверенных временем и практикой, по недомыслию так не бывает, это провокация, психологически точно рассчитанная на то, что конфликт будет расти как снежный ком [Пиотровский 2006, 22 февраля].

Все это означает преждевременность надежд на общечеловеческую унификацию ценностей. Напротив, сегодня в мире происходит сложный процесс размежевания духовных ценностей. Он всеобъемлющ, не обходит стороной ни страны «золотого миллиарда», ни развивающиеся. В регионах планеты все отчетливей доминирование исконных духовных начал.

Перемены в обществе – материальные, социальные и духовные – прямо ведут к определенным трансформациям в журналистике и функционировании СМИ. В первую очередь, к подчеркнутому пониманию публичности журналистских выступлений. Отныне слово может быть умножено не на тысячи и даже миллионы восприятий в аудитории – на восприятие миллиардов людей. Должна измениться шкала ценностей и в самой журналистике. Если кратко, то это значит, что журналистика не имеет права отставать от перемен в общественном сознании. Приоритеты общественного сознания – суть духовные ценности, разделяемые

людскими общностями в их поисках взаимопонимания. Надо искать общие ценности, найдя, придерживаться их. И первейшая ценность – не свобода слова, даже не демократия, ибо каждое из этих понятий произвольно и по-разному определяется многими, а установление непреложной истины: Другой и Другие, как и мы, обладают своими ценностями, и эти ценности, как и наши, нуждаются в понимании и уважении.

Ценность общего поля говоримого устанавливается журналистикой. Это хрупкое и почти эфемерное установление, но тем более следует его беречь и лелеять. Мало того, наконец-то пора понять и ценность самой журналистики как незаменимого метода социального общения. Надо заметить, что журналистика нередко рискует собой, особенно часто расплачиваясь за грехи средств массовой информации, многие из которых не ориентированы на утверждение духовных ценностей, а нацелены на достижение исключительно коммерческого успеха...

Журналистика продуцирует и репродуцирует ценности. Это общеизвестно. Вопрос только, какие ценности? Кому нужны, кому служат? Тем более, что – прекрасное замечание сделал М. С. Каган – после Ф. Ницше и Ш. Бодлера стало очевидным, что «прекрасное может не быть добрым», а «истинное может не быть прекрасным» [Каган 1997, с. 20]. Другой исследователь заново сформулировал вопрос, если, скажем, добро и красота – общепризнанные ценности, то есть ли основания отказывать в ценностном статусе злу и безобразию? [Выжлецов 1996, с. 62]. Еще более определенно высказался Конрад Лоренц: «чем хорошо зло». Один из разделов его труда посвящен анализу межвидовой и внутривидовой конкуренции в живой природе, результатом которого становится развитие вида. И этой главе философ предпослал в качестве эпиграфа две строчки из И. В. Гете: «Часть силы той, что без числа / творит добро, всегда желая зла» [Лоренц 1998, с. 78]. Заметим, что практически те же слова из «Фауста» ставит эпиграфом к первой главе «Мастера и Маргариты» Михаил Булгаков: «...так кто ж ты, наконец? / – Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Да, в аксиологии, сравнительно молодой дисциплине, есть своеобразные зоны, содержащие в себе некоторые до сих пор нерешенные вопросы, которые можно назвать даже неразрешимыми вопросами. Поскольку ответы на них чаще всего затруднены реальными обстоятельствами, мировоззрением индивидов, политической идеологией, а ценность как предмет спора всегда обладает двумя полюсами. Если добро и красота – ценности, то есть ли основания отказывать в ценностном статусе злу и безобразию? Этот вопрос и является по сути центральным в дискуссии о существовании и статусе так называемых «отрицательных», или «негативных», ценностей.

Концепции, которые за основание ценности принимают значимость в любом из ее вариантов, вводят понятие «отрицательной» ценности почти автоматически, но вынуждены при этом к самой ценности добавлять эпитет «положительная». Те же, кто выводит специфику ценности из нормы, цели или идеала, столь же естественно считают ценность только положительной, а ее противоположность для них есть антиценность. Вопрос этот не просто терминологический, ибо провозглашение абсолютного добра лишает такого же статуса зло, поскольку не может быть двух абсолютных начал, но тогда теряется сам смысл зла как антипода добра.

Вспомним, насколько остро на реплику Левия Матвея отреагировал Воланд в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова. «Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от

живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и всё живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?»

Для журналистики вопрос о соотношении добра и зла, прекрасного и безобразного отнюдь не академического свойства. Это повседневная проблема, например, телевизионной журналистики: как показывать катастрофы, какие сообщать подробности террористических актов, сколько времени на экране и в каких образах представлять добрые светлые начала жизни, а какое время суток и с каким хронометражем отводить под «негатив»... Это постоянные поиски ответа на максимум, высказанную писателем и журналистом Марком Твенем: кто во всеуслышание не говорит о дырах на платье своей страны, тот не любит свою родину. Иными словами, соотносить добро и зло в журналистской реальности приходится всегда. Поэтому нет и не будет однозначности суждения о праве зло именовать антиценностью. Практика, как и прежде, остается критерием истины.

Идеалы и ценности подвижны. Идеалы в меньшей степени, в большей – ценности. Их динамику обеспечивают социально-формационные, политические и культурные процессы в обществе. Потому так важно понимать, в каком обществе мы живем: какие идеалы свойственны обществу сегодня, какие – уходят в прошлое, какие – нарождаются. Понимать ценностную базу общества значит разбираться в жизни данного социума на самых тонких уровнях анализа. И далее, адекватное восприятие журналистом жизни общества означает способность и готовность творческого работника СМИ к серьезной профессиональной работе в прессе.

Постановка вопроса об утверждении аксиологии журналистики как молодой научной дисциплины и ценностного анализа журналистики как метода исследования медиасферы подводит к осознанию необходимости формирования соответствующего научного аппарата. Для начала выделим три понятия – оценка, ценность, идеал – и обозначим смысловую наполненность каждого из них.

Под значимостью подразумевается способность человека выбрать то, что ему более близко, понятно и необходимо. Основной вопрос – в чем состоит способность выбора того, что человеку ближе, на чем эта способность основана. Главное – не что для человека является значимым, а как для него нечто становится значимым: вопрос не о том, что такое хорошо, что такое плохо, а вопрос об отношении конкретного человека к тому, что такое хорошо. Не менее существенна личностная значимость связей и отношений человека с информационной инфраструктурой общества, в которой множатся и постоянно меняются значимые характеристики объектов. Информационная сфера оказывается посредником между человеком и предметным миром. И здесь зафиксируем четыре вывода: во-первых, речь уже не ведется о способах получения достоверной информации, речь о постоянно растущих ее объемах; во-вторых, информация зачастую дает не описание, а предписание; в-третьих, стало невозможным проникновение во внутренний механизм добывания истины, так как он заменяется механизмом манипулирования по поводу истины. Теперь приобщенность к информационным технологиям в большинстве своем означает приобщенность к механизмам манипулирования; в-четвертых, знание как составляющая информации подменяется виртуальными (иллюзорными) фактами, которые выступают лишь «информационным поводом».

Оценка – одобрение или осуждение различных явлений социальной действительности и поступков людей в зависимости от того, какое значение им приписывается. Таким образом, в основе оценки лежит познание социального значения чего-либо и кого-либо. На этом основании с помощью оценки можно регулировать взаимодействие субъектов социума.

Ценность – это специфически социальное определение объекта окружающего мира, выявляющее их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро, зло, прекрасное и безобразное), заключенное в явлениях общественной жизни и природы.

В качестве философской категории ценность – это то, что чувства и разум людей диктуют признать особенно значимым из всего и во имя чего проживается жизнь. Критерий того, что является ценностью, и что не является, – в самом человеке. Часть ценностей человек приобретает по наследству от тех традиций, в которые он «чудесным образом попал в результате своего рождения». Сознание помогает человеку вырабатывать новые ценности, которые составляют смысловой центр бытия человека в мире. Ценность выступает как цель сама по себе, к ней стремятся ради нее самой, а не ради чисто материального интереса, выгоды или чувственного удовольствия. Направленность установки субъекта и его деятельности на определенную ценность называется ценностной ориентацией. Процедура выбора на основе ценности называется оценкой.

Таким образом, ценности – это характеристики предметов (явлений), в которых человек заинтересован и которые он оценивает положительно или отрицательно, иными словами, в которых выражено нормативно-оценочное отношение человека к окружающей действительности. Под ценностью субъект подразумевает прежде всего обращенные к нему и нужные ему свойства объекта. Однако есть еще понятие «ценностное отношение», под которым подразумевается такое отношение субъекта к объекту, в рамках которого объект может быть не только ценностью, но и антиценностью или нейтральным в аксиологическом смысле.

Ценности всегда социальны по своей природе, поскольку возникают и формируются в процессе взаимодействия людей.

Есть сложный развивающийся массив регулятивов человеческой жизнедеятельности, он системно организован, и есть основания, обеспечивающие его системную целостность. Такими основаниями выступают фундаментальные жизненные смыслы и ценности. К ним относятся фундаментальные базисные ценности и жизненные смыслы, составляющие содержание категорий «человек», «природа», «пространство», «время», «личность», «деятельность», «свобода», «справедливость», «истина», «красота» и т.д. В своем сцеплении и взаимодействии они образуют целостную картину человеческого жизненного мира, которая называется мировоззрением.

Общественный идеал — такой мысленный образ (идеальная модель будущего), в котором так или иначе отражаются объективные тенденции, потребности общественного развития, прогнозируются судьбы стран и народов, стремления людей к более высокой, совершенной ступени истории, «снимающей» кризисные явления, глубокие социальные противоречия. Имея духовно-положительный, привлекательный, вдохновляющий характер, идеалы активно способствуют единым и широким действиям масс людей, являются важным фактором общественного прогресса.

Медийная оценка влияет на формирование ценностей в восприятии аудитории. Сама же медийная оценка основана на ценностной системе, которой придерживается коммуникатор. Однако, откуда берутся ценности? И так ли уж важно понимать это в повседневной медийной практике?

В поисках ответа вернемся к уже обозначенному нами философскому спору о происхождении ценностей – их «надбытийности» или «онтологичности».

Можно присоединиться к одному из них, а можно осознать его неполноту, следовательно, определенную уязвимость позиции журналиста. И дело здесь не в тщетности примирения идеализма с материализмом, а в той особой среде, с которой мы в данном случае соотносим ценности, – это медийная сфера. В ней ценности как «вырастают» из объективной значимости события или явления, так и априори заданы вещателем, который вносит их в массмедиа из личного социального опыта, вносит своеобразным итогом своего духовного становления, личной социализации. В этом смысле ценности в данной ситуации имеют идеальный характер происхождения, они предшествуют опыту, то есть заданы априори, существуют до опыта.

Вместе с тем, такую до-опытность ценностной системы коммуникатора нельзя не рассматривать критически: объективность зарождения ценностей и объективность их содержания способны войти в конфликт с априорной установкой журналиста.

Для объяснения смысла этих положений более других подходит анализ известных еще из философии экзистенциализма так называемых пограничных ситуаций, в которых несложно обнаружить следы того, что «до границы», и того, что «за границей». Здесь значимость привычного в социальном мире наглядна в особенности, а оценки более жестки и определены. И за этой определенностью обнаруживаются проблемы, не увиденные до того.

Обратимся к журналистской практике, в которой пограничные ситуации – повседневность. Скажем, освещение терактов на телевидении – характерная и, увы, уже привычная всем пограничная ситуация. Обратимся к событиям в московском метро 29 марта 2010 г.

Приходится признать, что журналистика в целом на высоте не оказалась: в день взрывов новостные службы российского телевидения работали по какому-то «механическому» проекту – никто ничего не сумел осмыслить, и даже не успел попытаться это сделать; многократно повторялись одни и те же сообщения, одни и те же видеозаписи, прямо скажем, не самые лучшие с точки зрения телевизионной эстетики – слишком много натурализма в виде луж крови, изуродованных людских тел. Следует согласиться с обозревателем «Известий» Ириной Петровской, которая, оглядываясь на 29 марта, заметила: не надо судить телевизионщика – он говорит и показывает, как его научили и как ему позволили [Петровская 2010, 3 апреля].

К сожалению, последующие за терактами дни так и не принесли углублённого – нет, не понимания, а хотя бы рассмотрения истоков и причин трагедии. Как проправительственные, так и оппозиционные средства информации, говорили только то, что и можно было от них ожидать: какие, где и когда были теракты, про мировое зло – терроризм, великодержавную политику России на Кавказе, про западных кукловодов; были новости, были подробности – в общем, всё, как всегда. И как обычно, призывали не путать ислам с терроризмом; ужаснулись факту оскорбления в метро молодой женщины, покрытой чёрным платком; заговорили о мерах по снижению зашкаливающего уровня безработицы в республиках Северного Кавказа и т.д.

Между тем, в журналистских текстах этих дней обнаружилось немало драгоценных крупиц, которые прошли мимо сознания публицистов.

Как только выяснились личности террористок-смертниц, сразу же промелькнула наводящая на размышления подробность – обрывок письма арабской вязью. Вот, что сообщалось в СМИ: оперативники нашли на теле смертницы любовное письмо. Юная террористка – 17-ти лет от роду, но уже вдова убитого боевика – пишет своему мертвому мужу послание, которое

заканчивалось словами «встретимся в раю»... Арабский язык на Кавказе сейчас употребляется крайне редко, – комментирует специалист. Это может говорить о том, что террористка была подготовлена в одной из школ на Ближнем Востоке [Стрит 2010, 2 апреля].

За мелодраматическими и политическими подробностями ушло существенное: юная женщина надеется увидеть своего любимого на небесах – там, во второй жизни. Страшная подробность, а вот и другая, как две шахидки за полторы недели до теракта мирно провели некоторое время в родительском доме одной из них – приятный отдых на природе, милое времяпрепровождение. Все это подсказывает, что пора отбросить за ненадобностью жуткие, но успокоительные сказочки о накаченных наркотиками, доведенных до уровня бессознательности женщинах, которых – всего-то! – надо только уберечь от обучения в подрывных центрах, и они тут же перестанут надевать пояса со взрывчаткой... Пора понять, что наркотический дурман – слишком просто. Не об этом ли свидетельство итальянского журналиста Марка Франкетти?

За много лет поездок на Кавказ, пишет он, я никогда не находил доказательств того, что «черных вдов» (так называют будущих шахидок) сажают на наркотики или насилуют хозяева-террористы... Их идеологически обрабатывают и промывают им мозги, манипулируя религиозными догмами. Журналист встретился с одной из таких: глубоко религиозная, она почти наверняка подумала, что, взорвав себя, попадет в рай, – пишет автор статьи в итальянской La Stampa. – В ее голосе не было ни следа страха или грусти, ее холодность поражала [Франкетти 2010, 19 апреля].

Наиболее грамотные аналитики из СМИ подводят к грустному выводу, что сегодня происходит столкновение разных ценностных систем, в которых различно понимание, прежде всего, ценности жизни.

Еще раз обратим внимание на неколебимую уверенность шахидок – после теракта обязательно оказаться в раю, может быть, встретиться с теми, кого потеряли на земле. Главное здесь – вера в иную жизнь, в инобытие. Сегодня, когда отступление от материалистической трактовки мироустройства стало повсеместным – в школе, общественной мысли, подобные настроения уже не удивительны.

Да, есть специалисты, которые замечают перекосы в формировании мировоззрения подрастающего поколения: кто-то из востоковедов уже высказал предложение развенчать с богословских позиций ваххабитскую идею рая, куда обязательно попадают души шахидов-смертников, нужно всемерно подчеркивать: душу террориста ждет ад. Конечно, это уже что-то, во всяком случае, лучше, чем ничего. И все же не более чем паллиатив, потому что на столь зыбкой почве способному религиозному проповеднику-фанатику еще раз перетолковать идею можно без особых затруднений – была бы для этого в социальной действительности питательная почва. А она пока что есть... Так что в вопросах мировоззрения более верно до конца быть последовательным.

В обычных условиях мировоззренческая позиция – дело частное. Но у нас нет «обычных» условий – волна экстремизма затрагивает всех. И получается, что в этой ситуации одно дело верить в еще одну жизнь наверху («не получилось здесь, исправлю там»), и совсем другое осознавать, что «самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее» [Островский 1969, т. 1, с. 251].

Когда в контексте трагических событий присматриваешься к идее ценности жизни, то понимаешь, насколько одна мировоззренческая позиция удобна для ловцов неокрепших душ и насколько прочный фундамент для восприятия жизни в целом закладывает другая. Конечно, вопрос о спасении души деликатен, здесь не должно быть диктата. И все же надо помнить, что высокие мировоззренческие теории, опускаясь на грешную землю, способны принять облик примитивной инструкции: «нажми на кнопку взрывателя, и будешь в раю».

В особой степени пониманию ценности жизни способствует медийная сфера, где в концентрированном виде перемешаны все отображения действительности – искаженные, объективные, туманные – всякие, это своего рода поточное производство событий *omnibus*, как о них написал Пьер Бурдьё: «События *omnibus* – это факты, которые никого не шокируют, за которыми ничего не стоит, которые не разделяют на враждующие стороны и вызывают всеобщий консенсус. Они способны заинтересовать всех, не затрагивая важных тем» [Бурдьё 2002, с. 30]. Есть своя закономерность в том, что ученый, не довольствуясь таким пейзажем СМИ, внес в него еще неотчетливо выраженное представление о «шероховатостях» в журналистике: «Если информация... становится информацией *omnibus*, без "шероховатостей", единообразной, можно себе представить возможные политические и культурные последствия этого». Бурдьё предостерегает: нравиться всем, значит «стараться "никого не шокировать", не поднимать других проблем, кроме тех, что не вызывают последствий» [Бурдьё 2002, с. 61-62].

В равной степени опасно, как переступить границу, так и остановиться в ее отдалении. Потому что события *omnibus* противопоказаны журналистике – потенциальной возможностью потерять преданную ей аудиторию, стать жертвой манипуляторов.

Теперь посмотрим, какое значение фактам пограничных ситуаций придается на телевидении, как оцениваются события, явления, поступки людей и какие ценности культивируются в связи с этим в эфире. Проанализируем это на примере показа террористического акта во Владикавказе (9 сентября 2010 г.) – в программе «Время» (ведущий Виталий Елисеев, 1-й канал ТВ) и «24 часа с Михаилом Осокиным» (Рен ТВ). Программа «Время» – типичный выразитель официальной позиции; новостная передача «Рен ТВ» менее скована установками сверху, носит праволиберальный оттенок.

Для контент-анализа телевизионных передач были разработаны процедуры определения значимости факта, его оценки и пропагандируемой ценности. Полученные данные показывают, что официальный и неофициальный канал в конечном счете приносят зрителю полярно противоположные результаты:

1. при изложении одних и тех же фактов акцентируются их разное смысловое значение, то есть им придается разная значимость;
2. официальный канал практически не оценивает ситуацию, оставляя ее оценки должностным лицам;
3. напротив, новости неофициального канала густо насыщены оценками, которые исходят от ведущего, тех или иных привлеченных в программу экспертов, публицистов;
4. официальный канал однозначно позиционирует позитивные ценностные утверждения (положительные ценности);
5. неофициальный канал, ни в коей мере не опровергая те или иные позитивные ценностные утверждения, в то же время не поддерживает их, более того, на первый

план выходят подспудные дихотомические пары позитивных ценностей (антиценности).

Итак, процесс означивания факта в журналистике непосредственно ведет к «выставляемой» вещателем оценке события, утверждаемой ценности или фактическому ее опровержению. По результатам анализа этой пограничной ситуации еще раз посмотрим на давний философский спор из гущи практики. Получается, что в сфере журналистики вопрос «онтологичности» или «надбытийности» ценностей решается особым образом. Так, существуют базисные ценности, присущие объектам на протяжении человеческой истории, они общие для всех. В этом смысле их можно воспринимать «онтологическими», входящими в медийное пространство от основ сознания человека. И есть ценности, которыми события и факты наделяет непосредственно вещатель: значимость, оценка и ценность зависят от его политической и мировоззренческой позиции. И в этом смысле такие ценности «надбытийны», то есть привнесены в медийное пространство оперативным сознанием человека.

Дифференциация «онтологического» и «надбытийного» происхождения ценностей в журналистике практически целесообразна в том смысле, что указывает на еще один метод ценностного анализа медиасферы – прогностический. Как метод прогностика в аксиологии журналистики возникает также и под влиянием непосредственной практики массмедиа, так как прогноз – неотъемлемое качество журналистского выступления, в котором затрагиваются актуальные проблемы и берутся в расчет социально значимые факты (строго говоря, именно такой подход отличает журналистику от подделок под нее). В журналистике реальность или подвергается критике, и тогда она нуждается, на взгляд автора журналистского выступления, в изменении, или оценивается как определенный пример для подражания, и тогда в журналистском выступлении прямо или косвенно указывается необходимость поддержки положительного примера. Следовательно, добросовестно исполняющий профессиональный долг журналист, даже не особенно вдаваясь в тонкости используемых им средств, тем не менее, расположен к одной из прогностических методик – нормативному прогнозированию.

Естественно, в журналистике используются и другие способы футурологического анализа проблем – поисковое прогнозирование, метод сценариев. За исключением разве что математических методов, которые в прогностике давно обособились и стали инструментом для узко специализированных исследований.

Прогностика, в широком значении этого понятия, сопряжена с двумя равнозначными побудительными причинами актуализации ее применения. Первая – здесь и сейчас построить модель того, что произойдет там и потом, тут уместен поисковый прогноз. Вторая – указать, что нужно сделать здесь и сейчас, чтобы там и потом осуществилось вчера или сегодня задуманное, в этом варианте замечается необходимость нормативного прогнозирования, в котором явно выражена функция идеализации, то есть формирования идеала желаемого будущего. В поисковом прогнозировании наличие функции идеализации не настолько отчетливо, но тоже присутствует – искомые результаты обычно располагаются между оценочными полюсами (экстремами) – наилучшим и наихудшим вариантами развития событий, то есть между воплощенным идеалом и его радикальным отрицанием.

Таким образом, в прогнозе имплицитно присутствует аксиологическое начало, с его идеалами, ценностями и оценками. Акт оценивания совершается в нашем сознании в трех проекциях – прошлого, настоящего и будущего. Оттого, как утверждает исследователь проблем аксиологии, ценностный подход к действительности, в отличие, например, от системного, структурного или

деятельностного, тяготеет к плюрализму и к выявлению целого спектра ценностей в основе человеческих поступков, истории и индивидуального развития [Старостин 2002, с. 83]. И во всех трех проекциях, на основе совершаемых их оценок, анализируются идеалы и ценности. Это с одной стороны, тогда как с другой, идеалы и ценности становятся элементами – «кирпичиками» – мысленно возводимого здания будущего. Вот и Э. Тоффлер уверен: какое будущее выберет человечество, зависит, в частности и конечном счете, от ценностей, которые определяют процесс принятия им решений; от того, насколько ясно мы поймем и сумеем предсказать изменения в целостной архитектонике ценностей, которые регулирует человеческое поведение. Сейчас наше знание этой невидимой архитектоники и того, как она меняется, крайне примитивно. Аксиологическая составляющая прогностики объективна – поскольку без представления о желаемом будущем нет его анализа, и это, несомненно, главное. Вместе с тем, желаемое будущее рождается в идеальной сфере – в нашем сознании. Следовательно, разум человека формирует тот идеал, осуществление которого в будущем журналист пытается познать с помощью инструментов футурологии. Будущее проблематично и спорно, и не может быть инвариантным. Следовательно, его прообразы – идеалы – несут в себе отпечаток наших пристрастий, борений, дискуссий. Пример тому, как политически обостренно воспринимается публицистами произошедшая в современном российском обществе резкая смена идеалов и пантеона отражающих эти идеальные представления героев.

Идея бескорыстного служения заменилась идеей бесконтрольного обогащения. Павку Корчагина сменил Остап Бендер, Алексея Стаханова и Сергея Королёва – Михаил Прохоров и Роман Абрамович, Бориса Андреева и Иннокентия Смоктуновского – Дима Билан и Максим Галкин... [Манько 2010, № 23].

Объяснение случившемуся находим в словах философа. В. Д. Плахов утверждает, что «символом того или иного общества, исторического времени, какого-либо выдающегося события выступает герой, его подвиг. Юрий Гагарин – это не просто имя и фамилия гражданина Советского Союза. Юрий Гагарин – это символ советской космонавтики. Юрий Гагарин – это символ определенной исторической эпохи» [Плахов 2008, с. 222]. Но наступили иные времена, для которых Гагарин – отнюдь не легендарное воплощение совокупности политических и нравственных идеалов, а только романтический отзвук чего-то давнего, уже несуществующего. И это в лучшем случае, а в худшем – не наполненный смыслом и потому непонятый новым поколениям символ. Такому непонятому и непонятному символу будущее закрыто, его функционирование в туманном завтра искать бесполезно.

Иной точки зрения придерживается В. В. Ильин: «история делается политикой, меняющей содержание и форму в зависимости от доминирования в конкретных локалах определенных экзистенциально-политических типов», а потому «деятельность от идеалов вызывает неожиданные, нежелательные результаты – все итоги революций не соответствуют высотам заявленных целей. Люфт между идеалами, целями и инкарнациями, объективациями, люфт между теорией и историей, доктриной и бытием – устраним ли?» В. В. Ильин, с одной стороны, не верит в историческое творчество масс, с другой, отрицает возможность стать кому бы то ни было судьей «над творимыми жизнью ценностями». Соглашаясь с последним утверждением, тем более хочется спросить, чья жизнь, жизнь кого именно сотворит эти ценности? Ответ, как его ни варьируй, думается, все же однозначен – жизнь общества в целом, одиночка такую ношу не вытянет. Так что, по всей видимости, не к одной лишь интеллектуальной элите адресует свой призыв В. В. Ильин – «Нельзя быть заложником шкурных идей, нужно быть заложником высоких ценностей» [Ильин 2005, с. 50, 69, 70, 212].

Есть ли такие высокие ценности в современной России? Вопрос заведомо провокационный. Потому что, как известно, наличие идеалов в обществе объективно, оно не может быть отменено никакими обстоятельствами. Другой вопрос, являются ли идеалы общезначимыми или приобретают характер групповых. О том, что сегодня в России нет общего для всех идеала, знают все. Более того, даже власть косвенно призналась в этом, как только предложила искать национальную идею – нечто соединяющее и скрепляющее нас в целое.

Наличие общезначимого идеала означает хотя бы некоторое согласие важнейших социально-демографических групп общества по вопросам своей будущности. Как показывают результаты многих исследований, российским обществом еще не выработан идеал, ради которого нужно сплотиться, нет объединяющего всех представления о желаемом будущем страны. Даже демократия, позитивный смысл которой никто не отрицает, идеалом быть не может, ее содержание отчетливо инструментального характера. С помощью демократии можно и надо что-либо создавать. Только что именно?

За последнее время как раз по этой проблематике замечается оживление в печатной прессе. Писатели, экономисты, историки, философы очерчивают и обосновывают свои конструкции будущего. Андрей Столяров, Дмитрий Быков, Дмитрий Травин, Юрий Жуков, Александр Казин, Валентин Толстых – вот только некоторые имена, взятые со страниц «Литературной газеты», «Известий», «Санкт-Петербургских ведомостей». За каждым свое политическое видение прошлого, настоящего и будущего. Писатель Д. Быков и экономист Д. Травин придерживаются взглядов, свойственных либералам; философ А. Казин выдвигает идеалы консервативно-христианского толка; со взглядами либералов их по-своему сближает писатель А. Столяров; историк Ю. Жуков и философ В. Толстых отстаивают позиции, формирующиеся в проблемном поле социал-демократической мысли...

Да, в современной России нет объединяющего народ идеала, зато в разных социальных и политических группах общества, каждая из которых запрограммирована на свою желаемую модель будущего, утвердились свои ценностные представления о целях развития страны. Эти программные представления, своего рода прообразы идеалов, активизируются и вносятся в общественное сознание, прежде всего, через журналистику. В связи с чем в некоторых СМИ (например, «Литературная газета» или «Санкт-Петербургские ведомости») заметны усилия по поддержанию режима постоянной идеологической полемики. В этих дискуссиях сталкиваются различные идейные доктрины, но ни одна из них – ни либеральная, ни коммунистическая, ни консервативно-христианская и пр. – пока что не одерживает верх. Естественно, здесь подразумеваются результаты более или менее непредвзято организованной полемики, без заранее назначенного «победителя».

Справедливости ради скажем, что в сфере публично выражаемой общественной мысли все же есть подвижки в сторону определенной консолидации взглядов. И чаще всего это связано с присущей всем искренней тревогой за судьбу России. Тревогой, которая противится однозначному пониманию прошлого и настоящего. Черно-белое восприятие многогранных явлений жизни есть крайнее и вульгарное упрощение, пишет А. Казин. Оно и порождает насилие. Истина, напротив, рождается в диалоге мысли, способной охватить по меньшей мере две стороны своего предмета как целого. В человеческой цивилизации возрастает одновременно сумма добра и сумма зла, порядка и хаоса. Таков основной парадокс истории в этом несовершенном мире, о чем не стоит забывать даже самым ярким спорщикам [Казин 2010, 29 января].

Конечно, представление о формирующемся новом российском обществе, со своих позиций раскрывает проблему В. Толстых, только складывается, контуры этого образа весьма расплывчаты. В числе его базовых ценностей и принципов, а также целей и приоритетов политики выступают и обладают деятельной силой общегражданские ценности, разделяемые людьми разных социальных групп, национальностей и конфессий. Любая попытка превознести и отдать предпочтение ценностям, целям и интересам какой-либо одной социальной или национальной группы, независимо от её численности, рано или поздно приведет к нарушению гражданского мира, к разобщению и расколу общества [Толстых 2008, с. 718-719].

Зарождающаяся консолидация по вопросам формирования общегражданских идеалов пока что замечается в очень узком спектре общественного дискурса, но отрадно, что ростки позитивного процесса уже проглядываются, и многие участники общественных обсуждений могли бы присоединиться к формуле Валентина Толстых: «Свободный человек в справедливом и солидарном обществе – так можно определить социальный идеал общества, которое еще необходимо и возможно создать на базе органического синтеза либеральных и социалистических ценностей». Постулируя весьма своеобразную идейную конвергенцию, философ выделяет три вероятных ценностных сценария эволюции и трансформации России в современной ситуации:

Первый связан с крайне нежелательными тенденциями утраты интеллектуального и культурного потенциала страны, превращения ее в сырьевую базу и источник дешевой рабочей силы для развитых стран Запада и Востока. В связи с чем начнется усиление, с одной стороны, экстремистского национализма, а с другой – сформируется комплекс национальной неполноценности.

Второй сценарий выглядит более привлекательным. Он связан с реализацией идеалов потребительского общества и формированием относительно высокого уровня потребления. В этой ситуации прогнозируется дифференциация единого экономического пространства страны, и тогда неминуема трансформация России в конфедерацию самостоятельных регионов-республик.

Третий сценарий связан с поиском устойчивого движения к информационному обществу как началу постиндустриальной цивилизации, предполагает выработку новой стратегии российских реформ, смену идеалов потребительского общества на систему ценностей, утверждающую престиж духовной и интеллектуальной сферы, развития культуры, науки, технологическую революцию, связанную с внедрением наукоемких, энерго- и ресурсосберегающих технологий, развитием информационной сферы. Предполагается достаточно высокий уровень качества жизни граждан, который вне обозначенных изменений и перемен невозможен [Толстых 2008, с. 717-718, 722].

Для нынешней практики футурологии в СМИ, с ее оцениванием предполагаемого грядущего, в особой мере характерна подчеркнутая обращенность публицистов к первому звену триады – «прошлое, настоящее и будущее». Интерес прессы к прошлому, прежде всего, советскому, обострен и всеобъемлющ, и даже взятый сам по себе, вне задач прогнозирования, все равно выводит на обсуждение будущности России. Так, «Литературная газета» затеяла дискуссионный разговор (тут же подтвердилась его актуальность) о столетии политико-философского сборника «Вехи» – в результате читатель получил возможность приглядеться к палитре мнений не столько о давно минувшем, сколько о настоящем и будущем страны.

Некоторые результаты этой дискуссии уже были подвергнуты анализу с целью определения, каким образом философская публицистика включена в общественный диалог. Сегодня на ту же публицистику дискутирующих посмотрим в ином аспекте – обратимся к главному и глубинному содержанию состоявшейся в 2009 году газетной полемики – оценке прошлого и предчувствию будущего. В той дискуссии анализ страниц истории был равносильен их прочтению в качестве периода основания для футурологических построений публицистов.

Именно такой подход и был анонсирован организаторами дискуссии о 100-летию сборника «Вехи» в редакционном напоминании: «В предисловии к сборнику сказано, что авторов объединили чувство боли за прошлое и жгучая тревога за будущее родной страны. Предметом обсуждения стал не только вопрос об интеллигенции, а тема исторической судьбы России вообще – её прошлого, настоящего и будущего. Авторы «Вех» были наделены даром предчувствия – они предугадали, что революция 1905 года была только началом, предвестием следующих потрясений – Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Можно смело утверждать, что последствия этих потрясений мы переживаем до нынешних дней. А значит, авторы «Вех» затронули и поставили вопросы, решать которые России ещё предстоит. И неизвестно – решит ли?» [Толстых 2009, № 1].

Газетная полемика в «Литературной газете», приуроченная к столетию «Вех», велась на протяжении 2009 г., в ней приняли участие 14 известных авторов – писатели, философы, историки, социологи и пр. Контент-анализ их статей принес определенные результаты, на основе которых можно пытаться выяснить, насколько в практике периодики взаимообусловлены оценки прошлого и ценностные суждения о будущем. Однако следует заметить, что в отличие от теории, по наблюдениям автора, в контексте журналистики такие ценностные суждения практически ничем не отличаются от идеальных построений, обычно выступающих в качестве проекта будущего – важнейшего звена научного прогнозирования. В публицистике, даже вышедшей из-под пера ученого, смысловое расхождение между пониманием идеала и ценности минимизируется, и им в данном исследовании можно пренебречь.

Объект нашего анализа – публицистика по поводу 100-летия выхода в свет важного для отечественной истории политико-философского сборника «Вехи» – замечателен тем, что в нем обнаруживаются два пласта анализа.

Во-первых, это оценка содержания сборника как политического документа своего времени, его значения для последующей истории, вплоть до наших дней. Сборник рассматривается как актуальный прецедент истории, документ-предупреждение, на основании чего публицист «Литературной газеты» обозначает свое понимание возможного будущего России, выставляет свои ценности и их антиподы. Иными словами, к чему надо бы стремиться и чего следует избегать.

Во-вторых, участники полемики обращают внимание своих читателей на прогностический характер трудов, некогда включенных в сборник «Вехи»: в статьях столетней давности анализируется политическая картина своих дней, уточняются те или иные идеалы развития России, то есть, даются соответствующие прогнозы. В работах веховцев замечаются следы приемов социального прогнозирования. Так, для построения периода основания анализируется прошлое и настоящее, с помощью ценностных суждений рисуются контуры желаемого или отвергаемого будущего.

Проведенный в рамках настоящего исследования анализ статей авторов «ЛГ» показал, что в публицистике оценки прошлого и настоящего, как правило, преобладают. Это замечание в равной мере относится как к «веховцам», так и к публицистам «ЛГ». Так, в статьях авторов «Вех» фактов политического анализа своей эпохи почти в два раза больше (14 к 8), чем попыток заглянуть в будущее. Та же тенденция и в материалах участников полемики на страницах «ЛГ»: фиксируются 14 обращений к страницам прошлого, 27 раз так или иначе оценивается настоящее, в то время как всего в 21 случае отмечается выдвижение идеала как прообраза будущего.

На первый взгляд, все это несколько странно, поскольку анализ прошлого и настоящего любого из нас неизбежно подталкивает применить экстраполяцию полученных результатов, и тогда естественным образом на бумаге или в воображении возникают те или иные картины будущего, начинается его прогнозирование. Видимо, такой ход событий возможен, но при условии, если анализ периода основания – нашей истории – будет лишен диаметрально противоположных оценок, наличие которых сводит на нет все усилия, направленные на понимание прошлого как объективной данности. На непрочном фундаменте публицист интуитивно остерегается возводить контуры воображаемого им будущего. Положение изменится, если в самом социуме и среди публицистов, отражающих общественные уmonoстроения, все же состоится более или менее общее оценивание фактов истории страны.

Так называемая «непредсказуемость нашего прошлого», зыбкость политических и социально-экономических прогнозов – все это симптомы идейной неустойчивости в обществе. Сегодня сфере идеалотворчества присущи перманентно возникающие коллизии. Они-то и указывают, с одной стороны, на зыбкость равновесия в общественном сознании, с другой – на явную незавершенность процесса.

В современной России незавершенность оформления результатов идеалотворчества обладает определенной спецификой:

- во-первых, поиск идеалов в обществе отчетливо сопряжен с попытками понять и объяснить, какое будущее России будет избрано в конечном счете. Но это не значит, что выбор будущего всегда идентичен формуле «варианты будущего как варианты идеала» – не все предлагаемое идеологами допустимо хоть как-то сопоставлять с нашими представлениями об идеале, настолько трепетно в российском общественном сознании отношение к ценностной сфере. Так что на высокий статус идеала может претендовать далеко не каждый образ будущего. Скажем, либеральной доктриной предлагается весьма соблазнительный набор политических ценностей (см. второй сценарий будущего страны в изложении В. И. Толстых) – от свободной личности до свободного и мобильного рынка труда и капитала. Но ни одна из предлагаемых либералами ценностей не дотягивает до высот идеала, тем более, идеала в России;
- во-вторых, сегодня поиск идеалов, российским обществом в особенности, сопровождается одной из важнейших составляющих методологии социального прогнозирования – ревизией периода основания. В данном случае, это давняя и недавняя история нашей страны. Тут нелишне напомнить, что в прогностике время раскладывается на три составляющие – прошлое (период основания), настоящее и будущее (период упреждения). Будущее может выступать в разных обликах – в виде научно обоснованной и рассчитанной специалистами модели, в виде проекта или проектного решения, гипотезы или догадки, в образах мечты, сказки, фантастической зарисовки, в виде утопии, в качестве программной цели политической партии и т.д. И что бы из перечисленного ни бралось за основу, везде должен

присутствовать идеал – в высшей степени обобщенное и абстрагированное представление о будущем, опирающееся на оценки и ценностные суждения о прошлом.

Консенсус по вопросам идеологии в социально стратифицированном обществе обычно трудно достижим. Тем более в российском, для которого характерны неимоверный разрыв между богатейшими верхами и беднейшими низами, отсутствие социальных лифтов, неразвитость гражданского самосознания. Социальная неоднородность всегда была той средой, в которой возникают взаимоисключающие идеи, зарождается идеологическая непримиримость, а формирующиеся идеалы противостоящих групп социума берут свое начало в прошлом, которое всеми участниками политического процесса понимается по-разному.

Уже понятно, что незавершенность идеалотворчества в России надолго: обществу и его журналистике еще длительное время предстоит переживать столкновения по вопросам отечественной истории. Однако, бесконечно все это продолжаться не может, так как в стране объективно нарастает дефицит времени – надо на что-то решаться, переходить на рельсы ускоренной модернизации, обрести свою идентичность в окружающем мире, – поэтому медийные исследования прошлого уже сейчас круто замешаны с публицистическим анализом возможных идеалов для страны.

Итак, в СМИ обозначились две взаимосвязанные тенденции. Первая – ревизия прошлого. Наиболее ярко демонстрирует ее программа «Суд времени» (5-й канал). Вторая – концептуальное моделирование будущего страны, основанное на попытках обобщающего анализа отечественной истории. С максимальной концентрацией эта тенденция проявила себя публикацией так называемого Манифеста Никиты Михалкова и организуемой вокруг него полемики.

Углубленное изучение этих фактов новейшей медийной и политической истории страны еще впереди. В данном случае отметим только, что в основу публицистического анализа отечественной истории и моделирования будущего участниками обсуждения в СМИ положен ценностный подход. На его базе журналисты и публицисты пытаются найти в прошлом основания и объяснения предлагаемых путей развития. При этом, в публицистике предлагаемые пути развития частично строятся на отрицательной оценке прошлого, и это тоже вариант ценностного подхода к истории. Насколько плодотворна такая практика, покажет время. Хотя и сегодня можно сказать, что предсказуемый результат зависит от того смысла, который выступает за практикой отрицательного оценивания многих страниц нашей истории. Потому что так называемое «отрицание прошлого» не одно и то же, что критический анализ фактов истории.

Отрицая прошлое, публицист закрывает для себя возможность объективного исследования страниц минувшего – чтобы отвергая прошлое, экстраполировать в будущее несомненно лучшее и прогрессивное. Такова научная парадигма социального прогнозирования. Соединенная с ценностным анализом медиасферы, она позволяет заключить, что оценки прошлого и быстро становящегося прошлым настоящего выставляются сегодня, завтра они оборачиваются идеалами или их разрушением. Поэтому в той мере, в какой настоящее не осмыслено в СМИ настолько же полно, как прошлое и возможное будущее, прогностическая функция журналистики ослабляется, и любые модели будущего России рискуют оказаться малоубедительными.

Подведем некоторые итоги и вкратце обозначим наиболее важные пути последующих теоретических построений.

Практика изучения журналистики стимулирует разработку методологии ценностного анализа журналистики и аксиологии журналистики как самостоятельной научной дисциплины. Широкий спектр подходов к анализу журналистики обусловил разнообразие применяемых исследовательских методов. Под методом в данном случае понимается способ достижения цели, отчего, более конкретно, метод познания обусловлен природой изучаемого предмета, и потому метод всегда неразрывен с теорией.

В настоящее время окончательно сложились два подхода к изучению феномена журналистики. Первый базируется на примате социального и тяготеет к материалистической трактовке информационной реальности, второй – на особом внимании к собственно информационным процессам и массовой коммуникации, то есть находит объяснение феномену журналистики в идеальной сфере, представляя ее в отдельных случаях почти материальной (пример такого радикализм – так называемый феномен виртуальной реальности). Поэтому в теоретическом анализе журналистики явственны парадигмальные столкновения.

Теоретики журналистики, как правило, анализируют функции массмедиа изнутри предмета изучения. Однако для социально-гуманитарного знания традиционен взгляд на предмет со стороны общества, а это уже иные функции, с иным содержательным наполнением. Что само по себе особая проблематика исследования, которая объективно приводит нас к необходимости разобраться с пересечениями двух типов функций, образуемых «внутренними законами» жизни журналистики и законами общественного развития. Точкой пересечения, в которой появляется возможность максимально объективно разобраться в общественном назначении журналистики, не нарушая ее внутренних законов развития, способно стать аксиологическое прочтение проблематики, тем более, что ценностный анализ в обществоведении нового столетия начинает уверенно лидировать. Правда, остаются некоторые смысловые неопределенности, связанные, в частности, с недостаточностью инструментальной разработки процедуры анализа. Так, сам по себе посыл ценностного измерения медиа не может означать его адекватного превращения в надежный исследовательский инструмент – нет указания на процедуру измерения и, главное, на предмет ценностной оценки в журналистике. Смысловая неопределенность в ценностном анализе медийной среды порождает неопределенность в установлении цели исследования и ведет, как показывает практика, к отождествлению аксиологии журналистики с этическим анализом медиа. Таким образом, важнейшей задачей видится необходимость снятия смысловой неопределенности с интерпретации аксиологии журналистики.

Для XXI века актуальны экологические, гуманитарные и этические стандарты, каждый из которых еще предстоит раскрыть в соответствии с реалиями нового столетия. Они будут доминировать и в научной деятельности человека, в том числе в сфере анализа медиа. Одно из значений стандарта – соответствие ценностному образцу, который, в свою очередь, является составляющей общественного идеала.

Сделаем некоторые выводы.

1. Метод ценностного анализа журналистики отвечает актуальным общенаучным тенденциям и нуждается в дальнейшей детальной разработке.
2. Разработка этого метода означает корректное определение предмета исследований и создание механизмов оценки.
3. Результаты аксиологического анализа медийной сферы следует рассматривать в качестве источника развития как теории журналистики, так и социально-гуманитарного знания

в целом. Это означает необходимость соответствия результатов ценностного анализа журналистики общенаучным требованиям.

Литература

- Уэбстер, Ф. *Теории информационного общества* : Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Толстых, В. Неразумное устройство. В *Литературная газета*. М., 2009.
- Поликарпова, Е. Аксиологические функции масс-медиа в современном обществе [Электронный ресурс, 2009]. В http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Polikarp/01.php
- Лоренц, К. *Оборотная сторона зеркала* : Пер. с англ. М., 1998.
- Риккерт, Г. *Науки о природе и науки о культуре* : Пер. с нем. М., 1998.
- Чухина, Л. А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера. В *Шелер М. Избр. произведения* : Пер. с нем. М., 1994.
- Гартман, Н. *Этика* : Пер. с нем. СПб., 2002.
- Каган, М. С. *Философская теория ценности*. СПб., 1997.
- Хантингтон, С. *Столкновение цивилизаций* : Пер. с англ. М., 2003.
- Пиотровский, М. Рецепт простой: не оскорблять друг друга. В *Санкт-Петербургские ведомости*. СПб., 2006.
- Выжлецов, Г. П. *Аксиология культуры*. СПб., 1996.
- Петровская, И. Слушайте песню «Валенки». В *Известия*. М., 2010.
- Стрит, А. Дженнет Абдурахманова мстила за Умалата Магомедова. В *Труд*. М., 2010.
- Франкетти, М. Где рождается ненависть «Чёрных вдов». В *La Stampa*. 2010. [Электронный ресурс] <http://inopressa.ru/article/19Apr2010/lastampa/mariam.html>
- Островский, Н. Как закалялась сталь. В *Сочинения в трёх томах*. М., 1969.
- Бурдые, П. *О телевидении и журналистике* : Пер. с фр. М., 2002.
- Старостин, Б. Н. *Ценности и ценностный мир* : Учеб. пособие. М., 2002.
- Манько, Б. Идеи, идеалы, идеология. В *Литературная газета*. М., 2010.
- Плахов, В. Д. *Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы*. СПб., 2008.
- Ильин, В. В. *Аксиология*. М.: Изд-во МГУ, 2005.
- Казин, А. Футуризм истории: Бесконечные споры о прошлом ставят под вопрос наше будущее. В *Санкт-Петербургские ведомости*. СПб., 2010.
- Толстых, В. *Мы были. Советский человек как он есть*. М., 2008.
- Толстых, В. Что нам «Вехи»? В *Литературная газета*. М., 2009.

**CLASSICAL AND MODERN POLITICAL CONSERVATISM: PRINCIPAL VALUES
OF POLITICAL CULTURE**

Anastasia S. Zabolotnaya

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The article is devoted to the valuable characteristic of modern conservatism in connection with the values of modern political culture. The author touches upon the views on freedom, individualism, equality and progress as they are perceived by modern and classical conservatism. The article analyses the core of basic theoretical value of conservatism as a modern political movement as well as its importance in the modern society.

Key words: *conservatism, political culture, traditions, historicism, human rights*

В настоящее время тема консерватизма разрабатывается достаточно активно в отечественной и зарубежной мысли, можно сказать сейчас происходит ренессанс консервативных идей. Тем более актуальной остается проблема об определении сущность консерватизма как общесовременно-политической мысли, тем более что рассмотреть его как просто политическую программу той или иной партии нельзя. Консерватизм понимается как политическая идеология, система воззрений в отношении окружающего мира, политико-идеологическая ориентация, выступающая за сохранение существующего порядка, в первую очередь морально-правовых отношений, воплощенных в нации, религии, браке, семье, собственности.

Основными понятиями политической культуры современного общества сегодня является права свободы человека и гражданина, «идея правового государства», демократизация общества и при сочетании с вошедшим снова в моду консерватизмом возникает вопрос о совместимости таких понятий. Вообще возникает вопрос: гарантирует ли консерватизм как политическая культура, комплекс определенных идеологических установок направленных на сохранение традиционных ценностей, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина в современном обществе?

Обычное возражение сводится к тому, что «общетеоретическая установка консерватизма заключается в его обращенности к прошлому, к истории: все истинные ценности уже давным-давно выражены, а истинное знание построено на авторитете»[1]. Здесь, прежде всего, следует прояснить следующий момент: прошлое для консерваторов не самоцель. Современное общество характеризуется как система разнообразных институтов, норм, моральных установок, традиций восходящих своими корнями глубоко в историю, находящихся во взаимосвязи и единстве. Консерватизм нельзя жестко связывать с чем-то статичным, «с неким барьером на пути общественных изменений и реформ»[2]. Динамизм - фундаментальная черта современности. Если уж мы характеризуем консерватизм как современное политическое течение, то тем самым признаем, что и консерваторы тоже являются сторонниками перемен. Между современными политическими течениями возможен спор лишь о том, какие перемены желательны, куда они должны вести и какими методами их нужно проводить. Против

традиционалистов как противников каких-либо перемен все современные политические течения выступают единым фронтом. Формула Эдмунда Берка, этого первого великого теоретика современного консерватизма, «сохранять, изменяя», и является самым общим выражением консервативного понимания продуктивной динамики современного общества.

Консерватизм переводится с французского как «сохранять», «заботиться о сохранении», но ведь это еще не говорит о консерватизме как о течении охранительном, направленном на удержание традиционных, не соответствующих общественному развитию институтов, защитный характер консерватизма может быть так, же направлен на сохранение и стабилизацию ценностей либеральных.

Впервые основные идеи консерватизма были сформулированные Э. Берком, Ж. де Меестром А. де Токвилем. Леонтович В.В. в своей книге «История русского либерализма» указывал, что истинный либерализм и истинный консерватизм - сродни друг другу, т.к. единственной прогрессивной социально-политической силой является сила укрепления и утверждения. Настоящий либерализм это «лишь либерализм консервативный»[3]. Как следствие можно сказать обратное – «истинный консерватизм - либеральный, т.е. пекущийся о человеке и хранящий его свободу».

«Истинная новизна, свобода, творчество, рождение - это всегда именно «возрождение», как приобщение к живительным силам Вечности, Постоянства, Бога. Мир сотворен из ничего, а человек – «по образу и подобию Божию». Вся общественная жизнь людей подчиняется установленным свыше законам, не зависящим от воли людей и жизнь людей, так и всего общества в целом может быть успешной, если она будет подчиняться заданному ходу вещей. Именно с этих позиций подходил к изучению человека, общества и государства Э. Берк. На этих же позициях стоят и современные консерваторы. Именно этим обстоятельством следует объяснять тот громадный авторитет, которым по сей день пользуется Берк среди современных консерваторов Западной Европы [2].

На протяжении политической истории консервативные партии во многих странах Западной Европы нередко, а подчас и подолгу, оказывались правящими. Консервативная идеология, в той или иной степени отражает и формирует умонастроения большинства, становится доминирующей. Что касается современности, то к взглядам Берка с самым пристальным интересом начали обращаться уже в начале XX столетия. Консервативная идеология обнаруживается во второй половине 70-х и 80-х гг., когда была поставлена задача его идеологического перевооружения. Однако именно анализ событий первой и, в особенности второй мировых войн, а также многочисленных революций, переворотов, социальных конфликтов, как региональных, так и глобальных, заставляет обращаться к его творчеству западных мыслителей. Сегодня правящие консервативные партии в своей деятельности все равно включают в свою политическую программу некоторые основания, закладывание которых в период либеральных революций было специфической программой либерализма (конституционализм, разделение властей, гласность, гражданские и политические свободы и т. д.).

Многие современные политические движения иногда полностью или частично отвергают традицию как некое идеальное прошлое, недоступное для нас сегодня, в сохранении которой посредством дозированных изменений современный консерватизм видит свою задачу. Безусловно, люди должны извлекать уроки из своего прошлого, которое наглядно свидетельствует о том, что человечество стремится к гармонии и совершенству. Но здесь необходимо отметить, что мысль об идеальном возврате к истории, какой бы прекрасной она не

была, чужда консерватизму как современному политическому движению. Возможно, слишком быстрое развитие многих стран вызывает настороженность у современных консерваторов, они видят в этом немало опасностей, но с другой стороны развиваясь, таким образом, они никогда не погрузятся вновь в «темные века» средневековья». В нынешнем консервативной возрождении самое интересное то, что консерваторы как раз и выступают инициаторами перемен, в этом плане консерватизм проявил большую гибкость в способности приспосабливаться к изменяющимся условиям и прагматизм.

Вряд ли стоит напоминать о том, насколько сейчас в России актуален анализ способов достижения устойчивости, стабильности во всех сферах человеческой жизнедеятельности: в экономике, государственности, в науке, культуре. В анализе опыта эффективных и творческих решений на пути достижения и устойчивости, и стабильности. Актуальность и даже жизненная насущность консервативной идеи сегодня в России (да и не только в ней одной) вызвана необходимостью обретения и последующего сохранения устойчивого порядка в государстве и обществе, что, как известно, так характерно для направления политической науки, обычно определяемого как «консервативное». И гарантированной защищенности конкретной человеческой жизни, ее независимости и свободы как абсолютной самоценности.

Какая философия лежит в основе политико-правового действия человека: философия абсолютной ценности человеческой жизни, свободы, мысли и достоинства? Или философия абсолютной ценности чего-то другого: среды, утопии, строя, формации, прогресса, финансовой системы, свободы слова как «самовластного виртуального знака», порядка, рыночной экономики и т.д., для которых человек - лишь винтик, жертва и вспомогательное средство?

Важнейшие социально-политические проблемы национальной самобытности, суверенитета, реформ и легитимности становятся особенно понятными при рассмотрении именно консервативных способов и принципов философствования, как укорененных в многовековой традиции эффективных способов мышления и познания, успешных трудовых навыков, видов правления и государственного устройства, форм социально-политического общения внутри страны и на международном уровне.

Главным принципом политики консерватизма был и остается баланс, подстраивание, рассудительность, гармония, ситуативный анализ решений. В этом случае догматическая форма мышления никогда не была присуща консерваторам.

Нельзя отрицать, что, в консерватизме утверждается и гарантируется характерный для либерализма принцип свободы и других общечеловеческих ценностей, которые понимаются как неотчуждаемые государством ни при каких условиях и ни при каких правительствах, но на основе понимания и согласия, согласованности идей, интересов, законов, традиций, обычаев, народов, государств, международных союзов, властных институтов и т.д. «Консерватизм по своему содержанию может быть радикальным и даже «революционным». Однако это не меняет того, что, в сущности, он был и остается антиреволюционным течением. Как написал еще в конце XVIII века немецкий романтик Новалис, «революции - это по преимуществу доказательство отсутствия подлинной энергии нации. Есть энергия, идущая от болезни и слабости; к сожалению, она прекращается еще большей слабостью»[2].

Опыт истории и опыт выхода из кризисов и смут говорит в пользу направления решать политические проблемы с помощью, в том числе и публично-правового регулирования; т.е. с помощью творчества, свободы, созидания, согласия и согласования. В частности, вся теория разделения властей Дж. Локка была первоначально задумана как конкретная рекомендация по

выходу из состояния гражданской войны и примирения непримиримых монархистов-роялистов с демократами-республиканцами путем бескровного перераспределения полномочий и властных функций. Ни одно явление нельзя осознать, игнорируя его историю. Эту установку на принцип историзма, принципиально важную для консерватизма следует обратить на него самого. Согласно идейным основам, консерватизм, консервация, т.е. сохранение от гибели во времени могут состояться только в приумножении, творчестве знаний, значений, истин о вечности, о безусловных, стабильных, устойчивых основаниях человеческой жизни в природе и обществе. Порядок, справедливость и свобода являются продуктами очень длительного периода человеческой истории и для сохранения стабильного функционирования общества важнейшее значение имеет сохранение исторической преемственности. Традиционные установки это одна из тех сил, на которую можно опереться, в будущих реформах, а человек, оторванный от своих обычаев и привычного быта мыслится как безнравственный, пустой. Современным реформаторам есть смысл проводить постепенные, мягкие реформы, которые бы не нарушили бы привычного уклада, не вызвали бы отторжения в обществе.

Начиная с ранних консерваторов XVIII - начала XIX века и вплоть до наших дней, консерватизм обличает либеральную «гордыню разума». Под ней понимается вера в способность людей посредством разума постигать «истину» общественной жизни и благодаря этому - устанавливать «правильные», то есть соответствующие разуму, формы устройства общества. В практическом смысле «гордыня разума» - это убеждение в том, что человеческий разум может конструировать действительность в соответствии со своими идеалами, ставить равенство и свободу на место насилия и субординации, трезвые рассуждения и дискуссии - на место безусловной преданности и высшего долга.

Против этих «иллюзий» либерализма консерватизм выдвигает следующие соображения. Разум не обладает самодвижением, подобно тому, которое демонстрировал барон Мюнхгаузен, вытаскивая себя за волосы из болота. Разумом движут страсти и интересы людей, причем людей определенной эпохи и культуры, а не человека вообще. Поэтому разумом всегда считается то, что разумно для этих конкретных людей, с их точки зрения и ни с какой другой. Эти же люди всегда принадлежат к определенной культуре, традиции, которые формируют их страсти и интересы, в свою очередь определяющие то, что считается разумом. Поэтому неверно сказать, что разум вообще противостоит традиции, представляющей при таком противопоставлении лишь суммой предрассудков и заблуждений. Нет, разум всегда есть результат, итог данной традиции и культуры - даже тогда, когда, как во Французской революции, он оборачивается их разрушением. Это в частности демонстрируют нам реформаторские процессы: слепое перенесение одних общественных форм на другие не может не завести в тупик; реформы, как говорил еще Новалис, не должны «приходить извне». Иными словами, осознанное постижение потребностей и трудностей развития собственного общества не должно подменяться полным заимствованием готовых конструкций, выдаваемых за «универсальные истины», которые могут предлагать или навязывать более преуспевающие на данный момент государства.

Дело консерватизма, о чем, кстати, свидетельствовал и сам Берк - обращенность к человеку, - превратить традицию в живущую и воспроизводящуюся в веках органику человечности, культуры, государственности, хозяйственности, сохраняя и развивая при этом принципы жизни. И всячески предостерегать от того, чтобы путать их с принципами смерти, которые Берк изобличал с особым пафосом и не только в "Размышлениях о революции во Франции", но и в "Трех письмах против мира с цареубийцами". В них Берк особенно четко увязывает разрушение и государства, и гражданского общества с якобинством, цареубийством и

атеизмом. Суть их - в отказе от преемственности традиций, в радикальной смене институтов и нравов. А это, по Берку, означает одно - криминализацию власти, приводящую к тоталитарному разрушению всего и вся. Опыт многих поколений воплотился в нравах, обычаях

Основой противостояния подобным опасностям Берк считал общеевропейскую общность культуры. Точнее - существующее в Европе повсеместное сходство религий, законов и обычаев. У европейских народов, по его мнению, единая романо-германская правовая система, приведенная в единое целое с помощью Римского права, одну и ту же христианскую религию. Вся политика и экономика любой страны Европы происходит из одних и тех же источников. Это - древнегерманское или готское каузальное право; это - феодальные институты, которые следует рассматривать как производное этого права; а, в целом, было исправлено и уточнено, приведено в единое целое с помощью Римского права. Именно с тех пор возникают разного рода упорядоченные образования-государства во главе с монархом или же без оного в каждой европейской стране; там, где преобладали монархии, никогда не было деспотизма. И даже там, где монархий больше нет, дух европейского монархизма все еще остался [1].

Как для Берка, как и для де Местра, дух монархизма - это дух государственности, т.к. даже в странах с демократическим правлением продолжают сохраняться классы и сословия, различие состояний в том виде, как это было при монархической власти. Для консерваторов государство это источник и защитник закона и морали. Без сильного государства общество может оказаться во власти анархии. Для них характерно позитивное и даже авторитарное отношение к государству. В этом смысле интересны работы И. А. Ильина «Монархия и республика», «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассета, в которых приводятся соответствующие типологии, основанные на огромном историко-политическом и правовом эмпирическом материале. Действительно, как показывают и Берк, и Ильин, и Ортега, единоначальные, единовластные структуры, в которых управление, как «вектор силы» исходит только из одной точки, от одного лица, говорящего, подобно Людовику XIV: «Государство - это я»; так вот, эти структуры продолжают свою жизнь в республиках и подчас даже с новой силой. Именно из этого источника - института персональной ответственности появилась и постоянно воспроизводится любая государственность, любое гражданское общество, вообще любая социальная система правил поведения. И, что особенно важно, система образования. Именно на этих трех системах: государственности, гражданственности и образованности стоит любое человеческое сообщество. По крайней мере, в его рамках как определенной данности и суверенности они должны быть одинаковыми. Именно это сближает, смягчает и согласовывает все целое.

Консервативная концепция Э. Берка - это своеобразный мост, который, по мысли многих западных исследователей, должен соединить прошлое и настоящее, придать настоящему большую устойчивость, стабильность, социально-экономическую надежность и даже непосредственно определять конкретные политико-государственные действия, социальные отношения, государственные формы современного западного мира.

Таким образом, дело консерватизма, обращенного к человеку, превратить в традицию, сохранить и развить принципы жизни. А суть их, вкратце, такова: человек - это творец, созидатель, свободно, сознательно и нравственно разрабатывающий творческую мысль разума, новое знание, новый опыт на практике и считающий это стремление бесспорной и величайшей ценностью в своей жизни, ценностью неизменно и постоянно передаваемой от поколения к поколению и подлежащей неукоснительному сохранению - консервации. Согласно консерватизму именно человеческая духовность, народная культура, самобытность и есть та

производительная сила, двигатель общества вперед, понимание этих идеальных начал как ведущей производительной силы это «есть лишь специфическое выражение той историчности, которая присуща консервативному мышлению. Культуру и духовность возвращает время, хотя востребованность их потенциала для решения конкретных задач сегодняшнего дня должна стать целью продуманной национальной политики. Вольтер как радикальный либерал как-то сказал, что «человек со здравым смыслом, читая историю, занят главным образом ее опровержением». Конечно потому, что «опровержение» ее как совокупности преступлений и заблуждений есть важнейшее условие того, чтобы начать жить в соответствии с разумом. Консерватор же занят тем, чтобы найти продолжение истории, не допуская по возможности новых преступлений и заблуждений. Потому что для него история - это не то, что происходит с нами, а мы сами, и продолжить - а не отбросить ее - нужно как раз потому, что мы хотим стать лучше». Принимая существующее положение вещей, консерватизм делает упор на необходимости сохранения традиционных правил, норм, иерархии властных структур, социальных и политических институтов. В духе Гегеля «все действительное разумно, все разумное действительно», консерваторы рассматривают сегодняшний мир как наиболее готовый воспринимать консервативные установки.

Либерализм обычно гордится тем принципом плюрализма, который он провозглашает в обществе. Но с другой стороны как учение о разуме либерализм допускает лишь то, что отвечает его универсальным представлениям, все остальное недопустимо и подлежит рано или поздно устранению. Идеология политического плюрализма отвергает общие идеалы, ценности и нравственные нормы, призванные объединить человечество в решении ряда насущных проблем его современного существования»[4]. Современным обществом делается не система провозглашать всех людей свободными и равными, а способность вмещать в себя все это противоречивое многообразие, не разрушаясь, а развиваясь многогранно. Для здорового разнообразия в обществе должны существовать различные группы и классы, отличающиеся своим экономическим положением и многими другими формами неравенства. Что очень актуально для современной России, т.к. русская культура изначально консервативна. Россия как социокультурное образование на всем протяжении своего развития была и остается чрезвычайно разнородной – этнически, религиозно, территориально. Либерализм в его ипостасях капитализма, представительного правления, «верховенства закона» обеспечил общую предпосылку и возможность такого развития. Но само оно осуществляется только благодаря тому, что либерализму не позволяют превратиться во всеобъемлющую систему и задать единственную логику общественной жизни. Консерватизм представляет собой нечто большее, чем защиту прав и свобод граждан.

Аксиологический аспект консерватизма представляет на сегодняшний день наибольшее значение, зачастую в нем объединяются абсолютно разноплановые вещи, идеология консерватизма не универсальна, она не представляет единый комплекс установок применяющихся и действующих одинаково во всех национальных политических культурах. Современный консерватизм иногда оказывается даже более гибким и подвижным чем другие политические течения. Он включает в себя установившийся в обществе комплекс ценностей общепринятых норм поведения и образ мыслей большей части людей данного общества, позволяющий им принимать и приспосабливать в своей жизни новые социальные нормы и институты. Консерватизм - самая несистематизированная политическая идеология, которая отражает и защищает то, что в единую логическую систему не «вписывается», но что необходимо для сохранения современного несистемного общества. Его основной принцип – сохранять различия. Консерватизм, вспомним Шумпетера, отстаивает «опоры» этого общества,

которые с других точек зрения (либеральной и социалистической) видятся только «преградами» на пути прогресса. В этом и есть суть стабилизационной функции консерватизма.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шамшурин В.И. Философская антропология: страницы классики. Консерватизм о человеке и о свободе//Человек .№. 22003
2. Капустин Б. Что такое консерватизм?//Свободная мысль. № 2. 2004
3. Леонтович В. В История либерализма в России. 1762 - 1914. Серия: Исследования новейшей русской истории. - М.:Русский путь, 1995. – 548 с. - ISBN: 978-5-85887-006-7
4. Григорян Б.Т. «Просвещенный» консерватизм//Вопросы философии. № 12. 1979
5. Берк Э.Правление, политика и общество. - М. : КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.- 479 с. - ISBN 5-86090-044-9
6. Ильин И. А. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906-1954). - М. :Русская книга, 2001. - 559 с. - ISBN 5-268-00486-0.

CENSORSHIP AS A CONCEPT OF MODERN SOCIETY

Elena A. Agapova, Alexei A. Agapov

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

Censorship as a concept has always existed and will always exist, its absence is only possible in an ideal society and state. Depending on society's level of development and the aims of the state, censorship takes different forms, which, however, does not change its essence. In general, censorship is a unique prohibition of actions or ideas, which aims at keeping the power at the hands of a certain circle of the elite. But methods of censorship take new shapes in accordance with the level of the development of the society, the state and volume of the information and the range of its diffusion.

Key words: *censorship, state, manipulation, ideology, thinking, society.*

Цензура – как явление, существовала всегда и будет существовать, отсутствие ее возможно только в идеальном обществе и государстве. В зависимости от развития общества, государства и задач, стоящих перед ними, цензура принимает различные формы, что не меняет, однако ее сути. В сущности, цензура это своеобразное табуирование действий или идей, сводящееся в основном к удержанию власти в обществе и государстве определенной категорией элиты. Но методы цензуры приобретают новые формы в зависимости от уровня развития общества, состояния и объема информации и степени ее распространения.

Таким образом, смысл и назначение, такого явления, как цензура неизменен, является своеобразной константой, а методы находятся в подвижном состоянии и реагируют на изменения в «функции государства» и в социально-экономическо-политической системе общества\государства. При этом функции государства – это основные направления его деятельности, выражающие сущность и социальное назначение государственного управления обществом. В функциях государства выражается его сущность и структура, т.е. внутреннее строение, которое определяется в первую очередь его назначением и направлением деятельности, а от этого напрямую зависит и форма проявления цензуры и ее методы. Таким образом, в обществе сохраняется преемственность функций, но действует и механизм обновления, в зависимости от конкретно-исторических условий элементы функций могут приобретать самостоятельное значение. Россия на современном этапе отказалась от четкой официальной цензуры и пытается осуществлять идеологическую функцию подобно странам Западной Европы, через манипуляцию, избегая открытого силового принуждения.

В политико-манипулятивном обществе человек теряет социально-активную роль и свою действительную свободу, формально оставаясь свободным. Идеологическая манипуляция изменяет человеческое сознание изнутри через внедрение в него стереотипов и предрассудков массовой культуры. В современном манипулятивном обществе, основанном на рыночной экономике, как правило, прямо не запрещается инакомыслие, однако четко очерчиваются его пределы через позитивное право и создаются все условия для дискредитации не вписывающихся в государственную идеологию и, соответственно, несостоятельных идей и взглядов. Интеллектуальная элита эффективно справляется с этой задачей в рамках

позитивного права и формирует на основе своих идеологических концептов «массовую культуру», которая экспансивна и безразлична к идеям.

Идеологические маргиналы, люди, которые в силу присущих им нравственных качеств не захотевшие «продать себя» на идеологическом рынке, не способны влиять на общественное мнение и отстаивать свои идеи при существующей свободе слова. В данном случае, свобода слова служит важнейшим условием расправы идеологов-манипуляторов над своими оппонентами через натравливание на них «широких масс» - носителей массового сознания, массовой культуры. Многие исследователи отмечают, что «маргинализация общества стала возможной в результате свертывания идеологической функции государства одновременно с проникновением ценностей, сформированных в иной духовной и политико-правовой культуре» (Лившиц Р.З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 2001. № 10.). Таким образом, маргинализация российского общества вызвана отчасти сменой идеологических парадигм, а отчасти, применением манипуляции сознанием как формы осуществления цензурной функции государства.

Цензура несомненное порождение общества, которому нужны сдерживающие начала. И именно посредством скрытой или явной цензуры устанавливаются социальные рамки, для живущих в данном обществе людей. Как социальный институт, цензура не находится в стагнации, как и все творимое человеком она имеет достаточно гибкую структуру способную при малейшем изменении в самом обществе подстроиться под новые требования и реалии. В современном мире, где информационные технологии многократно расширили возможности передачи и получения информации цензура как государственный институт не в состоянии справиться с огромным потоком информации. Но в силу особенности сохранения и развития любого общества, сдерживающие начала необходимы для предотвращения распада и деградации. Однако современные виды цензуры, в том числе и манипулятивные технологии, которые частично выполняют функции цензуры, направлены как раз на деградацию, т.е. способствуют понижению активности, уровня талантливости и ума, нравственности, здоровья и собственно самой живучести. Таким образом, те формы скрытой цензуры, которые поощряются и практикуются в современном западном мире и в России в частности, ведут к деформации сознания, выхолащиванию интеллектуальной составляющей общества, что в итоге действительно может привести к уничтожению цензуры как таковой вследствие полной деградации общества и превращение в потребителей–марионеток, лишенных каких бы то ни было аналитических способностей.

Человек уже не способен к вольнодумству и мыслительным процессам, манипулировать им просто, но в этом и кроется самая большая опасность современного мира, где существует не только «запад», но есть «восток», где степень пассионарности достаточно высока и действует метод убеждения, который позволяет мыслить, анализировать принимать самостоятельно решения. «Манипуляция-цензура» (курсив авт.) отсекает возможность размышления, по сути, являясь высокотехнологичным обманом, как раз и направленным на уничтожение самой способности человека мыслить. «Идеология-цензура» (курсив авт.) прямо противоположна манипулятивным техникам, цензура-идеология признают человека как субъекта заставляя или убеждая его принять нужную точку зрения, человек принимает или отвергает официальную идеологию, но это его осознанный выбор. Тогда как манипулятивные техники лишают человека свободного выбора, выключают рациональное сознание и мышление. Целью манипулятивных техник является превращение человека в объект, занимающий пассивную жизненную позицию (общество потребителей), которое становится легко управляемым. Появление на мировой политической арене государств манипулятивно-потребительского типа

приведет к полному их поглощению более сильными (не в технологическом аспекте, а именно более пассионарными конкурентами) государствами.

Таким образом, проблема манипуляции и как следствие деградации общества поднимает не маловажную для человека проблему. Проблему смысла жизни.

Манипуляция-цензура превращает человека-разумного в человека-потребителя, смысл жизни, таким образом, приобретает чисто утилитарную составляющую, где нет стремления к идеальному, нет места подвигу и служению Отечеству. Все помыслы и действия направлены для достижения собственных благ, удовлетворения желудка и т.д., общество разбивается на атомы алчущих собственной выгоды и места под солнцем людей, и такое состояние уже близко к животному состоянию. В таком состоянии общество не рождает великих писателей, художников, драматургов, ученых, оно рождает серость, безликость, потребление. Культура такого общества направлена на удовлетворение низменных потребностей и подстраивается под самые низкие образцы (современный шоу-бизнес, кривые зеркала, всевозможные фабрики и дома). Таким образом, основная функция культуры – развивать духовно, знакомить с лучшими достижениями мирового разума, воспитывать и поднимать над уровнем повседневности в подобном обществе не выполняется вследствие обезличивания массы и клиширования интересов.

Мы упустили один важный аспект, который объясняет возможность существования манипулятивной цензуры, а именно преемственность форм развития общества. Так например капитализм 19 века породил формы буржуазно-демократического устройства государства и соответствующую идеологию и цензуру, кризис 20-30 гг. 20 века породил фашизм – форму прямой диктатуры крупной буржуазии, которая уже не могла управлять массами с помощью старых буржуазно-демократических институтов. Глобализация конца 20 – начала 21 веков породила новые формы политической диктатуры буржуазии, среди них и манипулятивные технологии. Таким образом, при глобализации управлять массами старыми методами становится не возможно, да и собственно массы в таком количестве уже не нужны (даже при современном уровне рождаемости), следовательно, при условии глобализационных процессов в мире эффективное управление может осуществляться над сравнительно небольшим количеством людей совершенно лишенных собственной воли и способности к анализу. Таким образом, мы получили достаточно мощный внутренний «ВЫЗОВ», на который предстоит дать адекватный «ОТВЕТ» в достаточно короткий срок, от этого во многом будет зависеть место и роль России в современном мире. Более того, данный «вызов» на наш взгляд произошел во второй половине XX века и связан с эволюцией материальной культуры человечества, другими словами произошел грандиозный качественный «скачек», и самый грандиозный взлет произошел, на наш взгляд, в сфере знаковой культуры, в сфере информационно-интеллектуальной техники.

Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности человека. Информационный тоталитаризм стал мощнейшим средством идеологического оболванивания и закабаления миллионов людей. В информационном потоке основную массу образует дезинформация, псевдокультура, средства моральной деградации человека.

Таким образом, на современном этапе, достигла огромных размеров паразитическая часть псевдокультуры, и никто не в состоянии ограничить этот процесс. Более того, все дороже обходится сохранение и воспроизводство навыков обращения с нею, передача многих функций знаковой культуры и значительного объема операций с нею техническими устройствами, усиливая и облегчая некоторые аспекты интеллектуальной деятельности, одновременно

ограничивает возможности знакового творчества. Таким образом, материальная культура стала чрезмерной с точки зрения живущих в ней людей. Она имеет свои объективные законы, нарушать которые человек не в состоянии или нарушение которых ведет к тяжелым последствиям и строго наказывается. То есть вся жизнь человека становится регламентированной неподвластной ему силой сверхприроды. Свобода поведения и воли сводится, таким образом, лишь к выбору заданных вариантов, вследствие чего человек становится рабом сил и законов материальной культуры.

Из этого следует, что человек в современном мире имеет право на определенного рода поступки, которые не запрещены законами знаковой культуры. Вопрос в другом, кто формирует эти законы и нормы поведения человека в современном мире, которые не оставляют права свободы выбора, а только право действия в заданных условиях с минимальным набором «каналов», через которые человек может осуществлять свой выбор. Ответ прост и лежит на поверхности – идеосфера, которую образует множество людей и их объединения, в совокупности выполняющих функции по обработке сознания людей и управления ими путем воздействия на их сознание. Таким образом, в XXI веке, в информационном обществе и совершенно новой материальной культуре, роль институтов цензуры и цензуры как таковой выполняется идеологами, в их задачу входит, не изучение сознания, таким, каким оно является само по себе, а формирование сознания людей таким, как это требуется интересами самосохранения общества.

Иными словами, идеология при помощи знаковой культуры в современных реалиях делает сознание таким, какое требуется заранее заданным образцом. И как следствие благодаря действию идеосферы в обществе создается достаточно большое количество людей с усредненным и стандартизированным сознанием. Люди образуют среду одинаково думающих, одинаково оценивающих явления жизни и одинаково поступающих в определенных ситуациях граждан. Именно они определяют суммарное состояние менталитета общества. Таким образом, существование институтов цензуры совершенно бесполезное, а главное раздражающее явление. Любое инакомыслие не находит отклика в сознании «обработанных» и поэтому является безопасным. Другими словами, если цензура запрещает определенные виды деятельности, то манипулирование сознанием просто закладывает эти запреты на уровне подсознания индивида. Так как сознание заключается в способности оперировать знаками, то и основным средством воздействия на него стали специально изобретенные знаки и определенные правила оперирования ими в отношении обрабатываемых людей – совокупность особого рода слов, фраз, текстов, учений.

Задача идеологии конца XX начала XXI века, при тотальной отмене цензуры во всех обществах открытого типа, состоит в том, чтобы научить и приучить людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими какими они являются сами по себе, объективно, в силу законов бытия, а тому, как это требуется законами данного государства и власти. То есть, учить людей не самостоятельному познанию бытия, а тому, как люди должны видеть бытие, что пропускать в свое сознание из того, с чем им приходится сталкиваться, и в каком виде. Таким образом, при помощи манипулятивных технологий в информационный век изобретается и навязывается определенное видение и понимание бытия, и оно становится априорным по отношению к формируемому сознанию членов общества. Современная идеология изобретает определенного рода интеллектуальные-языковые схемы, штампы, клише, образы, обобщающие примеры и образцы и т.д., причем не в качестве подсобных средств, а в качестве конечного и высшего результата познания, то есть истины в последней инстанции. Идеологические продукты производятся и воспроизводятся для разных кругов потребителей идейной пищи,

одни для всех, другие для избранных. Индивид должен усвоить эти «продукты» и только через них смотреть на явления бытия.

Таким образом, идеологические учения создаются для широких слоев населения, они не однородны, различаются по степени трудности, вернее, по степени запутанности, словесных ухищрений. Все они рассчитаны на то, чтобы у них были потребители соответствующих уровней. На низшем, а значит, на самом широком уровне они должны легко запоминаться, быть образными и общедоступными, производить определенные впечатления на чувства, должны отвечать желаниям индивидов, исполнять желания, создавать иллюзию понимания и приобщенности к высочайшей мудрости, мистифицировать. Даже когда подобные концепции сочиняются мыслящей элитой и предназначены для избранных, вроде гегельянства, марксизма и т.д. они исполняют идеологическую функцию, так как из них извлекаются отдельные слова, изречения, которые пускаются в идеологический оборот. Таким образом, идеология сегодня в новых информационных реалиях, претендует на статус истины, причем истины наивысшей. «В идеологии есть отдельные элементы, которые имитируют истину, создают впечатление истины. Есть даже отдельные истинные утверждения. Но в целом и в основном в ней доминирует то, что уводит от реальности и создает картину нереального, вымышленного мира. Эта картина не есть ложь, к ней просто не применимы понятия истинности и ложности. Это - явление качественно иного рода.» (А.Зиновьев. Фактор понимания. М., 2006, с.316). Другими словами, вымышленный мир создается так, чтобы он походил на реальный, избавляя от необходимости размышлений, колебаний, трудных решений. Создаются правила поведения людей в определенных ситуациях без научного понимания этих ситуаций, можно сказать вслепую – без раздумий. Как справедливо считает А.Зиновьев идеология ни истина, ни ложна. Ее вообще нельзя рассматривать с точки зрения истинности и ложности. «Подходить же к идеологии в целом с критериями истинности и ложности – это все равно, как рассматривать картины Пикассо, Кандинского и ряда других художников XX века того же рода с точки зрения их адекватности какой-то якобы изображаемой реальности.» (А.Зиновьев. Фактор понимания. М., 2006, с.318).

Таким образом, идеология извращает реальность, но цель достаточно ясна, подавление инакомыслия, выполнение основных функций цензуры – запретов, при этом идеология переходит в пропаганду, и это результат нормального естественноисторического развития самой идеологической сферы в силу ее объективных законов. При наличии новейших манипулятивных технологий, которые используются в современном обществе, законы цензуры и сам институт цензуры в том виде, в котором она просуществовала с момента появления первого государства, бесполезна. Но это не в коей мере не означает, что цензура с момента ее отмены прекращает свое существование. Ни одно общество, ни одно государство не в состоянии существовать без тотального контроля над мыслями и идеями, которые циркулируют в обществе. Функции цензуры в информационном обществе выполняются при помощи идеологии, манипуляции сознанием в арсенале которой фальсификация фактов занимает далеко не последнее место. Информация отбирается и комбинируется так, что каждая фраза по отдельности может быть верной, а их совокупность дает извращенную картину реальности. При этом сфальсифицированная картина создается не раз и навсегда, она меняется применительно к новым условиям, возможностям и потребностям. Сложилась умелая технология манипулирования мыслями человека в духе, желательном для манипуляторов.

Это привело к тому, что интеллектуальная среда загрязнена еще более, чем природная, но этот факт не вызывает пока тревоги и намеренно не замечается. Однако, хотелось бы отметить тот факт, что более ранние формы цензуры, запрещая какую либо деятельность и накладывая

запреты на определенного рода литературу, при этом не выхолащивали способность адекватно мыслить и оценивать реальность, с точки зрения современного существования, подобная цензура была для государства малоэффективна, современная же форма цензуры (манипуляция) намного сложнее и в своей основе имеет вообще не допущения инакомыслия у большинства людей посредством фальсификации информации, мозаичности знания и т.д. Жизнь человека стала прагматична настолько, что индивиду оставляется в основном то пространство, где им могут манипулировать.

Цензура действует множеством разных способов. Государства могут иметь статьи в конституциях о свободе слова, законы, приветствующие свободу информации - и одновременно могут существовать неформальные исполнители цензуры. Пример - Интернет, где применяется фильтрование и блокирование информации на уровне программного обеспечения. Таким образом, качественные изменения в общественной жизни влекут и изменения формы цензуры, однако изменение формы это далеко не исчезновение самого явления. Цензура онтологична, она укоренена в самых основах общества. Сегодня достаточно часто в средствах массовой информации можно встретить призывы к возобновлению институтов цензуры и цензурного законодательства « Таким образом, для того чтобы обеспечить информационную безопасность человека, общества и государства, не допустить концентрации власти в руках теневых сил и диктата их интересов государство может и должно ввести цензуру. Цензуру призванную обеспечить свободу мысли, свободу идейной борьбы между отдельными лицами, группами и слоями общества, надежно пресекая борьбу против общества и государства в целом. Именно такую цензуру А.С.Пушкин рассматривал не как врага свободы печати, а как неперемное ее условие.» (И.С.Шишкин. Информационная безопасность и цензура. <http://www.e-journal.ru/besop-st2-13.html> Евразийский вестник № 13). Однако, на наш взгляд, при современном развитии общества подобные мероприятия бессмысленны, ни на одном этапе исторического развития общества цензура не обеспечивала свободу мысли и идейной борьбы, так как осуществление этой деятельности производилось людьми, а человек существо не совершенное, о чем еще упоминал Аристотель. Ставить вопрос о том, нужна цензура в обществе или же не нужна, достаточно не корректен, она была, есть и будет, в не зависимости от желаний, понятие цензура намного шире того, как принято воспринимать данное явление. Общество, государство и любая структура существуют только до тех пор пока большинство управляемо, а это возможно благодаря многим факторам, и не последнюю роль среди факторов играют запреты, цензура, а на современном этапе манипулятивные технологии, что, по сути, явление все той же цензуры.

Цензура («строгое обсуждение», от латинского *censeo* -- «оценивать»), конкретный исторический феномен: это система контроля государства (и/или церкви) за обнародованием словесных (театральных, визуальных, музыкальных, кинематографических и т.д.) текстов, строящаяся по определенным правилам. Цензура - далеко не единственный инструмент, при помощи которого власть воздействует на общественное сознание, культуру, искусство. Государству необходим контроль, иначе это грозит самораспадом, без запрета нет ни культуры, ни государства. Следовательно, следующее высказывание, которое мы приводим является бессмысленным с точки зрения логики: «Мало кто со всей ответственностью осознает сам психосоциальный феномен цензуры как худшую форму насилия. Худшую хотя бы потому, что она тонкая, скрытная, скрывающаяся от дневного света и людских глаз. В ней есть что-то преступное, что-то противозаконное, иначе почему она столь усердно скрывается в тиши кабинетов и избегает открытых обсуждений?

Любопытно, что само слово "ценз" имеет два дополняющих одно другое значения: "Ценз - ограничительные условия допущения лица к пользованию какими-либо правами (имущественный ценз, образовательный ценз, ценз оседлости)" и "Ценз - это статистическая перепись". На пересечении этих внешне ничем не связанных смысловых полей обнаруживается истинное содержание феномена цензуры - желание всех выровнять под одну гребенку, для того, чтобы обладать формальным правом запрещать, а значит - командовать.

Еще Юнг открыто взывал к здравому смыслу своих коллег, склоняющихся перед химерой "научной статистики", говоря о виртуальности существования среднестатистического размера морской гальки. Возможно, на всем пляже из мириадом галек не отыщется именно длиной 3,567 дюйма. Но эта иллюзорная величина уже окажется поводом заставить всякую отличающуюся от нее реальную гальку чувствовать себя хоть в чем-нибудь ущербной, т.е. виновной. Цензура как система осуществления государственного надзора (предусматривающего возможность предварительного просмотра) за содержанием печатных изданий, радио- и телепередач, театральных постановок и т.п. фактически оказывается инструментом охранения привилегий власти имущих. Цензура при ближайшем рассмотрении представляет собой обыкновенный произвол, опирающийся на застывшее мировидение ограничивающего, болезненно убежденного в "законной" необходимости "держат да не пущать".

Таким образом, можно предположить, что авторы, защищающие цензуру и утверждающие ее антиприродность и вредность, одинаково заблуждаются. Цензура, как феномен имеет надприродную сущность, к ней нельзя применять шкалу измерения хорошо - плохо, исследование должно проходить в рамках анализа последствий от той или иной формы цензуры для данного конкретного общества, для культуры в целом и для отдельных субкультур в частности. В идеальном варианте цензура должна сохранять уровень культуры, предотвращать проникновение низкокачественной литературы и информации разрушающей общественное сознание, и приводящее к деградации общества. Однако, современная мимикрирующая цензура - цензура в форме отбора и фильтрации информации медиократией, не явная, скрытая и более эффективная в силу использования манипулятивных технологий для достижения контроля над информацией, в современном обществе является более серьезным и опасным явлением, так как воздействует на сознание индивида, лишая его критического мышления, и обрекая на пассивность бытия.

ЛИТЕРАТУРА

<http://www.aquarun.ru/aquarius/futurenet/anticenz/anticenz2.html>

COORDINATING SYNTACTICAL CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Elena A. Zhukova

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The article is devoted to coordinating syntactical constructions in a complex sentence and in a complex syntactical units. The author analyses the problem of expressing information in complex sentences and syntactical units with coordinating conjunctions and sets aside the features of likeness and difference of these syntactical constructions.

Key words: *syntactical constructions, coordinating constructions, syntactical unit, syntactical conjunction, syntactical link, means of connection, complex sentence.*

Сопоставительное изучение сложного синтаксического целого (далее ССЦ) с сочинительным союзом и сложносочиненного предложения (далее ССП) стало возможно и особенно актуально в настоящее время, когда так стремительно развивается лингвистика текста и когда достаточно глубоко и всесторонне исследованы ССП. Поэтому возникает необходимость изучения вопроса о том, когда для выражения некоторой информации используется сложносочиненное предложение, а когда - ССЦ с сочинительным союзом, выявить черты сходства и различия этих синтаксических конструкций.

И.И. Давыдов приводит ряд предположений по поводу существа соединения, но единого определения вида этих отношений не дает. А.М. Пешковский представляет глубокое понимание противительных и разделительных союзов и в связи с этим их значений в простом предложении. Он отмечает, что все сочинительные союзы соединяют (связывают), и, рассматривая «добавочные оттенки» противительных и разделительных союзов, фактически показывает их значения, исходя из того, что союзы, соединяя, обозначают и нечто иное, чем факт соединения (связывания) [Пешковский, 1956].

В своем исследовании по сложному предложению В.А. Белошапкова решает задачу описания русского сложного предложения в виде закрытого списка структурных схем, упорядоченного таким образом, что в нем находят отражение системные отношения между разными структурными схемами. В основу построения такого списка кладется признак потенциального состава предикативных единиц в составе сложных конструкций, иначе - признак открытости-закрытости их структуры [Белошапкова, 1967: 120].

Холодов Н.Н. считает, что данная концепция имеет и ряд недостатков, а потому здесь можно скорее констатировать становление нового подхода [Холодов, 1975: 17]. Отсутствие более или менее определенных и завершенных решений по многим вопросам теории сложносочиненного предложения объясняется, по его мнению, не только тем, что в истории русского отечественного языкознания сочинительным конструкциям уделялось сравнительно мало внимания. Сложносочиненные предложения недостаточно изучены со стороны их значений, хотя чаще всего предложения рассматривались именно с этой стороны. Сравнительно давно при выявлении значений сочинительной связи стали учитываться и те значения, которые идут

от лексико-грамматического наполнения предложений. обстоятельному исследованию сочинительная связь стала подвергаться начиная с работ В.В. Виноградова, который отмечал чрезвычайную нагруженность значений сочинительной связи в предложениях с такими наиболее употребительными союзами как *и, а, да*.

Отношения, которые возникают в сочиненной конструкции, как синтаксическом единстве, по словам проф. Гавриловой Г.Ф., могут быть подобны тем, что наблюдаются в связном тексте, но передаются они в тексте сочинительными союзами, занимающими место в начале самостоятельного предложения [Гаврилова, 1985: 32]. Например: *«Когда Германия аннексировала Польшу, Исаак сразу объявил жене, что всему конец, надо оттуда выбираться – куда угодно: думал даже о Палестине. Но пока они размышляли и прикидывали, оказались под немцами, в гетто...»* (Л. Улицкая, Даниэль Штайн, переводчик).

Можно сравнить данный пример со сложносочиненным предложением, например: *«Сулили в скором времени прислать такие машины, но пока обещания оставались на словах»* (Ч. Айтматов, Плаха).

Синтаксические отношения в обоих случаях противительно-уступительные: выражены они союзом «но», и союз начинает собой вторую предикативную часть. Возникает вопрос: чем же отличаются эти конструкции? Можно ли отнести первую из них к сложносочиненным предложениям, или это особая синтаксическая структура, со своими дифференциальными признаками?

Надо отметить, что близость отдельных разновидностей сложносочиненного предложения к тексту отнюдь не одинакова. В современном синтаксисе сложносочиненные предложения делятся на две основные группы семантико-грамматических разновидностей: предложения однородного и неоднородного состава, внутри которых предложения поделены в соответствии с их грамматическим значением, поэтому каждая из двух названных разновидностей характеризуется набором своих грамматических и семантических признаков.

Гаврилова Г.Ф. считает, что «ближе к связному тексту стоят предложения неоднородного состава, ибо средства выражения смысловых отношений между частями предложений окажутся во многом идентичные текстовым средствам связи простых предложений» [Гаврилова, 1985: 23]. К таким средствам относятся лексические повторы, указывающие на содержание первой части (причем вторая часть начинается обычно с повтора), употребление синонимов, антонимов, гиперонимов, местоимений, соотносительных с содержанием первой части и т. д. Например: *«А матери моей ужасающая нищета казалась нормальной жизнью. Может, она и в сталинских лагерях неплохо себя чувствовала. Но я, когда из сиротской бедности выбралась, каждую чашку, полотенце, чулок готова была целовать»* (Л. Улицкая, Даниэль Штайн, переводчик). *«Постепенно эта страсть стала проходить. Но все равно даже здесь, в Америке, моё любимое развлечение — гараж-сейл, распродажи, барахолка...»* (Л. Улицкая, Даниэль Штайн, переводчик).

Основным средством связи предложений в ССЦ в данном примере является противительный союз «но», который передает противительно-уступительные отношения, возникающие между предложениями в ССЦ. Имеются и дополнительные средства связи, характерные как для ССП, так и для ССЦ с сочинительным союзом. В данном случае это лексический повтор: слово «письмо» употребляется и в первом, и во втором предложениях ССЦ.

Сложносочиненное предложение неоднородного состава может сближать с текстом и имплицитная смысловая связь на основе оперирования содержанием, находящимся в сознании

автора речи и собеседника. Например: *«Выглянуло солнце, и стало тепло»*. В сознании автора речи и собеседника налицо знание общего положения о том, что солнце греет.

Сочинительные союзы в предложениях неоднородного состава, как и в связном тексте, не являются носителем грамматического значения, а указывают лишь на синтаксическую связь между предикативными частями или самостоятельными предложениями.

Конкретные же семантико-синтаксические, грамматические значения выражаются соотношением реального содержания частей, их лексического наполнения. Таковы предложения с причинно-следственными, условно-следственными отношениями, в выражении которых непосредственное участие принимает лексический состав частей.

В подобных конструкциях сочинительные союзы могут свободно заменить друг друга, не оказывая влияния на характер семантико-синтаксических отношений. Например: *«Петь громко и принимать равноценное участие он стеснялся, поскольку шофер – это услуга. И короткое «шеф» только подчеркивало, что он никакой не «шеф», а наоборот»* (В. Токарева, Стрелец). Ср.: *«Петь громко и принимать равноценное участие он стеснялся, поскольку шофер – это услуга. А короткое «шеф» только подчеркивало, что он никакой не «шеф», а наоборот»*. В данном ССЦ соединительный союз «и» может быть заменен сопоставительным союзом «а».

Таким образом, положение о том, что союзы сложносочиненных предложений закрытой структуры «определяют характер отношений между явлениями, о которых говорится в частях сложного предложения», сказанное Белошапковой В.А., справедливое для основной массы предложений закрытой структуры, не охватывает всех их разновидностей, так как в некоторых из них эту функцию выполняют не союзы, а соотношение вещественного наполнения частей [Белошапкина, 1967: 134].

В таких случаях семантико-синтаксические отношения передаются путем смыслового перекрытия соединяемых союзом частей, т.е. средствами текстовой связи.

Малычева Н.В. отмечает, что сложносочиненное предложение неоднородного состава сближает с текстом целый ряд признаков, к которым «принадлежит эллипсис, репрезентация, замещение, использование элементов, сопровождающих обозначение содержания аналогичного, упомянутому в тексте ранее» [Малычева, 2003: 103].

Исследователи указывают на то, что одним из характерных признаков ССЦ является постоянный порядок следования составляющих его предикативных единиц, изменение которого неизбежно приводит к искажению смысла всего сочиненного целого. Таким образом, предложения неоднородного состава представляют собой синтаксическое явление, которое можно назвать «относительным сочинением», характеризующимся общим с текстом формальным признаком - постоянным порядком частей. Например: *«Дождь работы наделал. Но хуже всего – он смыл и унес азарт и запал, с каким до того шел сенокос»* (В. Распутин, Прощание с Матерой).

Можно выделить черты сходства сложносочиненного предложения со сложным синтаксическим целым сочинительные союзы «и», «а», «но», «да» как конструктивно-синтаксические средства связи самостоятельных предложений:

1. В ССЦ в качестве составных компонентов, как и в сложносочиненном предложении, могут выступать не только простые предложения разнообразных типов, но и предложения сложные и многочленные.

2. Сочинительные союзы «и», «а», «но», «да», используемые для связи предложений в ССЦ, как и в сложносочиненном предложении, размещаются между основными составляющими ССЦ. С их помощью осуществляется связь самостоятельных предложений в ССЦ.

3. Эта связь реализуется через установление в ССЦ основных отношений, известных из синтаксиса сложносочиненного предложения - соединительных, противительных, сопоставительных и др. Сочинительные союзы, используемые как средство связи самостоятельных предложений в тексте (ССЦ), не меняют своей семантики и могут быть синонимичны.

4. ССЦ с сочинительным союзом, также как и ССП, могут быть однородного и неоднородного состава. Но среди ССЦ однородного состава намного реже встречаются конструкции с разделительными союзами («или»/«иль», «либо», «то... то», «не то... не то», «то ли... то ли»), чем в ССП однородного состава.

Но подобное сходство сложносочиненного предложения неоднородного состава с текстом не означает их тождества. Сложносочиненное предложение отличается от текста своей прагматической характеристикой. Если сложносочиненное предложение характеризуется семантико-синтаксическим равноправием частей, содержание которых представляется говорящему одинаково важным, то в тексте вторая часть оказывается по своему содержанию более важной и значимой для говорящего, чем первая. Значит, при одинаковых средствах связи в тексте и сложносочиненном предложении разным оказывается то, каким образом информация о фактах, представленная в частях текста или сложного предложения, интерпретируется говорящим, как она представлена и как оценивается в данном контексте. Например: «*В Куйбышеве он жестоко болел, три воспаления легких подряд едва не свели его в могилу, но его выходила медсестра, крепкая татарка из местных*» (Л. Улицкая, Искренне ваш Шурик). В данном ССП части, объединенные противительным союзом «но», равноправны в семантическом и синтаксическом отношении.

В ССЦ второе предложение из соединяемых сочинительным союзом оказывается по своему содержанию более важным для говорящего, чем первое. Например: «*Словом, он отправил дочь за границу на учебу. И она поехала в Швейцарию, как на брак – во всем новом, с двумя пахнущими кожей кофрами, со словарями и благословениями*» (Л. Улицкая, Искренне ваш Шурик).

Если в ССП факты, представленные в его частях даются как равноправные, о чем свидетельствует первый пример, то в ССЦ предикативная единица с союзом «и» после точки выражает следствие. Исследователи отмечают, что постановка точки перед союзом позволяет раскрыть многоаспектность описываемого фрагмента действительности, увеличивает силу воздействия на читателя (что подтверждает второй пример).

Различия между ССЦ с сочинительным союзом и ССП проявляются и в интонации, поскольку «известно, что каждое простое предложение характеризуется интонацией конца, а простые в составе сложного не имеют интонации законченности», характерна интонация сложносочиненного предложения [Почепцов, 1978: 97]. В тексте же, как указывает Н.В. Черемисина, «предложение - интонационно оформленный и интонационно завершенный отрезок речи», а, следовательно, признак интонационной завершенности характеризует уже первое из связанных сочинительным союзом предложений текста [Черемисина, 1982: 119]. Кроме того, второе предложение в связном тексте всегда выделяется высотой тона, как более значимое, чего нет в сложносочиненном предложении. Например: «*Александр Сигизмундович*

смиренно принял ее волю и, поцеловав ей руку, удалился в свой Ленинград. Но Верочка не выдержала и двух месяцев, сама же вызвала его и все началось заново» (Л. Улицкая, Искренне ваш Шурик). Ср.: *«Александр Сигизмундович смиренно принял ее волю и, поцеловав ей руку, удалился в свой Ленинград, но Верочка не выдержала и двух месяцев, сама же вызвала его и все началось заново»*.

Интонационная завершенность первого предложения имеет свое грамматическое следствие в тексте, проявляясь в специфических ограничениях соотношения форм времен и наклонений в предикативных частях.

Гаврилова Г.Ф. отмечает, что «текст с противительными-ограничительными отношениями между предложениями» (с союзом «но» или «а» во второй предикативной единице) не может иметь в первом предложении глагол-сказуемое в форме сослагательного наклонения с условным значением, в то же время как в сложном предложении с такими же семантико-синтаксическими отношениями это возможно. Например: *«Она хотела преподавать французскую литературу, но на государственную службу ее не взяли, а в гувернантки она и сама не пошла»* (Л. Улицкая, Искренне ваш Шурик). Нельзя превратить данное предложение в текст, сохранив те же отношения, так как не восстанавливается имплицитное звено в первой части [Гаврилова, 1985: 26].

Известно, что ССЦ с сочинительным союзом неоднородного состава представляют собой двучленную синтаксическую конструкцию. Характерной чертой ССЦ неоднородного состава является возможность использования в функции средств связи союзного сочетания (союз + «конкретизатор»).

Отношения результативности, возникающие между предложениями в ССЦ, которые передает союз «и», создаются содержанием предложений, составляющих ССЦ, а также определенным соотношением их модально-временных планов. Например: *«Спорт, мужские развлечения и никакого сюсюканья – определила Елизавета Ивановна первоочередные задачи. И действительно, с того дня, как зажила пуповина, она стала занимать внука физкультурой: пригласила массажистку и начала ежедневное обливание мальчика прохладной, но кипяченой водой»* (Л. Улицкая, Искренне ваш Шурик).

В двух предложениях сообщается о таких двух событиях, второе из которых вызвано первым, представляет его результат.

В структуре ССЦ на оттенок результативности может накладываться значение присоединения, которое обусловлено употреблением союза «и» после точки, т.е. прерывистостью текста.

Предложения однородного состава обладают признаками, которые типичны для ядра сложносочиненных конструкций: обратимость частей, наличие показателя (выразителя) отношений между частями (союза), обладающего определенным значением; изоморфность, выражаемых в этих предложениях отношений сочинительными отношениями между словоформами в простом предложении [Пешковский, 1956: 462]. Такой изоморфизм несвойствен предложениям неоднородного состава.

В сложносочиненных предложениях однородного состава содержание частей одинаково относится к тому целому, что выражено всей сложной конструкцией, хотя союзы в них могут выражать разные отношения: соединительные, сопоставительные, разделительные, градационные, и замена одного союза другим в таких предложениях всегда связана с

изменением синтаксического значения. Например: *«И ветер бушевал, и солнце припекало»*. Ср.: *«То ветер бушевал, то солнце припекало»*.

Распопов И.П. считает, что предложения однородного состава открытой структуры с союзом «и» относятся к области связного текста и выходят за пределы сложносочиненных конструкций [Распопов, 1981: 108]. Но эти конструкции, по словам Гавриловой Г.Ф., входят в более сложную систему предложений однотипного, однородного состава, характеризующихся признаками, которые объединяют их с предложениями разделительными, сопоставительными, градационными:

- 1) одинаковым отношением содержания частей к сложному целому, которое они в совокупности обозначают;
- 2) обязательной одноmodalностью, одинаковой целенаправленностью частей;
- 3) наличием семантических союзов;
- 4) обратимостью частей;
- 5) возможностью иметь общие для обоих сочиненных частей именные, наречные элементы или придаточные. Например: *«Когда прорывалось солнце, то из-за плесени на стенах проступал розовый мрамор и город появлялся за окном»*;
- 6) изоморфностью семантико-синтаксических отношений отношениям между словоформами;
- 7) возможностью отсутствия сказуемого во второй части, восстанавливаемого на основании семантики сказуемого первой. Например: *«Княжны гостят в Петербурге, а их родственницы за границей»*.

Гаврилова Г.Ф. указывает, что некоторые предложения однородного состава даже неизоморфны связному тексту [Гаврилова, 1985: 28].

Конструкции с соединительными, сопоставительными, градационными союзами изоморфны связному тексту. В нем, как и в соответствующих сложносочиненных предложениях, предикативные части одинаково относятся к обозначаемому ими целому и связаны друг с другом определенными отношениями, выраженными семантическим союзом. Например: *«Тут ветер подымается, и те белые цветы на нас сылет: вот вам и снег. А вы говорите: зачем зима»* (Т. Толстая, Кысь).

Но отличие данных конструкций от сложносочиненных оказывается более существенным. Если в сложносочиненном предложении однородного состава информация о фактах, изложенных в первой и второй частях, интерпретируется как абсолютно равнозначная, то в тексте значительно важнее для говорящего оказывается факт, изложенный во второй части.

Вместо тесной связи в сложносочиненном предложении в тексте обнаруживается их отдельность и самостоятельность. Это находит выражение в паузе между частями, в особой предупредительной интонации первой части и выделении второй. Исследователи определили и другие отличия предложений однотипного состава от текста:

1. В отличие от сложносочиненного предложения отсутствующее во второй части сказуемое не может быть восстановлено из содержания первой предикативной части. Например: *«Он работает в институте, а она - в библиотеке»*. Ср.: *«Он работает в институте. А она - в библиотеке»*. Во втором примере отсутствующее сказуемое «находится», а не «работает», как во второй части первого примера, и восстанавливается из вещественного наполнения второго.

2. Если рассматривая сложносочиненные предложения с союзом «и», в ряде случаев трудно отграничить предложение однородного состава от предложения со значением причинно-следственной обусловленности, то в связном тексте с союзом «и» отношения могут быть поняты только однозначно. Предложения могут быть интерпретированы и как конструкции однотипного состава, и как предложения причинно-следственного значения. Например: *«Разговорился я с вами, и (поэтому) лошади встали»*. Ср.: *«Разговорился я с вами. И лошади встали. Ветер затих, и дождь перестал»*. В последнем случае в тексте причинно-следственные отношения - результат соположения содержания органически связанных частей - отсутствуют.

3. В силу того, что в связном тексте информация второй части интерпретируется как наиболее значимая, части его необратимы. Например: *«Затем прозвучал уверенный звонок и Полиграф Полиграфович оказался в передней. И профессор, и доктор вышли его встречать»* (М. Булгаков, Собачье сердце). Ср.: *«Профессор, и доктор вышли его встречать. И затем прозвучал уверенный звонок и Полиграф Полиграфович оказался в передней»*.

4. Если в сложносочиненных предложениях симметричной структуры однородного состава может быть общий для обоих предикативных частей член, находящийся по отношению к ним в препозиции или постпозиции, то в тексте второстепенный член может быть только в первой части (в препозиции). Например: *«Из дивана торчат клоки мочалы и горбами выпирают пружины. Горбами выпирают пружины и торчат клоки мочалы из дивана»*. Ср.: *«На выгоне крупный дождь захватил его. И надвинулись темные облака»* (И. Бунин, Жертва). *«Крупный дождь захватил его. И надвинулись темные облака на выгоне»*. Во втором случае мы относим «на выгоне» только к содержанию этой части.

Гаврилова Г.Ф. отмечает, что при анализе связного текста с сочинительным союзом не следует отождествлять его с соответствующим сложносочиненным предложением, так как совпадение отдельных синтаксических конструкций еще не свидетельствует об их структурно-семантическом тождестве. Отождествление отдельных форм сложносочиненного предложения со связным текстом ведет к полному отрицанию тех свойств и признаков, которые свидетельствуют о статусе сложносочиненного предложения и связного текста как самостоятельных синтаксических единиц, хотя во многом и изоморфных [Гаврилова, 1985: 29].

Вызывает интерес и вопрос о том, когда для выражения некоторой информации используется сложносочиненное предложение, а когда - несколько предложений. Причиной построения синтаксических конструкций в виде последовательности самостоятельных предложений (сложное синтаксическое целое с сочинительным союзом) является необходимость снятия неоднозначности сочинительной структуры и уточнения замысла автора текста. В сложном предложении сочинительный союз не выражает определенной направленности синтаксических отношений и может соотносить присоединяемую им предикативную часть как с дистантно, так и контактно расположенными частями, что приводит к образованию амбивалентного единства и синтаксической омонимии сложных структур. Потенциальная омонимия усложненного сложного предложения снимается в письменной речи средствами пунктуации (постановка точки перед сочинительным союзом), а в устной речи - интонационно, посредством увеличения паузы и понижения тона перед союзом. Амбивалентное единство деомонимизируется за счет расчленения синтаксической конструкции и превращения ее в ряд высказываний в составе сложного синтаксического целого.

Синтаксическая омонимия (периферийное явление в общей системе языка) довольно часто встречается в речи. Это явление свидетельствует о тенденции к экономии языковых средств

плана выражения в языковой структуре. Отсутствие прямого соответствия между двумя уровнями языка наблюдается и в тексте с сочинительным союзом, и в усложненных сложных предложениях. Думается, что это еще одно обстоятельство, которое сближает сложносочиненное предложение (ССП) и (ССЦ) и подтверждает их изоморфность.

Существует несколько точек зрения на явление синтаксической омонимии. Представители одной из них считают обязательным условием синтаксической омонимии совпадение морфологического и лексического состава предложений, их звуковой формы, т. е. признают существование омонимии только на уровне речи, как возможности использования одного предложения при реализации его в речи с разным синтаксическим содержанием. Другие исследователи понимают омомодель как структурную модель с потенциально одинаковым лексическим наполнением, за которой закреплено не одно, а несколько грамматических значений. В соответствии с этой точкой зрения синтаксическая омонимия представляет собой неоднозначность структур на уровне языка, которая способна реализоваться и на уровне речи.

Необходимость построения сложного синтаксического целого в виде коммуникативного единства (ССЦ) вызвана возможностью двоякого толкования синтаксической структуры.

В составе ССЦ с сочинительным союзом один из сочинительных компонентов может представлять собой сложную конструкцию. Например: *«Я смотрела на Эстер, как ребёнок на конфету: вот такую женщину, мягкую и тихую, элегантную по-европейски — шёлковая блузка, туфли итальянские, но вместе с тем ничего напоказ, никакого американского простодушного шика — хорошо бы в матери, в тётушки, в бабушки. И обращается она ко мне «деточка»...»* (Л. Улицкая, Даниэль Штайн, переводчик).

Контактно расположенные предикативные единицы в пределах сложного предложения уподобляются друг другу в плане своего зависимого положения, поэтому возникает необходимость представить предикативную часть как самостоятельное предложение, если автор текста соотносит ее содержание со всем предшествующим предложением. Например: *«Морозец нынче, изо рта парок пыхает, и борода вся заиндевелила. А все равно благодать!»* (Т. Толстая, Кысь).

Автор соотносит содержание предикативной части с сопоставительным союзом «а» со всем предшествующим контекстом, а не с содержанием только одной из предикативных частей первого компонента ССЦ, поэтому предикативная часть с союзом является самостоятельной.

Когда возникает необходимость отнести общий второстепенный член только к одной предикативной единице, автор ставит точку перед сочинительным союзом и строит высказывание в виде последовательности самостоятельных предложений. Например: *«Он чувствовал Зою как личность, как девушку, и чем больше чувствовал, тем больше узнавал в ее характере свой порывистый, как весенний ветер, характер человека свободы. И это пугало его»* (Владимир Сорокин, Роман). В данном примере сочинительный союз «и» выражает однозначную направленность сочинительных отношений и относит последующую предикативную единицу ко всему предшествующему единству. Сложные синтаксические целые более определены в плане направленности синтаксических отношений, чем сложные предложения.

ССЦ с сочинительным союзом имеет ряд отличий от сложносочиненного предложения, но следует отметить, что во многих случаях ССЦ, хотя и не полностью, аналогичны ССП. Это подтверждает возможность трансформации отдельных ССЦ в ССП. Думается, подобные конструкции можно считать переходными, изоморфными. Но существуют и ССЦ, где

самостоятельные предложения объединены сочинительным союзом, но не могут быть преобразованы в ССП, то есть неаналогичные ССП.

Среди ССЦ неаналогичных ССП выделяются следующие типы:

- 1) ССЦ семантической оппозицией;
- 2) ССЦ с цитацией;
- 3) ССЦ с имплицитным смысловым звеном [Малычева, 2003: 124]

1. ССЦ оппозицией на семантическом уровне представляет собой переход от описания субъективного, эмоционального (психического) состояния к описанию состояния внешней среды (или наоборот), что объясняется разными смысловыми планами, объединяемых сочинительным союзом предикативных единиц.

Ментальный аспект события воспринимается только в пересказе, только со слов автора текста или персонажа. Например: *«Ах, как давно ей хотелось отдать им молоко, все, что скопилось, до боли, все до капли ... И так жадно сосали щенята, причмокивая и захлебываясь от изобилия молока, и так сладостно растекалось по телу волчицы томительное ощущение, только вот молоко почему-то не убывало...»* (Ч. Айтматов, Плаха). *«Засыпала она под приятный, охлаждающий чистотой запах подсыхающей извести. И утром чуть свет была на ногах»* (В. Распутин, Прощание с Матерой).

В ССЦ данного типа автор текста в одном предложении дает описание окружающего персонажей реального мира, в другом - описание эмоционального состояния. Еще одним структурно-семантическим типом сложного синтаксического целого является ССЦ с отсутствием координации в пространственном отношении. Отсутствие координации масштабов событий, описываемых в компонентах ССЦ, также приводит к образованию особого структурно-семантического типа ССЦ с сочинительным союзом. Например: *«В мире творились самые невероятные события: дефицит торгового баланса Мексики в первом полугодии 1978 года составил 693 миллиона долларов; израильские агрессоры угнали и уничтожили японский пассажирский самолет «Боинг – 707»; Министерство связи СССР выпустило в обращение почтовый блок, посвященный 55-летию со дня рождения выдающегося итальянского художника Джорджоне. А Танька собиралась на свидание»* (В. Токарева, Неромантичный человек).

Известен структурно-семантический тип ССЦ, где один из компонентов имеет обстоятельство времени, а другой - обстоятельство места, т.е. детерминанты не скоординированы по смыслу. Например: *«В окнах магазинов мохнатились цветочные леса, бревнами золотистого жиру висели балыки, орлами и печатями точно сверкали бутылки прекрасного шампанского вина «Абрау». И все лето, все лето напирала и напирала новые»* (М. Булгаков. Белая гвардия)

Автор стремится передать наиболее полную картину происходящего. Соединительный союз «и», объединяет в ССЦ предикативные единицы, представляющие разные аспекты ситуации – локальный и темпоральный.

2. Часто в тексте цитируемое высказывание и цитирующее высказывание составляют последовательность, на основе которой образуется только коммуникативное единство, а не структурно-семантическое.

Текст представляет собой контаминацию субъектно-речевых планов автора, повествователя и персонажа, способных образовать единство в коммуникативном плане. Автором всех

предикативных частей ССП является одно и то же лицо, а все субъектно-речевые планы в сложном предложении скоординированы по отношению к лицу говорящего.

Существует система форм передачи чужой речи, а именно: прямая, косвенная, несобственно-прямая речь. Наиболее простой способ проявления субъекта - прямая речь. Например: *«Старшая дочка Сауле выглянула из двери испуганная:*

- Папа, мама плачет! – И скрылась» (Ч. Айтматов, И дольше века).

Обычно несобственно-прямая речь представляет собой внутренний диалог, диалог персонажа с самим собой, либо со своим внутренним «я», выступившим в роли собеседника, и активно используется в художественном тексте. Например: *«Что тут ещё ответишь – ясно, значит, ясно ... Но не это беспокоило Авдия, а то, что вынужден был помалкивать, не мог пытаться как-то повлиять на ребят, вступивших на скользкий путь, жаждущих любой ценой добыть те преступные деньги, - такого вмешательства требовала его душа, но он не мог себе этого позволить»* (Ч. Айтматов, Плаха).

К области цитирования можно отнести также описания воображаемых ситуаций - репродуктивное восприятие действительности, например, в воспоминаниях или мечтах о будущем автора текста, повествователя или персонажей [Малычева, 2003: 132]. Например: *«Не верилось, что изба может пережить старуху и остаться на своем месте после нее, - похоже, они постарели до одинаково дальней, последней черты и держатся только благодаря друг другу. По полу надо было ступать осторожно, чтобы не стало больно матери, а то, что они говорили ей, удерживалось в стенах, в углах – везде. И воздух здесь был тот же, каким они дышали в детстве; он заманивал, затягивал их на много лет назад, но у него, как и у старухи, недоставало сил»* (В. Распутин, Последний срок).

Наряду с воспоминаниями близки к чужой речи предложения с содержанием из сферы воображения, мечтаний.

3. Имплицитные компоненты (сцены, пропозиции), входящие в состав основной ситуации, не мешают созданию текстового единства, поскольку имPLICITное звено можно легко реконструировать, опираясь на фоновые знания реципиента. Проанализируем, например, такое ССЦ: *«Он перевел взгляд повыше и разглядел фигурку в багряной военной хламиде, поднимающуюся к площадке казни. И тут от предчувствия радостного конца похолодело сердце бывшего сборщика»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Данное ССЦ состоит из двух простых осложненных предложений, объединенных общей микротемой «приближающегося конца». В данном ССЦ находим как лексические, так и грамматические средства связи. К первым относится повторная номинация («он» – «бывший сборщик»); ко вторым – сочинительный союз «и», выполняющий функцию маркера имPLICITно выраженных пропозиций (в тексте не выражен эксплицитно тот отрезок категорического силлогизма, которому соответствует большая посылка: *к площадке казни поднимаются, чтобы прервать мучения распятых*); форма прошедшего времени всех сказуемых, указывающая на последовательность протекания действий. Ведущим способом действия данной межфразовой связи является следование (в значении следствия), выводимое путем непосредственного умозаключения. Ведущая связь – параллельная. Данное ССЦ является ССЦ неаналогичным ССП, с имPLICITным звеном, динамического типа.

Сложное синтаксическое целое может объединять в себе предикативные единицы, представляющие разные аспекты события: ментальный, предметный, локальный,

темпоральный, а также события, несоординированные в масштабе, что невозможно в сложносочиненном предложении.

В ССЦ, где одна из предикативных единиц - цитата в форме чужой речи, имеет место семантическая несоординированность, которая исключает возможность построения ССП.

Цитация - одно из условий широкой распространенности ССЦ в связной художественной речи.

Сочинительные единства, образующие ССЦ неаналогичны, ССП и тогда, когда между компонентами его имплицитные смысловые звенья.

ССЦ с имплицитной семантикой не изоморфны сложносочиненному предложению, несмотря на наличие сочинительного союза, так как являются структурно-неполными и наличием невербализованной смысловой части.

Кроме того, существуют сложносочиненные конструкции, которые близки сложноподчиненным предложениям. Это сложносочиненные предложения с причинно-следственными отношениями и сложноподчиненные предложения причины и следствия; предложения с противительно-уступительными отношениями, а также отношениями соединительно-распространительными, сближающимися со сложноподчиненными присоединительными конструкциями. Сходство данных конструкций наблюдается еще и в том, что в отличие от остальных типов сложноподчиненных предложений с обстоятельственным значением, где обязательно согласование семантики опорного слова-глагола с семантикой придаточной части в предложениях причины, следствия, уступки, как и в сложносочиненном предложении, такого согласования сем нет [Гаврилова, 1985: 31].

Безусловно отличием сложносочиненного предложения от сложноподчиненного является иерархичность последнего. Сочинительные отношения характеризуются формальной и семантической автономностью соединяемых элементов и отсутствием иерархической организации.

В сложноподчиненном предложении одна из частей как бы раскрывает собой часть содержания другой части. В сложносочиненном предложении содержание какого-то элемента второй части раскрывается за счет содержания первой.

Сложносочиненные предложения отличаются от сложноподчиненных спецификой формальных показателей одних и тех же отношений - союзов. Особенно близки к сложноподчиненным предложениям соединительно-распространительные предложения, которые аналогичны по своей семантике присоединительным конструкциям, компоненты которых «автограмматичны и автосемантичны в мере адекватной автограмматичности и автосемантичности компонентов сложносочиненного предложения» [Гаврилова, 1985: 33]. Таким образом, сложносочиненные предложения неоднородного состава представляют собой периферийную зону, совмещающую признаки как связного текста, так и некоторые признаки сложноподчиненного предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкова, В.А. Сложное предложение в современном русском языке [Текст] / В.В. Белошапкова // М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
2. Гаврилова Г.Ф. Переходные конструкции в синтаксисе сложного предложения [Текст] / Г.Ф. Гаврилова // Ростов-на-Дону, 1985. – 84 с.

3. Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ [Текст] / Н.В. Малычева // Ростов-на-Дону, 2003. – с. 59-68.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский // М., 1956.
5. Холодов Н.Н. Сложносочиненное предложение в современном русском языке [Текст] / Н.Н. Холодов // Смоленск, 1975. – ч. 1, 2.
6. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения [Текст] / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова // Новосибирск, 1987.

VALENCY AND EXPECTATION

Galina G. Matveeva, Ekaterina V. Firsova

Pedagogical institute of Southern Federal University

Rostov-on-Don, B. Sadovaya Str., 33

Abstract

Actualization of the category of expectation is realized as a rule in the process of communication for the reason that both the speaker and the listener have their own representations about the development of the conversation including the adherence to the speech-language norms. In this article is considered as exemplified by the realization of valency as a characteristic of the linguistic unit the question about potential predictability of interrelations of linguistic units not so much by speech production as in the language system.

Key words: *pragmalinguistics, expectation, predictability, valency, semantic, syntactic, emotive types of valency*

Антропоцентрический подход в современной лингвистике предполагает изучение языковых явлений с точки зрения их функционирования в процессе коммуникации и диктует необходимость учёта личности коммуниканта в двух аспектах, с одной стороны, как пользователя языкового кода при порождении речи, с другой стороны, как рецептора при восприятии речевого высказывания. В рамках данного подхода языковые единицы и категории исследуются не на предмет выявления свойств, характеризующих их как элементы языковой системы, а в целях раскрытия их прагматического потенциала, т.е. выявления тех явных или скрытых возможностей языковых единиц и их свойств, которые носитель данного языка использует для достижения своих коммуникативных намерений. Одним из таких свойств языковых единиц, исследуемых, как правило, на уровне системно-структурных отношений является валентность, однако, на наш взгляд, реализацию валентностей языковых единиц целесообразнее рассматривать в процессе речепорождения, где главные роли играют пользователь языка и речевая ситуация.

Речевая ситуация охватывает ряд факторов, влияющих на выбор говорящего языковых средств при порождении высказывания. Одним из основных факторов, определяющих данный выбор, в прагматической лингвистике, как и в теории речевых актов считается намерение говорящего оказать воздействие на сознание или поведение собеседника. Вступая в коммуникацию, её участники не только имеют некие намерения, но и ожидания по отношению друг к другу и к процессу общения в целом. Данный факт даёт нам основание считать категорию ожидания релевантной в условиях выбора говорящим языковых средств для вербализации его мыслей и намерений. Ожидание, как и намерение, относятся к экстралингвистическим факторам речевой ситуации, но в связи с тем, что они являются неотъемлемой составляющей любой коммуникации, они непременно оказываются в поле исследования прагматистов. Исследованию вербальной реализации намерения (интенции, иллюкуции) в коммуникативном процессе посвящено достаточно много работ в рамках таких отраслей языкознания как прагматическая лингвистика, теория речевых актов, теория коммуникации и др. Влияние ожидания на речевые действия

коммуникантов представляется нам ещё не вполне изученным, причём это влияние, предположительно, может охватывать актуализацию различных языковых единиц и их свойств в речевом потоке. В данной статье мы остановимся на описании взаимозависимости категории ожидания и реализации валентности языковых единиц в речевом общении.

Актуальность такого рода исследований основывается на интересе лингвистической общественности к обнаружению, описанию и систематизации лингвистических средств оформления такого экстралингвистического содержания как ожидание. Оказывая влияние на речевое поведение говорящего, и в то же время, определяя восприятие данного поведения слушающим, экстралингвистическая категория ожидания позволяет отнести ее к прагмалингвистическим. Правомерность такого утверждения мы можем подтвердить следующими положениями. Во-первых, ожидания коммуникантов играют важную роль ещё до начала общения, как с точки зрения планирования предстоящей беседы и прогнозирования возможного развития событий, так и в плане надежды на соблюдение принципа кооперации и максим П. Грайса со стороны собеседника. Во-вторых, ожидание, как уже было отмечено выше, характеризует как поведение говорящего (отправителя текста, адресанта), так и слушающего (получателя текста, адресата), но многообразие возможных речевых ситуаций и аспектов рассмотрения предусматривает различную степень актуализации и вербализации ожидания в процессе коммуникации. В процессе диалога или монолога ожидание актуализируется в вопросно-ответной форме, которая в большинстве случаев подразумевает смену ролей, в том числе и роль ожидающего ответа на вопрос. На уровне художественного текста выделяют жанровые ожидания, позволяющие читателю проводить жанровую идентификацию текста, например, к жанровым ожиданиям научно-фантастической литературы относятся нереальная обстановка и фантастические события [1:10]. Ярким примером формирования ожидания в сознании получателя на уровне речевых актов является речевой акт обещания, в результате которого говорящий ожидает, что слушающий ему поверит, а слушающий надеется на искренность говорящего и исполнения данных говорящим обязательств (в качестве иллюстрации реализации речевого акта обещания можно привести предвыборные кампании политиков, направленные на формирование положительного ожидания по отношению к будущей деятельности своей партии и отрицательных ожиданий по отношению к своим политическим оппонентам) [9]. Список примеров актуализации ожидания в различных коммуникативных условиях и с разных позиций исследования речи не исчерпывается вышеизложенным материалом, однако целью данной статьи не является продолжение. В данной статье мы бы хотели обсудить вопрос о реализации ожидания на уровне языковой системы, о том, в какой степени в языковой системе заложены возможности предугадывания и предсказания взаимодействия языковых единиц. Такими возможностями, по мнению С.Д. Кацнельсона, обладает валентность слова, описывая которую учёный использует слова «предсказание, предсказуемость, предполагает», например, имея в виду формальную валентность именительного падежа, который предсказывает появление финитной формы глагола в предложении [4:22]. Чтобы раскрыть потенциал валентности как средства актуализации ожидания на уровне языковой системы обратимся к сущности данной языковой категории.

Термин «валентность», заимствованный из химии и введённый в лингвистику Л. Теньером, в настоящее время трактуется как способность одних единиц сочетаться с другими единицами данного уровня. Валентность определяется на основе синтагматических связей и представляет собой внешнее свойство единиц языка. При этом реализуется имманентно присущая языковому элементу способность вступать в комбинации с другими элементами. Несмотря на то, что

понятие валентности было установлено на синтаксическом уровне при наблюдении над свойствами глаголов, это явление можно наблюдать и у других частей речи, и у единиц, больше или меньше слова [6]. Важно различать валентность языковой единицы и ее дистрибуцию. Дистрибуция – это сумма всех окружений, в которых может выступать данная единица, в то время как валентность – это потенциальные возможности сочетания отдельных единиц языка друг с другом [7:6]. Валентность и дистрибуция – это разнонаправленные, но соотносительные явления.

Как мы видим, понятие валентности напрямую соотносится с понятием сочетаемости. Некоторые лингвисты считают валентность количественной характеристикой, а сочетаемость – качественной, т.е. валентность определяет число актантов, а сочетаемость ограничивает взаимодействие слов в зависимости от их семантического соответствия [8]. Однако, на наш взгляд, такое разграничение не вполне корректно. Валентность – это, в первую очередь, свойство значения, которое обуславливает как количество, так и качество актантов, так, например, немецкий глагол *fahren* в одном из своих значений является переходным глаголом с двумя обязательными актантами: *Ich fahre das Auto*; а в другом значении – непереходным и одновалентным при наличии необязательных сирконстантов: *Ich fahre (ans Meer)*. Рассмотрение вопроса о семантической стороне валентности и её синтаксической реализации привело к выделению двух видов валентности, семантической (содержательной) и синтаксической (формальной) (помимо это выделяют и третий тип валентности – логический, предусматривающий установление того, с каким типом логического предиката соотносится значение глагола, выступающего в роли сказуемого [2], однако, данный аспект рассмотрения валентности в данной статье нас не интересует).

Семантическая валентность определяется как свойство слов присоединять к себе какой-либо семантический актант, где под семантическими актантами, вслед за Ч. Филлмором, понимаются глубинные смысловые роли, которые имеются в каждой ситуации [5]. Семантическая валентность универсальна, так глаголы полагания или веры в большинстве языков предполагает наличие обязательного семантического актанта – субъекта действия – человека (а не животного, или машины, если только это не фантастическая литература), ср.: русск. *Я полагаю, что ты прав*. нем. *Ich meine, dass du Recht hast*. англ. *I mean that you are right*. исп. *(Yo) creo que tienes razón*.

Синтаксическая валентность, изначально рассматриваемая в рамках вербоцентрической теории предложения, понимается как синтаксическая реализация актантов на уровне предложения. Не смотря на то, что наиболее изученной является валентность глагола, наличие валентности признаётся и у других частей речи, существительных (особенно отглагольных или обозначающих часть целого), прилагательных [5]. В отличие от семантической валентности синтаксическая валентность является индивидуальной для разных языков, хотя может и частично совпадать. Идиоэтничность формальной валентности обусловлена, прежде всего, строем языка. Ср. русск. *Я жду друга* – где употребление словоформы «автobуса» продиктовано требованием наличия актанта-объекта в винительном падеже при переходном глаголе «ждать»; нем. *Ich warte auf den Freund* – где форма артикля указывает, также как и в русском языке, на винительный падеж, однако управление глагола «warten» требует употребления предлога «auf» перед существительным; англ. *I'm waiting for my friend* – где управление глагола «wait» также накладывает отпечаток на своеобразие формального выражения мысли; исп. *(Yo) espero a mi amigo* – где использование предлога «a» продиктовано не управлением глагола, а указанием на дополнение, выраженное одушевлённым существительным (ср. *Espero el autobús*).

Универсальность семантической валентности и идиоэтничность синтаксической валентности, хотя и характеризуют два типа валентности, но не охватывают весь спектр сложности их взаимодействия, поскольку эта сложность проявляется даже в рамках одного языка. Для описания соотношения семантической и синтаксической валентности И.А. Мельчук и Ю.Д. Апресян вводят термин «модель управления», которая, с одной стороны, описывает стандарт этого соотношения – взаимно-однозначное соответствие семантической и синтаксической валентности (субъект выражен им. пад., объект – вин. падежом). С другой стороны, наличие фиксированного стандарта позволяет выявить отклонения, например, когда семантическая валентность (особенно не на предмет, а на ситуацию) может быть выражена различными синтаксическими средствами, например: русск. *Я видел поющих детей. Я видел, как дети поют.* нем. *Ich sah singende Kinder. Ich sah die Kinder singen. Ich sah, wie die Kinder singen.* англ. *I saw the kids singing. I saw (that) the kids were singing.* исп. *(Yo) vi a los niños cantando. Vi que los niños cantaban.*

Возвращаясь к вопросу зависимости актуализации категории ожидания и реализации валентности на уровне языковой системы, мы можем проследить степень этой зависимости ожидания как с семантической, так и синтаксической валентностью. На уровне системно-структурных отношений элемент предсказания присутствует при реализации обоих типов валентности. Семантическая валентность позволяет предположить, какое слово может выступить в качестве семантического актанта при другом слове, а какое не обладает необходимым набором сем (или хотя бы одной семой) для связи, такое предположение можно назвать реализацией семантического ожидания. Синтаксическая валентность предсказывает необходимое число актантов и возможные средства выражения в соответствии с моделью управления, что позволяет говорить о синтаксическом ожидании. Однако в такой картине актуализации семантического и синтаксического ожидания в рамках их функционирования в языковой системе отсутствует главный компонент: носитель языка, знающий (хотя бы на уровне интуиции) особенности как семантической, так и синтаксической сочетаемости слов, что делает реализацию обоих типов валентности возможной в речи. Даже когда цель исследования сводится к составлению перечня возможных сочетаний единиц языка путём выбора их из словаря на основе компонентного анализа, данная цель не может быть достигнута без личности исследователя. Поэтому на уровне языковой системы мы будем говорить не об актуализации ожидания, а об актуализации элементов предсказуемости, присущих некоторым языковым единицам, категориям или свойствам данных единиц. Такие элементы предсказуемости характеризуют и валентность языковых единиц. О том, что реализацию валентности не следует рассматривать без учёта человеческого фактора, свидетельствуют определения понятия «валентность», в которых подчёркивается влияние реализации/нереализации валентности на восприятие человеком какого-либо языкового материала: «Валентность – это способность слова присоединять к себе зависимые слова в определенных формах; без этих слов употребление слова неполно (выделение – наше)» [5]; валентность присуща словам, которые «дают ощущение неполноты (выделение – наше) высказывания и требуют восполнения высказывания» [4:21]; валентность – это «способность слов вступать в сочетания с другими словами так, чтобы их связь казалась вполне естественной, органически обусловленной (выделение – наше)» [3:61]. В данных определениях содержится косвенное указание на взаимодействие как минимум двух носителей языка при построении высказывания: говорящего и слушающего, которые, обладая достаточным речевым опытом и знанием норм и правил используемого языкового кода, могут вполне адекватно оценить полноту и завершенность синтаксических конструкций. Даже в случае, если речевая ситуация предполагает наличие только говорящего, например, запись

доклада на диктофон, говорящий выступает в качестве слушающего, контролируя процесс построения высказывания с точки зрения правильности и полноты. Ощущение неполноты высказывания можно сравнить с внезапным окончанием мелодии на неустойчивом звуке, что вызывает ощущение незавершенности и требует движения дальше, к устойчивому, опорному звуку (тонике). Ощущение лингвистической неполноты связано с необходимостью реализации обязательной валентности слова в отличие от факультативной, которая является дополнительной, но не релевантной. Реализация именно обязательной валентности актуализирует элементы предсказуемости, предполагающие и обуславливающие связь между определёнными языковыми единицами.

Заложенные в валентности элементы предсказуемости не исключают возможность сочетаемости несочетаемого в речевом потоке. Речь здесь идёт не о речевом произволе говорящего в связи с несоблюдением норм и правил использования языковых единиц, а о речевом творчестве отправителя текста, основанном на знании глубинных семантических связей в языковой системе. Случаи необычных сочетаний рассматриваются как нарушения валентностей (а, соответственно, нарушение реализации элементов предсказуемости в частности и нарушения ожидания в целом при восприятии речевых отрезков), которые особенно ярко проявляются на лексическом уровне в поэзии, художественной литературе и в живой речи, например: *скоростижно женился, заклятый друг и т.п.* Объясняя природу таких нарушений, И.Р. Гальперин опирается на привычность («выработанный автоматизм») понимания содержательной стороны определённого слова и необходимость её переосмысления в необычных сочетаниях [3:63]. В основе осмысления необычности сочетаний лежит конкуренция между двумя видами значений: контекстуального и предметно-логического, причём одно может подавлять другое в зависимости от условий речевой ситуации. Сознание человека удерживает оба значения и способно определять доминирование одного из них при помощи контекста. Выделяя три типа взаимодействия значений при нарушении валентностей (1. взаимодействие двух грамматических значений, например, в риторическом вопросе, в котором вопросительный и утвердительный характеры выступают одновременно; 2. взаимодействие двух лексических значений (переплетение словарного и контекстуального, основного предметно-логического и производного, или эмоционального значений); 3. взаимодействие лексического и грамматического значений (когда частично переосмысливаются оба значения, например в предложении: *Все Ваши но и не могу ни к чему*, где слова «но» и «не могу» не являясь существительными, воспринимаются как таковые) И.Р. Гальперин отмечает, что наиболее часто встречаемым случаем взаимодействия является второй тип лексической несовместимости, который воспринимается необычно и алогично, например: *воспоминания о будущем*, но может быть понят при переосмыслении семного набора каждого из слов [9:66-68].

Необычность некоторых сочетаний В.И. Шаховский, в отличие от И.Р. Гальперина, связывает не с нарушением валентности, а с наличием в структуре значения слова помимо денотативных сем эмотивных потенциальных сем (эмосем), значимых для сочетаемости данного слова с другими словами, т.е. наличием эмотивной валентности. Эмотивная валентность, как вариант семантической валентности, – способность данной лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе явных или скрытых эмосем [10:98]. Экспликация эмотивных сем приводит к появлению «неожиданных», оригинальных, «невероятных», непредсказуемых сочетаний, типа: *тоска зелёная, звякают листья, мокроглазить*. Такие сочетания могут «провоцировать» новые сочетания по аналогии. Эмотивная валентность безгранична в связи с тем, что бесконечно количество типов эмосем,

отражающих бесчисленные виды сиюминутных эмоций, которые мотивируются ситуативным контекстом и индивидуальностью говорящего. Экспликация эмосем осуществляется в контексте и может быть объяснена эмоциональным намерением говорящего (оскорбить, похвалить, утешить кого-либо и т.п.), что также позволяет отнести изучение эмотивной валентности к области прагматики. Кроме того, исследование эмотивной валентности может выявить лингвистический механизм речевого феномена «ожидаемая норма ↔ неожиданная сочетаемость» [10]. Введение понятия «эмотивная валентность» является, по нашему мнению, плодотворным для рассмотрения актуализации элементов предсказуемости (и в более широком смысле вероятности реализации ожидания) при использовании языковых единиц в речи. Но в отличие от семантической валентности, в основном характеризующей денотативным составом сем, зафиксированных в статьях толкового словаря и в сознании всех носителей языка, эмотивная валентность более сложна в своей организации, поскольку подразумевает возможную экспликацию какой-либо эмосемы в любой единице языка и зависит от воли говорящего. Конечно, нельзя отрицать того факта, что некоторые лингвистические единицы имеют устойчивые коннотативные характеристики, отражённые в словарях и даже совпадающие в различных языках, ср.: русск. «*репа*» – о глупой или плохо соображающей голове, нем. «*Rübe*» также обозначает голову в фамильярном регистре; и именно данные устойчивые характеристики актуализируют элементы предсказуемости эмотивной валентности в определённых условиях общения. В большинстве же случаев экспликация эмосем окказионально и зависит от восприятия мира и эмоционального намерения говорящего, и поэтому непредсказуема и воспринимается необычно и оригинально. Однако даже такая экспликация эмосем понятна слушающему в контексте, например, речь доктора А.Е. Быкова в российском сериале «Интерны» изобилует словосочетаниями, в которых эксплицируются как устойчивые коннотативные элементы содержания, так и ситуативные эмосемы, так, критикуя поведения интерна Вари, которая неоднократно обращалась к нему за помощью в разрешении её проблем, доктор Быков произносит: «... ты мне за сегодняшний день мозг сокупила» (73-я серия), где сочетание «сокупить мозг» нарушает как семантическую, так и синтаксическую валентность, тем не менее понятно для носителя русского языка, который оценивает его как выражение недовольства в данном контексте.

Контекст, т.е. речевая ситуация является основополагающим при рассмотрении типов «нев्यраженных валентностей», являющихся как и эмотивная валентность, вариантами семантической валентности. Речь здесь идёт об отсутствии синтаксического заполнения семантической валентности в следующих случаях: 1. Содержание выводимо из контекста или ситуации (ярким примером могут выступать эллиптические предложения в диалогах: *Мама испекла пирог? – Испекла.* – в предложении «*Испекла*» актанты при глаголе (субъект и объекта) выводятся контекстом, т.н. конситуативное заполнение валентности). 2. Содержание не существенно для понимания, например: *Я умею вязать.* – где валентность объекта при глаголе «*вязать*» устранена, т.е. происходит как редукция формы, так и содержания. 3. Информация о заполнении валентности недоступна, в результате чего появляется семантически неполное высказывание, не соответствующее норме, например: *Полицейский оштрафовал.* Выделение типов отсутствия синтаксического заполнения семантической валентности А.Д. Шмелёв связывает с понятием «облигаторная семантическая валентность». В отличие от обязательной и факультативной валентностей, которые призваны «моделировать сочетаемость языковой единицы», облигаторная валентность «задаёт коммуникативные условия её употребления» и «позволяет отразить компоненты ситуации, знание которых коммуникантами необходимо для корректного употребления и понимания данной языковой единицы» [11:168]. Облигаторная семантическая валентность может быть и формально не выражена, однако проявляется при

определённых уточняющих вопросах к конкретному речевому отрезку. Например, на уточняющий вопрос «куда?» к предложению «*Петя уехал*» коммуникант может ответить «Не знаю», если он не обладает необходимой информацией или дать исчерпывающий ответ, что является проявлением необязательной семантической валентности. Но на вопрос «откуда?», участник коммуникации не может ответить «Не знаю», поскольку произнесённая им ранее фраза «*Петя уехал*» предполагает знание того, что Петя покинул какое-то определённое место, что и отражает сущность облигаторной семантической валентности. Разграничение обязательной и облигаторной семантических валентностей даёт нам возможность рассмотреть реализацию элементов предсказуемости при использовании языковых единиц с новой точки зрения, а именно с позиции коммуникативного поведения собеседников, т.е. мы можем говорить не только о моделировании возможных сочетаемостей языковых единиц на уровне системы, но и о предполагаемых знаниях коммуникантов относительно сообщаемой информации и экстралингвистических компонентах речевой ситуации, которые могут повлиять на дальнейшее развитие речевого события.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Все типы валентности, не зависимо от критерия их разграничения, актуализируют элементы предсказуемости, но в различной степени и на разных уровнях. Валентность как свойство языковой единицы, являющейся элементом системы, предполагает связь данной языковой единицы с определённым количеством семантических актантов (обязательная семантическая и синтаксическая валентность). Реализация эмотивной валентности, хотя и может предсказывать сочетание языковых единиц на основе выделения потенциальных эмосем в структуре значений слов, однако в большей степени зависит от эмоционального намерения говорящего и контекста. Облигаторная валентность позволяет прогнозировать и моделировать коммуникативное поведение. Несомненным остаётся тот факт, что заполнение любого типа валентности, а соответственно и актуализация элементов предсказуемости, главная роль принадлежит говорящему индивиду, который, соединяя слова в речевые отрезки, руководствуется собственным речевым опытом, знанием языкового кода и желанием удовлетворить ожидания получателя текста не только в отношении соблюдения речевых, но и языковых норм.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкова О.С. Категории модальности, времени и пространства в жанре НФ (на материале русско- и англоязычных текстов). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. 10.02.19 – теория языка. Саратов, 2006, 25 с.
2. Велиева Н. Лингвистическое понятие валентности. *Язык и литература. Международный научно-теоретический журнал ISSN 1038. 5(71)-2009*. [Электронный ресурс]. [Дата обращения: 15.06.2011]. Режим доступа: <http://yazikiliteratura.narod.ru/lin71.htm>.
3. Гальперин И.Р. К проблеме необычных сочетаний слов. Проблемы общего и германского языкознания. [Посвящается доктору филологических наук профессору Н. С. Чемоданову.]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, с. 61-70.
4. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности. Вопросы языкознания, 1987, №3, с. 20-32.
5. Муравенко Е.В. Валентности слова *Русский язык. №21. 2009*. [Электронный ресурс]. [Дата обращения: 15.06.2011]. Режим доступа: <http://rus.1september.ru/index.php?year=2009&num=21>.

6. Слюсарева Н.А. Ценность и валентность лингвистических единиц. Синтагматика, парадигматика и их взаимодействие на уровне синтаксиса: Материалы научной конференции. Рига, 1970, с.160-162.
7. Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ. М.: МГПИ им. М. Тореца, 1973, 110 с.
8. Сыздыкова Г.О. Характеристика валентных отношений частей речи в казахском языке. *Научный прогресс на рубеже тысячелетий – 2010. Филологические науки*. [Электронный ресурс]. [Дата обращения: 15.06.2011]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/Page_ru.htm.
9. Фирсова Е.В. Обещание как способ формирования ожидания в сознании получателя политического текста. Язык. Дискурс. Текст: Материалы IV Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2009, с. 295-300.
10. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи. Вопросы языкознания, 1984, №6, с. 97-103.
11. Шмелев А.Д. Типы «невыраженных валентностей». Семиотика и информатика, 1998, вып. 36, с. 167-175.

MEANS OF COHESION IN ASYNDETON IN RUSSIAN AND FRENCH

Gontareva Zinaida

The Pedagogical Institute, Southern (Uzhny) Federal University,
Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The article is devoted to the study of means of cohesion between the parts of asyndeton in Russian and French. The means of cohesion are the elements of linguistic system which may fulfill a connective function.

Key words: *asyndeton, cohesion, juxtaposition, construction of uniform composition, construction of inhomogeneous composition, syntactic relations*

Несмотря на то, что бессоюзные сложные предложения описаны в целом достаточно полно, их изучение наталкивается на определенные трудности, порождаемые разным толкованием или невыясненностью особенностей семантико-грамматической организации бессоюзного сложного предложения (далее – БСП). Связь между предикативными частями таких предложений осуществляется при помощи различных средств, при этом основным средством связи являются интонация и семантическое соотношение частей, которые опираются на лексические и грамматические средства выражения категории связности. К **грамматическим** средствам относят:

- параллелизм видо-временных форм и наклонений глаголов-сказуемых, Мужчины заказали водки, Люся попросила сока. (Гуцко Д. Русскоговорящий)

- контактные слова: В номере я застал Катерину, уже собранную в дорогу: она укладывала в чемодан последние вещи. (Поляков Ю. Небо падиших) Юная пара что-то оживленно обсуждала между собой; лица у юноши и девушки были бледные, болезненные, но, как ни странно, веселые (Рой О. Муж, жена, любовница).

-второстепенные члены: Позади дома виднелось строение поменьше, видимо, баня; на поляне под деревом были врыты в землю большой деревянный стол и две лавки по бокам (Рой О. Черная радуга).

- главные члены: Виталий набрал в сарае дров – готовых углей он не признавал принципиально – и развел в мангале огонь (Рой О. Черная радуга).

- общие члены (второстепенные): Возле двери на сквознячке выстроились начищенные сапоги, на сапогах сохнут портянки (Гуцко Д. Русскоговорящий).

- порядок слов: В салоне горел тусклый свет, орало радио (в московском общественном транспорте такого никогда не бывает), за стеклом позевывал водитель (Акунин Б. Фантастика).

Среди **лексических** средств выражения связности выделяются:

- повторы: Ночью это можно, ночью все люди бомжи. (Гуцко Д. Русскоговорящий); Спала

природа, спал сосновый бор, клевали носом пассажиры (Акунин Б. Фантастика).

- слова одной лексико-семантической группы: *Звонить Виталий решил из конторы – здесь, в стильной обстановке собственного кабинета, под портретом Рокфеллера, он чувствовал себя абсолютно уверенно (Рой О. Черная радуга)* (контора, обстановка, кабинет - помещения).

Однако перечисленные средства не исчерпывают все многообразие средств выражения категории связности, поскольку некоторые из них могут встречаться только в БСП с определенным типом связи между частями. Чтобы выявить эти средства, необходим более подробный анализ видов БСП.

Все бессоюзные сложные предложения можно условно разделить на две группы:

- 1) предикативные части БСП не могут существовать самостоятельно, являются незаконченными;
- 2) предикативные части БСП могут существовать самостоятельно, представляют собой самодостаточные единицы (подробно этот тип будет рассмотрен далее).

Между предикативными частями БСП первой группы возможны следующие типы отношений, которые идентичны союзным подчинительным:

- изъяснительные БСП, в которых позиция зависимой части является основным грамматическим средством связности:

- с препозицией зависимой части: *Писклявый голос больше не бормотал – уже хорошо (Акунин Б. Фантастика).*

- с постпозицией зависимой части: *Дарновский хотел открыть бутылку и вдруг почувствовал – это лишнее (Акунин Б. Фантастика).*

- в определительных БСП обобщающее слово в главной части относится к лексическим средством связности, во второй части раскрывается смысл обобщения: *Крепло предчувствие: что-то произойдет, что-то близится (Акунин Б. Фантастика).*

Определительное значение сопровождается пояснительным, причинным: *Малахов уже несколько раз имел это счастье – приглашая гостей в свою московскую квартиру, американец обязательно предлагал им партию-другую в шашки (Рой О. Черная радуга).*

- значение степени в разноструктурных единицах: *Обняла его, поцеловала врасплох – еле оторвал (Акунин Б. Фантастика); Девушка сидела совсем близко, можно было дотянуться рукой (Акунин Б. Фантастика).*

Возможны также сопоставительные отношения: *Рогов не выказал протеста покупке, Венья выказал радость (Прилепин З. Санька).*

Бессоюзному сложному предложению, части которого не могут существовать самостоятельно, свойственна имплицитность лексико-семантического содержания частей, опирающаяся на повседневный опыт говорящего: *В гробу он видал этот Автомеханический техникум, поступил-то только ради общаги — обещали дать место после первого курса (Акунин Б. Фантастика).* Имплицитным причинным смыслом данного предложения является то, что поступившим в техникум после первого курса дают место в общежитии.

Бессоюзное сложное предложение со значением причины может быть трансформировано в союзное при помощи союзов *потому что, так как*: *Народу в салоне было немного — в субботу*

основной пассажиропоток, как известно, направляется из столицы в область, а не наоборот (Акунин Б. Фантастика). Ср.: Народу в салоне было немного, **потому что** (так как) в субботу основной пассажиропоток, как известно, направляется из столицы в область, а не наоборот.

В БСП с изъяснительными отношениями часто имплицитно представлены глаголы восприятия, которые легко восполняются читателем: Директор «Сантехюта» снял крышку: в алом сборчатом шелку покоился настоящий аварский кинжал времен Шамиля, украшенный чеканкой и золоченой кучерявой сурой (Поляков Ю. Грибной царь). Имплицитный смысл: Директор «Сантехюта» снял крышку, увидел: в алом сборчатом шелку покоился настоящий аварский кинжал времен Шамиля, украшенный чеканкой и золоченой кучерявой сурой. Связь частей БСП осуществляется через предикативную часть, представленную имплицитно.

Имплицитно выраженное содержание возникает в результате анализа двух частей предложения, и обе части могут быть несамостоятельны, даже неадекватны по содержанию в отрыве друг от друга: Три коктейля (настоящий виски с настоящей содовой) еще не выветрились, опять же ходьба согревала (Акунин Б. Фантастика). Скрытым смыслом предложения является следующее: коктейли и быстрая ходьба согревают человека.

Тесная связь между членами БСП может устанавливаться благодаря эллипсису подлежащего и использованию типичной для пословиц неопределенно-личной формы: Отчиму на водку денег не добудешь — измолотит (Акунин Б. Фантастика).

Эллипсис сказуемого при одинаковом параллельном построении также как и имплицитность, исключает возможность отделения предикативных частей друг от друга: Сверху - сосны и черное небо, вокруг - глухие серые заборы (Акунин Б. Фантастика).

Сопоставительные отношения создаются при помощи контекстуальных антонимических отношений, в которые вступают обстоятельства места *сверху, вокруг*, и эллипсиса.

Возможен также эллипсис одного из однородных сказуемых: От такого удара все внутренние органы должны были полопаться, позвонки к черту переломиться (Акунин Б. Фантастика). Структурная неполнота предикативных частей возможна благодаря наличию общего второстепенного члена у обеих частей *от такого удара*, а также единству видо-временной формы сказуемого.

Эллипсис сказуемого во второй части не дает возможности употребить эту часть самостоятельно: Дронов хотел последовать за ним – вдруг сзади крик, грохот (Акунин Б. Фантастика).

Предикативные части бессоюзного сложного предложения, являющиеся логически и структурно законченными, могут также характеризоваться имплицитностью, которая восполняется в сознании читателя только при условии объединения предикативных частей БСП в одно предложение: Авоська упала на пол, желтые шары покатались по линолеуму (Акунин Б. Фантастика). Соединительно-результативные отношения дают возможность эксплицировать смысл: авоська с апельсинами упала на пол, желтые шары (апельсины) покатались по линолеуму.

Предикативные части БСП построены на основе инверсии: Спала природа, спал сосновый бор, клевали носом пассажиры (Акунин Б. Фантастика) и структурном параллелизме: Легкий румянец тронул смуглые щеки, улыбка скользнула по ярким, без помады, губам (Катасонова Е. Не родись красивой), которые придают предложению законченность, также могут употребляться самостоятельно: Кончился май, расцвело и увяло лето, наступила последняя

осень великой империи (Акунин Б. Фантастика). Вместе предикативные части звучат лирично и мелодично.

Предикативные части БСП могут связываться при помощи общих членов (обстоятельств места): *Чуть дальше, за оградой, зудели и взвизгивали машины, бесконечно раскачивались тяжелые двери метро, пыльные бомжи собирали, деловито оглядывая горлышки, бутылки (Прилепин З. Санька.); Вокруг уже давно поднялась суeta, собрались люди, раздавались возбужденные голоса (Рой О. Черная радуга).* Такие предложения служат для описания места действия, события, которые в них описываются являются лишь фоном, поэтому перечисляются, создавая контекст для основного действия.

Связь между частями бессоюзного сложного предложения может также устанавливаться при помощи инверсии подлежащего в первой части, когда в результате подлежащее первой части стоит перед подлежащим второй части, определяя его и требуя пояснения: *Следом из землянки вышел еще один пузатый, обернутый по чресла простыней, он мечтательно поглядел на звезды, несколько раз шумно вдохнул-выдохнул ночной аромат и тут заметил джип у шлагбаума (Поляков Ю. Грибной царь).*

Итак, предикативные части бессоюзного сложного предложения могут быть самостоятельны и зависимы. Последние сопровождаются изъяснительными, определительными отношениями и характеризуются имплицитностью, эллипсисом, инверсией, которые определяют зависимость частей.

Существуют такие бессоюзные сложные предложения, в которых смысловые отношения между предикативными частями не соответствуют их синтаксической форме. Такие единицы согласно форме представляют собой бессоюзные предложения, а строятся по принципу сложных синтаксических целых, а именно: части такого предложения отличаются логической и смысловой самостоятельностью и объединяются в сложные предложения средствами связи, нетипичными для БСП: перечисление неоднородных явлений, оформляемое по законам бессоюзного сложного предложения, расчленение предложения, предикативные части которого не дополняют смысл друг друга, использование точки с запятой при объединении в одно предложение случайных, несвязанных друг с другом членов [Поспелов, 1950].

Данный тип предложений малопродуктивен и используется в основном в статических описаниях, когда автор текста намеренно объединяет в одно предложение абсолютно разные явления, которые должны репрезентироваться в разных предложениях: *Большая комната, на открытом окне подрагивают ишторы, пахнет свежестью и цветами (Акунин Б. Фантастика).* Сравните: *Большая комната. На открытом окне подрагивают ишторы. Пахнет свежестью и цветами.* Такие бессоюзные предложения служат для описания обстановки, в которой происходит действие, объединение малораспространенных предложений в одно бессоюзное сложное предложение способствует экономии речевых ресурсов.

Несмотря на неоднородность лексического наполнения смыслового содержания частей бессоюзного сложного предложения, они могут строиться с использованием единых форм глаголов-сказуемых и инверсии: *Над клумбами порхали бабочки, по верхушкам деревьев погуливал легкий ветер, аккуратные дорожки желтели просеянном песком (Акунин Б. Фантастика).* Подобные краткие описания не отвлекают от основного повествования, сюжета, а наоборот являются чрезвычайно краткими и лаконичными: *Поленья трещали, искры уносились в небо, лес таинственно шумел (Рой О. Черная радуга).*

Бессоюзные сложные предложения могут объединять в себе и динамические действия. Это, как правило, бессоюзные сложные предложения, в которых однородные сказуемые разъединены пунктуационно и структурно: *Превозмогая привычную слабость, она уже сготовила к его приходу ужин, новенький кухонный комбайн настрогал полную миску капусты, моркови, свеклы – Гриша требовал свежий салат к каждому блюду, - и теперь, утомленная бесконечной домашней возней, отдыхала* (Катасонова Е. *Не родись красивой*). Ср.: *Превозмогая привычную слабость, она уже сготовила к его приходу ужин и теперь, утомленная бесконечной домашней возней, отдыхала. Новенький кухонный комбайн настрогал полную миску капусты, моркови, свеклы – Гриша требовал свежий салат к каждому блюду.* Создается впечатление, что вводное предложение передает интимную подробность жизни героини, опущение которой нанесет ущерб пониманию текста: между героями не идеальные отношения, а натянутые, они едва сосуществуют вместе. Подобные предложения вносят сумбурность в повествование, затрудняют его понимание, так как смешивают в единое целое события и явления, которые должны описываться отдельно.

Такие БСП служат средством изображения пересечения судеб героев: *Кристоф читал за своим столом и время от времени – она видела его смешные отражения в зеркалах других микроскопов – улыбался* (Гуцко Д. *Русскоговорящий*). Ср.: *Кристоф читал за своим столом и время от времени улыбался. Она видела его смешные отражения в зеркалах других микроскопов.* Такое необычное расположение предикативных частей привлекает внимание читателей, заставляя несколько раз перечитать предложение. В связи с этим, подобные БСП используются в кульминационных моментах: *На столе – он заметил не сразу – лежала пачка денег* (Гуцко Д. *Русскоговорящий*). Ср.: *Он заметил не сразу. На столе лежала пачка денег.*

К бессоюзным сложным предложениям относят БСП, части которых отделяются точкой с запятой: *Телефоны разрывались в его номере, мимо сновали люди со знакомыми и незнакомыми лицами; кто-то сильно тянул его за руку и, кажется, даже хлопал по щекам; обрывки разговоров и реплик врывались в его мозг, увязая в топком болоте сознания и не пробуждая в нем ни единой живой реакции* (Рой О. *Капкан супружеской свободы*).

В современном художественном тексте точка с запятой – редко употребляющийся знак, который давно уже вытеснен точкой в сложных синтаксических целых с бессоюзной связью.

Сравнительный анализ коммуникативной, актуальной структуры бессоюзных сложных предложений и бессоюзных сложных синтаксических целых в современном художественном тексте является одним из аспектов в исследовании этих единиц. Потенции тема-рематического членения обусловлены семантико-синтаксической структурой бессоюзных сложных предложений и их коммуникативным использованием. Однако невозможно осуществлять сопоставление, не рассмотрев особенности тема-рематического устройства отдельно каждой бессоюзной синтаксической единицы: сложного предложения и сложного синтаксического целого.

Тема-рематическое членение БСП доказывает, что данная единица представляет собой единое коммуникативное целое и является многоступенчатой единицей членения, имеющей многоплановую функциональную перспективу, что объясняется наличием двух и более предикативных единиц.

Первой ступенью членения бессоюзного сложного предложения является выделение темы (данного) и ремы (нового) на всем протяжении бессоюзного предложения: *После репетиции они // вышли вдвоем на улицу и остановились у киоска/ – Дима //покупал журнал «Смена» (Рубина Д. По субботам).* Тема - *после репетиции они вышли вдвоем на улицу и остановились у киоска,*

рема - Дима покупал журнал «Смена». На первой ступени реализуется сообщение о некотором действии в некоторой недифференцированной ситуации, связанной с семантическими особенностями БСП (возможны временные и причинные отношения).

Вторая, частная, ступень членения – членение внутри каждой части бессоюзного сложного предложения. В первой предикативной части БСП: тема - *после репетиции они*, рема - *вышли вдвоем на улицу и остановились у киоска*. Во второй части: тема – *Дима*, рема: *покупал журнал «Смена»*. Схематически актуальное членение данного предложения можно представить:

T – P, T1 – P1.

Такое традиционное членение имеют БСП с информационным динамическим типом речи. Например: *Он //приблизился, замирая от собственной смелости, к Тоне, не говоря ни слова, нагнулся и поцеловал открытую стройную шею, подняв руки, вынул длинные шпильки/ – золотистые волосы// водопадом упали на округлые плечи (Катасонова Е. Депрессия)* или информационным статическим типом речи, например: *Зеленоватые глаза // влюбленно смотрят на Дану,/ рот –// в счастливой улыбке (Катасонова Е. Не родись красивой)*.

При многосторонней характеристике одного субъекта в бессоюзном сложном предложении могут совпадать темы:

T – P, T1 (=T) – P1,

например: *Секретарша не только интимный соратник шефа, она должна быть готова в любую минуту превратиться в сексуальный подарок нужному человеку (Поляков Ю. Небо падиших)*, а в предложения такого типа имеют структуру:

T – P, T1 – P1, T2 (=T=T1) – P2,

например: *Глаза Сергея //сияли, /зубы //блестели в счастливой улыбке, /он //стал каким-то другим: крепким, уверенным в себе, даже как будто выше ростом (Катасонова Е. Не родись красивой)*. Подобные схемы свойственны бессоюзным предложениям, предикативные части которых являются структурно и семантически независимыми.

Именно на второй ступени членения выявляется связь тема-рематического членения и семантико-структурной организации:

- в БСП с сопоставительными отношениями и параллельно построенными частями тема-рематическое членение второй части соответствует первой, накладывается на него и имеет схему:

T – P, T1(=T) – P2(= P1),

например: *Это не Сенька – шпана и неуч, книгу в руки не бравший, -// протестовал против исторической несправедливости/, это талант его //пробудился и требовал правды (Рубина Д. «Все тот же сон!..»)*. Единицы, образующие темы и ремы являются контекстуальными синонимами, за счет чего вторая часть поясняет первую.

- структурная схема: T – P – T1 (=P) – P1 возникает в бессоюзном сложном предложении

- с причинными отношениями: *Он //окинул ряд бутылок под журнальным столиком и разочаровался /– они //были окончательно пусты (Розовский А.М. Женщина с мужчиной и снова с женщиной)*.

- следственными: *Наверное, именно такая обидная уверенность родственников// взбесила Федьку больше всего,/ он //психанул, собрал вещи и, не оставив адреса-телефона, без всякой свадьбы переехал к Ирке (Поляков Ю. Грибной царь).*

В бессоюзном сложном предложении возможно перемещение ремы в препозицию в одной из предикативных частей:

- в первой части (Р-Т: Т1-Р1): *Затем наступал //период активности:/ Федька //приводил себя в порядок, звонил по объявлению в какую-нибудь переводческую контору, блестяще проходил собеседование и начинал работать, строя планы создания собственно фирмы под названием «Лингвариум» (Поляков Ю. Грибной царь).*

- во второй части (Т-Р: Р1-Т1): *Водитель //резко затормозил и по-каскадерски съехал на обочину: по днищу часто застукал //гравий (Поляков Ю. Грибной царь).*

- в двух частях (Р-Т, Р1-Т1): *С отвеса черепичной крыши спускался густой занавес из стеблей дикого винограда, на высоких окнах с раскрытыми деревянными ставнями белели ситцевые занавесочки (Акунин Б. Фантастика).*

- в трех частях (Р – Т, Р1 – Т1, Р2 – Т2): *Зазвенело оконное стекло, в нем появилась круглая дырка, от нее лучиками разбежались трещины (Акунин Б. Фантастика).*

В противовес такому членению возможно одноступенчатое актуальное членение бессоюзного сложного предложения:

- в БСП, образованных нечленимыми простыми предложениями, в которых на их целостность указывает порядок следования членов в частях: *Его это очень устраивало – не нужно было никаких слов, объяснений и обещаний (Рой О. Черная радуга).*

- в изъяснительных БСП, когда обе части характеризуются коммуникативной нерасчлененностью вследствие смысловой неполноты первой части и односоставности второй части: *Мы все согласились: мол, надо выручат (Розовский А.М. Женищина с мужчиной и снова с женщиной).*

- в подобных нерасчлененных БСП может быть один субъект действия: *Отец, к тому времени уже сильно болевший, нервничал и в конце концов объявил: прописать Ирку на площадь не позволит (Поляков Ю. Грибной царь).*

Следует отметить, что изъясняющая часть может существовать самостоятельно и иметь тематическое членение:

Т-Р

Выделяется тематический элемент, реализующий частное коммуникативное задание, например: *Мне стало окончательно ясно: без нее дело// не обошлось (Поляков Ю. Небо падиших).*

- в БСП с несобственно-прямой речью, вклиненной в авторскую речь: *Тревога за Дану – здесь, на проклятом аэродроме, - превратилась в холодящую сердце уверенность: с Даной что-то случилось, в их доме беда (Катасонова Е. Не родись красивой).*

В бессоюзных сложных предложениях с изъяснительными отношениями: *Федька //смолоду был гордостью семьи, школу закончил с серебряной медалью,/ учителя говорили,/ у мальчика замечательные способности, особенно к иностранным языкам (Поляков Ю. Грибной царь)*

структурная схема будет такой:

T – P, T1-P1.

БСП может иметь неоднородную тему – тему нечленимого предложения, и собственно тему второго, членимого. Первая часть содержит целиком данную информацию, а второе предложение имеет традиционное членение:

T – P.

Например: *Их можно уже не искать, / они // в пещере, они в Москве (Рой О. Капкан супружеской свободы).*

Неоднородной может быть тема многочленного БСП, в котором уу образуют две первые предикативные части: *Завод расщедрился на грузовик – тот же неизменный Жора и выпросил, / - мужики из конструкторского // весело таскали мебель (Катасонова Е. Не родись красивой).* Неоднородность темы обусловлена тем, что под «щедрым заводом» понимается «тот же неизменный выпрашивающий Жора»: не будь Жоры – не было бы и грузовика.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что бессоюзное сложное предложение характеризуется многоуровневым членением. Первый уровень членения свидетельствует о коммуникативной целостности всех БСП. Структурно-семантическая организация бессоюзного предложения определяет возможность дальнейшего членения этой единицы: невозможно членение предикативных частей, которые являются семантически незаконченными и синтаксически нечленимыми. Второй уровень членения бессоюзного сложного предложения и входящих в него предикативных частей осуществляется в отношении единиц, части которых являются логически и структурно законченными.

Приступая к рассмотрению сложного предложения во французском языке, следует вспомнить, что сочинительные союзы выражают обратимые отношения — соединение, разделение и противопоставление. Все сочиняемые предложения находятся на одном логическом уровне, поэтому перемена их мест в отношении друг друга никак не отражается на их связях и на общем смысле всего высказывания. *Je le sais, mais je ne veux pas en parler. - Je ne veux pas en parler, mais je le sais. - Я это знаю, но не хочу об этом говорить. – Не хочу об этом говорить, но я это знаю.* Два факта противопоставляются друг другу и не имеет значения, какова их последовательность. Союз, противопоставляющий их, не входит ни в одно из предложений, а находится между ними, следовательно, при полном равенстве предикативных частей безразлично, какая из них будет первой частью сложного предложения, а какая — второй.

При подчинительной связи между двумя предложениями подчиняющий союз теснейшим образом примыкает к подчиненной части, хотя и не входит в ее состав (как это имеет место в отношении подчиняющего относительного местоимения, которое входит в структуру подчиненного предложения, выполняя в нем роль члена предложения). Подчиняющий союз не может быть оторван от предикативной части, ибо именно он указывает на то, какого рода это подчинение, т. е. в какого рода зависимости находится вторая предикативная часть от первой.

Невозможность отрыва союза от подчиненной предикативной обуславливается именно ее подчиненным характером, т. е. иерархическим отношением зависимости, существующим в этом случае между предложениями. При этом речь идет лишь о грамматической, а отнюдь не логической стороне дела. Логически подчиненное предложение может оказаться иногда важнее для высказывания, чем главное, от которого оно формально зависит.

Наряду с сочинением и подчинением, объединяющими предикативные части предложения, более или менее самостоятельные, в единое сложное предложение, во французском языке существует еще третий вид сочетания предикативных частей, не имеющих, кроме пауз и интонации (на письме — знаков препинания), никаких специальных языковых средств, которые выражались бы словами. Этот способ сочетания предложений — соположение (juxtaposition) — и внешне и внутренне близок как сочинению, так и подчинению: *Je ne crois pas à cette théorie selon laquelle on devient réellement adulte à la mort de ses parents ; on ne devient jamais réellement adulte* (М. Houellebecq. Plateforme) – *Я не верю в эту теорию, согласно которой человек по-настоящему становится взрослым со смертью своих родителей; на самом деле человек не взрослеет никогда* (М. Уэльбек. Платформа); *L'homme venait jouer deux dimanches par mois durant la messe, il dirigeait chaque mercredi les répétitions de la chorale* (Jean-Christophe Grange. Miserere) – *Мужчина приходил дважды в месяц по воскресеньям играть во время мессы, по средам он проводил репетиции с хором* (Ж.-К. Гранже. Мизере); *Je n'osai pas regarder ce regard : le sol se dérobaît sous mes pieds, j'avais du mal à respirer* (Nothomb A. Antéchrista) – *Я не посмела посмотреть прямо в глаза: земля уходила у меня из-под ног, мне было трудно дышать* (А. Нотомб. Антикриста).

Исследование соположенных предложений наталкивается на некоторые трудности, которые состоят в том, что, поскольку соположение не обладает другими внешними выражениями, кроме пауз и интонации в речи (и знаков препинания на письме), оно трудно поддается формальному определению. Следует решить вопрос о том, где граница между серией отдельных, совершенно самостоятельных и последовательно следующих друг за другом предложений, находящихся между собой в определенных семантическом и логическом отношениях, и соположенными предложениями, находящимися в таких же семантико-логических отношениях, но разделенных на письме не точками, а запятыми.

С другой стороны, соположенные предложения могут разделяться и точками. Во всяком случае, таково мнение многих исследователей, специально изучавших этот тип конструкций. Собственно, точки и запятые — выражение паузы, точка — большей, запятая — меньшей. Но в то же время логические отношения между двумя одинаковыми предложениями зависят от того, отделяет ли их большая или меньшая пауза, т. е. входят они в одно сложное целое или составляют два отдельных предложения. Например: *je suis malade, tu es en bonne santé (je suis malade, mais tu es en bonne santé)*- *я болен, ты здоров (=я болен, а ты здоров)* - налицо противопоставление, поддержанное определенной интонацией, отраженной на письме запятой. Если же поставить между этими предложениями точку, то и интонация будет другой и соответственно отношение между предложениями иное: *Я болен. Ты здоров* - два самостоятельных сообщения, отношения между которыми не имеют формального способа выражения, а предложения лишь связываются семантически и контекстуально.

Соположенные и сочиненные предложения имеют много общего и вместе отличаются от подчиненных тем, что объединяют грамматически самостоятельные предложения. Структурная равноценность сочиненных предложений обуславливается тем, что сочинительный союз формально не входит ни в одну из связываемых частей, а остается между ними. В этом смысле он близок к запятой разделяющей соположенные предложения.

Отсутствие других грамматических показателей между соположенными и сочиненными предложениями, кроме запятой - в первом случае и сочинительного союза — во втором, приводят к тому, что в основе появления этих структур лежат семантические и логические связи отдельных предложений. Что касается соположения (juxtaposition), то значительная

сложность определения этого способа связи предложений заключается в трудности установления разницы между перечислением фактов в форме предложений, разделенных запятыми и представляющих структуру «соположения», и отдельными предложениями, разделенными точками, но содержащими такое же перечисление последовательно совершающихся фактов: *Ils se lèvent, ils l'entourent, ils l'embrassent, Gabriel est présenté aux dégoûtants virtuoses, voilà Gabriel ...* (E. Orsenna. L'exposition coloniale) – *Они встают, окружают его, Габриель представляется отвратительным виртуозам, вот он Габриель* (Э. Орсенна. Колониальная выставка); *On frappa à la porte; je baissai le son* (M. Houellebecq. Plateforme) – *В дверь постучали; я уменьшил звук* (М. Уэльбек. Платформа).

Соположение может служить выражению последовательности событий, которые внутренне, психологически связаны между собой, но могут быть и отдельными, «разрозненными», лишь, внешне расположившимися в последовательном порядке.

Сообщение о разрозненных фактах внутри одного сложного и соположенного предложения близко к перечислению их в последовательных предложениях, разделенных точками. Однако полной «несвязанности» даже в таком случае нет. Если нет тесной логической связи между отдельными предикативными частями, то психологически их последовательность не может не быть оправдана. Например: *... nous sommes en juillet, Clara, il fait beau, la chaleur va encore monter, l'ascenseur du Washington et d'Albany est l'endroit du monde le plus calme et le plus gai* (E. Orsenna. L'exposition coloniale) – *...сейчас июль, Клара, стоит хорошая погода, скоро опять начнется жара, лифт от Вашингтона и Олбани – это самое спокойное и самое веселое место в мире* (Орсенна Э. Колониальная выставка); *Les trottoirs sont de nouveau déserts, la porte de la maison s'ouvre enfin, un homme sort et traverse le jardin* (M. Levy. Les enfants de la liberté) – *Тротуары вновь пустыни, дверь наконец открывается, выходик какой-то мужчина и идет через сад* (М. Леви. Дети свободы).

Существует возможность сближения перечня действий, даже относящихся к одному действующему лицу и оформленных в одно «соположенное» предложение с таким же перечислением действий, заключенных в отдельных, следующих друг за другом предложениях. Это подтверждается еще тем, что эти действия, оформленные как полные предикативные группы (т. е. имеющие формально выраженное подлежащее и сказуемое), могут разделяться запятой и точкой с запятой: *Ils continuent de parler comme si de rien n'était, ils expliquent la carte du Washington et d'Albany, ils réclament du vin blanc, pour commencer...* (E. Orsenna. L'exposition coloniale) – *Они продолжают говорить как будто ничего не произошло, они рассматривают карту Вашингтона и Олбани, они заказывают белое вино для начала ...* (Орсенна Э. Колониальная выставка); *Monsieur Linh sourit, il ne pensait pas revoir l'homme, il se pousse un peu pour faire comprendre à l'homme qu'il peut s'asseoir* (P. Claudel. La petite fille de Monsieur Linh) – *Господин Лин улыбается, он и не надеялся увидеть еще раз этого мужчину, он подвигается немного, чтобы дать понять мужчине, что тот может сесть* (Ф. Клодель. Внучка господина Лина).

В сущности, между «соположенными», т. е. включенными в одно сложное предложение без союзов, частями, разделенными внутри этого сложного целого посредством запятых, наличествуют такие же связи, которые могли бы быть и между отдельными последовательными предложениями, разделенными посредством точек. Но точка и запятая — это показатели пауз разной длительности и разной разделительной силы [Реферовская, 1981].

Однако разная длительность паузы между последовательными предложениями определяет большее или меньшее единство образуемой ими цепи высказывания. Это сказывается также и

на интонации. Точка — пауза большей длительности — влечет за собой падающую интонацию. Запятая — пауза меньшей длительности — предполагает иной мелодический рисунок. Перед запятой появляется интонация ожидания, интонация повышения, характерная для незаконченного высказывания. Разница между соположенными предложениями, находящимися между двумя точками, и отдельными последовательными предложениями, разделенными точкой, в степени связи между ними.

Следовательно, акцентирование логической или психологической связи между двумя последовательными предложениями может привести к объединению их в одно предложение с разделением их запятой, точкой с запятой или двоеточием. Синтаксическая же структура каждого из таких соположенных предложений полностью соответствует структуре отдельного предложения, т. е., как правило, содержит предикативное ядро, имеет главные члены предложения (подлежащее и сказуемое), соответствующие второстепенные члены предложения и т. д.

Как было сказано, связь между частями соположенного предложения определяется существующими логическими отношениями. Следовательно, выясняется тип соположенного предложения из анализа его семантических и грамматических средств. В некоторых случаях он сопровождается выяснением формальных признаков, характеризующих тот или иной тип.

К **грамматическим** средствам связи между предикативными частями бессоюзного сложного предложения относятся:

1) соотнесенность категории времени и наклонения.

Одновременность ряда действий или состояний, относящихся к различным подлежащим, дает широкую картину происходящего, где частные связи между частями предложения могут быть различны: *Ses paupières battaient, ses lèvres tremblaient, de grosses marques rouges tachaient ses bras nus* (Orsenna E. Les chevaliers du Subjonctif) - *Ее веки хлопали, ее губы дрожали, руки покрывались красными пятнами* (Орсенна Э. Шевалье де Сьюбжонктиф). Все события происходят одновременной передают состояние сильного волнения героини. Действия предложений связаны не только одновременностью, но и лексическим наполнением (части тела) и единым временным фоном (Imparfait – прошедшее незавершенное); *Les deux femmes hurlent, un passant tente de leur venir en aide, Robert relève son arme et l'homme détaille* (Levy M. Les enfants de la liberté) – *Обе женщины вопят, какой-то прохожий пытается им помочь, Робер поднимает свое оружие и тот убегает* (М. Леви. Дети свободы). В данном БСП разные субъекты одновременно совершают действия, выраженные глаголами в настоящем времени (Présent). Это же соположенное предложение можно себе представить и в виде отдельных синтаксически самостоятельных предложений, отделенных одно от другого точками, но в этом случае при больших между ними паузах вся картина представлялась бы менее цельной, менее единой и тем самым менее выразительной.

Когда действия, заключенные в бессоюзных предложениях, относятся к одному и тому же лицу, выполняющему роль подлежащего этих предложений, то, как правило, возникает картина не столько динамического характера, сколько статистического описания наслаивающихся одно на другое чувств и переживаний, создающих картину общего психологического состояния героя: *Depuis quelques mois, il délaissait sa guitare adorée, il ne sortait plus, il s'était changé en savant fou, il passait ses jours et ses nuits dans un hangar au milieu d'une jungle de fils électriques* (Orsenna E. Les chevaliers du Subjonctif) – *Уже несколько месяцев он не прикасался к своей обожаемой гитаре, он больше нигде не выходил, он превратился в сумасшедшего ученого, он*

проводил дни и ночи в сарае в джунглях электрических проводов (Орсенна Э. Шевалье де Сюбжонктиф); *Emile lutte, il refuse de s'évanouir, il pense à tous ces jours à venir, toutes ces nuits où le copain tombé en action se fera tabasser; non, Emile ne veut pas perdre conscience* (Levy M. Les enfants de la liberté) – Эмиль борется, он не хочет падать в обморок, он думает обо всех этих грядущих днях и ночах, когда попавшего в беду товарища будут избивать; нет, Эмиль не хочет терять сознание (М. Леви. Дети свободы).

Вторым случаем простейшей связи между соположенными предложениями является **последовательность** выраженных ими действий: *La voiture du Maréchal approche, Gaussat lève la tête et sourit* (Levy M. Les enfants de la liberté) - Машина Маршала подъезжает, Госса поднимает голову и улыбается (Леви М. Дети свободы); *Le Mauricien palpa son blouson et en sortit un portefeuille; aussitôt Kasdan lui arracha des mains* (J.-C. Grangé Miséréré) - Маврикийец ощупал куртку и вытащил бумажник; Касдан тут же выхватил его у него из рук (Ж.-К. Гранже Мизерере).

Последовательность событий внутри соположенного сложного предложения может обозначаться любыми глагольными формами, способными служить повествованию: *Arnal entre dans la cellule, Marcel s'éveille ; il regarde le ciel rose à la lucarne, il comprend tout aussitôt* (Levy M. Les enfants de la liberté) - Арналь входит в камеру, Марсель просыпается ; он смотрит сквозь окошко на розовеющее небо, он все понимает (Леви М. Дети свободы).

Отношение последовательности, между действиями *Arnal entre* и *Marsel s'éveille* такое же, как между действиями *il regarde* и *il comprend*, связанными наречием *aussitôt*.

Перечисление *il regarde, il comprend* действий значительно отличается от простого перечисления однородных сказуемых при одном подлежащем, которое могло бы выглядеть следующим образом: *il regarde, comprend*.

Во-первых, в случае чисто формального перечисления нескольких однородных глагольных сказуемых при одном подлежащем, как правило, последнее присоединяется союзом *et*: *Arnal entre dans la cellule, Marcel s'éveille ; il regarde le ciel rose à la lucarne, et il comprend tout aussitôt* – Арналь входит в камеру, Марсель просыпается ; он смотрит сквозь окошко на розовеющее небо, и тут же все понимает.

Заключение перечисления сказуемых союзом *et* является не столько стилистическим приемом, сколько синтаксической фигурой литературного языка, видно из употребления ее множеством авторов, практически всеми авторами, употребляющими длинные и сложные предложения: *Marcel gravit les marches de l'échafaud, il se retourne une dernière fois vers Lespinasse : « Mon sang retombera sur votre tête », il sourit, et ajoute : «Je meurs pour la France et pour une humanité meilleure. »* (Levy M. Les enfants de la liberté) – Марсель поднимается по ступенькам эшафота, он поворачивается в последний раз к Леспинасу: «Моя кровь упадет на вашу голову», он улыбается и добавляет: «Я умираю за Францию и за лучшее человечество» (Леви М. Дети свободы); *Enfin, il trouva la carte de séjour et le passeport, Kasdan les empocha et balança le reste à la tête du minet* (J.-C. Grangé. Miséréré) - Наконец он нашел вид на жительство и паспорт, Касдан сунул их в карман, а остальное швырнул пижону в лицо (Ж.-К. Гранже. Мизерере); *Certains enfants cherchent à s'approcher de lui et de la petite sur ses genoux, pour mieux la voir sans doute, les parents les rattrapent et les tirent par le bras* (P. Claudel. La petite fille de Monsieur Linh) – Некоторые дети норовят подойти к нему и к малышке, вероятно чтобы лучше ее рассмотреть, родители хватают их и тянут за руку (Ф. Клодель. Внучка господина Лина).

Одновременность одних и последовательность других действий прекрасно укладываются в рамки одного бессоюзного сложного предложения, использующего в таких случаях разные временные формы. Последовательности отвечает форма *passé simple*, одновременности — *imparfait*: *Jacques donna le signal à Emile ; les mèches rougeoyèrent, les goupilles dégringolèrent dans le caniveau, les carreaux étaient brisés, les grenades roulaient déjà sur le sol du restaurant* (M. Levy. Les enfants de la liberté) - Жак подал знак Эмилю; фитили заалели, чеки полетели в канаву, окна были выбиты, гранаты крутились на полу ресторана (М. Леви. Дети свободы).

В описаниях бессоюзные конструкции могут сочетать одновременные и последовательные действия: *Nous marchions dans la rue, Emile m'a montré les carreaux que nous devons viser, à son signal nous avons catapulté nos projectiles* (M. Levy. Les enfants de la liberté) – Мы шли по улице, Эмиль показал мне окна, в которые надо целиться; по его сигналу мы бросили туда снаряды (Леви М. Дети свободы).

Не только последовательность или одновременность действий могут быть представлены в равной мере как сочиненным, так и бессоюзными предложениями, но и другие отношения, обычно выражаемые сочинением, могут быть даны в соположении: *Maman a toujours voulu m'apprendre à me taire, papa c'est tout le contraire, il m'a toujours poussée à répondre, à ne pas me laisser faire, même s'il le fait surtout quand mes frères ne sont pas là, à cause de l'ordre établi dans la famille* (M. Levy. Les enfants de la liberté) – Мама всегда хотела, чтобы я научилась молчать, папа наоборот всегда меня подталкивал к ответу, к тому, что бы я не подчинялась... (М. Леви. Дети свободы). Последнее бессоюзное сложное предложение легко можно себе представить исходя из логического отношения между его частями в виде сложносочиненного: *Maman a toujours voulu m'apprendre à me taire, (mais) papa c'est tout le contraire, il m'a toujours poussée...*

В значительной мере больше, чем противопоставление (что соответствует сочинению посредством союза *mais*), соположению свойственно сопоставление фактов, подчеркивание их различия, но без противопоставления одного другому как чего-то несовместимого: *Ce n'est pas la voix de Charles qui me rassure, c'est ce qu'il me raconte* (M. Levy. M. Les enfants de la liberté) – Это не голос Шарля, меня успокаивающий, это голос, мне рассказывающий (М. Леви. Дети свободы).

Повелительное наклонение в первой части сложного предложения является признаком условного значения: *Abattez, vous gagnerez, j'ai confiance en votre victoire* (M. Levy. Les enfants de la liberté) - Если будете сражаться, вы победите, я верю в вашу победу (М. Леви. Дети свободы).

Использование **условного** наклонения *Conditionnel* выражает условно-следственные отношения: *Tu le saluerais, il ne te répondrait même pas* - Если бы ты его поприветствовал, он бы даже не ответил тебе; *Tu pourrais lui montrer le contenu de ton mouchoir. Après, il serait moins amoureux* (A. Nothomb. Antéchrista); Ты могла бы показать ему содержимое своего носового платка. После этого он был бы менее влюбленным (А. Нотомб. Антикрита); *Damira m'aurait proposé d'aller me baigner dans le canal, j'aurais dit oui tout de suite*. (M. Levy. Les enfants de la liberté) – Если бы Дамира предложила мне пойти искупаться, я бы тут же согласился (М.Леви. Дети свободы).

2) имплицитный характер связи

Подчиненное логическое отношение одного из бессоюзных предложений к другому определяется из соотношения их содержаний. **Опущение** синтаксических способов выражения

этого подчиненного отношения создает для слушателя или для читателя необходимость в самостоятельном воспроизведении ее, вызывает необходимость определенного мыслительного процесса, заставляет глубже и внимательнее проникать в содержание текста, что является известным стилистическим приемом, при котором события и действия подаются автором лишь с их внешней стороны; внутренние же связи их воссоздаются читателем.

Это приводит к участию последнего в создании всей картины, в связывании отдельных внешних самостоятельных фактов в единую связную цепь событий: *Nos deux copines en étaient stupéfaites, l'homme ne prenait aucune mesure de sécurité* (M. Levy. Les enfants de la liberté) – Обе наши подруги были этим поражены, мужчина не предпринимал ни каких мер безопасности (М. Леви. Дети свободы) (= *Nos deux copines en étaient stupéfaites, (parce que) l'homme ne prenait aucune mesure de sécurité*); *J'aurais dû lui proposer d'enlever son manteau; c'est ce qu'on propose aux gens, normalement, d'enlever leur manteau* (M. Houellebecq. Plateforme) – Я должен был бы предложить ей снять пальто; то, что предлагают снять пальто - нормально (М. Уэльбек. Платформа) (= *J'aurais dû lui proposer d'enlever son manteau, (puisque) c'est ce qu'on propose aux gens, normalement, d'enlever leur manteau*).

Участие читателя в воспроизведении связей между предикативными частями, каждая из которых сообщает о каком-либо факте, повышает интерес, вовлекает в творческий процесс. Таким образом, возникает сотрудничество между автором и читателем. В момент восприятия читателем картины всякая недоговоренность со стороны автора должна восполняться с большей или меньшей степенью точности и ясности. В сознании читателя возникают те логические и психологические связи между сообщаемыми фактами и событиями, о которых автор умолчал, представив их просто в виде серии отдельных звеньев, разложенных в определенном порядке, но еще не соединенных в единую цепь.

Наиболее легко восстанавливаемые смысловые отношения — это причина и следствие. Именно поэтому между предикативными единицами сложных бессоюзных конструкций чаще всего существуют именно эти отношения: *Elle devait certainement savoir que j'avais un peu le béguin pour elle, les filles savent toujours ça, souvent même avant que nous le sachions nous-mêmes* (Levy M. Les enfants de la liberté) – Конечно же, она должна была знать, что я испытываю к ней влечение, девушки всегда это знают, даже зачастую раньше, чем мы, мужчины сами узнаем об этом (Леви М. Дети свободы). (= *Elle devait certainement savoir que j'avais un peu le béguin pour elle, (car, parce que) les filles savent toujours ça, souvent même avant que nous le sachions nous-mêmes*)

Двоеточие, которому обычно придается характер пояснения, очень служит для введения бессоюзного предложения, содержащего причину: *Le coiffeur entre à son tour: il faut dégager la nuque du condamné* (Levy M. Les enfants de la liberté) – Следом вошел парикмахер: нужно побрить затылок приговоренному (Леви М. Дети свободы); *Debut septembre, tôt le matin, tout le monde est de mauvaise humeur : les vacances sont terminées, il faut tenir bon jusqu'a Thanksgiving* (F. Beigbeder. Windows on the World) – Начало сентября, раннее утро, все в плохом настроении: каникулы закончились, надо продержаться до Дня Благодарения (Ф. Бегбедер. Windows on the World).

Отношение следствия также часто встречаются при анализе сложных бессоюзных предложений: *Les journaux n'en parleront que dans l'édition du lendemain, la bonne chronologie des événements sera respectée, en apparence.* (M. Levy. Les enfants de la liberté) - Газеты расскажут об этом только завтра, хронология событий, по видимому, будет сохранена (М. Леви. Дети

свободы). (=Les journaux n'en parleront que dans l'édition du lendemain, (par conséquent) la bonne chronologie des événements sera respectée, en apparence.)

Предложения с бессоюзным сочетанием, между которыми логически существуют причинно-следственные отношения, звучат красиво, легко, непринужденно. Они создают внешнюю легкость, изящество фразы. Некоторые авторы их очень любят.

3) порядок слов и порядок предложений.

Одним из наиболее распространенных средств, выражающих синтаксические отношения между частями бессоюзных конструкций, по мнению Г.А. Дмитришиной, является инверсия, или обратный порядок слов [Дмитришина Г.А., 1973:10]. Французский язык, как язык аналитический, сохраняет в предложении прямой порядок слов (подлежащее-сказуемое-прямое/косвенное дополнение-обстоятельство), поэтому инверсия подлежащего и сказуемого может использоваться в предложениях со значением:

- перечисления

Regorgent de monde les terrasses des cafés, s'embrassent aux coins des rues quelques amoureux (M. Levy. Les enfants de la liberté) - *Террасы кафе переполнены посетителями, на углу улицы целуются несколько влюбленных* (М. Леви. Дети свободы) .

- причина/присоединение

Grande fut notre déception: nous ne trouvâmes rien ou presque rien qui correspondit aux cahiers de ses disciples... (M. Levy. Les enfants de la liberté); *Огромным было наше разочарование: мы не нашли ничего или почти ничего, что могло соответствовать тетрадям его учеников* (М. Леви. Дети свободы); *Derrière moi se noue un drame affreux : un couple d'Américains réclame des oeufs au jambon et champignons pour le petit déjeuner mais la serveuse au sourire orange dit «I'm sorry, nous ne servons que du continental breakfast»* (F. Beigbeder. Windows on the World) – *Позади меня разыгрывается целая трагедия: чета американцев требует на завтрак яичницу с ветчиной и грибами, но официантка с улыбкой как апельсиновая долька отвечает: «I'm sorry, сегодня у нас только континентальный завтрак»*(Ф. Бергедер. Windows on the World).

- уступки

Ensuite, si hideux fut le rock allemand, il présentait sur les bardes francophones une supériorité incontestable : je ne comprenais pas les paroles. (A. Nothomb. Antéchrista) – *Затем, каким бы безобразным не был немецкий рок, у него было неоспоримое преимущество перед французскими бардами: я не понимала слов* (А. Нотомб. Антикриста).

Другим грамматическим средством выражения связности является порядок предложений в бессоюзной конструкции. Речь идет в этом случае о месте предикативных частей. *Les démocrates allemands savaient qui était Hitler, les combattants de la guerre d'Espagne connaissaient la dictature de Franco, ceux d'Italie, le fascisme de Mussolini* (M. Levy. Les enfants de la liberté) – *Немецкие демократы знали кто такой Гитлер, испанские борцы были знакомы с диктатурой Франко, итальянцы знали фашизм Муссолини* (М. Леви. Дети свободы). В этом предложении с перечислением явлений одновременных, самостоятельных, порядок предложений не зафиксирован. Однако если отношения между частями выступают, как зависимые, порядок может иметь четко выраженное грамматическое значение: *Jean était content de notre action, nous étions désormais acceptés dans la brigade* (M. Levy. Les enfants de la liberté) – *Жан был доволен нашей операцией, отныне мы были приняты в команду* (М. Леви. Дети свободы). Первая часть

в этом сложном предложении указывает на причину, поэтому порядок твердо закреплён и его изменение влечёт за собой изменение смысловых отношений.

Среди *лексических* средств выражения связности между частями БСП различают:

1) глаголы, имеющие определенное значение для выявления отношений в бессоюзных сложных предложениях

Особый случай бессоюзного сочетания предложений, логически теснейшим образом связанных, представляют собой такие соположенные сложные предложения, в которых первое предложение содержит общее высказывание, сформулированное посредством глагола общего значения, как правило, относящегося к разряду **глаголов чувственного восприятия, интеллектуальной деятельности или речи**, а второе служит раскрытию содержания первого, его уточнению, разъяснению.

Глаголы речи вводят прямую речь, содержащуюся во втором предложении. Разделительный знак между предложениями — двоеточие. Это простейший случай синтаксического оформления прямой речи, входящий в традиционную языковую норму: *Marcel s'arrête au haut des marches de l'escalier, il se retourne, lève lentement le poing et crie: « Adieu camarades »* (М. Levy. Les enfants de la liberté) – *Марсель останавливается на верхней ступеньке лестницы, он поворачивается, медленно поднимает кулак и кричит: «Прощайте товарищи»* (М. Леви. Дети свободы).

Заключение прямой речи в кавычки как специальное оформление ее совершенно необязательно и применяется практически очень редко.

В тех случаях, когда прямая речь мыслится не как совершившийся факт, а как возможное действие, как действие еще не состоявшееся, как существующее лишь в намерении или как внутренняя речь, не произнесенная вслух, а мысленно обращенная говорящим к самому себе, кавычки обычно отсутствуют и содержание речи отделяется от вводящего глагола двоеточием: *C'était la nuit comme maintenant et je me suis dit et redit tout long: elle ne voit pas!* (J.Giono. Le hussard sur le toit) – *Это была такая же ночь, как сегодня, я говорил себе снова и снова: она не видит!* (Ж. Жоно. Гусар на крыше).

Глаголы чувственного восприятия, как правило, требуют своего раскрытия в следующем предложении, которое дается либо в виде дополнительного придаточного предложения, введенного союзом *que* (*je vois que. . .*), либо в виде соположенного предложения, введенного двоеточием или просто запятой. Однако не все глаголы чувственного восприятия допускают конструкцию сложноподчиненного предложения с дополнительным придаточным. При глаголе *voir* такая конструкция возможна: *je vois que. . .* или *je vois comme. . .*, при *regarder* — нет. Соположение может быть при любом из них: *Tu vois, nous ne renoncions pas et la Résistance progressait un peu plus chaque jour.* (М. Levy. Les enfants de la liberté) – *Ты видишь, мы не отступали и Движение Сопротивления понемногу прогрессировало с каждым днем* (М. Леви. Дети свободы).

Соположенное предложение, логически зависящее от глагола или существительного, выражающих интеллектуальную деятельность, соответствует либо прямой речи, либо придаточному дополнительному предложению: *Il avait faim mais il a décidé: il est trop tard d'aller au resto, il faut revenir...* (J.Giono. Le hussard sur le toit) – *Он был голоден, но он решил: слишком поздно идти в кафе, надо возвращаться...* (Ж. Жоно. Гусар на крыше). *Il avait faim*

mais il a décidé не могло бы сопровождаться придаточным дополнительным с союзом *qu'il est trop tard...*

Все эти группы глаголов, находящиеся в первой части бессоюзных предложений, в основном характеризуют присоединительную и обстоятельственную связь между компонентами бессоюзного предложения. Но их значение не ограничивается только этими рамками и характер связей, выражаемых в сфере концептуального содержания, представляется более разнообразным и зависящим от других конкретных обстоятельств.

2) кореференция, или различное наименование

Данное средство может быть реализовано через местоименную анафору, лексический повтор, слова разного семантического объема (гиперонимы и гипонимы), синонимы, антонимы и др.: *Chaque soir, au coucher du soleil, ces petites fleurs jaunes s'épanouissent; elles dégagent alors une fraîche odeur citronnée* (E. Orsenna. L'exposition coloniale) – *Каждый вечер на закате солнца эти маленькие желтые цветы распускаются и распространяют свежий лимонный аромат* (Э. Орсенна. Колониальная выставка); *Je vais t'aimer demain, aujourd'hui je ne te connais pas encore* (M. Levy. Les enfants de la liberté) – *Я полюблю тебя завтра, сегодня я с тобой еще не знаком* (М. Леви. Дети свободы); *J'attendais toujours que les autres m'abordent : personne ne venait jamais* (A. Nothomb. Antéchrista) – *Я всегда ждала, что кто-нибудь подойдет ко мне: но никто никогда не приближался* (А. Нотомб. Антикрита).

Чаще всего в бессоюзных сложных предложениях встречаются местоименная анафора, остальные случаи кореференции больше характерны для единиц высшего порядка, например для сложных синтаксических целых.

3) тематическая лексика

Употребление слов, принадлежащих к одной лексико-семантической группе также является средством выражения связности бессоюзного сложного предложения: *Les arbres énormes disparaissaient dans cet éblouissement; de grands quartiers de forêts engloutis dans la lumière n'apparaissaient plus que comme de vagues feuillages de cendre, sans contours, vagues formes presque transparentes et que la chaleur recouvrait brusquement d'un lent remous de viscosités luisantes* (J. Giono. Le hussard sur le toit) – *Огромные деревья исчезали в этом сиянии, целые участки леса, поглощенные светом, казались лишь неясной листвой пепельного цвета без очертаний; эти расплывчатые почти прозрачные формы, которые жара внезапно снова и снова накрывала липким глянцем* (Ж. Жюно. Гусар на крыше). Поскольку бессоюзное сложное предложение посвящено одной микротеме – природа, то в нем неизбежно присутствуют слова, обозначающие предметы и понятия, относящиеся к данной теме *деревья (les arbres), лес (forêts), листва (feuillages)*.

4) лексические средства, которые встречаются только во французском языке

Помимо вышеперечисленных лексических средств связности, которые можно назвать универсальными, так как они могут встречаться и в других языках, во французском языке существуют собственно французские способы выражения, характерные только для данного языка. Например, оборот *avoir beau* выражает уступительное значение: *Il a beau hurler que ce sont des salauds, les gardiens me tabassent, je suis plié en deux, mon épaule est au sol et les talonnades continuent* (F. Beigbeder. Windows on the World) – *Напрасно (хотя) он орет, что они подлецы, охранники продолжают меня избивать, я свернулся пополам, лежа на спине, а удары ногами все продолжают* (Ф. Бергедер. Windows on the World). На русский язык данное

предложение может быть переведено при помощи союза, однако во французском языке подобные предложения относят к бессоюзным сложным предложениям.

Уступительное значение в бессоюзной конструкции может выражаться и при помощи наречий *pourtant, cependant, quand même, néanmoins, toutefois*, стоящие после глагола: *Je ne lui rendais plus service : elle me suppliais **cependant*** (Nothomb A. Antéchrista) – *Больше я ей не оказывала услуг, (хотя, однако) она меня умоляла* (Нотомб А. Антикриста).

Как видно из проведенного исследования бессоюзное сложное предложение и сложное синтаксическое целое с бессоюзной связью представляют собой конструкцию, в которой части (простые, а часто и сложные предложения) объединяются в одно целое при помощи грамматических и лексических средств связи, среди которых важное место занимают порядок слов в предложении, порядок следования частей, грамматическая структура, времена и наклонения глаголов, значение слова.

Таким образом, можно сделать вывод: критериями классификации бессоюзия во французском языке являются не только связи, установленные между простыми предложениями в составе сложного, но и глаголы, от которых логически зависит соположенное предложение. Следовательно, выделяется третий тип, куда входят глаголы чувственного восприятия, глаголы речи и глаголы интеллектуальной деятельности. В русском языке БСП классифицируются в зависимости от сочинительной или подчинительной связи, которая соединяет простые предложения в составе сложного. Эти критерии являются определяющими в классификации русского бессоюзия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.
2. Дмитришина Г.А. Синтаксис бессоюзного сложного предложения : [фр. яз.] / Г.А. Дмитришина Донец. гос. ун-т. – Донецк, 1973. – 47 с.
3. Н. С. Поспелов. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950.
4. Е. А. Реферовская. Синтаксис французского предложения. – М.: Просвещение, 1982.
5. Séchehay A. Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1959.

ARTISTIC TEXT IN THE PERSPECTIVE OF THE CATEGORY OF PERSONALITY

Natalya V. Malycheva
Southern (Uzhny) Federal University,
Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The article touches upon the category aspect of the text theory, in particular the category of personality as a lead category of an artistic text. The author analyses the correlation and interaction of the given category with text modality. Special attention is paid to the description of semantic fields, language means of expression of text-forming potential of the category of personality.

Key words: *artistic text, textual category of personality, semantic field, subjective speech plans*

Глобальной проблемой теории текста является выявление и описание его категориального аппарата. Анализ научной литературы, посвященной проблеме категорий текста, показал, что хотя иерархия категорий текста еще не ясна и не установлена, тем не менее можно предположить, что антропоцентризм языка (эта концепция восходит в русской лингвистической традиции к трудам И.А. Бодуэна де Куртене, В. В. Виноградова, Л.В. Щербы, М.М. Бахтина и др.), проецируясь на художественный текст, делает ведущей категорией «образ автора» или категорию персональности. Эта концепция рассматривает язык как коммуникативную деятельность, в которой субъект речи (говорящий «Я») выступает в качестве организующего центра этой деятельности. Именно говорящий, рассчитывая на коммуникативный эффект, обеспечивает отбор необходимых языковых средств. Картина мира, моделируемая в тексте, оказывается пропущенной через индивидуальное сознание автора, что и определяет имплицитно или эксплицитно выраженное присутствие субъекта речи в речевом произведении.

Художественный текст, как и любое другое произведение искусства, имеет абсолютный антропоцентрический характер. Именно человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения. В связи с этим основной признак художественного текста в семиологическом освещении состоит в том, что текст не столько отображает события реальной действительности, сколько концентрирует внимание читателя на мире чувств, эмоций, переживаний, заражает определенным эмоциональным отношением к жизни. Вследствие этого эмоциональное содержание - неременный компонент семантической структуры текста, который пронизывает всю ткань произведения.

Основополагающие категории художественного текста, носители субъективного и объективного - автор и персонаж - всегда занимают центральное положение в художественном произведении вследствие его абсолютной антропоцентричности.

Субъектно-речевые планы автора, повествователя (рассказчика) и персонажей создают сложную неоднородную систему художественного текста. Общее определение автора и персонажа как коррелятивных моментов художественного текста и общую формулу их

взаимодействия впервые представил М.М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», дав определение автора как носителя напряженно-активного единства завершеного целого, целого героя и целого произведения, трансгredientного каждому отдельному моменту его. Духовный мир персонажа для автора произведения так же важен, как и возможность самовыражения, поэтому наряду с «до самозабвения экспрессивным прямым авторским словом» значительное место в художественном тексте занимает речевой план персонажа, его точка зрения на происходящее, его исповедь, его духовный мир. В основе взаимоотношения автора и персонажа лежат отношения «напряженной вненаходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вненаходимости, позволяющей собрать всего героя...»[2, 18].

М. М. Бахтин также выделяет образ автора (рассказчик, повествователь), который отличается от реального автора тем, что «лишен непосредственного участия в реальном диалоге..., зато он может участвовать в сюжете произведения и выступать в изображенном диалоге и с персонажами»[2, 89]. Субъектно-речевые планы автора, повествователя (образ автора) и персонажей формируют сложную неоднородную систему текста и создают полифонию повествования. Текст представляет собой контаминацию разных типов и форм повествования, для него характерно наличие нескольких субъектно-речевых планов.

Для обозначения этого явления А. Д. Прянишникова использует термин «партитурность»[7, 68]. Раскрывая метафорический характер термина, автор приводит толкование слова «партитура», т.е. нотная запись всех партий многоголосного музыкального произведения. Исходя из этого А. Д. Прянишникова трактует и понимание партитурности текста, выявляя в нем два типа противопоставлений, связанных с «многоголосьем» художественного произведения: 1) план автора/план персонажа, и 2) авторская речь/речь персонажей. Сосуществование названных двух типов членения придает композиции текста вид объемной структуры.

В отличие от А. Д. Прянишниковой и вслед за М.М. Бахтиным, считаем необходимым выделить не только субъектно-речевые планы автора и персонажа, но и субъектно-речевой план повествователя (образ автора).

Речь персонажей, авторская речь и речь повествователя лежат в разных смысловых плоскостях. Смысловая плоскость автора, его речевой план представляет собой повествование, ориентированное на нормы литературного языка. Речевой план персонажа свободно включает в себя разговорно-просторечные элементы. Речевой план повествователя располагается в этом же диапазоне и может полностью или частично совпадать либо с речевым планом автора, либо персонажа. Сочетание разных субъектно-речевых планов в сложном предложении практически невозможно, так как чужая речь не ассимилируется авторским контекстом и представляет собой плохо поддающееся обработке целое. Субъективация авторского повествования находит выражение в языковых формах.

Речевой план автора и речевой план персонажа обособлены и взаимонепроницаемы. Персонажи художественных произведений говорят как непосредственные участники изображаемых событий, имеют свой собственный взгляд на эти события. Но, тем не менее, их точка зрения ограничена. Они всегда знают меньше автора, который находится вне изображенного и созданного им мира и осмысливает этот мир с более высоких и качественно иных позиций. Чередуя в пределах одного художественного текста субъектно-речевые планы автора и персонажа углубляет повествовательную перспективу, подчеркивает многоплановость описания. В художественном тексте разные смысловые плоскости, в которых

лежат речи персонажей и автора, могут пересекаться, и такие пересечения формируют текстовую единицу – сложное синтаксическое целое с сочинительным союзом, неаналогичное сложносочиненному предложению.

Семантическая некоординированность текста определяется тем, что его предикативные единицы соотносятся как минимум с двумя ситуациями, имеющими разные координаты «я – здесь - сейчас», что исключает наличие единого, хотя и прерывистого модально-временного и пространственного плана в поликоммуникативной единице - тексте. Семантическая непроницаемость выражает дейктическими средствами, так как именно с дейксисом связано непосредственное восприятие говорящим коммуникативной ситуации, ориентация в пространстве и времени. Ситуация внешнего мира, сопутствующая речевому акту, составляет дейктическое пространство, элементы которого в каждом конкретном случае заполняют прагматические переменные «я – здесь - сейчас». Дейктические слова характеризуют естественную эгоцентричность высказывания в том смысле, что говорящий приписывает себе роль «я» и соотносит все остальное со своим «я».

Для говорящего его положение в пространстве и времени, его сознание, память и эмоции составляют естественный центр ориентации при восприятии окружающей действительности, поэтому пространственно-временные характеристики ситуаций связаны с центральной позицией говорящего в речепроизводстве. «Я» - субъект выступает точкой отсчета, ориентационным центром идентификации лиц, точек пространства, отрезков времени в тексте. В тексте могут быть представлены несколько «я» - субъектов, которые и создают полифонию текста, исключаящую единый модально-временной и пространственный фон. «.. в одном говорящем может быть несколько производителей акта высказывания; иными словами, может быть несколько субъективных пространств в высказывании одного и того же индивида».

Категории личности, темпоральности, локальности и оценки выполняют текстообразующую функцию и выступают в качестве функциональных средств, с помощью которых говорящий (автор текста) осуществляет смену темы (переход от одного события к другому) и смену «я» - субъектов (переход от одного повествователя к другому). В тексте в качестве показателей смены темы и «я» - субъекта, в частности, выступают сочинительные союзы, изменение субъективного осмысления времени, места, оценки описываемого события, то есть явные и скрытые модусные рамки.

Типы повествования в художественных прозаических текстах представляют собой относительно устойчивые композиционно-речевые формы, связанные с определенной формой изложения. В их основе лежит система конструктивных приемов и речевых средств, мотивированная единством выбранной автором точки зрения повествователя или персонажа, организующей весь текст, значительное его пространство или отдельные его фрагменты.

В системе типов повествования четко противопоставлены друг другу две ядерные формы повествования от 1-го лица и повествование от 3-го лица. Эти формы различаются способом изложения, характером образа повествования и - собственно - особенностями проявления таких признаков как субъективность /объективность, достоверность/ недостоверность, ограничения изображаемого пространственно-временной точкой зрения повествователя/отсутствие этих ограничений. Так, в повествовании от 1-го лица в отличие от повествования от 3-го лица на поверхностном уровне повествователь является полным аналогом автора, находящегося в том же пространственно-временном мире, что и остальные персонажи произведения. Из этой пространственно-временной общности вытекают основные семантические особенности повествования от 1-го лица: достоверность (я сам это видел, это произошло со мной);

субъективность неполнота (изображенный мир ограничен опытом и кругозором повествователя).

Как известно, субъективация авторского повествования находит выражение в языковых формах. В основе субъектно-речевых планов рассказчика, автора и персонажей лежит система конструктивных приемов и речевых средств, мотивированная единством выбранной автором точки зрения рассказчика или персонажа и организующая весь субъектно-речевой план. Эта система включает в себя такие лексико-грамматические средства, как: чередование форм лица, «игра» времен, связанная с распределением видо-временных форм в тексте, перемещение фокуса внимания при употреблении дейктических слов, частиц, вводно-модальных слов, движение в тексте цепочек номинаций, которые даются с разных точек зрения, описания ментальных ассоциативно-образных процессов, наглядно-образного мышления персонажа, то есть того, что автор текста не наблюдает в реальной действительности – внутреннего мира персонажа.

Все эти речевые средства образуют модусные рамки. Обычно в условиях репродуктивного регистра модусная рамка отсутствует, и модус оказывается «растворенным» в компонентах модели, выражающей содержание диктума. Совпадение субъекта чувствующего и мыслящего и «Я» - субъекта говорящего (т.е. автора) выражается «Я» - модусной рамкой. Особый интерес представляют художественные тексты, в которых несовпадение субъекта сознания и субъекта речи, героя и автора текста образует «Он» - модусную рамку. Эта рамка может формироваться и в том случае, когда автор текста передает не только чужое мнение, но и чужое слово.

Актуализации (персонификации) субъекта речи в тексте способствует авторская модальность, формирующая антропоцентричность художественного текста. Модально-текстовые значения представляют субъекта речи как определенный образ, так как благодаря модальным средствам у читателя складывается о нем непосредственное представление. Считаем, что именно авторская модальность лежит в основе текстовой категории персональности.

Текстовый смысл достигается путем интеграции значений, содержащихся в двух смежных предложениях, и далее - в последующих предложениях, до осознания замысла автора, его коммуникативного намерения. Понять текст, осмыслить его - значит ответить на вопрос, зачем, почему, с какой целью он создан, для чего автор предпринял попытку его создания, а не просто освоить его содержание. Следовательно, всякий текст обладает модальностью, которую можно определить как отношение говорящего к действительности. Модальность «присуща языку в действии, т.е. речи, поэтому является самой сущностью коммуникативного процесса».

Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, то есть в языке сам человек отражает окружающую действительность и самого себя в ней. Введение понятия «человеческий фактор» в лингвистику, безусловно, касается внутренней жизни человека, его эмоций. Э. Бенвенист считает, что человек - главный носитель фундаментального качества языка в процессе его реализации, называя это свойство языка «субъективность в языке», «человек в языке» и утверждая, что язык как человеческий феномен является «связующим звеном жизни психической и жизни общественно-культурной»[3, 123]. Способность выразить образ мысли, отношение носителя языка к отражаемой действительности связано с такой языковой категорией, как модальность, в которой отразилась «человеческая сущность» языка.

Многоаспектная функциональная сущность модальности по праву определяет ей статус одной из основных категорий естественного языка. Однако трактовка этой категории в современной

лингвистике очень разнообразна. Например, Ш. Балли писал: «... нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [1,44]. Так как предложение, отражая действительность в ее практическом общественном сознании, естественно, выражает отнесенность (отношение) содержания речи к действительности, то с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности. Каждое предложение включает в себя как существенный конструктивный признак - модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности», - считает И. В. Виноградов, концепция которого и сегодня оказывает определяющее воздействие на развитие исследований в этой области лингвистики.

«Модальностью мы называем лексико-грамматическую категорию, характеризующую целевую коммуникативную установку, тип связи субъекта и предиката суждения V, обозначенного предложением, интонеми последнего и модус отношения говорящего (или пишущего) к смыслу сообщения» - так определяет модальность Т.И. Дешериева [6,90]. Определение модальности, приводимое О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов», как «понятийной категории со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными - грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п., может быть принято в качестве наиболее адекватного, так как отражает основные свойства данной лексической категории.

В лингвистической науке не раз делались попытки дифференцировать модальные значения, установить их градацию. Основной метод классификации модальных значений - это противопоставление объективной и субъективной модальности. Большинство исследователей придерживаются мнения о том, что объективная модальность - одна из категорий, формирующих предикативную единицу; она является главным средством для выражения отношения сообщаемого к действительности. Понятие субъективной модальности интерпретируется по-разному, иногда даже отличаются термины, обозначающие этот аспект модальности («второй слой модальности», «модальность вторичного типа», «актуальная модальность»). По мнению В. В. Виноградова, субъективная модальность накладывается «на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение».

Авторами Грамматики - 80 утверждается: «...субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщаемому» [8,215]. Традиционно все же многими исследователями отмечается обязательность субъективного момента в речи: так в предложении субъективно - модальные значения могут быть вербальными, а могут быть выражены имплицитно. Исходя из понимания субъективной модальности как своеобразной оценки говорящим объективного содержания, можно предположить, что эта категория оказывается внутренне связанной с объективной модальностью, образует определенную организацию, в которой общепризнанные средства выражения модальности - категория наклонения - образуют ядро, а другие средства (модальные слова и частицы, союзы, лексические средства, синтаксически связанные структуры и пр.) не просто накладываются на это ядро, а определенным образом взаимодействуют с ним.

Субъективная модальность образует понятие оценки в широком смысле слова и включает не только логическую квалификацию сообщаемого, но и виды эмоциональной реакции. Считается, что средства выражения субъективной модальности (интонация, логическое ударение,

парцелляция, актуальное членение, вводность и т.д.) функционируют как своеобразные модификаторы основной модальной модификации, выраженной глагольным наклонением, и образуют в модальной иерархии квалификацию модальности второго уровня (второй уровень модальности). Тем самым объектом оценки оказывается и предикативная основа, и любой информативно значимый элемент сообщаемого. Таким образом, на периферии предложения возникает так называемое дополнительное предикативное ядро, создавая эффект полипредикативности.

Думается, что деление модальных отношений на объективные и субъективные не должны рассматриваться как догма. Объективная и субъективная модальности тесно переплетены в каждом высказывании и образуют сложную гамму модальных значений, формирующую общий модальный фон высказывания. Именно такой подход, нисходящий к работам Ш. Балли, позволяет рассматривать модальность как реальную единицу коммуникации, которая образуется в результате операции говорящего субъекта.

Определение модальности как функционально-семантической категории, выражающей различные отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого предполагает изучение полевой структуры категории модальности в тексте. Некоторые работы опираются на теорию функционально-семантических полей, разработанную А. В. Бондарко. Функционально-семантическое поле - это система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций [4,40]. Понятие функционально-семантического поля (ФСП) связано с моделированием системы разноуровневых, структурно разнородных языковых средств. Грамматический строй включает частные системы не только в рамках отдельных языковых уровней, но и межуровневые, разноуровневые системы, основанные на семантико-функциональном объединении грамматических и связанных с ними лексических элементов. Функционально-семантическое поле как модель связывается с условным представлением о некотором пространстве, в котором намечается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями (под пересечениями имеются в виду отражения в данной модели взаимодействия семантических элементов разных полей, например в составе семантических комплексов с аспектуально-темпоральными, аспектуально-модальными элементами). Во многих отношениях понятие «функционально-семантическое поле» опирается на теорию понятийных категорий И.И. Мещанинова, подчеркивающего языковой характер рассматриваемых им категорий: «... не всякое передаваемое языком понятие является понятийной категорией. Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение. Функционально-семантическое поле - «двухсторонне содержательно-формальное единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же синтаксической зоне». Оно характеризуется общностью семантических функций, взаимосвязанностью, взаимозависимостью, а также разноуровневостью средств выражения. Некоторые исследователи стремятся привести разнообразные модальные отношения к одному значению. Например, в теории семантических примитивов А. Вежбицкая объединяет модальные значения «хочу» и «не хочу», трактуемые ею как производные. Ю. Д. Апресян, давая определение лексическому значению слова, подчеркивает, что это семантика знака (понятия) и та часть по прагматики, которая включается в модальную рамку толкования (элементы знаков, которые

отражают оценку описываемой ситуации говорящим и слушающим); при этом модальность характерна для всякого естественного языка. Модальное поле обладает усложненной структурой, большим и разнообразным инвентарем; грамматические и лексические средства внутри поля модальности вступают в самые сложные взаимодействия (синонимы, варианты и т.п.)

При коммуникативно-грамматическом/ подходе модальность рассматривается как категория речи, а не языка, т.к. характеризует высказывания в целом. Одним из первых, кто определил модальность как коммуникативную категорию, включив ее в структуру любого предложения наряду с целевым назначением и коммуникативной перспективой, был И.П. Распопов [10]. Модальная характеристика предложений многоаспектна; модальность охватывает сложный комплекс отношений, и И.П. Распопов представил их в виде бинарных оппозиций. Ученый выделяет четыре разных плана, в которых раскрывается модальное значение предложений: реально-модальный, модально-волевой, модально- коммуникативный и модально-оценочный.

Коммуникативный подход предполагает изучение прагматических условий проведения речевых актов: к таким средствам относят оценочные, экспрессивные, эмоциональные. Речь одновременно и антропоцентрична, и индивидуальна, поэтому модальность неотделима от оценки, экспрессии, которые дифференцируются в зависимости от стиля речи, в связи с этим расширяется набор модальных средств. Основываясь на теоретических положениях о модальности, изложенных В.В. Виноградовым, в современных исследованиях разрабатывается прагматическая квалификация средств выражения отношения к сообщаемому в речевом отрезке (предложении) и к действительности. Встают вопросы о сущности модальных отношений, организации предложения, субъективной оценки сообщаемого и т.п. В средства выражения модальности включаются новые лексические, словообразовательные, коммуникативно-синтаксические феномены. Безусловно, что дальнейшее развитие учения о категории модальности связано с эволюцией предложения и текста. В настоящее время попытки определить модальность не только в пределах высказывания, но и как модальность текстовую не беспочвенны. Справедливо замечание о том, что модальность выступает неотъемлемой частью любого текста, и поэтому встает вопрос об уровнях отношений в языке, то есть о модальности от предикативной единицы до семантически обусловленного текста. Изолированно модальные языковые средства не могут быть выразителями какого-нибудь отношения, они возникают в условиях линейного и вертикального контекста, и даже если текст ограничивается рамками реального предложения, он в своей субстанциональной сущности выражает модальное отношение. Считаем, что модальность может быть рассмотрена как категория, функционирующая на разных уровнях синтаксического членения. Именно на текстовом уровне категория модальности будет представлять собой процесс отношения знаковых единиц-ингредиентов более высокого ранга (порядка).

Понятие текстовой модальности сравнительно новое в лингвистике, и оно только начинает разрабатываться. Значение этой категории для лингвистики текста трудно переоценить, так как эта категория лежит в основе текстообразования (семантический аспект), строя и тональности речи.

Текстовая модальность формируется на основе тесно связанной с ней субъективной модальности, под которой понимается отношение говорящего к содержанию высказывания и которая выступает как грамматическое выражение антропоцентричности - важнейшего, фундаментального свойства речи.

Модальность стала рассматриваться и в качестве атрибута, сопровождающего текст, который «будучи производным от прототипического речевого действия, наследует и развертывает его иллокутивную силу, воплощая и распределяя коммуникативные намерения в структуре, организации, модальности - словесно и грамматически. Взаимодействие субъективной и объективной модальности при этом порождает различные модальные типы речи. Внимание к модальности текста выявило возможность рассмотрения текстовой модальности в зависимости от жанровой принадлежности текста, функционально-смыслового типа речи, поэтического стиля мышления автора и т.д.

Категория модальности сопровождает любое речевое действие - от междометного высказывания до целого текста объемом «Войны и мира» Л.Н. Толстого и, следовательно, является по своему назначению в языке антропоцентрической и актуализационной категорией.

Под модальностью художественного текста понимается оценочное отношение автора к изображаемому, распространяющееся на текстовые фрагменты, в которых обнаруживается присутствие автора, и проявляющееся в двух планах: 1) в плане собственно субъективно - объективно-модальном реальность/ирреальность, достоверность/вероятность описанного; 2) в плане эмоционально- смысловом: положительная/отрицательная оценка описываемого.

Содержание модальности - оценка говорящим высказывания с точки зрения реальности, достоверности, возможности, целесообразности, необходимости и т.п. Являясь многоаспектной категорией, модальность включает в себя значения различных уровней отвлеченности, опирающихся на собственные показатели. Г.В. Колшанский считает, что основное содержание категории модальности составляет значение реальности/ирреальности, называемое объективно-модальным и отражающее характер объективных связей в той или иной ситуации. Объективно-модальное значение свойственно всем предложениям художественного текста, именно это значение создает фон повествования, поэтому более важной для выражения авторской оценки содержания текста является субъективная модальность, под которой понимается субъективное отношение автора текста к тому, о чем он говорит.

В языке существуют многообразные средства выражения субъективно-модального значения, перечисленные в Академической грамматике-80. К ним относят интонацию, словопорядок, специальные конструкции, повторы, частицы, междометия, вводные слова и вводные сочетания слов, вводные предложения. Обычно средства выражения субъективной модальности представляются списком, совокупно. Между тем они представляют собой систему, функционально-семантическое поле, центром, ядром которого является личное местоимение Я. Это местоимение обычно не называется как средство выражения субъективно-модального значения. Местоимение Я в языке (вне контекста) действительно не имеет субъективно-модального значения, но в тексте оно становится средоточием субъективной модальности. Все остальные средства субъективной модальности служат выявлению «Я» в тексте, связаны с ним, подчинены ему. Например, вводные слова, словосочетания, предложения обладают субъективно-модальным значением потому, что выражают отношение говорящего «Я» к содержанию высказывания. Междометия - это непосредственная реакция говорящего на происходящее, на ситуацию и т.д. Таким образом, «Я» - это ядро, средоточие функционально-семантического поля субъективной модальности, поэтому появление «Я» в тексте означает собой высшую степень субъективной модальности.

Местоимение «Я» и координированные с ним местоимения («ТЫ», «ОН») - это главные средства текстовой модальности. Переходя из языка в текст, «Я» из нейтрального обозначения говорящего становится знаком присутствия говорящего в тексте и в зависимости от контекста,

стиля, жанра вносит в текст разнообразные значения субъективной модальности. Для семантики текста с «Я» (прежде всего) и другими личными местоимениями связаны главные, существенные свойства текста. Не случайно в основе формирования типов речи лежат именно личные местоимения (речь от 1-го, 2-го, 3-го л.).

В тексте происходит усложнение структуры «Я». Оно модифицируется и усложняется. И главное заключается в то, что «Я» говорящего, переходя в текст, может совпадать, а может не совпадать с производителем речи. Это процессы, характерные только для текста.

Художественный текст представляет собой единое речевое произведение, но в то же время текст - это сочетание разнородных высказываний, сочетание разных субъектно-речевых планов, между которыми устанавливаются сложные, динамические отношения. Следовательно, можно предположить, что субъективная модальность в художественном тексте также будет неоднородной, и несколько отличается от модальности предложения.

В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять «Я» и «не-Я» (концептуальное начало нейтрально-информативному фону) в рамках высказывания. В наиболее законченном виде эта концепция нашла отражение в работах Ш. Балли, который считал, что в любом высказывании реализуется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки (модуса). Ученый определяет модус как активную мыслительную операцию, производимую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме, оценку его.

Разные субъектно-модальные оценки содержания предикативных единиц лишают коммуникативную единицу структурно-семантического единства и создают условия для организации поликоммуникативной единицы - текста. Сочетания модальности автора и персонажа не мешает созданию единого коммуникативного плана повествования.

Известно, что для сложного предложения характерна семантическая координация предикативных частей в отношении субъективной модальности, т.е. оценки говорящим автором объективного содержания частей сложного предложения с точки зрения достоверности или недостоверности, в то время как в тексте такая координация необязательна. **Например:** «Пусть изредка, но они встречаются. Последний раз виделись в отеле, и это было просто чудесно. **И видимо**, ей тоже понравилось, потому что сегодняшнее свидание Лена назначила сама, всего через два дня» (О. Рой. Галерея «Максим»). «В любое время туда без малейшего намека на стук входили и выходили. И не только врачи и персонал, но и беременные, роженицы, родильницы самых разнообразных настроений и душевных состояний – от благодарно-возвышенных до раздраженно-ненавистных. Последних почему-то всегда было больше. **Видимо**, спокойное состояние в компании не нуждается» (Т. Соломатина. Приемный покой). Первая часть данных текстов принадлежит субъектно-речевому плану рассказчика, выражает уверенное знание, имеет значение достоверности и является нейтрально-информативным фоном, «не-Я», т.е. диктумом (объективное содержание). Вторая часть текста имеет значение недостоверности, с точки зрения персонажа, которое выражено эксплицитно: особым лексическим показателем - модальным словом *видимо* с гипотетическим значением. Адресант лишь предполагает, что сообщаемое во второй части текста возможно, однако он не уверен в реальности осуществления сообщаемого. Таким образом, во второй части текста представлена индивидуальная оценка излагаемых фактов во внутренней речи персонажа. В данном случае выражение модусной рамки редуцировано до вводно-модального слова *видимо*.

Показателем переключения авторского повествования в сферу псевдоавторского являются вводные слова-сигналы, выражающие сомнение, неуверенность, предположение и т.п.: *казалось, как будто, видимо, может быть* и т.д. Вслед за В.В. Виноградовым, Б.А. Успенским, В.В. Одинцовым, назовем эти слова *субъективирующим оператором*. Эти слова-операторы позволяют переводить выражения, описывающие внутреннее состояние, в план объективного описания (иными словами, трансформировать описание изнутри в описание извне). Такой перевод описания из субъективного типа в объективный происходит в том случае, когда автору необходимо изобразить персонаж извне (например, через чье-то восприятие), но при этом каким-то способом передать переживания данного персонажа. Во второй части приведенных выше текстов заложена двойственность оценки объективной действительности, что ясно из вводного слова *видимо*, которое относится только к ментальности персонажа. Некоординированность в плане субъективной модальности, присутствие во второй части текста «Я» персонажа, разные субъектно-речевые планы (в первой части - псевдоавтор-рассказчик, во второй - автор-рассказчик и персонаж - его внутренняя речь) неизбежно препятствуют взаимопроницаемости предикативных единиц и создают условия для образования связного текста, несмотря на возможность наличия сочинительного союза.

Присутствие автора высказывания, авторская модальность в тексте обнаруживаются как эксплицитно, так и имплицитно. Если авторская модальность представлена в тексте эксплицитно, то используются собственно грамматические факторы: вводные слова, вводные конструкции, обращения к читателю, междометия и т.д.

Вводные слова эксплицируют интерференцию двух субъектно-речевых планов в тексте: плана автора и плана персонажа: *«Сделав над собой усилие, Иван Николаевич поднялся со скамьи и бросился назад, туда, где разговаривал с профессором. И оказалось, что тот, к счастью, еще не ушел»* (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»). *«Занявшись паскудным котом, Иван едва не потерял самого главного из трех - профессора. Но, по счастью, тот не успел улизнуть»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). *«В штатской верхней одежде он чувствовал себя как коронованная особа на маскараде. И правда, никто его не узнавал, даже сторож в проходной у выхода из дачного поселка с ним не здоровался»* (Л. Улицкая. «Зеленый шатер»). В данных текстах вводное слово предваряет ту часть информации, которая получена автором текста не путем непосредственного наблюдения над объективной действительностью, а с опорой на восприятие персонажа, на его оценку происходящего, то есть второй компонент текста представляет точку зрения персонажа.

Подобное наблюдается и при использовании вводных конструкций. **Например:** *«Лица будущих альпинистов помрачнели, но заведующий тут же призвал всех к бодрости, а специалист и пошутил, и поострил, и клятвенно заверил, что времени пение берет самую малость, а пользы от этого пения, между прочим, целый вагон. Ну, конечно, как сообщила девица, первыми выскочили Фанов и Косарчук, известнейшие филиальские подхалимы, и объявили, что записываются»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). Используя подобные вводные конструкции, автор текста подчеркивает отказ нести персональную ответственность за сообщаемый факт и указывает на источник информации. Вводная конструкция *как сообщила девица* вводит в актуальную речь фигуру автора воспроизводимой речи. Подобная модусная конструкция позволяет автору текста достичь особой плотности информации.

Наличие в одной из предикативных частей сочинительной конструкции субъективно-оценочного значения, выраженного междометием, разрушает структурно-семантическое

единство и способствует созданию поликоммуникативного единства даже в том случае, когда единицы относятся к разным субъектно-речевым планам: *«Горе и ужас мадам Беломут не поддаются описанию. Но, **уввы**, и то и другое было непродолжительно»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). *«Стена становилась прекрасной и чистой. Не то что изгадить углем, плюнуть было бы больно. Но кто-то упорный - **уввы** – не сдавался, и утром «вясна» вновь чернела победно»* (И. Муравьева. «Барышня»).

Факт сообщения, содержащий указание на косвенный источник информации, может быть оформлен с помощью частиц **мол**, **дескать**, **де**, **якобы** как элемент модальной рамки высказывания.

Позиция этих частиц в предложении, входящем в ССЦ, обычно свободная. Говорящий может быть нейтральным по отношению к содержанию сообщения либо может давать ему оценку - обычно сниженную. Частицы **мол**, **де** и **дескать** стилистически маркированы, они вносят в речь элементы разговорного стиля. В подавляющем большинстве случаев эти частицы употребляются при передаче прямого смысла. Лицо, чьи слова передаются, может быть эксплицитно указано. Это может быть сам говорящий, при этом частицы не снижают уровня достоверности информации, а скорее подчеркивают полемический характер речи. **Например:** *«План Берлиоза следует признать правильным: нужно было добежать до ближайшего телефона-автомата и сообщить в бюро иностранцев о том, что вот, **мол**, приезжий из-за границы консультант сидит на Патриарших прудах в состоянии явно ненормальном. Так вот, необходимо принять меры, а то получается какая-то неприятная чепуха»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Иногда эти частицы возможны в контексте, не содержащем глагол сообщения, тогда частицы **мол** и **дескать** указывают на то, что говорящий не прямо передает слова чужой речи, а только интерпретирует чужие слова или поведение, жесты.

Обращение к читателю в одном из компонентов текста помогает автору сделать его соучастником происходящего, привлечь его внимание к описываемому и таким образом резко изменить модальность повествования. **Например:** *«Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, **вообразите**, в переулке ни души»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). *«И вот тогда-то, прошлой весной, случилось нечто гораздо более восхитительное, чем получение ста тысяч рублей! А это, **согласитесь**, громадная сумма денег!»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). *«Мне все казалось, - и я не мог от этого отделаться, - что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим. А затем, **представьте себе**, наступила третья стадия - страха»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита.).

Придаточные части, маркированные ирреальными союзами типа **«как будто»**, обнаруживают авторскую позицию, придавая объективному характеру повествования субъективный (ассоциативно-образного плана) смысл: *«В голове у меня все вертелось и главным образом, оттого, что окружающий мир меня волновал чем-то. **Как будто** в давних сновидениях я видел его уже, и вот я оказался в нем»* (М. Булгаков. «Театральный роман»). В компонентах, формирующих данное ССЦ противопоставлены актуальный и виртуальный мир.

Присутствие автора текста обнаруживается эксплицитно при наличии в тексте риторически-вопросительных построений, адресованных читателю. **Например:** *«Давали прекрасную оперу Глинки «Руслан и Людмила». Что может быть лучше театра, Большого театра, когда все завалено снегом, и черное небо чудесно мерцает, и все эти слабые дымные звезды, наверно,*

знают какую-то тайну, но все еѡ другом языке, не на нашем ... Что может быть лучше театра с его бархатными ложами, внутри которых белеют открытые спины с угловато выступающими лопатками, вспыхивает изредка маленький перламутровый бинокль, поднесенный к глазам, или особенно крупное драгоценное украшение на вытянутой, как у лебедя, шее? В запахах в фойе шоколада Сушар? А запах мороза, врывающегося с улицы в открытую лакеем дверь, если какой-нибудь особенно нетерпеливый зритель вдруг покидает представление и устремляется в темноту? Пахнет снежной пылью, и дверь затворится. И нет человека, растаял» (И. Муравьева. «Барышня»). «Окунувшись в откровение, человек становится посвященным. И кто сказал, что для этого надо нырять в бассейн с крокодилами или проходить сквозь звездные врата? И можем ли мы знать, что есть наши персональный бассейн с крокодилами и наши персональные звездные врата?» (Т. Соломатина. «Приемный покой»). «Обсуждалось даже предложение пригласить настоящий оркестр, но оказалось не по деньгам. Может быть, капустник или, наоборот, культурная программа с Шубертом в исполнении Наташи Мироян и чтением стихов? Или какое-нибудь театральное действо? (Л. Улицкая. «Зеленый шатер»). В данных текстах автор, используя риторически-вопросительные построения, заставляет читателя занять позицию находящегося рядом наблюдателя, незамедлительно реагирующего на происходящее, что и провоцирует появление в тексте вопросительных предложений.

При имплицитно представленной в тексте авторской модальности представить закрытый список средств обнаружения авторского присутствия невозможно. «Я» говорящего (его языковая личность) неустранимо, даже если в тексте этого слова нет. В случае имплицитного присутствия автора средством его обнаружения является средство выражения субъективной модальности, характерное только для текста. Это авторизирующие глаголы и другие части речи со значением мысли, чувства и состояния. **Например:** «Он (Римский - Н.М.) лихорадочно схватил со стола гипнотизерские червонцы, спрятал их в портфель и кашлянул, чтобы хоть чуточку подбодрить себя. Кашель вышел хриловатым, слабым. И здесь ему **показалось**, что из-под двери кабинета потянуло вдруг гниловатой сыростью» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»); «Сначала ей **казалось**, что так спать вообще невозможно, но в последнюю ночь перед экзаменом она вдруг заснула, отрубилась так, что, **кажется**, из пушки не разбудишь. И только чудом не проспала» (О. Рой. Галерея «Максим»). Глаголы «показалось», «казалось» эксплицируют персонаж как субъект сознания и переводят описание внутреннего состояния персонажа в план описания извне (авторский субъектно-речевой план).

К средствам выражения авторской модальности в художественном тексте могут быть отнесены также и воспоминания или мечты о будущем автора текста или персонажей. Следует отметить, что такое выражение авторской модальности возможно только в тексте. **Например:** «Но дальше стало шумно, путано. **Помнится**, танцевали в комнате на ковре, отчего было неудобно. Кофе в чашке стояло на письменном столе. Василий Петрович пил коньяк. Видел я спящего Баклажанова в кресле. Накурено было крепко. И как-то **почувствовалось**, что пора собственно, и оправиться домой» (М. Булгаков. «Театральный роман»). «Немедленно вслед за воспоминанием о статье прилетело воспоминание о каком-то сомнительном разговоре, происходившем, как **помнится**, двадцать четвертого апреля вечером тут же, в столовой, когда Степа ужинал с Михаилом Александровичем. То есть, конечно, в полном смысле слова разговор этот сомнительным назвать нельзя (не пошел бы Степа на такой разговор), но это был разговор на какую-то ненужную тему» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). Авторизирующий глагол «помнится» эксплицирует персонаж как субъект сознания и

указывает на присутствие нескольких, субъективных пространств в высказывании одного и того же индивида, но и создает полифонию повествования.

Субъективации повествования способствует использование парцелированных конструкций. Парцелляция представляет собой функционально значимое отклонение от типичного соотношения между формальной и коммуникативной организацией сложного предложения. Она возможна, так как между формальной и коммуникативной организацией системно существует соответствие, а также для таких структур характерна коммуникативная целостность. Обычно в парцелляте содержится та часть информации, которая особенно важна для автора высказывания и которой придается особое значение. **Например:** «*Прямо из зеркала трюмо вышел маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим из рта клыком, безобразящим и без того невиданно мерзкую физиономию. И при этом еще огненно рыжий*» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). «*Да, вид у Якова Григорьевича был такой, как будто он сдурел. Котиковый пирожок сидел у него на самом затылке и пальто нараспашку. И глаза блуждающие*» (М. Булгаков. «Белая гвардия»); «*Она флиртовала хладнокровно и расчетливо, будучи уверена, что уже никогда не сможет влюбиться. И вдруг ...*» (О. Рой. Галерея «Максим»).

Однако чаще всего парцелляты встречаются в тех случаях, когда предметом описания становятся мысли и ощущения, глубоко волнующие персонажа. В таких случаях один компонент парцелированной конструкции представляет предметный аспект ситуации и принадлежит субъектно-речевому плану рассказчика, а второй представляет ментальный аспект ситуации и принадлежит субъектно-речевому плану персонажа. **Например:** «*Иван Колотуров плохо понял, что надо будет делать, но когда пришла революция, докатилась до ступи, он поднялся, чтобы делать. И почувал тоску*» (Б. Пильняк. «Голый год»). Актуализированность и рематизированность парцеллята отвечает стремлению автора передать эмоциональное состояние персонажа, и в этом, на наш взгляд, состоит психологическая мотивированность расчленения. Кроме того, постановка точки перед «и» служит сигналом переключения повествования из актуальной сферы в виртуальную.

Думается, что выбор сочинительного союза, соединяющего самостоятельные предложения в тексте, также может обуславливаться положительным или отрицательным отношением говорящего к тому, что он сообщает.

Данные философии, психологии, логики, языкознания подтверждают, что все человеческое чувственное и рациональное познание основывается на аксиологических оценках, и, следовательно, «весь язык буквально утопает в оценочной семантике ... все языковые значения разыгрываются не только на субстрате объективно-когнитивных оценок реалий в плане их аналогичности и неаналогичности, но и на субстрате субъективно-аксиологических оценок в аспекте «хорошо», «плохо», или «нейтрально». Л.В.Кованцева при исследовании аксиологической семантики сложносочиненных предложений пришла к выводу, что все они заняты важнейшим видом языковой работы - распределением, уточнением, акцентированием, нивелировкой, организацией столкновений противоречивых оценок и т.д [8, 12].

Сочинительные союзы, выступая в функции средства связи самостоятельных предложений в художественном тексте, также передают оценочные значения. Как знак сходства, аналогичности, союз «и» показывает тождество оценочных значений в соединяемых предикативных единицах. **Например:** «*Во-первых, могу вас порадовать: нее главное командование сменено. И председатель Высшего военного совета больше не хозяйничает на Южном фронте*» (А. Толстой. «Хождение по мукам»). Использование в роли связующего

средства соединительного союза «и» в этом тексте создает условия для понимания семантики сочиненных компонентов (а также оценки называемых реалий) как положительной (хорошо и первое, и второе). Заменяем в данном тексте союз «и» на союз «но»: *«Во-первых, могу вас порадовать: все главное командование сменено. Но председатель Высшего военного совета больше не хозяйничает на Южном фронте»*. Противительный союз «но» склоняет читателя понимать содержание второй предикативной единицы уже как нечто отрицательное.

Все это позволяет сделать следующее предположение: осознает или не осознает это автор высказывания, тем не менее, он всегда использует союз «и» для обозначения тождества оценочных значений в сочиненных компонентах. Вторая предикативная единица, даже если ее содержание само по себе оценочно-нейтрально, в составе текста с союзом «и» теряет свою нейтральность, приспосабливается к сильному оценочному значению «хорошо» или «плохо», ассимилируется с ним. Своим значением союз «и» констатирует гармонию или устанавливает ее. Противительный союз «но» является знаком несходства, противопоставления, отрицания и констатирует отсутствие гармонии оценок, присутствующих в содержании сочиненных компонентов связного текста.

Коммуникативными намерениями автора определяется и использование или неиспользование «замыкающего» союза перед последним предложением сочинительного ССЦ. Наличие такого союза в ССЦ с оттенком одновременности подчеркивает его «закрытость», завершенность, в то время как отсутствие союза создает открытый ряд предложений. **Например:** *«Стало тихо. "Фонари" опустились к самой воде. И было слышно, как по ту сторону рукава отдаленно рокотали танки»* (Ю. Бондарев. «Батальоны просят огня»)- Ср.: *Стало тихо. "Фонари" опустились к самой воде. Было слышно, как по ту сторону рукава отдаленно рокотали танки; «Было холодно. Светила луна. И под ногами скрипел снег»* (М. Зощенко. «Любовь»)- Ср.: *Было холодно. Светила луна. Под ногами скрипел снег*. В конструкции с союзом «и» событие представлено полностью, говорящий охватывает все его аспекты, а в бессоюзной конструкции представлены аспекты события, первыми вспомнившиеся говорящему, возможно, не все. В случае союзной конструкции все событие как бы находится в центре «кадра», не занимая его целиком, а в случае бессоюзной - занимает весь «кадр», заставляя нас подозревать, что ряд аспектов события не «уместился» и находится за кадром.

Иногда средством выражения авторской модальности становится прерывистость текста, когда точка между предикативными единицами обусловлена действительно коммуникативной задачей, а именно желанием адресанта показать эпизод крупным планом. **Например:** *«Тогда навстречу служителям культа выходил Балаганов и молча показывал им огненный кулак. И ксендзы уходили, печально поглядывая на Антилопу»* (И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»). Сравните, нерасчлененное представление ситуации - общий план, мелкий кадр: Выходящий к служителям культа Балаганов одной демонстрацией своего огненного кулака заставлял ксендзов уходить, расчлененное представление, общий план, средние кадры: Тогда навстречу служителям культа выходил Балаганов и молча показывал им огненный кулак, после чего ксендзы уходили. Расчлененное представление, последний эпизод дан крупным планом на весь экран - исходный авторский вариант - сложное синтаксическое целое с сочинительным союзом.

Использование синтаксических конструкций с сочинительной связью (сложное синтаксическое с сочинительным союзом) определяется коммуникативными намерениями автора текста, что позволяет ему создать тип синтаксиса, ориентированного на живую речь, изобразить событие с точки зрения непосредственного наблюдателя, участника событий, описываемых в тексте. Это усиливает и подчеркивает реалистический тон и стиль воспроизводимых сцен, создает

иллюзию прямого отражения реальной действительности. Несмотря на субъективную призму персонажа и именно благодаря ей, возрастает объективная точность, достоверность изображения. Подобная насыщенность текста смысловыми оттенками и является проявлением основного качества художественного текста - его полифоничности.

Контаминация различных субъектно-речевых планов в художественном тексте формирует многоплановую (полифоническую) систему модальных отношений. Личность в структуре художественного текста монологического типа может проявляться следующими способами: 1) как автор, 2) как персонаж - псевдоавтор 3) как рассказчик (повествователь). Именно это создает полимодальность художественного текста. И кроме того псевдоавтор может включать в свою монологическую речь собственную несобственно-прямую речь (как чужую), в которой иные модусы.

Таким образом, концептуальная категория «образ автора» (персональность) имеет статус сверхкатегории, так как она пронизывает все текстовое полотно, где нет ни одного слова, сказанного вообще, где авторский угол зрения, авторский взгляд, авторское отношение действительно скрепляет все произведение и объясняет место, роль и функцию каждого словесно-художественного произведения.

Категория персональности проявляется в тексте как выражение авторского или личностного начала и является одной из важнейших коммуникативных категорий, реализующихся во всех текстах, и в первую очередь в художественном тексте.

Актуализации (персонификации) субъекта речи в тексте способствует авторская модальность, формирующая антропоцентричность художественного текста. Модально-текстовые значения представляют субъекта речи как определенный образ, так как благодаря модальным средствам у читателя складывается о нем непосредственное представление. Являясь многоаспектной категорией, модальность включает в себя значения различных уровней отвлеченности, опирающихся на собственные показатели. Хотя в основе модальности предложения и модальности текста лежат понятия действительного, возможного, необходимого и их оценка говорящим, тем не менее, между этими категориями не наблюдается полного изоморфизма. Более важной для выражения авторской оценки содержания текста оказывается субъективная модальность, под которой понимается субъективное отношение автора текста к тому, о чем он говорит, в то время как объективно-модальное значение присуще всем предложениям текста и входит в понятие предикативности. Именно это значение и создает фон повествования.

В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять «Я» и «НЕ-Я» (концептуальное начало нейтрально-информативному фону) в рамках высказывания, то есть в высказывании проявляется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки (модуса). Особенно ярко это свойство реализуется в художественном тексте. Если для предложения характерна семантическая координация в отношении субъективной модальности, то есть оценки объективного содержания предложения с точки зрения достоверности или недостоверности, то в тексте такая координация необязательна.

Некоординированность в плане субъективной модальности, разные субъектно-речевые планы (автор текста, повествователь, персонаж) создают полифонию текста, которая оказывает непосредственное влияние на модальность текста и формирует полифоническую систему модальных отношений, полимодальность текста. Следовательно, можно предположить, что противопоставление модальности предложения текстовой включает и антиномию

«мономодальность/ полимодальность». Если предложение характеризуется мономодальностью (т.е. субъектно-речевой план не изменяется), то для текста характерна полимодальность - субъектно-речевой план может неоднократно изменяться. Полимодальность связана с полифонией повествования. При этом модальность становится в зависимость от дистанцированности повествователя, от фокуса повествования. Определяющим компонентом становится точка зрения, и для определения модальности всего текста или какого-либо фрагмента важно ответить на вопросы: Кто повествователь? Кто видит, кто говорит? Чья точка зрения направляет повествование? Полимодальность присуща таким типам повествования, где постоянно изменяется фокус повествования.

Модальность предложения и текстовая модальность противопоставлены по параметру: эксплицитность/ имплицитность. В отличие от предложения, в котором авторская модальность всегда представлена эксплицитно, в тексте она обнаруживается как эксплицитно, так и имплицитно. В первом случае используются собственно грамматические факторы: вводные слова и вводные конструкции, обращения к читателю, собственно вопросительные и риторически-вопросительные построения, адресованные читателю, междометия, придаточные части сложноподчиненного предложения, начинающиеся ирреальными союзами и опирающиеся в своем оформлении на сослагательное наклонение. В случае имплицитного присутствия автора средством его обнаружения является выражение субъективной модальности, характерное только для текста. При этом нельзя представить закрытый список средств обозначения авторского присутствия, так как эти средства выражения текстовой модальности еще предстоит изучить, как предстоит определить их распределение по ядерной и периферийной зонам функционально-семантического поля.

Показатели авторской модальности в текстах от 1-го и 3-го лица будут разными. В текстах от 1-го лица они могут быть явными (глаголы, вводные слова) и скрытыми. При этом явные показатели авторской модальности ограниченно используют модальность предположительности. В тексте от 3-го лица возможны только скрытые показатели авторской модальности (способы выражения интенсивности, категории негации, тождества, отличающиеся от псевдоавторских). Псевдоавторская речь обязательно имеет явные авторизаторы - эксплицитные модусные рамки, не ограниченные по смыслу, как при авторском повествовании от 1-го лица. Рассказчик и автор от 1-го лица, видимо, характеризуется одинаковыми модусными рамками.

Таким образом, модальность предложения и модальность текста четко противопоставлены, как минимум, по двум основным параметрам: 1). Мономодальность предложения и полимодальность текста; 2). Эксплицитность и имплицитность средств выражения этой категории в предложении и в тексте. Анализ субъективных аспектов модальности показал, что субъективная модальность является следствием антропоцентризма языка, что позволило вывести изучение модальности за пределы предложения на уровень текста.

Художественный текст имеет свои собственные категории, не свойственные другим типам текстов, например, научному или публицистическому. Так, категория подтекста возможна только в художественном тексте, а категория персональности в научном и публицистическом типах текстов выражена не достаточно ярко. При этом в качестве ядра своей структуры категории художественного текста не обязательно используют морфологические категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1956. – С. 44
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С.18
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974
4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. – С. 40
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – С. 113
6. Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности// Вопросы языкознания. 1987.№1.- С.90
7. Ильенко С. Г. Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц// Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц.-Л., 1990
8. Кованцева Л. В, Аксиологические значения в семантической структуре сложносочиненных предложений современного русского языка: Автореф. дис. ...канд. филол.наук. – Иваново, 1990
9. Прянишникова А. Д. О композиционной функции партитурности // Филологические науки, 1983. №2. – С.63-78
10. Распопов И. П. Заметки о синтаксической модальной квалификации предложения// Синтаксис и интонация. В. 2., Уфа, 1973
11. Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. М., 1980. – С.215
12. Серио П. В поисках четвертой парадигмы// Философия языка в границах и вне границ. Харьков, 1993. – С.49
13. Солганик Г. Я. О текстовой модальности как5 семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной. конференции. М., 1999.- С.364-372

DEMONSTRATIVE PRONOUNS AS MEANS OF TEXT COHESION

Yana S. Yamshikova, Tatyana V. Milevskaya
Southern (Uzhny) Federal University,
Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

Abstract

The suggested article focuses on the important role of demonstrative pronouns in the formation of statements and the organization of the coherent text in the Russian language. In particular the usage of the demonstrative pronouns in anaphoric function is analyzed. Carrying out a link between an antecedent and a substitute, demonstratives fulfill their basic function as the means of connectivity of the text.

Key words: *demonstrative pronouns, coherent text, deixis, anaphora, anaphoric function, antecedent, substitute.*

Семантическая уникальность класса местоимений представляет большой интерес для исследователей-лингвистов. Прежде всего, это связано с тем фактом, что все местоимения служат в языке для целей референции и играют важную роль в формировании высказываний. «Местоимения и есть тот класс слов, который несет на себе главный груз конкретной референции» (Падучева Е.В. 2001: 10). Специфический знаковый характер местоименных слов позволяет им выступить универсальным средством референции, в качестве как самостоятельных идентификаторов, так и актуализаторов в составе различных именных групп, реализуя тем самым текстообразующие функции в различных своих проявлениях. Являясь семантическими инвариантами – словами с предельно обобщенным значением, конкретным содержанием они наполняются лишь в речевом акте: «местоимения на уровне языковой системы являются словами неполнозначными: их конкретное, вещественное содержание выявляется только в речевых условиях, в контексте» (Киприянов В.Ф. 1989: 49). Значение местоимения раскрывается посредством его соотносительности с антецедентом, т.е., по словам Л.П. Новиковой, местоимения на референтном уровне «соответствует какому-то объекту» (Новикова Л.П. 1981: 67). При этом значение местоимения может быть равным значению антецедента, либо иметь еще и своё дополнительное значение (Ирискулов М.Т. 1970: 52). Соотносясь с антецедентом, местоимения выполняют главную функцию – являются средством связи текста, т.к. «в основе создания связного, целостного текста лежит референция. Референтом связного текста является модель ситуации действительности, осмысленная отправителем речи как связная. Условием когерентности дискурса служит связность концептов: когерентное описание картины мира фиксирует связи между элементами ментальной сферы в структуре фрейма как прототипичного и универсального способа представления ситуации» (Милевская 2002: 77).

Акт референции состоит в привлечении в сферу рассмотрения коммуникантов определенных объектов. Поэтому местоименная референция не может быть описана безотносительно к явлению дейксиса. Дейксис, в свою очередь, является одной из важнейших категорий связности текста. Очевидно, что бессвязный текст не может быть адекватно воспринят

адресатом, поэтому связность текста является необходимым условием успешности коммуникации. Связность традиционно рассматривалась лингвистами как важнейшая текстовая категория, которая обеспечивает целостность текста и опосредует развитие темы. Связность как ведущая категория формо- и смыслообразования текста получила широкое освещение в отечественной и зарубежной лингвистике (К.Е. Мантийская, 1969; Т.М. Максимова, 1972; А.А. Уфимцева, 1974; Харламова, 2000; Т.В. Милевская, 2001; Макдональд, 1978; ван Дейк, 1983).

Существуют различные виды когезии. Т.В. Милевская выделяет дейктическую когезию. К дейктическим средствам когезии относятся, в первую очередь, местоимения, а так же частицы и модальные слова. Местоимения занимают центральное место среди дейктических средств связности текста.

Дейктические местоимения, как главное средство референции, функционируют в тексте в качестве как самостоятельных идентификаторов (абсолютные или субстантивные формы местоименных слов), так и актуализаторов в составе различных именных выражений (связанные или адъективные), образуя в своей совокупности единую систему многоканальных связей внутри текста.

Еще в античных грамматиках отмечалось, что местоимения могут употребляться дейктически и анафорически. Дейксис и анафора - два важнейших конвенциональных механизма, при помощи которых говорящий оперирует референтами в дискурсе, в частности, ориентирует внимание слушающего. Существуют различные подходы к решению вопроса о соотношении дейксиса и анафоры. Мы рассматриваем анафору как вид дейксиса, когда последний ориентирован на внутреннюю организацию текста, т.е. реализуется в контекстуальном поле указания, обеспечивая семантическую связность дискурса. Анализируя категории связности, целостности, линейности контекста, исследователи отмечали, что, наряду с союзной связью и лексико-грамматическим повтором, анафорические отношения представляют собой важнейшее средство связи как на уровне текста, так и сложного предложения (Андромонова Н.А. 1990).

В обыденном смысле под анафорой понимается замена повторного упоминания какого-либо элемента высказывания так называемым анафорическим словом (Ахманова О.С. 1966). Анафорическая функция - одна из главных функций местоимений. Она является средством реализации семантических валентностей местоимений в дискурсе текста. Таким образом, местоимения «скрепляют собой изобразительное полотно языковой картины мира» (Шведова Н.Ю. 1999: 10), то есть выполняют связующую функцию.

К общепризнанным случаям местоименной анафоры относятся примеры с местоимениями типа он и этот. Во многих исследованиях область применения анафоры практически ограничивается только подобными случаями. При более широком понимании местоименной анафоры в нее включаются примеры с местоимениями типа такой, другой (Вольф, 1974; Падучева, 1974; Чехов, 1979). Основой возникновения анафорической соотнесенности является уже реально существующий контекст, в котором возникают различные семантические процессы, ассоциативные связи, импликация, гиперонимия, гипонимия и т.п.

К важнейшим разрядам местоименных слов относятся указательные местоимения, занимающие по ряду особенностей как бы центральное место среди всех типов указательных слов. Дейктичность проявляется в указательных местоимениях в их способности выступать в анафорической, катафорической функциях и функции прямого указания.

Функции указательных местоимений весьма многогранны и чрезвычайно важны для языка. Обладая способностью заменять не только отдельные слова, но также и целые предложения и даже большие отрывки текста, они помогают экономно выражать мысли, а также избегать излишних повторений, то есть делать речь разнообразной и стилистически обработанной. Этим объясняется, что указательные местоименные слова существуют почти во всех языках мира, хотя можно было бы обходиться и без них.

Основными функциями указательных местоимений традиционно считаются функция указания и функция замещения. «Совмещая функцию указания с функцией замещения antecedentных референтных словоформ, дейктические местоимения играют важнейшую роль в организации речевых единиц, выступая как средства синтагматического дейксиса, оформляющие связь единиц сферы синтаксиса текста». (Милевская Т.В. 2003: 197).

Выполняя заместительную функцию, указательные местоимения выступают в роли субституента. Ещё в античности местоимения выделяли в особый класс слов – «заместители имен», делая акцент на заместительной функции местоимений. (Античные теории языка и стиля, 1936: 133). Особо выделяют заместительную функцию местоимений С.Д. Кацнельсон (1965,7), А.В. Александров (1970,13), Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг (1973, 65), Дж. Лич, Я. Свартвик (1975, 56).

При выполнении заместительной функции указательные местоимения (или конструкции с указательными местоимениями) являются редуцированным средством поддержания референции с целью представления данной информации в новом окружении.

В каждом конкретном контексте субститут или анафорическое выражение, содержащее указательное местоимение, выражает определенное значение. При этом, семантика анафорического выражения зависит как от внутриязыковых факторов (системно-структурных особенностей языка), так и от внеязыковых факторов - прагматики высказывания, отношений между субъектом и объектом.

При анализе субститута необходимо учитывать коммуникативные намерения говорящего.

Рассмотрим несколько примеров.

«Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею....»

- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

- Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства...» (А.П. Чехов. Толстый и Тонкий).

Данный отрывок из произведения А.С. Чехова «Толстый и Тонкий» - фрагмент разговора двух бывших друзей детства – Толстого и Тонкого. Показан момент практически мгновенного преобразования отношения бывшего однокашника к новоиспеченному вельможе. Автор с удивительной точностью подобрал слова, тон, позу собеседников. Перевоплощение Тонкого неприятно поразило даже Толстого, наверняка привыкшего к подобострастию и подобному обращению.

Проанализируем анафорическое выражение «в такие вельможи». Восстановление соответствующего языкового явления или antecedenta возможно с помощью трансформации предложения. Лексема такие выполняет функцию определения при субstantиве «вельможи-с» и может раскрываться эксплицитно с частичной перифразой контекста, охватывающего одно

или несколько предложений: Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в тайные советники и имеете две звезды.

Значение словосочетания «такой вельможа» можно раскрыть как человек высокого социального статуса, занимающий высокое положение на карьерной лестнице. Анафорическое местоимение имеет усилительную функцию в данном контексте: говорящий делает акцент на высоком социальном положении собеседника.

Кроме того, местоимение такие отсылает объект к таким же подобным объектам, обладающим схожими признаками. «Такие вельможи» - люди с достатком, чиновники, и именно к ним Тонкий относит и своего друга детства. Грамматически эффект отсылки объекта к ряду подобных достигается при помощи употребления лексем «такой» и «вельможа» во множественном числе, что уже само собой исключает сему единичности и индивидуализации. И эта характеристика будет теперь присуща Толстому в условиях любой ситуации, то есть указывается на типичность состояния объекта. Этим и объясняется поведение Тонкого, когда он услышал о занимаемой его другом должности: побледнел, окаменел, съехался, сгорбился, стал называть друга «ваше превосходительство». Резкая смена в отношении Тонкого к Толстому грамматически выражается в употреблении суффикса –с в конце слов (приятно-с, вельможи-с). С помощью таких слов герой выражает различные оттенки своих чувств: пресмыкания, раболепства, заискивания, самоуничижения.

Итак, вышеприведенный пример употребления указательного местоимения такой демонстрирует одну из функций данного местоимения – функцию усиления значения, а так же отсылки объекта к классу подобных ему объектов.

Следующее анафорическое выражение в анализируемом отрывке текста «Для чего этот тон».

Местоимение этот конкурирует с это по частоте встречаемости. Однако этот превосходит это по референциальным возможностям: это может иметь антецедент, расположенный непосредственно в предшествующей предикации или совокупности предикаций, тогда как возможности этот строго не ограничены ни расстоянием, ни типом антецедента (Красавина О.Н. 2004:51). Основными значениями местоимения этот являются указательность или дейктичность, анафоричность, а его основные категориальные признаки – определенность, конкретность, известность.

Анафорическое местоимение этот в анализируемом нами контексте выполняет функцию определения при существительном «тон». В предшествующем тексте мы не находим прямого антецедента, содержащего сему «тон». Антецедент размыт и восстанавливается имплицитно из предшествующей реплики Тонкого: «- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с». Соответствие анафорического выражения и антецедента возможен главным образом на уровне прагматики текста и на основании некоторых грамматических показателей (см. анализ примера с анафорическим выражением такие вельможи-с).

Трансформированное предложение с имплицитно восстановленным антецедентом выглядит как: Для чего подобострастный, заискивающий, самоуничижительный тон? Либо с глагольной конструкцией: Для чего ты говоришь подобострастным, заискивающим, самоуничижительным тоном?

Исходя из вышесказанного мы приходим к выводу о том, что указательная группа в данном примере может быть названа “анафорический остров”, так как она относится к такому

объекту, наличие которого в описываемой ситуации вытекает из смысла слов, хотя этот объект и не назван никакой отдельной единицей поверхностного уровня. По мнению Падучевой, у подобных указательных групп размывается различие между анафорой и дейксисом: «про такую группу скорее можно сказать, что она обозначает объект, так или иначе возникший в общем поле зрения говорящих в предшествующем тексте, чем отсылает к его имени» (Падучева Е.В. 1985: 159).

Трансформация изъятия наглядно демонстрирует тот факт, что отсутствие анафорического местоимения этот не только разрушает связь между анафорическим выражением и антецедентом, но также искажает, и даже аннулирует, смысл предложения как такового. Ср.: Для чего тон?

Указательное местоимение в данном случае не только отсылает к верному антецеденту и наполняет анализируемое предложение смыслом, но и реализует прагматические отношения, отображает концептуальную сферу познания действительности референтами высказывания, что представляется не менее важным для создания связанного текста. Указательное местоимение этот реализует функцию выделения из множества. То есть объект приобретает признак конкретности, единичности: «именно этот тон, а никакой другой», «именно этот тон, каким сейчас говорит собеседник». В сознании говорящего проецируются отношения действительности, как реалья, и отображается им в высказывании. Анафорический компонент сообщает об установившихся в зоне субъекта отношениях между субъектом и конкретным объектом. Употребление местоимения этот свидетельствует о том, что субъект отображает свое личное, непосредственное восприятие объекта, а не заимствованное со стороны.

Интенция автора заключается в выделении определенного признака объекта. В данном случае Толстый выражает свое отрицательное отношение к самоуничижительному, заискивающему тону своего друга детства. Кроме того, использование указательного местоимения этот позволяет говорящему актуализировать тот денотат, к которому относится детерминатив. Такой дейктический комплекс обладает безусловным референциальным значением, так как указательные местоимения позволяют выделить денотат из ряда однородных предметов не только в плане обособленности, единичности, но и в пространственном плане. Толстый выделяет тон последней реплики Тонкого, как бы скрыто сравнивая данный тон с тоном предыдущих реплик своего друга.

Таким образом, воплощается одна из основных функций указательного местоимения этот – функция выделения из множества.

Рассмотрим и другие особенности употребления указательных местоимений в анафорической функции.

Указательное местоимение может указывать на одновременность действия с другими действиями, о которых идет речь, либо отсылать к прошедшим событиям, выражая детерминированность и анафорический дейксис.

Ср. (1) Проблемам искусства он посвятил в эти годы специальные работы: трактат «Что такое искусство?», статью «О Шекспире и драме» (Основин. Толстой, с.6).

(2) Братья обучались успешно, хотя Петру в то время не было и шести лет, а Варфоломей далеко отставал от них. (Житие преподобного Сергия Радонежского, с. 14) .

Наряду с функциями отождествления и выделения из множества интерес представляет пейоративная функция указательных местоимений, которая на первый взгляд может показаться

противоположной основной, указательной, функции местоимений. Так, например, при употреблении с именами собственными анафорическое местоимение этот выделяет один референт из множества возможных на уровне текста, выражая при этом недостаточную определенность, малоизвестность референта, либо передавая оттенок пейоративности, демонстрируя отчужденность от номинации и/или ее референта. «Указательное местоимение в идентифицирующем значении употребляется при имени собственном в тех случаях, когда имя собственное только что введено в фонд знаний говорящего или адресата речи и, по мнению говорящего, еще ощущается недостаточность для идентификации» (Шмелев А.Д. 1996: 106). Сочетания лексемы этот с именами собственными возможны и в случаях, когда говорящий уверен в точности номинации, однако не уверен в ее уместности или выражает пристрастное (чаще негативное) отношение к номинации:

(3) Был вчера на публичной лекции нашего ZZ. Удивляюсь, как это наша *alma mater*, не к ночи будь помянута, решается показывать публике таких балбесов и патентованных тупиц, как этот ZZ. Ведь это европейский дурак! (Чехов А.П., с. 54).

Местоимение это сочетается со словом все для употребления при антецеденте, называющим множество предметов, выражая при этом обобщенное указание:

(4) Билеты разных цветов продавались по «станциям» - на участки пути, и, кроме того, были белые пересадочные билеты, с которыми можно было пересест в определенных местах на другой маршрут. Все эти маршруты указаны в старых путеводителях по Петербургу (Д.С. Лихачев, с.44).

Указательное местоимение тот так же является средством связности текста. На первое место для данного местоимения выходит значение дискретной указательности и анафоричность. В данном случае местоимение может указывать на знакомый, уже упоминавшийся в повествовании предмет, либо указывать на то, что предмет именно тот, не другой, этот же самый по качеству, свойству.

В анафорическом употреблении соотносясь с конкретным референтом, указательное местоимение приобретает значение индивидуализирующей определенности:

(5) Антон молчал, потирая руками мокрую свою голову. – Стой! – закричали в один голос караульщики и кинулись на него. Тот без всякого сопротивления дался им в руки (Григорovich Д.В., с. 141)

Указательное местоимение тот в данном случае близко по значению к личному местоимению 3-го лица (он).

Необходимость в дополнительной определенной актуализации объекта повествования возникает, если связь между высказываниями, содержащими объект речи, нарушается. В таких случаях прибегают к анафорическому употреблению указательных местоимений.

(6) — А нехорошо, Лизавета, что мы не дали тому казаку разговеться (Чехов А.П.).

Объект речи известен говорящим из прошлого опыта. Происходит указание на что-либо удаленное в пространстве или во времени, выражая дейктичность и анафоричность. Такое определение анафорического употребления указательного местоимения возможно при широком понимании анафоры: «В узком понимании анафора трактуется как связь между полнозначным словом и его заместителем, а в широком – как повтор или же связь полнозначного слова и его заместителя на расстоянии» (Селеменова Л.А. 2005: 40).

Говорящий употребляет местоимение этот или тот в зависимости от линейного расстояния между антецедентом и референтом. «В письменной речи определенность их конкретного значения достигается на основе контекста: этот указывает на ближайший из упомянутых предметов, а тот более отдаленно упомянутый: Этот фотоаппарат удобнее ранее описанного: тот не имеет дальногомера». (Гвоздев А.Н. 1961: 285).

По утверждению Падучевой Е.В., местоимение тот почти не употребляется в современном русском языке как адъективный анафор. Однако, тот может выступать в этой функции в сочетании с частицами же и самый:

(7) Он остановился в маленьком сквере около вокзала и сел на ту же скамейку, где еще так недавно вспоминал тиф, усадьбу, предчувствие Машеньки. (В. Набоков, с. 125). Идет ссылка на уже известный читателю предмет, автору важно показать цикличность событий, взаимосвязь прошлого и настоящего. Таким образом проявляются признаки анафоричности, известности.

Местоимения тот же и тот самый отличаются от слова этот своей сочетаемостью: они присоединяются преимущественно не к общим именам, а к именным группам, предназначенным, в силу своей структуры, для конкретной референции — собственным именам и определенным дескрипциям. (Падучева Е.В. 1989: 60).

Итак, указательные местоимения в анафорическом употреблении реализуют ряд функций: выделение объекта речи из множества или отнесение его к классу подобных объектов (отождествление), усиление значения, обобщенное указание (в сочетании со словом все). Местоимения могут указывать на одновременность действия с другими действиями, о которых идет речь, либо отсылать к прошедшим событиям. При этом указательные местоимения выражают различные значения: индивидуализирующей определенности, типичности, детерминированности, анафоричности, известности. Кроме того, в пейоративном употреблении местоимения могут выражать и недостаточную определенность, малоизвестность референта, демонстрируя отчужденность от номинации и/или ее референта. Все вышеперечисленные функции осуществляют связь антецедента и субститута, реализуя при этом основную роль указательных местоимений в дискурсе: как средства связности текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андромонова Н.А. Русский язык: учеб. для 9 кл. тат. шк. / Н.А.Андромонова, Г.К.Хамзина, П.Ш. Абдуллина; под ред. Н.А.Андромоновой.- 10-е изд., дораб.- Казань: Тат. кн. изд-во, 1990.- 160 с.
2. Античные теории языка и стиля. М.-Л., СоцЭКПВ. -1936. – 341 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
4. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – М., 1961. – часть 1.
5. Ирискулов М.Т. Анализ системы личных, притяжательных и возвратных местоимений современного английского языка. – Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1970. – 230 с.
6. Киприянов В.Ф. О дейктичности коммуникантов // Русские местоимения: семантика и грамматика. Межвузовский сб. науч. тр. Владимир, 1989. С.46-51.
7. Красавина О.Н. Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе // Вопросы языкознания. № 3. 2004 г., с. 51-67.

8. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) : Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов – на - Дону, РГПУ, 2003. - 390 с.
9. Новикова Л.П. Предложения с обобщающими подлежащими it, this, that в современном английском языке. – Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. - 200 с.
10. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 2-изд. М.: УРСС, 2001. - 288с.
11. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., «Наука», 1985. – 871с.
12. Падучева Е.В. К семантике указательных местоимений: тот же и тот самый.//Русские местоимения: семантика и грамматика. Межвузовский сб. науч. тр. – Владимир: ВГПИ, 1989. – 149 с.
13. Селеменова Л.А. Прагмалингвистический аспект дейктических и анафорических референциальных местоимений (на материале русских и американских коротких рассказов XIX века и их переводов). Дис... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
14. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопр. языкозн., 1999. №1.
15. Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка. Тампере: Ун-т Тампере, 1996.

**THE CRITICALLY REFLECTIVE SIGHT OF THE PHILOSOPHERS
OF THE SIXTH CENTURY AT SCIENCE AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE
(ARTHUR SCHOPENHAUER, FRIEDRICH NIETZSCHE)**

Yevgeny E. Nesmeyanov

Southern (Uzhny) Federal University, 33, Sadovaya St., Russia, Rostov-on-Don

Abstract

Schopenhauer's philosophy is a "revolt" against the ideas of the French Enlightenment whose representatives (Voltaire, Montesquieu, La Mettrie, Diderot, Condillac, Rousseau, Helvetius, Holbach) proved the idea about the priority of reason and science at the solution of all problems of the human society. It is possible to assert that Schopenhauer stood on the position of the Counter-Enlightenment, as well as Nietzsche and other philosophers, who we will mention later. The representatives of the Counter-Enlightenment criticised the claims of reason and science for their domination in culture while all the other forms of comprehension of the world - a myth, poetry, symbolism - were rejected in the right even to be called forms of knowledge of the world. They negatively estimated the main principles of the Enlightenment – universality, objectivity, rationality, based in the recognition of ability of a conceiving person to resolve all the problems. Therefore the representatives of the Counter-Enlightenment were antirationalists and irrationalists. They thought that it was impossible to substitute the integrities of the world with a scientific picture of the world, in which this integrity was divided during the mathematical and physical analysis. The scientific analysis, from their point of view, "prepared" the live reality, destroying it, so no one must proclaim science as the only decent form of the world knowledge of a person.

Key words: *World Will, the knowledge theory, the original thinker, Counter-Enlightenment, antirationalism, irrationalism*

Философия Шопенгауэра - это «бунт» против идей французского Просвещения, представители которого (Вольтер, Монтескье, Ламетри, Дидро, Кондильяк, Руссо, Гельвеции, Гольбах) обосновывали идею о приоритете разума и науки при решении всех проблем человеческого общества. Можно утверждать, что Шопенгауэр стоял на позициях Контрпросвещения, также как и Ницше и другие философы, о которых будет сказано ниже. Представители контрпросвещения критиковали претензии разума и науки на господство в культуре, когда всем остальным формам постижения мира - мифу, поэзии, символизму отказывалось в праве даже называться формами познания мира. Они отрицательно оценили основные принципы Просвещения – универсальность, объективность, рациональность, лежащие в основе признания способности мыслящего человека разрешить все проблемы. Поэтому представители контрпросвещения были антирационалистами и иррационалистами. Они считали, что нельзя подменять целости мира научной картиной мира, в которой эта целость разъята в ходе математического и физического анализа. Научный анализ, с их точки зрения, «препарирует» живую действительность, умерщвляя ее, а потому нельзя науку провозглашать единственно достойной челок формой познания мира.

Чтобы понять содержание теории познания Шопенгауэра, необходимо в общих чертах раскрыть суть главной мысли его философии. Она состоит в утверждении, что существует потусторонняя сущность мира, которая являет себя в мир в виде образов видимости и кажимости (рассматривать материальный мир как мир видимости, кажимости Шопенгауэр стал под влиянием учения буддийской школы мадхьямиков). Этой потусторонней сущностью является Мировая Воля, которая ничем не обусловлена, ничем не ограничена, безосновна, беспричинна и безлична. Она в себе свободна, но свобода эта иррациональна, так как проявляется в бесцельном, лишенном всякого смысла стремлении Мировой Воли к вечному становлению. Бесцельность, бессмысленность и даже некую абсурдность этого стремления Шопенгауэр определяет как аморальный по своей сути произвол Мировой Воли. Поэтому, будучи могучим творческим потенциалом, порождающим мир как мир представлений (кажимостей и видимостей), она способна породить любое зло в мире. В ней изначально коренится нечто негативное, некое, как пишет Шопенгауэр, «слепое влечение, темный, глухой позыв, вне всякой непосредственной познаваемости».

Мировая Воля являет себя в мир в виде беспредельного многообразия представлений, которые не совпадают с ней ни по содержанию, ни по форме. Будучи в себе единой, Мировая Воля проявляет себя в пространстве и времени в виде бесчисленного множества отдельных волей, которые ведут друг с другом нескончаемую борьбу. Это обусловлено тем, что Воля устремлена к реализации своей воли так, что в своих проявлениях она продолжает свои бесконечные иррациональные искания и борения.

Итак, Шопенгауэр интерпретировал космический процесс как бесцельное и бессмысленное движение, что не может не приводит людей в отчаяние. Чтобы побороть отчаяние и выжить, люди создали утешительные иллюзии в виде религий, обещающих награду после смерти; философских учений, которые пытаются рационально объяснить мир, а также деяния людей в модусе долженствования; науки претендующей на то, что она может познать все и облагодетельствовать людей как материально, так и нравственно.

Для Шопенгауэра Воля является внутренней сущностью не только психических явлений, но и всех событий, происходящих в органической и неорганической природе. Явления Воли всегда борются друг с другом, и в силу этого Воля находится в состоянии борьбы и сама с собой, что приводит к «раздвоению» ее в себе самой. Этим и вызвано наличие в природе сил притяжения и отталкивания, созидания и гибели, а также борьба людей, животных и растений за выживание. С точки зрения Шопенгауэра, вся природа - это осуществление воли к жизни, сопровождающееся постоянной борьбой всего живого со всем остальным миром за свое существование, т.е. постоянной борьбой «всех против всех».

Разное проявление Воли в природе и создает ступени ее развития. Так, проявление Воли в виде слепого влечения, глухого, темного порыва характерно для низшей ступени развития природы, тогда как проявление Воли в виде идеи соответствует тому уровню развития природы, на котором существует человек. Свобода человеческой воли, как высшее проявление Мировой Воли, есть свидетельство того, что Мировая Воля ничем не обусловлена, ничем не ограничена, безосновна и беспричинна. Но так как она не совпадает, ни по содержанию, ни по форме со своими проявлениями вовне, то воля человека, в отличие от тех сущностных характеристик, какими обладает Мировая Воля (отсутствие всякой цели, границ, бесконечное, нигде не завершающееся стремление), всегда является волей не вообще, а волей к чему-нибудь (будь то объект или желание).

Начиная с 24-летнего возраста, Шопенгауэр, по его собственному свидетельству, углубленно размышлял над теорией познания и этикой Канта и неоднократно называл себя последним кантианцем. Но в действительности он им не стал, хотя и способствовал нарастанию философского движения «Назад к Канту», которое началось в Германии в 1865 году. В своей теории познания Шопенгауэр, во-первых, ослабил агностицизм, присущий кантовской теории познания, который проистекал из кантовского понимания «вещи в себе» как границы познания; во-вторых, в отличие от Канта, утверждал, что чувственность и рассудок не могут быть жестко разведены, в силу их иррационального единства; в-третьих, из двенадцати категорий рассудка, вводимых Кантом признал только «причинность», «пространство» и «время»; в-четвертых, если согласно Канту, «вещь в себе» объективировалась в природных явлениях, которые не были иллюзией, хотя и обнаруживались благодаря априорным способностям чувственности и рассудка то, с точки зрения Шопенгауэра, мир природных явлений, будучи продуктом мировой воли, этой своеобразной «вещи в себе», оказывался миром иллюзий. И только движениям человеческой и других органических волей Шопенгауэр не приписывал иллюзорности, в силу того, что страдания неудовлетворенной воли он рассматривал как доказательство реальности личного существования (существования «я») (Ср. Декарт рассматривал в качестве доказательства личного существования процедуру сомнения - *cogito*).

В основе всякого познания, согласно Шопенгауэру, лежат интуитивно формирующиеся и переживаемые мотивации человека, а потому познание выступает как функция воли людей. Так, принцип причинности он рассматривал как акт воли. Шопенгауэр считал, что в глубине человеческих мыслей, переживаний, образов и представлений лежат волевые импульсы, которые возможны только потому, что существует запредельная Мировая Воля, познать которую наука не может. В этой связи он скептически относится ко всякого рода теоретическим абстракциям и обобщениям, имеющимся в науке и претендующим на познание сущности вещей.

Эти мысли позволяют охарактеризовать его понимание познания как пессимистичное, хотя и не скептическое. Шопенгауэр не отрицал возможности познания природы, но считал, что органы познания, к которым он относил внешние чувства и разум, приспособлены только к объектному постижению (открытие видимых причин явлений, систематизация событий и их упорядоченность). А это означало, что научное познание имеет границы, определяемые объектом познания, в качестве которого может выступать только мир явлений Мировой Воли.

Мировая воля не есть нечто абсолютно непознаваемое, с точки зрения Шопенгауэра. Она проявляет себя в природном мире в виде: а) разного рода физических сил (тяготения, магнитного притяжения и т.д.); б) процессов кристаллизации; в) роста растений; г) борьбы за существование в органическом мире; д) инстинктов животных (пищевой и половой инстинкты признавались Шопенгауэром самыми сильными); е) аффектов людей, к которым относятся, прежде всего, их мстительность и властолюбие.

Так как все явления и процессы, происходящие в мире, это различные по интенсивности обнаружения Мировой Воли, то такие изучаемые в естествознании силы, как тяжесть, инерция, магнетизм и др. нельзя объяснить из природы материи, и ученые тщетно пытаются открыть в материи причину магнетизма, тяготения и т.д. Причина этих сил и явлений в Мировой Воле, и потому все открытия в науке есть по своей сути процессы освобождения Воли, которая может тысячелетиями «дремать» в том или ином веществе. Ученые просто создают преднамеренно, целесообразно или случайно условия этого освобождения. «Освобождение» Воли сопровождается тем, что в своих проявлениях она демонстрирует свою вечную

неудовлетворенность и ненасытность в стремлении к разрушению и борьбе. Поэтому надежды на то, что успехи естественных наук принесут людям счастье, оказываются иллюзорными. Шопенгауэр утверждал, что наука не принесет никакой пользы человеческому освобождению, ибо в руках морально ущербных людей использование научных достижений будет оборачиваться все большим злом и разрушением.

Так как все существующее в видимом мире есть проявления Мировой Воли, не совпадающей ни по содержанию, ни по форме с тем, в чем она проявляется, то истинная сущность всего существующего не может быть познана с помощью органов внешних чувств и даже разума. Истинная сущность вещей иррациональна по своему характеру, а потому в ее постижении участвует только интуиция, которая, по Шопенгауэру, является выражением запредельной воли к познанию.

Характеристика ученых и ученого сообщества, которой придерживался Шопенгауэр, обуславливалась его толкованием сущности человека как явления Мировой Воли.

Согласно Шопенгауэру, в самом мировом начале, в качестве которого выступает Мировая Воля, уже заложена двойственность, разлад с собой, что есть зло само по себе. Достигая более сознательных и совершенных уровней своего обнаружения, Мировая Воля с большей откровенностью являет и зло, корнящееся в ней. А потому более развитые в интеллектуальном и эмоциональном отношении люди (как высший уровень проявления Мировой Воли) подвержены и более глубоким нравственным страданиям, таким, как горе, страхи, тревоги. Даже те редкие моменты в их жизни, когда они удовлетворяют свои желания, быстро сменяются разочарованием, скукой и новыми тревогами. Искания людей, их надежды и разочарования всегда пронизаны неудовлетворенностью, порождающей вечное смятение. Зло, корнящееся в самой Мировой Воле, проявляется в том, что жизнь как личная, так и общественная, проникнута пошлостью, завистью, лицемерием. Шопенгауэр дает нелицеприятную «картинку» содержания всех добродетелей. Так, забота о близких, борьба за счастье угнетенных на деле оказываются маскировкой собственных выгод, а парламентские дебаты – прикрытием группового и личного интереса, основывающегося на грубом эгоизме и т.д.

Характеризуя жизнь людей в обществе, он использует известный афоризм английского философа XVII века Т. Гоббса «человек человеку волк» и считает, что в области морали человечество в течение последних веков не достигло никакого прогресса. В качестве подтверждения он ссылается на непрекращающуюся эксплуатацию человека человеком, постоянные кровопролитные войны, акты насилий, к которым прибегают преступники разного рода и т.д.

Шопенгауэр делил ученых на два класса: а) «просто» ученые и б) оригинальные и самобытные мыслители. Ущербность человека как морального существа определяет поведение «просто» ученых, которых большинство. Злая воля этого большинства проявляется по отношению к оригинальным мыслителям, которых меньшинство.

Шопенгауэр различал *способы мышления и моральность поведения самобытных мыслителей и «просто» ученых*. Эти различия можно классифицировать следующим образом.

1. *Самобытный мыслитель* обладает самостоятельным мышлением, т.е. думает своей головой, пробиваясь к истине с помощью собственного мышления. Для самостоятельного мышления вредно получать «сильный приток» идей «посредством чтения чужих мыслей». Огромное количество чужих мыслей, в силу того что они принадлежат различным умам, различным системам не могут способствовать формированию единства мышления. Скорее, наоборот, они

лишают переполненный ими ум всякого ясного взгляда и таким образом почти его расстраивают (такого взгляда на использование чужих мыслей придерживался и Декарт). Поэтому самобытный мыслитель только «впоследствии знакомится с авторитетными» идеями в его области для подтверждения и подкрепления своих мыслей. Его мировоззрение «есть выношенный и рожденный плод, зачатый вследствие воздействия внешнего мира на мыслящий дух». Даже если самобытный ученый читает много, то прочитанное ассимилирует, внедряет «в систему собственных мыслей», подчиняет «целостному единству» своих идей. Его собственное мышление, его идеи доминируют над чужими мыслями, как «основной бас органа» «никогда не бывает заглушаем посторонними тонами».

«Просто» ученый, наоборот, исходит из чужих мыслей, которые и «образуют в голове легкое вавилонское столпотворение». Он пытается из вычитанных чужих мнений составить некое целое, поэтому его знания могут носить систематический характер. Но в этой систематичности не будет «гармонии, связи и значения», т.е. истины, так как «просто» ученый ее не добывает, а заучивает, взяв ее из исследований самобытных мыслителей, или комбинирует из чужих мыслей. Этим и объясняется тот факт, что часто «просто» ученые уступают в правильности суждений и практических знаниях неученым, которые «свои незначительные познания, приобретенные ими путем опыта, разговора и небольшого чтения, усваивают посредством собственного мышления». Свое понимание различия между «просто» учеными, которых, по мнению Шопенгауэра, подавляющее большинство в науке, и самобытными мыслителями он выразил в таком афоризме: «Ученые - это те, которые начитались книг; но мыслители, гении, просветители мира и двигатели человечества - это те, которые читали непосредственно в книге Вселенной».

По мнению Шопенгауэра, намного выше разряда «просто» ученых в смысле способности суждения стоят и дилетанты. Унизительным словом «дилетант», писал он, называют тех, кто занимается наукой не ради выгоды, а из любви к ней. «Это уничижение» основывается на «подлом убеждении» тех, кто занимается наукой ради выгоды, что «никто не может серьезно приняться за какое-то дело, если к тому не побуждает нужда, голод или иное какое вожделение». «Просто» ученые на этом основании зачислили и Гете в разряд дилетантов, хотя, как в дальнейшем было признано, что он создал новую теорию цветов и красок.

2. Для самобытного мыслителя наука - это цель его жизни, а все остальное, даже и самое существование» является только средством. Он занимается наукой ради самого предмета исследования, а не ради выгоды или надежды на награды.

Для огромного же большинства «просто» ученых, наука - это средство для реализации каких-то других, не связанных с наукой целей, а потому они никогда не сделают великих открытий в науке. Они «только живут от науки», но не живут наукой. Например, изучают науки для того, чтобы «иметь возможность учить других и писать», зарабатывая этими занятиями деньги. Но «их поучения и писания мало полезны», - писал Шопенгауэр, - ибо «голова их уподобляется желудку и кишкам, которые выбрасывают пищу, не переваривая».

Но занятия наукой не приносят больших доходов, а потому «просто» ученые всегда слишком бедны, чтобы «позволить себе быть добросовестными и честными». Шопенгауэр дает уничижительную характеристику немецкого ученого своего времени, описывая его «обычай и методу» следующим образом: «извиваться, вилять, приспосабливаться, отречься от своих убеждений, учить не тому и писать не то, что думаешь, пресмыкаться, льстить, составлять партии и приятельские кружки, принимать в соображение министров, сильных мира, сотова-

рищей, студентов, книготорговцев, рецензентов: словом, на все обращать внимание раньше, чем на истину и чужие заслуги».

3. *Самобытный мыслитель* во всех сферах культуры, а не только в науке, «выбивается» из ряда посредственностей. «Просто» ученые ему завидуют, а потому устраивают гонение, или окружают его открытие, его жизнь «коварным и упорным молчанием», известным «под техническим термином *игнорирование*». Сенека называл эту ситуацию *silentium livoris* (злобное молчание). Шопенгауэр призывал самобытных мыслителей не тратить силы на то, чтобы добиться признания современников, ибо «слава, которой суждено быть долговечной, созревает очень поздно». Запаздывание времени славы, как объяснял Шопенгауэр, вызвано тем обстоятельством, что для понимания открытия, изобретения «требуется головы, встречающиеся не во всякое время» и не в «таком достаточном числе, чтобы им удалось заставить себя слушать, в то время как вечно бодрствующая зависть будет делать все, чтобы только заглушить их голоса».

Сообщество «просто» ученых, которых подавляющее большинство, создают некое подобие «ученой республики». В ней, пишет Шопенгауэр, «любят простого, недалекого человека, который тихонько идет своей дорожкой и не старается быть умнее других». В этой республике ученых «каждый старается только для личных выгод», чтобы подчеркнуть свое собственное значение. Но все члены этой республики ученых сходятся в одном: «не дать выдвинуться действительно выдающемуся человеку», ибо он «одинаково опасен для всех». «Легко понять, - подчеркивал Шопенгауэр, - как это отражается на ходе самой науки».

Пессимистичен и взгляд Шопенгауэра в будущее: «Не следует думать, что этот порядок и ход вещей когда-либо улучшится. Злополучные свойства человеческого рода, хотя в каждом поколении и принимают несколько видоизмененную форму, но, в сущности, во все времена остаются теми же самыми. Отличные умы редко пробиваются при жизни...». В качестве примера Шопенгауэр приводит Коперника, который и «через сто лет не вытеснил Птолемея», Ф. Бэкона, Декарт, Локка, которые приобретали известность «чрезвычайно медленно поздно». То же случилось и с учением Ньютона о всемирном тяготении. Хотя он «на 40 лет пережил появление своих «Принципов», но когда он умер, учение его отчасти только было принято в Англии». Юм оставался неизвестным до пятидесятилетнего возраста, а Кант «добился славы только на седьмом десятке». Сам Шопенгауэр получил известность и признание только в конце жизни. В этой связи он говорил: «Закат моей жизни стал зарей моей славы».

4. Академии, содержащиеся правительством, как правило, не включают в свой состав *самобытных мыслителей*, которые не желают тратить время на заботы, далекие от исследовательской работы. Поэтому «важные новые истины редко исходят от академий». Какова же должна быть роль академий, если в ней «заседает и чванится столько глупцов?» - писал Шопенгауэр. С его точки зрения, члены академий должны по крайней мере «уметь оценивать важные труды и говорить о них *ex officio*» (по обязанности), а правительство должно поручать им эту оценку. Но эта позиция Шопенгауэра противоречит всем тем характеристикам, которые он давал просто ученым.

Шопенгауэр на основе самонаблюдения пришел к выводу, что «самомышление не всегда зависит от нашей воли», что «во всякое время можно сесть и читать, но не сесть и думать». Мысли «нельзя призывать во всякое время, по желанию, а следует ждать, чтобы они пришли сами».

Собственному мышлению, согласно Шопенгауэру наносят вред, во-первых, «постоянное чтение», во-вторых, «многописание» (имеется в виду написание множества текстов), в-третьих, «постоянное преподавание», которое не оставляет ученому времени для самостоятельного обдумывания проблем и их понимания. Об этом же писал и Дидро.

В заключение отметим, что Шопенгауэр называл все дело Мировой Воли преступлением и считал, что преступник должен быть наказан. Философ построил систему рассуждений по поводу того, как люди смогут освободиться от зла и связанных с ним страданий.

Общая оценка, которую дал Ницше науке, такова: наука, восходящая своими истоками к Сократу, опирается на разум, который все схематизирует, а потому она глубоко враждебна жизни, основывающейся на инстинктах. Два тысячелетия господства разума Ницше называл тысячелетиями «противоестественности и человеческого позора».

Возникновение науки, как считал Ницше, имеет несколько истоков.

1. Идеи Сократа, которого Ницше называл «мистагогом науки» (мистагог у древних греков - жрец, посвящавший в таинства в мистериях). Сократ создал «тип неслыханной до него формы бытия, тип *теоретического человека*». Этот тип человека характеризовался определенными устремлениями и установками, среди которых Ницше выделял следующие. (1) Нацеленность на то, чтобы находить «удовлетворение в наличной действительности» и признавать в качестве высшей цели, дающей «наслаждение», сбрасывание «покрова» с природы, ее «разоблачение», «завоевание», желание созерцать «нагую богиню» ~ истину, «охватить весь мир явлений» «широкими кольцами» деятельного познания. В отличие от художника, который «при всяком разоблачении истины остается все же прикованным восторженными взорами к тому, что и теперь, после разоблачения, осталось от ее покрова», теоретический человек «радуется сброшенному покрову и видит себя высшую цель и наслаждение в процессе... разоблачения». (Эти мысли Ницше впоследствии использует Ж. Деррида для утверждения принципа фаллоцентризма в науке). Поэтому Сократа как теоретического человека «более занимает искание истины, чем она сама». Влечение к жизни у теоретического человека сводится только к радости *познания*, к желанию «завершить» «завоевание» истины. (2) Подверженность мечтательной и иллюзорной вере в то, что «мышление, руководимое законом причинности, может проникнуть в глубочайшие «бездны бытия и что это мышление не только может познать бытие, но *даже и исправить* его». Эта «возвышенная метафизическая мечта», появившаяся на свет в лице Сократа, теперь присуща науке «в качестве инстинкта», - писал Ницше. (3) Убежденность в том, что с помощью *I* знания и доводов можно освободиться от страха смерти. Умиравший Сократ в этом смысле стал «щитом с гербом на вратах науки». Этот «щит» напоминает науке об ее назначении - «делать нам понятным существование и тем его оправдывать». Другими словами, делать понятными, т.е. выводимыми «из диалектики» не только знания, но и «даже самые возвышенные моральные деяния, аффекты *сострадания*, самоотвержения, героизма». (4) Нацеленность на теоретический оптимизм, «первообразом» которого стал, по убеждению Ницше, сам Сократ. Опираясь на «веру в познаваемость природы вещей», теоретический оптимист «приписывает знанию и познанию силу универсального лечебного средства, а в заблуждении видит зло как таковое». Признание «благороднейшим и единственным истинно человеческим призванием» деятельности по отделению истины от заблуждения, привело к *I* тому, что способности к суждениям и умозаключениям стали цениться *I* «выше других способностей». Другими словами, «в существе логики» были скрыты истоки оптимизма. Но, несмотря на критический тон в [адрес теоретического оптимизма, Ницше отмечал, что этот оптимизм ограждает «от практической этики пессимизма», которую

Ницше называл «чумой», так как «практический пессимизм» состоит в ослаблении инстинктивной любви к жизни. Это ослабление обусловливается эгоистическими целями индивидов и народов, которые в силу своей ориентации на «всеобщую губительную борьбу», порождают «ужасающую этику народоубийства». Сократ, по мнению Ницше, - одна из поворотных точек всемирной истории, так как после него появилась «неведомая дотоле универсальность жажды знания» и «неизмеримая сумма сил» была обращена на службу познания, а не «на практические, т.е. эгоистические, цели индивидов и народов».

2. «Кудесники, алхимики, астрологи и ведьмы», так как они первыми вызвали «своими предсказаниями и подтасовками» «жажду, голод и вкус к *скрытым и запретным* силам».

3. Религия (христианская - Т.М.), которая научила человека «ощущать голод и жажду по самому себе и черпать из себя насыщенный и полноту», т.е. научила антропоцентризму, без которого не было бы науки. Наука строится на антропоцентризме, на уверенности человеческого разума в том, что он из себя может черпать все принципы постижения мира. Ницше предсказывал, что когда-нибудь «какой-то далекой эпохе предстанет неким упражнением и прелюдией» к науке «и вся *религия*».

Наука, отмечал Ницше, с самого начала рассматривалась как «лучшее *средство* к стяжанию добродетели» и «даже среди наиболее ревностных ее адептов на первом месте стояло стремление к *добродетели*». Он называл такое понимание науки заблуждением и привел в качестве примера три таких заблуждения: а) Ньютон «надеялся», что через науку «лучше всего постичь божественную благодать и мудрость»; б) Вольтер верил «в сокровеннейшую связь морали, знания и счастья»; в) Спиноза полагал «найти и полюбить в науке нечто бескорыстное, безобидное, себедовлеющее, поистине невинное, нечто такое, к чему злые влечения человека не имеют никакого отношения».

Почему же рассматривать науку как средство к стяжанию добродетели есть заблуждение? Отвечая на этот вопрос, Ницше писал, что тогда «последняя цель науки» должна состоять в том, «чтобы доставлять человеку как можно больше удовольствия и как можно меньше неудовольствия». Но удовольствие и неудовольствие очень «тесно связаны друг с другом»: «тот, кто хочет преуспеть в небесном восхищении», *должен* быть готовым и к «смертной скорби». Это, как отмечает Ницше, понимали античные стоики, а потому «стремились к возможно меньшему количеству удовольствий, дабы получить от жизни как можно меньше неудовольствий». Если вы намерены, писал Ницше, «уменьшить страдания человека», то «вам придется подавить и уменьшить также и *способность к наслаждениям*».

Но по мере развития новоевропейской науки она стала «больше, чем средство к стяжанию добродетели». К причинам занятий научным познанием стали относить любопытство, привычку к познанию, возможность получить «почести и кусок хлеба». Более того, «научная склонность» стала обосновываться даже «скукой», возникающей при «избытке досуга». Науку стали называть «прекраснейшим украшением и величайшей гордостью нашей жизни». Такие эпитеты употребляют и «церковные панегиристы науки», и в качестве подтверждения Ницше цитирует папскую грамоту Льва Х.

Появилось представление о существовании некоей «познавательной страсти», двигающей науку. Эту «познавательную страсть» стали старательно отделять от всех человеческих эмоций и форм отношения к миру, что и выразил Спиноза в своем знаменитом афоризме «не смеяться, не плакать, не клясть, а понимать». Спиноза, писал Ницше, призывал ученых отказаться от всего личностного, экзистенциального, не зная иной радости, кроме той, какую дает познание,

отдаться предмету, быть приемником и отражателем образов внешнего мира, чуждых личности ученого, развивать в себе способности рационального мышления. Ницше, напротив, считал, что познание (*intelligere*) нельзя сводить только к логически разумным способам мышления, не связанным с человеческими эмоциями, а также с явными и скрытыми побуждениями.

Свое неприятие позиции Спинозы Ницше аргументирует следующим образом. Перечисленные Спинозой побуждения к смеху, плачу, проклятию различны и противоречивы. Каждое из них утверждается в одностороннем взгляде на вещь или событие. Возникает скрытая от мышления борьба этих односторонностей, которая со временем перейдет в «равновесие», «некоего рода справедливость и как бы договор». Мы осознаем лишь «итоговые результаты этого длительного процесса», полагая, что «*intelligere* (мышление, сознание, познание - Т.М.) есть ... нечто существенно противоположное побуждениям». На самом же деле, пишет Ницше, *intelligere* «есть лишь *определенное отношение побуждений друг к другу*».

Ницше одним из первых высказал предположение о том, что логическое рациональное мышление, каким так гордится наука, не является самодостаточным. Оно претендует на самопознание и рефлексия, не подозревая о том, что «наибольшая часть наших духовных процессов протекает в нас бессознательно», что человек, а следовательно, и ученый, не есть чисто логическое существо. «Даже разумнейший человек нуждается ... в своем *основном нелогическом отношении ко всем вещам*», так как познавательный аппарат человека устроен отнюдь не в целях рационально-логического постижения мира. «Истолковывают» мир человеческие влечения, а такое истолкование не может обойтись без мифа и мистической интуиции.

Выступая против познавательного теоретического оптимизма, скрытого «в существе логики», Ницше предсказывал его крушение. Наука со временем обнаружит границы возможности логически прояснить мир и «к ужасу своему» увидит, «что логика у этих границ свертывается в кольцо и, в конце концов, вливается в свой собственный хвост», - писал он. Предвосхищая Фрейда, Ницше утверждал, что наши побуждения скрытым для нас образом борются друг с другом причиняют «*друг другу боль*», что и может быть причиной того сильного внезапного «истощения, которому подвергаются все мыслители» «Это - истощение на поле битвы». «*Сознательное* мышление, в особенности мышление философа, есть бессильнейший и оттого соответственно умереннейший и спокойнейший род мышления». Поэтому именно философ легче всего вводится «в заблуждение относительно природы познания», сводя его только к логически-рациональному акту, как это и случилось со Спинозой.

Свою идею о том, что «истолковывают» мир человеческие влечения, Ницше применил для характеристики английских ученых Дарвина, Дж. Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Он называл их «посредственными англичанами» по той причине, что им не хватает «настоящей *мощи* ума, настоящей *глубины* умственного взгляда, словом философии». Для их мышления была характерна «узость, сухость и рачительность» мысли. Именно эти качества мышления, как считал Ницше, «способствовали» научным открытиям, подобным открытию Дарвина.

Первым скрытым истоком научных теорий английских ученых была, по мнению Ницше, бедность их предков. Ницше демонстрирует действие этого скрытого истока на эволюционное учение Дарвина, в котором утверждалась борьба за существование. Бедные люди, хорошо знавшие «тяготы хлеба насущного», не могли усмотреть импульс жизни ни в чем ином, кроме самосохранения и борьбы за существование. Ученые, будучи их потомками, воспроизводят этот же стиль жизни, приписывая и природе «бедственное состояние», а следовательно, борьбу за существование. Этим, как считал Ницше, и можно объяснить появление дарвиновской

теории с ее «непостижимо односторонним учением о «борьбе за существование». «От всего английского дарвинизма, - писал он, - отдает как бы удушливой атмосферой английского перенаселения, как бы мелколюдным запахом нужды и тесноты». Англия в лице Дарвина породила «плебейство новейших идей».

Плебейская психология, по мнению Ницше, определила и содержание императива науки, устанавливающего пределы научного познания: «Где человеку нечего больше видеть и хватать руками, там ему также нечего больше искать». Так, физика, считал он, разрабатывает всякую проблему до определенного предела, «объясняет» «только то, что можно видеть и ощупывать». Следует отметить, что Гете в «Фаусте» примерно так же формулирует содержание этого императива. С точки зрения Ницше, такой императив науки является «надлежащим» «для грубого, трудолюбивого поколения машинистов и мостостроителей будущего, назначение которых - исполнять только *черную* работу».

Вторым скрытым истоком, повлиявшим на становление теорий английских ученых, было английское демократическое мировоззрение, которое, по словам Ницше, характеризуется идиосинкразией «ко всему, что господствует и хочет господствовать». Демократические идеалы проникли («осмеливаются проникнуть») «в наиболее строгие, ... наиболее объективные науки», изменяя их методологию и трансформируя прежние фундаментальные понятия. Так, одним из фундаментальных понятий физиологии и учения о жизни было понятие *активности*, определяющее сущность жизни, «ее волю к власти». Демократическая идиосинкразия вытеснила понятие активности, заменив его понятием «приспособление». С точки зрения Ницше, приспособление есть «активность второго ранга», т.е. такая активность, которая становится реактивностью. Так, Герберт Спенсер определял жизнь «как все более целесообразное внутреннее приспособление к внешним условиям». Ницше не соглашался с таким определением жизни, утверждая, что в этом случае «упускается из виду преимущество, присущее спонтанным, наступательным ... наноу направляющим и созидательным силам, следствием которых и оказывается «приспособление». В организме, считал Ницше, господствуют некие «высшие функционеры», «в которых активно и формообразующе проявляется воля жизни».

Общеизвестный факт, что наука возникла в Англии, Ницше объяснял тем, что англичане - не «философская раса». В подтверждение этой своей мысли Ницше пишет, что «Бэкон знаменует собою *нападение* на философский ум вообще, Гоббс, Юм и Локк - унижение и умаление значения понятия «философ» более чем на целое столетие». Во времена этих философов шло, как утверждал Ницше, «англomeханистическое» «оболванивание» мира. Против этого «оболванивания» восстал Кант (он критиковал Юма), Шеллинг (он осмелился сказать: «я презираю Локка»), а затем Гегель и Шопенгауэр (с Гете).

Образ природы, который стал базовым для науки, изобрело, как утверждал Ницше, «низшее» сословие, для которого борьба за существование была главным стержнем жизни. Этот образ природы включал в себя следующие представления: а) природа есть совокупность «множества одинаковых вещей», каждая из которых «тождественна» себе самой «в различные моменты времени»; б) законы природы записаны

на языке математики, а потому изучать вещи - значит применять к ним законы чисел, т.е. математику; в) пространство и время есть некие постоянные величины, присущие нашему ощущению, а потому также поддающиеся математизации; г) язык есть наиболее адекватное средство познания мира, в словах можно выразить «высшее знание вещей»

Эти представления, составившие образ природы как предмета науки, признавала и философия, которая обосновывала логическое содержание законов природы и одновременно сводила природу человека только к логическому. С точки зрения Ницше, такая философия - плохой союзник науки. «Верными» ее союзниками могут быть только сомнение по поводу истинности такого образа природы и абсолютизации логического.

Претендуя на роль союзника науки, Ницше «разрушает» образ природы, на котором строилась наука, подрывая тем самым ее претензии на истинное познание мира. Главный его аргумент «против» господства такого «образа природы» состоял в утверждении, что такой «идеальный образ» природы, определивший возможность появления наук о природе, утвердился в силу того, что он совпал с плебейским желанием предков ученых использовать науку в своей борьбе за существование. Ученые - потомки плебеев легко восприняли этот образ, и стали диктовать природе законы, используя для их записи язык математики.

Ницше подверг критике все основные представления, на которых строился образ природы в науке. Суть этой критики сводилась к тому, что: а) допущение о равенстве вещей, каждая из которых «тождественна» себе самой «в различные моменты времени» не соответствует действительности, а потому возникающая на этом допущении логика не имеет права претендовать на истинность; б) природа не написана на языке математики, а математизация природы рассчитана на то, чтобы «установить» наше человеческое отношение к вещам». Нельзя, считал Ницше, уложить природу в «прокрустово ложе» законов чисел, ибо «последние имеют значение только для человеческого мира». Поэтому «тонкость и строгость», которую математика вносит во все науки, ни в коей мере не способствует более глубокому постижению и пониманию мира; в) если учесть, что «человек есть продукт развития, что его познавательная способность есть продукт развития», то науку, которая сложилась в новое время, нельзя абсолютизировать. Научное познание есть познание человека, принадлежащего к *«весьма ограниченному промежутку времени»*, а потому ученые и философы, возвеличивающие науку, должны вспомнить о «добродетели скромности» и не утверждать существование абсолютных истин и своей способности постичь; г) язык не способствует действительному познанию мира, так как не является его репрезентантом. На вере в репрезентативную функцию языка и было основано развитие разума. Если отказать языку в его способности выражать адекватно суть вещей природы, то разум лишится основы своего могущества.

Разрушить могущество разума, который, начиная с эпохи Просвещения, стал предметом безоговорочной веры, было одной из главных задач философии Ницше. С его точки зрения, вера в разум свидетельствовала о недостатке «интеллектуальной совести». Этот «недостаток», присущий большинству людей, сопровождает любую веру, если она принимается без критической рефлексии. Ницше требовал, чтобы *«взыскание достоверности»* стало «внутреннейшей страстью и глубочайшей потребностью». Наличие этой страсти и потребности «отделяет высших людей от низших». Постыдно, считал он, «верить в то или другое и жить сообразно этой вере, не задавая себе заведомо отчета в последних и достовернейших доводах за и против, даже не утверждая себя поиском таких доводов». По сути, Ницше положил начало «интеллектуальной эпохе» критики разума, четко сформулировав требование обосновать его претензии на право быть законодательным. Ницшеанскую идею критики разума подхватили в XX веке философы жизни и постмодернисты.

Возникшая в Европе в XVII веке наука (естествознание) использовала идеи, порожденные христианской религией. Согласно этим идеям, все процессы становления и развития, наблюдающиеся в природе, имеют под собой некое истинное метафизическое основание, на

выявление которого и должна быть направлена познавательная деятельность, ориентированная на нахождение истины. Ницше был уверен, что использование учеными этих религиозных идей явилось своего рода психологической потребностью. На самом же деле ученые, как он считал, не имели «никакого права» на создание представления о некоем истинном метафизическом мире.

Ницшеанское неверие в метафизический мир означало запрет на предположение о существовании «*истинного* мира». «В конце концов, - писал Ницше, - нет более основания убеждать себя в бытии *истинного* мира». Позицию отрицания бытия истинного мира он называл «последней формой нигилизма», в контексте которого «реальность *становления* признается *единственной* реальностью, и воспрещаются всякого рода окольные пути к скрытым мирам и ложным божествам». Мир явлений (жизнь и опыт) нельзя правильно истолковать, умозак-

лючая к некоему достаточному основанию мира (Бог, «вещь-в-себе») Ницше надеялся, что когда-нибудь «мы познаем, что вещь в себе достойна гомерического смеха: ибо *казалось*, будто она содержит столь многое, и даже все, - на деле же она пуста, т.е. лишена значения».

Но если не существует никакого истинного мира, и «подобно всем становлением нет такого великого единства», которое обеспечивает «всеобъемлющее единство во множестве совершающегося», то обесмысливаются понятия «цель», «единство», «истина», которые использовала наука для истолкования общего характера бытия. Так как именно эти три понятия, как пишет Ницше, сообщали «миру ценность», то их обесмысливание приводит к тому, что мир «начинает утрачивать для нас свою ценность». Но такого рода выводы не устраивают Ницше, ибо с его точки зрения, мир все же имеет для человека ценность.

Как же сохранить ценностный характер мира? Ницше предлагает следующий путь: вначале следует выяснить «*откуда берет начало наша вера в эти три категории*», а затем попытаться «отказать и им в нашей доверии». «Если нам удастся *обесценить* эти три категории, то доказанная неприложимость их к целому перестанет быть основанием к тому, чтобы *обесценивать это целое*». Следует, считал Ницше, перестать верить в эти категории разума, «которые *относятся к чисто вымышленному миру*». Такая позиция Ницше означала отрицание признания науки в качестве важнейшего элемента европейской культуры.

Как известно, наука использовала категории «причина» и «следствие» как главные в процедурах объяснения явлений и процессов. Ницше же считал, что использование в научных рассуждениях понятий «причина» и «следствие» не способствует объяснению. «Мы называем это «объяснением», но это - «описание», - утверждал он. Понятия причины и следствия помогают выстроить последовательность событий, «но при этом мы не *понимаем* ровным счетом ничего». Так, ученые считают силу причинами многих видов движения, но при этом до сих пор не объяснили, что такое сила. «Быть может, - писал он, - пяти-шести головах и брезжит нынче мысль, что физика есть лишь толкование и упорядочение мира (по нашей мерке! - с позволения сказать), а *не* объяснение мира».

Ницше настаивал на том, что наука раздвоила события и процессы на причину и следствие в силу восприятия мира как расчленен и раздробленного, состоящего из линий, поверхностей, тел, атомов, делимых пространств, делимых времен и т.д. Если же наука воспримет мир как континуум, то потребность в понятиях «причина», «следствие», «обусловленность» станет проблематичной или эти понятия вовсе будут отброшены.

Вершиной всей пирамиды новоевропейского знания, с точки зрения Ницше, является философия, которая в силу своей ориентации на рациональность и признание господства разума стремится не только обосновать пользу познания вообще, но и «приписать ему *высшую* полезность». «Не существовало доселе еще ни одного философа, - писал Ницше, - в чьих руках философия не превращалась бы в апологию познания; в этом пункте, по крайней мере, каждый философ оптимист и уверен, что познанию должна быть приписана высшая полезность».

Сам Ницше, напротив, негативно относился к успехам научного познания, и, более того, предсказывал «крушение наук». Логика его рассуждений была такова.

Во-первых, наука вытеснила на периферию культуры метафизику, религию, искусство, внушила людям сомнение в том, что они являются «величайшим источником удовольствия, которому человечество обязано почти всей своей человечностью».

Во-вторых, она попыталась сама создать источник удовольствия для людей, считая, что таковым будет интерес к ее открытиям истины. Но реальность оказалась иной: удовольствие наука приносит только тем, кто ею непосредственно занимается, а тем, «кто *узнает* ее выводы», она «приносит все меньше радости». Оказалось, что «высота познания» несоизмеримо мала по сравнению с «глубиной» человеческой «немощи в действии».

В-третьих, «несоизмеримость» «высоты познания» и «глубины» человеческой «немощи в действии» приведет к тому, что интерес «толпы» к истине будет падать («прелесть» искания истины «все более утрачивается»), а «иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву, ибо они связаны с удовольствием; ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружение в варварство». С удивительной прозорливостью Ницше предсказал события, свидетелями которых мы сейчас являемся.

«Что такое человек науки?», - спрашивал Ницше и отвечал: «Человек науки - это ученый». Давая его характеристику, Ницше предупреждал, что имеет в виду не гения, который, «*производит или рождает*», а «среднего человека науки».

С точки зрения Ницше, образ «среднего человека науки» облен его плебейским происхождением и включает следующие характеристики:

1. «Ученый вырастает в Европе из всякого рода сословий». А так как у него нет никакой «специфической» социальной почвы, то по исходу он носитель «демократической идеи».

2. «В крови и инстинктах ученого присутствует предок» и прежде всего, профессиональная ориентация его семьи. Так, если ученый и семьи регистратора и канцелярских писарей, то он наследует установку на схематизацию, классификацию, составление таблиц категорий и т.д. «Талант к классификациям, к таблицам категорий выдает кое-что; нельзя безнаказанно быть чадом своих родителей», - писал Ницше. Ученые из семьи протестантских священников наследуют наивную уверенность в том, что можно доказать, следовательно, изложить свои мысли «от сердца и с теплотой: они ... привыкли к тому, что им *верят*, - у их отцов это было «ремесло». Если ученый еврей, то «напротив, сообразно кругу занятий и прошлому своего народа, ... он меньше всего привык к тому, чтобы ему верили». Поэтому все еврейские ученые «возлагают большие надежды на логику, стало быть, на *принуждение* к согласию посредством доводов». Логика же самая демократическая наука, и «нет ничего демократичнее логики», утверждал Ницше. Поэтому «Европа обязана не малой благодарностью евреям как раз по части логизирования...». Евреи научили, в том числе и немцев, «тоньше различать, острее делать

выводы, яснее и аккуратнее писать: их задачей всегда было привести народ «к *raison*» (фр. разум).

3. Ученый «обладает добродетелями незнатной, т.е. не господствующей, не обладающей авторитетом, а также лишенной самодовольства породы людей: канцелярских писарей, священников и Поэтому он трудолюбив, умеет терпеливо стоять в строю, его способности и потребности равномерны и умерены». Он притязает «на почет и признание, которое предполагает, прежде всего, и главным образом что его можно узнать, что он замечен».

4. Ученому свойственны «болезни и дурные привычки незнатной породы: он богат мелкой завистью», «доверчив, но лишь как человек который позволяет себе идти, а не *стремиться*; и как раз перед веком великих стремлений он становится еще холоднее и замкнут. «Причиной самого дурного и опасного, на что способен ученый, является *инстинкт посредственности*, свойственный его породе: иезуитизм посредственности, который инстинктивно работает над уничтожением необыкновенного человека»;

5. Ученому присущ *объективный ум*. Ницше признавая, что всем до смерти надоело все «субъективное с его проклятым крайним солипсизмом», все же советует «воздержаться от преувеличений, с которыми нынче прославляют отречение от своего Я и духовное обезличение», т.е. «бескорыстное познание». Следует, считает Ницше, проявлять осторожность в своей благодарности объективному уму и объективному человеку. «Идеальный ученый» и есть объективный человек, т.е. человек, который «уже не проклинает и не бранит», а только рационально размышляет. Ницше критически оценивал «объективного человека», который уже потерял «способности серьезно относиться к себе», привык «подчиняться всему, что требует познания». «Объективный Человек» очень беден экзистенциально, он не знает «иной радости, кроме той, какую дает познание». В нем мало, что остается от личности: он воспринимает сам себя только в качестве приемника и отражателя внешнего чуждого ему мира. Его душа, ориентированная только на объективное отражение, уже не может любить и ненавидеть так, как это «понимают Бог, женщина и животное». Поэтому в экзистенциальном мире ученых «любовь деланная», «ненависть искусственна» и скорее похожа «на мелкое тщеславие и аффектацию». Только в своей ориентации на объективное познание ученый испытывает настоящую страсть. Все же «*остальное бытие*» не получает в нем оправдания, что, по мнению Ницше, и делает ученого «безличным» человеком». Все ученые подобны «зеркалам», пассивно отражающим нечто внешнее, а потому они подобны друг другу. То, что остается у каждого из них от личности кажется им случайным», «произвольным», «беспокойным». У ученых гипертрофирована только одна способность - способность познания, предполагающая привычку «идти навстречу каждой вещи и каждому событию в жизни» с «неразборчивой благожелательностью» и «опасной беззаботностью». Ницше, по сути, предугадал, к каким серьезным экологическим и этическим проблемам приведет и эта «благожелательность», и эта «беззаботность».

Утверждая, что Европа переживает болезнь «паралича воли», Ницше искал истоки этой болезни в «объективности». «Под названием «объективности», «научности»,... «чистого безвольного познания» скрывается, - писал он, - «разряженный скепсис и паралич воли». Действительно, понятием «объективность» в науке стало обозначаться нечто независимое от человека и человечества, а «научность» стала синонимом объективного, истинного знания.

Прибегая к метафоре, Ницше сравнивал ученого с нежной той, тонкой, гибкой литейной формой, «которая должна ждать^b то содержания и объема, чтобы «принять вид» соответственно с ним этому ученый «не представляет собою чего-либо крепкого, мощного, самостоятельного,

что хочет господствовать». Он есть «орудие некое подобие раба, хотя, без сомнения, наивысший вид раба». Но, даже будучи наивысшим видом раба, ученый не «дотягивает» до сверхчеловека. Сверхчеловек, имеющий в качестве основного импульса собственной жизни волю к власти, неизбежно подвергает «сомнению чувств самосохранения» и часто жертвует им. Ученые же не выходят «из своего человеческого закуртка», а потому и природу воспринимают по мерке этого «закуртка», где они живут «в бедственном состоянии», как например, «чахоточный Спиноза».

Ницше утверждал, что будущее за сверхчеловеком, а так как ученые не «дотягивают» до сверхчеловека, то у них нет будущего. Будущее современных ему ученых Ницше относил к рубрике «последнего» человека, т.е. человека христианско-иудейской культуры. Эру «последнего человека» должна, с точки зрения Ницше, сменить эпоха сверхчеловека. И тогда естествоиспытатель выйдет из своего задавленного бедственным состоянием «человеческого закуртка», перестанет проецировать это состояние на природу, а потому теории типа дарвиновской станут невозможными. И тогда ученый обнаружит, что «в природе *царит* не бедственное состояние, но изобилие, расточительность, доходящая даже до абсурда», расточительность, не подпадающая под одностороннее дарвиновское учение о «борьбе за существование». Ницше не отрицал, что везде идет борьба «великая и малая», но она всегда идет «за перевес», «за власть, сообразно воле к власти, которая как раз и есть воля к жизни».

Всякая великая философия, с точки зрения Ницше, есть самоисповедь ее творца. «Нравственные (или безнравственные) цели составляют в каждой философии подлинное жизненное зерно, из которого вырастает целое растение». Чтобы выяснить, как возникли метафизические утверждения того или иного философа, следует выяснить, прежде всего, какая мораль имеется тем или иным философом в виду.

«Позыв к познанию», как считал Ницше, не был «отцом философии», а потому «в философе нет совершенно ничего безличного, особенности его мораль явно и решительно свидетельствует *кто он такой*, т.е. в каком отношении по рангам состоят друг с другом сокровеннейшие инстинкты его природы».

У ученых же, в отличие от философов, «может действительно существовать нечто вроде «позыва к познанию». Этот «позыв» может «работать» «без существенного участия всех остальных инстинктов ученого». Будет ли ученый хорошим филологом, или знатоком грибов, это не *характеризует* его» как личность. Ученые, утверждал Ницше, не могут быть философами в силу нескольких причин: а) они воспринимают работу мышления как тяжелый труд, «достойный *пота* благородных людей», а не как «нечто легкое,

божественное и близко родственное танцу, резвости»; б) они не готовы [«к огромной ответственности»; в) у них нет чувства оторванности от толпы, ее обязанностей и добродетелей; г) у них нет «склонности и

привычки к великой справедливости»; д) они не обладают искусством повелевания, широтой воли, «спокойным оком, которое редко удивляется, редко устремляет свой взор к небу, редко любит.....

Но если ученым удавалось стать философами, то они, как утверждал Ницше, порождали «духовную убогость» философского позитивизма, который сужал сферу философских проблем до теории познания. Философы-позитивисты ничем уже не напоминали «царственных, великолепных отшельников мысли», какими были Гераклит, Платон, Эмпедокл и другие античные философы. Философия позитивизма, с точки зрения Ницше, «возбуждает недоверие и

уныние», «насмешку и сострадание». Позитивистами в философии стали люди науки, которые «захотели от себя *большего*», т.е. войти в царство философии. Но это оказалось им не под силу, а отсюда их «злоба» и «мечь», а также «*неверие* в царственную задачу и царственное значение философии».

Существует, считал Ницше, «градация душевных состояний, которым соответствует градация проблем». Душевные состояния ученых и философов-позитивистов не предназначены не только для решения этих проблем, но даже для их постановки. «Плебейское честолюбие» «бравых механиков и эмпириков», лишенных величия и мощи духовных сил, чужеродно сущности великих философских проблем. И хотя они ломаются в «эту «святую святых», двери философии «остаются закрытыми» для них».

Не сознавая своего духовного «плебейства», ученые относились к философии и философам высокомерно, без должного уважения. Они до конца не поняли того, что «самопрославление и самопровозглашение ученого» началось после того, как наука вначале эмансипировалась от теологии, перестав быть ее «служанкой», а затем и от философии. В итоге родилась чрезмерная заносчивость и безрассудство ученых, которые стали стремиться «предписывать законы философии». Это стремление сопровождалось, как писал Ницше, «наивными выходками высокомерия со стороны молодых естествоиспытателей и старых врачей по отношению к философии и философам».

Причины такого высокомерия были разные: а) одни ученые инстинктивно оборонялись от философии, так как не в состоянии были решать синтетические задачи и развивать в себе синтетические способности, что являлось основным ее требованием; б) другие, почуяв «запах *otium* и аристократической роскоши в душевном мире философии», чувствовали себя «обиженными и униженными», что заставляло их негодовать по поводу философии; в) третьи, ориентированные на прагматизм и утилитаризм, отвергали философию в силу того, что она «не приносит пользы»; г) четвертые испытывали страх перед философией, видя в ней «замаскированную мистику» и стремление «урегулировать границы познания»; д) пятые переносили свое неприятие того или иного философа на всю философию в целом.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СЛОВАРЯ
CONCISE OXFORD ENGLISH DICTIONARY 11TH EDITION, REVISED, 2006)

Ирина В. Бескровная

Педагогический институт Южного федерального университета

г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая 33

Abstract

The article deals with the problem of word-building meaning of derived verbs in Modern English. The author adduces different opinions on the essence of the term "word-building meaning" and comes to the conclusion that word-building meaning is a component of the lexical meaning of a derived word, common for all the words coined according to one and the same word-building model; it is a component of the lexical meaning of a derived word which is determined by the type of the lexical connection of a word-building base and a word derived from it. Besides the author proves that not only derived words, but also compound and compound-derived ones possess word-building meaning, though it is the most abstract. Thus, word-building meaning is a component of the lexical meaning of any non-root word. Then, the author describes the types of word-building meaning of the verbs in Modern English.

Key words: word-building meaning, lexical meaning, derived words, compound words, compound-derived words, affixes, word-building stem, derived stem.

1. ВВЕДЕНИЕ

Важной проблемой словообразования является вопрос об определении термина «словообразовательное значение» (далее СЗ). Производное слово отличается от его производящей основы наличием в структуре его лексического значения особого компонента – СЗ. В настоящее время изучение СЗ выступает на первый план, однако лингвисты всё ещё по-разному трактуют сущность этого типа значения, а также способы его выражения.

СЗ долгое время не получало адекватного истолкования в силу ряда причин, одной из которых является сложность семантического описания. Так, в 1974 году Р.С. Гинзбург писала по этому поводу следующее: «СЗ как научное понятие не имеет пока удовлетворяющего определения, а в некоторых случаях термин СЗ почти полностью лишён содержательной интерпретации» (Гинзбург, 1974, 148).

Мы разделяем мнение тех учёных, которые рассматривают СЗ как тип семантической связи производного и производящего слов, специфика которого обусловлена семантикой производящей базы (Барон, 1995, 6).

СЗ служит одной из характеристик, отличающих производную основу от производящей. Общим лексическим компонентом значения у производящей и производной основ является лексическое ядро, содержащееся в корневой морфеме. Отличаются же производная и

производящая основы тем, что структура лексического значения производного слова включает не только лексическое ядро, но и СЗ, сформированное на базе производящей основы (Загоруйко, 1996, 1; Загоруйко, Муругова, 1998, 20).

В нашем исследовании мы придерживаемся определения СЗ, предложенного А.Я. Загоруйко: “We define a word-building meaning as a component of the lexical meaning of any derived word determined by the type of the semantic relationship of a derived word and its base” (Zagoruiko, 2005, 68).

Эта точка зрения полностью согласуется с мнением авторов коллективного учебного пособия «Английский язык. Лексикология», в котором отмечается, что «словообразовательные значения выделяются при сопоставлении значений однокоренных производных и производящих слов. Между такими однокоренными словами существуют отношения словообразовательной мотивации. При этом слово, структурно и семантически обусловленное другим словом, выступает как мотивированное, а исходное слово играет роль мотивирующего. Общее значение, которое выделяется при сопоставлении значений всех мотивированных слов определённого типа и значений мотивирующих их слов, называется словообразовательным. Характерной особенностью словообразовательных значений является их регулярность, т.е. повторяемость в группах словообразовательно соотнесённых слов. Так, словообразовательное значение модели V + -er – «производитель действия», словообразовательное значение модели V + -able (-ible) – «способный, в состоянии, подверженный, поддающийся»» (Английский язык. Лексикология, 2001, 19).

Таким образом, СЗ – это значение модели, входящее в качестве компонента значения в лексические значения конкретных слов, образованных по этой модели.

Итак, с учётом приведённых точек зрения мы считаем возможным расширить определение СЗ А.Я. Загоруйко: СЗ – компонент лексического значения производного слова, общий для всех слов, образованных по определённой словообразовательной модели, и который, таким образом, определяется типом семантической связи производного слова и производящей основы.

Принимая во внимание это определение, трудно согласиться с мнением тех учёных, которые считают носителями (экспонентами) СЗ только аффиксы. Например, В.Н. Мусатов определяет СЗ как «типизированное соотношение значений производящего и производного, которое устанавливается на основании сопоставления семантики производящих и производных и выражается при помощи словообразовательного (деривационного) форманта» (Мусатов, 2011, 65).

Но ведь способы словообразования (и, соответственно, словообразовательные модели с присущими им СЗ) не сводимы к аффиксации (конверсия, реверсия, аббревиация, усечения различных типов, словосложение). При нелинейных способах словообразования, как отмечает А.Я. Загоруйко, СЗ выражается при помощи парадигмы производного слова и его сочетаемости (Загоруйко, 1996, 11; Власова, Загоруйко, 2008, 38). Е.С. Кубрякова объясняет существование формального подхода к определению СЗ (т.е. определение СЗ как значения, выражаемого словообразовательными аффиксами) тем, что «на ранних этапах становление словообразования как науки было связано, прежде всего, с изучением особенностей производных аффиксального типа. Специфику семантики производного слова объясняли, главным образом, наличием в нём особой деривационной морфемы, аффикса» (Кубрякова, 2008, 82). Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, отождествление СЗ со значением словообразовательного аффикса приводило к тому, что целые классы дериватов иного типа

должны были бы считаться лишёнными СЗ. Положение о том, что СЗ определяется сугубо морфологически (т.е. через аффикс) неверно, поскольку феномен наличия СЗ разделяют все производные единицы независимо от способов их создания (Кубрякова, 2008, 89). Хотя, конечно, при аффиксальном способе словообразования СЗ определяется сублексемным значением аффикса.

Важно также учесть, что сложные слова, сращения и аббревиатуры, производящая база которых состоит из нескольких основ, имеют особый тип СЗ, наиболее абстрактный. Оно сводится к идее соединения значений простых основ в одно целостное сложное значение (Мусатов, 2011, 66). В.В. Лопатин назвал такое СЗ синтагматическим (Лопатин, 1977, 54-55). Таким образом, в нашем исследовании мы рассматриваем СЗ как компонент лексического значения любого некорневого слова, т.е. любой производной или сложной единицы. Разделяя мнение Ю.Н. Власовой и А.Я. Загоруйко, мы считаем, что СЗ может быть выражено как эксплицитно (с помощью словообразовательных аффиксов), так и имплицитно (посредством грамматической сочетаемости слов, свойственной словам той или иной части речи) (Власова, Загоруйко, 2008, 39).

В результате анализа словаря COED 11th ed., rev., 2006 нами обнаружено 6409 производных глаголов. Подавляющее большинство из них составляют собственно английские глаголы – 5257 единиц (82,03%). Заимствованные глаголы менее многочисленны – 1152 единицы (17,97%). Как собственно английские, так и заимствованные глаголы обладают различными типами СЗ.

2. ТИПЫ СЗ СОБСТВЕННО АНГЛИЙСКИХ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

Самым продуктивным способом образования собственно английских глаголов в современном английском языке является конверсия – 2812 единиц (53,49% от числа производных собственно английских глаголов, обнаруженных нами в результате анализа словаря COED 11th ed., rev., 2006). Наибольшее количество собственно английских глаголов образовано по модели $N \rightarrow V$ – 2396 единиц, т.е. 85,21%. Например: to benchmark – определять эффективность; to chill – охлаждать; to pepper – перчить. Глаголы, образованные по данной модели, обладают следующими основными типами СЗ:

- 1) осуществлять, участвовать в мероприятиях, делать то, что обозначено производящей основой – 875 глаголов, т.е. 33,62%. Например: to divorce – разводиться; to plan – планировать.
- 2) находиться, приводить в эмоциональное состояние или проявлять те чувства, которые названы производящей основой – 501 глагол, т.е. 19,25%. Например: to awe – внушать благоговение; to pity – сожалеть, сочувствовать.
- 3) использовать, применять то, что названо производящей основой – 437 глаголов, т.е. 16,79%. Например: to iron – гладить; to pin – прикрепить с помощью булавки.
- 4) характеризовать объекты в соответствии с теми признаками, которые названы производящей основой – 299 глаголов, т.е. 11,49%. Например: to price – определять стоимость, назначать цену; to size – измерять.
- 5) хранить, помещать, находиться в том месте, которое названо производящей основой – 177 глаголов, т.е. 6,79%. Например: to cage – держать в клетке; to prison – посадить в тюрьму.

6) выполнять действия, характерные для человека или животного, названного производящей основой – 169 глаголов, т.е. 6,49%. Например: to bull – нападать, двигаться, показывая свою мощь; to nurse – ухаживать за кем-то, работать медсестрой или няней.

7) применять, превращать в то, что названо производящей основой, или воздействовать с помощью данного вещества на другое вещество или объект – 145 глаголов, т.е. 5,57%. Например: to poison – отравить ядом; to silver – покрыть поверхность серебром.

Второй по продуктивности моделью образования собственно английских глаголов по конверсии является *N-phr* → *V* – 207 единиц, т.е. 7,36%. Основными типами СЗ данных глаголов являются следующие:

1) использовать, применять то, что названо производящей основой – 95 единиц, т.е. 45,89%. Например: to wheel-clamp – зажимать колёса машины, припаркованной в неподобающем месте, с помощью специального устройства; to yellow-card – показать игроку жёлтую карточку

2) подвергать тому или воздействовать тем, что названо производящей основой – 67 единиц, т.е. 32,37%. Например: to spot-check – осуществлять, проводить выборочную проверку.

3) производить действие или выполнять движение, названное производящей основой – 29 единиц, т.е. 14,01%. Например: to tap-dance – танцевать чечётку.

4) выполнять действие, характерное для того, кто назван производящей основой – 16 единиц, т.е. 7,73%. Например: to wet-nurse – кормить грудью ребёнка.

Ещё одна продуктивная модель образования собственно английских глаголов по конверсии *Adj* → *V* – 160 единиц, т.е. 5,69%.

Основные СЗ данной группы глаголов:

1) делать становится таким, на что указывает производящая основа. Например: to tame – приручать.

2) приобретать, придавать качество или свойство, названное производящей основой. Например: to dumb – лишать дара речи, онеметь.

3) изменять эмоциональное состояние человека. Например: to quiet – успокоить.

4) становиться такого цвета или придавать тот цвет, который обозначен производящей основой. Например: to grizzle – сереть.

5) выполнять действие, которое можно охарактеризовать качеством, названным производящей основой. Например: to better – улучшать.

Нами также обнаружено несколько менее продуктивных моделей образования собственно английских глаголов путём конверсии.

1. *Past Part* → *V* – 24 единицы, т.е. 0,85%. Например: to surprise – удивлять. Глаголы, образованные по этой модели имеют СЗ «выполнять то действие, которое связано с эмоциональным состоянием объекта, названным производящей основой».

2. *Adv* → *V* – 20 единиц, т.е. 0,71%. Глаголы, образованные от производящих основ наречий, имеют следующие типы СЗ: 1) двигаться в том направлении, которое названо производящей основой (например, to forward – продвигаться вперёд) и 2) выполнять действие в той манере,

которая указана производящей основой (например, to piggyback – переносить на спине и плечах).

3. **Interj** → **V** – 5 единиц, т.е. 0,18%. Например: to ooh – охать; to shoo – прогонять. Основным СЗ данных глаголов является «выражать те эмоции, которые названы производящей основой».

Аффиксация является вторым по продуктивности способом образования собственно английских глаголов в современном английском языке – 1999 единиц, т.е. 38,03%. Они включают 1404 глагола (70,24%), образованных с помощью различных префиксов, 590 глаголов (29,51%), появившихся в результате присоединения суффикса, и 5 глаголов (0,25%), образованных приставочно-суффиксальным способом.

Производящей базой подавляющего большинства собственно английских глаголов, образованных посредством префиксации, послужили основы глаголов – 1388 единиц (98,86% от числа всех префиксальных глаголов). Наиболее продуктивной моделью является **re-** + **V** – 334 глагола, т.е. 24,06%. Глаголы, образованные с помощью префикса **re-** имеют СЗ «повторять действие или движение, обозначенное производящей основой», «возобновлять действие или движение, обозначенное производящей основой» или «сделать по-другому то, что обозначено производящей основой». Например: to reappoint – вновь назначить; to repossess – повторно получить в собственность; to reshape – придать иную форму. Второй по продуктивности является модель **over-** + **V** – 140 глаголов, т.е. 10,09%. Глаголы, образованные с помощью префикса **over-**, также имеют несколько типов СЗ: «чрезмерно усердствовать при выполнении действия, обозначенного производящей основой», «оставаться в каком-либо состоянии дольше положенного срока», «перемещать через предмет или пространство». Например: to over-elaborate – чрезмерно усложнять; to over-sleep – проспать; to overfly – перелететь. Почти столько же глаголов (135 слов, т.е. 9,73%) образовано посредством по модели **de-** + **V**. Эти глаголы имеют СЗ «совершить действие, обратное тому, которое обозначено производящей основой» или «лишить, избавить, освободить от того, что обозначено производящей основой». Например: to delaminate – расслаиваться, разделять на слои; to deselect – не признать в качестве кандидата для участия в будущих выборах, отсеивать. 116 глаголов, т.е. 8,36%, образованы по модели **un-** + **V**. СЗ данных глаголов – «выполнить действие, противоположное или обратное тому, которое обозначено производящей основой». Например: to unblock – открыть, разблокировать; to uninstall – удалить с компьютера то, что было установлено ранее. Нами обнаружены менее многочисленные группы глаголов, образованных по следующим моделям.

1. **Dis-** + **V** – 76 единиц, т.е. 5,48%. Эти глаголы имеют СЗ трёх типов: «разделять на составные части», «лишать чего-либо», «выполнять действие, противоположное тому, что выражено производящей основой». Например: to disconnect – разъединить; to disfranchise – лишать гражданских прав; to disqualify – дисквалифицировать.

2. **Out-** + **V** – 74 единицы, т.е. 5,33%. Эти глаголы имеют СЗ «выполнять действие, которое обозначено производящей основой, дольше, чем кто-то другой». Например: to outstare – смотреть на кого-то дольше, чем он может смотреть в ответ; to outwait – ждать дольше.

3. **Mis-** + **V** – 64 единицы, т.е. 4,61%. Для глаголов, образованных с помощью префикса **mis-**, характерно СЗ «выполнять действие, названное производящей основой, неправильно или плохо». Например: to mishear – ослышаться; to mistreat – плохо обращаться.

4. **Under-** + **V** – 56 единиц, т.е. 4,03%. СЗ таких глаголов – «выполнять действие, обозначенное производящей основой, в недостаточной мере, неполностью». Например: to underdress –

одеться слишком просто или неофициально для особого случая; to underinvest – инвестировать недостаточно денег или ресурсов в проект или предприятие.

5. **Be-** + **V** – 52 единицы, т.е. 3,75%. Для глаголов, образованных посредством данного префикса, характерно СЗ двух типов: «усиление действия, названного производящей основой», «пространственное значение «кругом, со всех сторон, возле». Например: to bemuse – сильно смущать, приводить в замешательство; to besprinkle – посыпать со всех сторон.

6. **En-** / **em-** + **V** – 50 единиц, т.е. 3,60%. Эти глаголы также имеют СЗ двух типов: «усиливать действие, обозначенное производящей основой» и «погружать, втягивать во что-то, уходить внутрь». Например: to emblazon – украшать, подчеркнуто демонстрировать дизайн, хвалить на публике; to entrench – окапываться.

7. **Pre-** + **V** – 42 единицы, т.е. 3,03%. СЗ этих глаголов – «выполнить действие, названное производящей основой, досрочно» или «сделать действие, обозначенное производящей основой, доминирующим, добавить ему значимости». Например: to prejudge – предрешить; to preoccure – занять чем-то, вытеснить другие мысли из головы.

8. **Inter-** + **V** – 33 единицы, т.е. 2,38%. Глаголы с данным префиксом имеют СЗ «выполнить действие, названное производящей основой, в двустороннем порядке по отношению друг к другу». Например: to interconvert – преобразовать друг в друга, взаимно преобразовать; to interpenetrate – перемешаться, глубоко проникнуть друг в друга.

9. **In-** / **im-** + **V** – 21 единица, т.е. 1,51%. Данные глаголы имеют СЗ «выполнять проникающее действие». Например: to implode – интегрироваться; to incant – интонировать.

10. **Up-** + **V** – 21 единица, т.е. 1,51%. СЗ глаголов, образованных с помощью префикса up- – «выполнять действие, названное производящей основой, по вертикали, понимая вверх». Например: to upcast – бросать вверх; to uplift – вздыматься.

11. **Fore-** + **V** – 16 единиц, т.е. 1,15%. Эти глаголы имеют СЗ «выполнять действие, обозначенное производящей основой, раньше по времени». Например: to forecast – прогнозировать; to foreordain – предопределять.

12. **Cross-** + **V** – 15 единиц, т.е. 1,08%. В качестве СЗ глаголов, образованных посредством префикса cross- можно выделить значение «выполнить действие, обозначенное производящей основой, в перекрёстной манере». Например: to cross-examine – подвергнуть перекрестному допросу; to cross-link – перекрёстно соединить, соединить крест-накрест.

Данные группы глаголов, образованных по вышеназванным моделям, являются основными и составляют 1245 единиц, т.е. 89,70%.

Вторая по численности группа собственно английских префиксальных глаголов представлена глаголами, образованными от основ существительных – 14 единиц (0,99% от числа всех префиксальных глаголов). Данные глаголы образованы по следующим моделям, характеризующимся различными типами СЗ.

1. **En-** / **em-** + **N** – 5 единиц, т.е. 35,71%. Эти глаголы имеют СЗ «ввести в действие, состояние, наделить тем, что обозначено производящей основой». Например: to empower – уполномочивать; to enlist – призвать в армию, завербовать.

2. **Un-** + *N* – 4 единицы, т.е. 28,57%. Данные глаголы имеют СЗ «лишать, отделять от того, что обозначено производящей основой». Например: to unking – лишить монарха власти; to unlimber – отделить от ствола, передней части.

3. **De-** + *N* – 2 единицы, т.е. 14,29%. Глаголы с префиксом de- имеют СЗ «удалить то, что обозначено производящей основой». Например: to deforest – вырубать лес; to degauss – размагничивать.

4. **A-** + *N* – 2 единицы, т.е. 14,29%. СЗ данных глаголов – «находиться недалеко от того, что обозначено производящей основой». Например: to abut – прилегать, примыкать, граничить.

5. **Be-** + *N* – 1 глагол, т.е. 7,14%. Например: to betroth – обручиться. СЗ этого глагола – «придерживаться, соблюдать то, что указано производящей основой».

Нами также обнаружено 2 собственно английских глагола, образованных по модели **en-/em-** + **Adj**: to embrittle – делать ломким, хрупким; to encrypt – зашифровать. СЗ данных глаголов является «приводить в то состояние или форму, придавать то свойство, которое названо производящей основой».

301 собственно английский глагол (51,02% от общего числа суффиксальных глаголов) образован посредством суффиксации от основ существительных. Наибольшее количество из них образовано по модели *N* + **-ize** – 167 единиц, т.е. 55,48%. Например: to evangelize – обращать в христианство; to harmonize – приводить в гармонию. Вторая по численности группа глаголов образована по модели *N* + **-ate** – 68 единиц, т.е. 22,59%. Например: to fluorinate – фторировать; to pixelate – разделять изображение на пиксели. Нами обнаружено 22 глагола, т.е. 7,31%, образованных по модели *N* + **-fy**. Например: to objectify – воплотить, выразить в конкретной форме; to silicify – насыщать вещество кварцем или превратить в кварцевую пыль; to tonify – тонизировать. Менее продуктивными являются модели *N* + **-an**, *N* + **-le**, *N* + **-en**, посредством которых образовано 18 (5,98%), 11 (3,65%) и 7 (2,33%) глаголов соответственно. Например: to bode – предвещать; to fankle – вовлекать; to happen – происходить. Нами также обнаружено 8 глаголов, т.е. 2,66%, образованных по моделям *N* + **-ard**, *N* + **-e**, *N* + **-er**, *N* + **-eer**. Например: to blabber – болтать; to electioneer – проводить предвыборную кампанию; to pollard – подстригать; to teethe – вырвать молочный зуб. Всего в образовании собственно английских глаголов от производящих основ существительных участвовало 10 суффиксов. Глаголы, образованные с их помощью, имеют различные СЗ.

1. Глаголы, образованные по модели *N* + **-ize** имеют следующие СЗ:

а) делать, производить, осуществлять то, на что указывает производящая основа – 87 единиц, т.е. 52,10%. Например: to scandalize – скандалить, ссориться;

б) воздействовать, применять то, на что указывает производящая основа – 53 единицы, т.е. 31,74%. Например: to oxidize – насыщать кислородом, окислять;

с) изучать, исследовать ту область науки, которая обозначена производящей основой – 27 единиц, т.е. 16,16%. Например: to philosophize – заниматься философией;

2. Глаголы, образованные по модели *N* + **-ate**, имеют СЗ – подвергать воздействию или превращать в то, на что указывает производящая основа. Например: to acetylate – ацетилировать; to granulate – гранулировать.

3. Глаголы, образованные по модели *N* + **-fy** имеют следующие СЗ:

a) превращать в то, на что указывает производящая основа – 15 глаголов, т.е. 68,18%. Например: to beautify – делать красавицей;

b) делать то, на что указывает производящая основа – 7 глаголов, т.е. 31,82%. Например: to glorify – прославлять.

4. Глаголы, образованные в древнеанглийский период по модели *N* + **-an**, имеют СЗ «выполнять то, что обозначено производящей основой». Например: to build (OE bledsian) – строить.

5. Глаголы, в образовании которых участвовал суффикс **-le** (*N* + **-le**), имеют СЗ двух типов:

a) повторять действие, названное производящей основой – 7 глаголов, т.е. 63,64%. Например: to babble – лепетать;

b) придавать действию, обозначенному производящей основой, меньшую значимость – 4 глагола, т.е. 36,36%. Например: to nestle – вить гнездо.

6. Глаголы, образованные по модели *N* + **-en**, имеют СЗ «воздействовать на объект и делать его таким, как указано производящей основой». Например: to lengthen – удлинять.

7. Глаголы с суффиксами **-ard**, **-e**, **-er**, **-eer**, имеют СЗ «выполнить действие, связанное с тем, что обозначено производящей основой». Например: to pollard – подстригать; to profiteer – получить чрезмерный доход или получить доход нечестным способом; to slabber – обслонявить; to teethe – вырвать молочный зуб.

Меньшее количество собственно английских глаголов образовано по суффиксации от основ прилагательных – 210 единиц (35,59%). Наиболее продуктивной является модель *Adj* + **-ize** – 113 единиц, т.е. 53,81%. Например: to circularize – придавать округлую форму. Второй по продуктивности является модель *Adj* + **-en** – 41 единица, т.е. 19,52%. Например: to cheapen – удешевлять. Собственно английские глаголы, образованные по вышеуказанным моделям от основ прилагательных, имеют СЗ «делать, становиться таким, как указано производящей основой». Менее многочисленные группы представлены собственно английскими глаголами, образованными по следующим моделям.

1. *Adj* + **-an** – 21 единица, т.е. 10,00%. Например: to lisp (OE lispian) – шепелявить.

2. *Adj* + **-ate** – 19 единиц, т.е. 9,05%. Например: to titivate – украшать, прихорашиваться.

3. *Adj* + **-fy** – 14 единиц, т.е. 6,67%. Например: to diversify – разнообразить.

Вышеперечисленные группы глаголов характеризуются следующими СЗ соответственно.

1. Первой группе глаголов присуще СЗ «выполнять действие, для которого характерно то, что указано производящей основой».

2. Вторая и третья группы глаголов обладают СЗ «придавать те качества, которые обозначены производящей основой».

Нами обнаружено 79 собственно английских глаголов (13,39%), образованных посредством суффиксации от основ глаголов и неличных форм глагола. Наиболее продуктивными суффиксами являются следующие.

1. -le – 36 единиц, т.е. 45,57%. СЗ этих глаголов – «усиление или повторение действия или движения, названного производящей основой». Например: to hurtle – мчаться; to ruckle – морщиться.
2. -er – 15 единиц, т.е. 18,99%. Глаголы, образованные с помощью данного суффикса, обладают СЗ «выполнять многократно действие, обозначенное производящей основой». Например: to flutter – порхать.
3. -ate – 12 глаголов, т.е. 15,19%. СЗ этих глаголов – «выполнять действие, связанное с тем психическим состоянием объекта, которое обозначено производящей основой». Например: to indoctrinate – заставить принять определённую доктрину.
4. -ize – 4 глагола, т.е. 5,06%. У этих глаголов СЗ – «выполнять по отношению к кому-то то действие, которое названо производящей основой». Например: to chastise – отчитывать.
5. -fy – 4 глагола, т.е. 5,06%. Эти глаголы имеют СЗ «выполнять то действие, на которое указывает производящая основа». Например: to argify – спорить о пустяках.
6. -ish – 3 глагола, т.е. 3,80%. Они также имеют СЗ «выполнять то действие, приводить в то состояние, которое указано производящей основой». Например: to famish – голодать.

Среди собственно английских глаголов, образованных посредством префиксально-суффиксального способа, 4 слова (80%) образованы от латинских основ: to desalinate – опреснять; to innervate – возбуждать; to intubate – вводит трубку; to transliterate – транслитерировать. 1 глагол (20%) образован от основы, заимствованной из немецкого языка: to demyelinate – вызвать дефицит миелина. Данные глаголы образованы по моделям *de-* + *N* + *-ate*, *in-* + *N* + *-ate* и *trans-* + *N* + *-ate*. Они обладают следующими СЗ «придавать противоположное качество тому, что обозначено производящей основой», «приводить в состояние, обозначенное производящей основой», «использовать то, что обозначено производящей основой» и «лишать того, что обозначено производящей основой».

Основными типами СЗ собственно английских глаголов, образованных от основ существительных путём реверсии, являются следующие:

- 1) выполнять действие, характерное для того, кто назван производящей основой – 97 глаголов, т.е. 50,00%. Например: to hawk² – путешествовать и распродавать что-либо, быть странствующим торговцем; to tipple – пьянствовать;
- 2) осуществлять действия, связанные с тем, что названо производящей основой – 61 глагол, т.е. 31,44%. Например: to hunch – горбиться; to injure – ранить.
- 3) использовать, применять то, что названо производящей основой – 36 глаголов, т.е. 18,56%. Например: to flatter – лстить; to skim – снимать пену с помощью пеноснимателя.

Собственно английским глаголам, образованным по реверсии от основ прилагательных, свойственно СЗ «придавать то свойство или быть таким, как указано производящей основой» или «выполнять действие, которое охарактеризовано производящей основой».

Путём реверсии от основ неличных форм глагола образовано 15 собственно английских глаголов, т.е. 5,98%. Например: to mix – смешивать, перепутать. Основное СЗ данных глаголов – «делать таким, придавать то свойство, которое названо производящей основой».

Нами также обнаружено 2 собственно английских глагола (0,79%), образованных от основ наречий путём реверсии: to grovel – унижаться, смиренно склониться (вниз); to sidle – красться,

идти украдкой в сторону. Основное СЗ данных глаголов – «выполнять действие или движение в том направлении, какой указано производящей основой».

Среди собственно английских глаголов посредством усечения образованы 119 единиц (2,26%). Основным типом СЗ данных глаголов является «выполнять действие или движение, обозначенное производящей основой». Например: to amp² (от amplify) – играть музыку через электронный усилитель; to tab² (от tabulate) – представить данные в форме таблицы.

Всего 36 собственно английских глаголов (0,68%) образованы путём слияния. Например: to frazzle (от fray¹ + faze) – утомиться, выбиться из сил; to meld¹ (от melt + weld¹) – смешивать. Этим глаголам свойственно СЗ «выполнять то, что названо производящими основами».

31 собственно английский глагол (0,59%) образован посредством изменения корневой гласной. Например: to dodder¹ (от dadder) – быть медлительным и нестабильным. Все они обладают СЗ «выполнять действие, обозначенное производящей основой».

3. ТИПЫ СЗ ЗАИМСТВОВАННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГЛОВ

Аффиксация – основной способ образования заимствованных глаголов – 1097 единиц, т.е. 95,23%, в том числе 631 глагол (57,52%), образованный по префиксации, 453 глагола (41,29%) – по суффиксации, 8 глаголов (0,73%) – префиксально-суффиксальным способом и 5 глаголов (0,46%), образованных посредством различных инфиксов.

При этом, префиксация представлена глаголами, образованными от основ глаголов и существительных. Подавляющее большинство заимствованных префиксальных глаголов образовано от основ глаголов (577 единиц, т.е. 91,44%) по следующим моделям.

1. **Ad- / ab- / a- + V** – 87 единиц, т.е. 15,08%. Основное СЗ данных глаголов – «разделять, превращать в то, что указано производящей основой». Например: to announce – объявить; to apportion – распределять.
2. **Re- + V** – 83 глагола, т.е. 14,38%. Глаголы, образованные по этой модели, имеют СЗ «сделать то, что названо производящей основой, повторно или в ответ на другое действие». Например: to reflect – отражать.
3. **Co- / com- / con- + V** – 74 глагола, т.е. 12,82%. Данные глаголы характеризуются СЗ «выполнять действие, названное производящей основой, вместе, сообща». Например: to co-opt – назначить членом комитета по приглашению его действующих членов.
4. **De- + V** – 66 глаголов, т.е. 11,43%. Глаголы, образованные по данной модели, обладают СЗ «совершать действие, противоположное тому, которое обозначено производящей основой». Например: to devastate – разрушать, опустошать.
5. **Ex- / e- + V** – 37 глаголов, т.е. 6,41%. СЗ таких глаголов – «выполнять тщательно то действие, которое обозначено производящей основой». Например: to extol – расхваливать.
6. **In- / im- + V** – 36 глаголов, т.е. 6,24%. Основное СЗ этих глаголов – «выполнять движение, названное производящей основой, в определённом направлении». Например: to impend – надвигаться.

7. **Dis-** + **V** – 35 глаголов, т.е. 6,07%. Данные глаголы имеют СЗ «выполнять действие, противоположное тому, которое названо производящей основой». Например: to discontinue – прекращать; to disjoin – разобщать.

8. **Pro-** + **V** – 25 глаголов, т.е. 4,33%. СЗ этих глаголов – «выполнять движение, обозначенное производящей основой, по направлению вперёд». Например: to prostrate – склониться в знак уважения или покорности.

9. **Prae-** + **V** – 23 глагола, т.е. 3,99%. Эти глаголы обладают СЗ «выполнять действие или движение, названное производящей основой, предварительно, заблаговременно или располагать перед чем-либо в пространстве». Например: to prepose – предварительно позировать, ставить перед чем-то.

10. **Sub-** + **V** – 22 глагола, т.е. 3,81%. Эти глаголы имеют СЗ «выполнять действие, названное производящей основой, так, чтобы понизить уровень, положение в пространстве или в обществе». Например: to submerge – погружаться; to subordinate – подчинить.

Заемствованные глаголы, образованные путём префиксации от основ существительных, составляют 54 единицы, т.е. 8,56%. Наиболее продуктивными моделями являются **en-** / **em-** + **N** (13 единиц, т.е. 24,07%, например, to emboss – чеканить; to enamour – очаровывать) и **in-** / **im-** + **N** (12 единиц, т.е. 22,22%, например, to impassion – возбуждать; to inter – предавать земле). Данные группы глаголов характеризуются следующими СЗ соответственно: «приводить в состояние, названное производящей основой» и «погружать в то, что названо производящей основой».

292 заимствованных глагола образованы посредством суффиксации от основ существительных (64,46% от числа суффиксальных глаголов) по следующим моделям.

1. **N** + **-er** – 103 единицы, т.е. 35,27%. Глаголы, образованные по данной модели, имеют СЗ «выполнять то действие или быть тем, что названо производящей основой». Например: to covet (OFr. cuveitier) – жаждать захватить то, что принадлежит другому, являться объектом желания; to ransom (OFr. ransouner) – выпустить под залог.

2. **N** + **-are** / **-ere** / **-ari** – 79 глаголов, т.е. 27,05%. Глаголы, образованные с помощью данных суффиксов, обладают СЗ «выполнять действие, характерное для объекта, названного производящей основой». Например: to flourish (Lat. florere) – процветать; to seel (Lat. ciliare) – закрыть глаза.

3. **N** + **-ate** – 67 глаголов, т.е. 22,95%. Данные глаголы имеют СЗ двух типов: «превращать в то, что названо производящей основой», «приобретать форму или качества того, что названо производящей основой». Например: to angulate – сгибать, образовывать углы; to vesicate – покрываться пузырями.

Вторую по численности группу образуют заимствованные глаголы, образованные путём суффиксации от основ прилагательных – 126 единиц, т.е. 27,81%. Наиболее продуктивными моделями являются следующие.

1. **Adj** + **-are** – 49 единиц, т.е. 38,89%. Например: to deign (Lat. dignare) – соизволить; to persevere (Lat. perseverare) – упорно продолжать заниматься.

2. **Adj** + **-ate** – 30 глаголов, т.е. 23,81%. Например: to luxate – вывихнуть.

3. **Adj + -fy / -ify** – 18 глаголов, т.е. 14,29%. Например: to dignify – удостоить, сделать более значимым и впечатляющим; to vilify – сурово критиковать.

4. **Adj + -er** – 12 глаголов, т.е. 9,52%. Например: to malign (OFr. malignier) – порочить, плохо отзываться о ком-то; to revile (OFr. reviler) – оскорблять.

Всего эти группы глаголов составляют 109 слов, т.е. 86,51% от числа заимствованных глаголов, образованных от основ прилагательных путём суффиксации.

Обнаруженные нами заимствованные глаголы, образованные от производящих основ прилагательных, обладают следующими типами СЗ.

1. Придавать действию характеристики, названные производящей основой, выполнять действие, которое можно охарактеризовать тем свойством, которое названо производящей основой.

2. Превращать, делать таким, как указано производящей основой.

Наименьшее количество заимствованных глаголов образовано по суффиксации от основ глаголов и неличных форм глагола – 16 единиц, т.е. 3,53%. Они включают следующие модели.

1. **Past Part + -are** – 7 единиц, т.е. 43,75%. Например: to fix – установить; to habit – быть удетым во что-то. СЗ данных глаголов – «придавать свойство или быть таким, как указано производящей основой».

2. **V + -ate** – 3 единицы, т.е. 18,75%. Например: to fulminate – сверкать; to procrastinate – откладывать. СЗ данных глаголов является «выполнять то, что названо производящей основой, особым образом, по конкретной модели, основываясь на предыдущем опыте».

3. **Past Part + -ize** – 3 единицы, т.е. 18,75%. Например: to amortize – амортизировать, постепенно уменьшать начальную стоимость товара с течением времени; to comprise – включать в состав. СЗ данных глаголов – «придавать свойство или быть таким, как указано производящей основой».

4. **Past Part + -er** – 1 единица, т.е. 6,25%: to incense¹ – придавать аромат ладана или чего-то подобного. Этот глагол обладает СЗ «придавать то свойство, которое указано производящей основой».

5. **Past Part + -fy** – 1 единица, т.е. 6,25%: to ratify – ратифицировать. Этот глагол также обладает СЗ «придавать то свойство, которое указано производящей основой».

6. **V + -ish** – 1 единица, т.е. 6,25%: to skirmish – участвовать в перестрелке. СЗ данного глагола – «выполнять то, что названо производящей основой, особым образом, по конкретной модели, основываясь на предыдущем опыте».

Нами также обнаружены малопродуктивные модели образования заимствованных глаголов по суффиксации.

1. 13 глаголов, т.е. 2,87%, образованы от основ наречий. Сюда входят такие модели, как:

a) **Adv + -er** – 5 единиц, т.е. 38,46%. Например: to adjust (Fr. adjuster) – приспособливаться; to joust (OFr. joustier) – соперничать;

b) **Adv + -are / -ire** – 4 единицы, т.е. 30,77%. Например: to circuit (Lat. circuire) – циркулировать;

c) **Adv + -ate** – 2 единицы, т.е. 15,385%. Например: to frustrate – разрушить планы;

d) **Adv + -fy** – 2 единицы, т.е. 15,385%. Например: to quantify – определить количество; to satisfy – удовлетворить.

2. **Pron + -are** – 3 единицы, т.е. 0,665%. Например: to alter (Lat. alterare) – изменять.

3. **Num + -are / -ire / -ate** – 3 единицы, т.е. 0,665%. Например: to alter (Lat. alterare) – изменять; to decimate – убить каждого десятого.

Глаголы, входящие в данные группы, обладают следующими СЗ.

1. Глаголы, образованные от основ наречий, обладают СЗ «выполнять действие так, как указано производящей основой» и «двигаться в том направлении, которое названо производящей основой».

2. Для глаголов, образованных от основ местоимений, характерно СЗ «делать таким, как указано производящей основой».

3. Глаголы, образованные от основ числительных, имеют СЗ «выполнять действие по отношению к тому количеству объектов или к тому объекту по порядку, который назван производящей основой».

Нами также обнаружено 8 заимствованных глаголов (0,73%), образованных от основ прилагательных префиксально-суффиксальным способом. Например: to assuage – успокаивать; to defy – открыто противостоять или отказываться подчиняться. Они имеют СЗ «придавать то свойство, которое названо производящей основой» или «выражать те эмоции, которые обозначены производящей основой».

Заимствованные глаголы также включают 5 единиц (0,46%), образованных посредством инфиксов. Данные глаголы имеют СЗ «выполнять действие, названное производящей основой, с усердием». Например: to catechize (Gr. katekhizein от katekhein) – излагать в форме вопросов и ответов, наставлять.

Заимствованные глаголы, образованные по реверсии, включают 31 глагол (88,57%), производящей базой которых послужили основы причастий прошедшего времени. СЗ данных глаголов – «придать то свойство или сделать таким как указано производящей основой». Например: to abominate – ненавидеть; to expropriate – конфисковать. 4 заимствованных глагола (11,43%) образованы по реверсии от основ существительных. Например: to prelude – начинать. СЗ данных глаголов – «выполнять действия, характерные для того или связанные с тем, кто или что обозначено производящей основой».

Нами обнаружено 18 заимствованных глаголов, образованных посредством конверсии. 15 из них (83,33%) образованы от основ существительных по модели $N \rightarrow V$. Например, to kowtow – унижаться, раболепствовать; to bludge – отлынивать от работы; to incarnadine – покрасить в малиновый цвет. Данные глаголы имеют СЗ «выполнять то действие, которое названо производящей основой», «выполнять действия, характерные для того, кто обозначен производящей основой», «приобретать или придавать цвет, названный производящей основой».

3 заимствованных глагола образованы по конверсии от основ причастий прошедшего времени по модели **Past Part** $\rightarrow V$. Например, to abduct – похищать. Глаголы, образованные по данной модели, обладают СЗ «выполнять то действие, которое связано с физическим или эмоциональным состоянием объекта, обозначенным производящей основой».

Среди заимствованных глаголов всего 1 глагол образован усечением конечной части производящей основы – to retrieve (от Fr. retroever) – возвращать. Он имеет СЗ «выполнять то, что названо производящей основой».

Нами обнаружен также всего 1 заимствованный глагол, образованный посредством слияния – to chafe (от Lat. calere ‘быть горячим’ + facere ‘делать’) – натирать, раздражаться, изнашиваться). Он обладает СЗ «выполнять то, что названо производящими основами».

Таким образом, как собственно английские, так и заимствованные глаголы в современном английском языке обладают разнообразными СЗ. СЗ любого производного глагола зависит от характера производящей основы и от модели, по которой каждый конкретный производный глагол был образован.

Литература:

1. Английский язык. Лексикология. ЮНИТА 3: Словообразование. – М.: Современный гуманитарный университет, 2001. – 107 с.
2. Барон И.Э. Основные типы словообразовательных значений конвертированных глаголов в парах N→V в современном английском языке: Автореф: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1995. – 16 с.
3. Власова Ю.Н., Загоруйко А.Я. К проблеме словообразовательного значения (на материале английского языка) // Личность, речь и юридическая практика: Сб. науч. тр. международной научно-методической конференции. Вып. 11 / Гл. ред. Е.И. Дулимов. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2008. – С. 36-39.
4. Гинзбург Р.С. К вопросу о типологии значения // Всесоюзная науч. конф. По теор. Вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний. – М., 1974. – С. 148.
5. Загоруйко А.Я. Способы выражения словообразовательных значений в словах, образованных по конверсии в современном английском языке. – Ростов н/Д: РГПУ, Деп.. ИНИОН РАН №61404 от 12.04.96 г. – 1 п.л.
6. Загоруйко А.Я., Муругова Е.В. Сущность и формы выражения словообразовательных значений в производных словах в современном английском языке // Известия Ростовского гос. пед. ун-та. Филология. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 82-87.
7. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова / Отв. ред. Е.А. Земская; Предисл. В.Ф. Новодрановой. Изд. 2-е, доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.
8. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. – с. 54-65.
9. Мусатов, В.Н. Деривационные форманты, выражающие мутационное словообразовательное значение полисемантических отглагольных суффиксальных существительных [Текст] // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 1. Ростов-на-Дону, 2011. – С. 65-71.
10. Zagoruiko A.Y. Lectures on Modern English Lexicology: Rostov-on-Don, 2005. – 128 p.

**BALKAN WRITERS OF CHILDREN'S AND YOUNG-ADULT LITERATURE
IN THE 20TH CENTURY**

Margarita T. Terzieva
Prof. Dr Assen Zlatarov University, Burgas

Abstract

The scientific article describes the creative achievements of children's writers from the Balkan Peninsula. It has been pointed out that despite the thought-provoking issues it deals with, their work has been the victim of regional isolation and it is compulsory to include it in the European cultural space.

Key words: *Balkan writers, children's literature*

Балканските литератури през миналия век (в това число и литературата, създадена специално за деца и юноши) са отражение на бурните общественно-политически събития на полуострова, на социалните трусове и катаклизми, които водят до смяна на политически режими и до остри икономически кризи. Преживели бурен разцвет през 19 век, през 20 век тези национални литератури в направлението за деца и юноши се отличават със своята зрелост и авторитет, с достиженията си, които придобиват европейско измерение. Спирайки се на отделни автори от различни националности, ще потърсим аналогии в живота и творчеството им, които ще ни позволят да обясним не само българската им рецепция, но и вписването на посланията им в световната литературна традиция

Хърватската писателка **Ивана Бърлич-Мажуранич** (1874 – 1938) е родена в градчето Огулин в семейството на интелектуалци. Дядо ѝ е известен хърватски поет, баща ѝ е писател. Говори и пише на френски от детските си години, а по-късно свободно общува на немски, руски и английски. Тя е първата жена – член на Югославската академия на науките. Два пъти е предлагана за лауреат на Нобелова награда за литература (1931 и 1937 г.). През 1971 г. в родината ѝ е учредена литературна премия на нейно име. Книгите ѝ са преведени на редица европейски езици.

Литературният ѝ дебют е с книга за деца – „Хрисими и непослушници” (1902). Впоследствие Ивана Бърлич-Мажуранич пише едновременно за възрастни (есета) и деца (приказки и разкази). През 1913 г. излиза книгата ѝ “Чудните приключения на чирака Хлапич”, която веднага се нарежда сред любимите четива на малчуганите и е преиздавана многократно. Героят на творбата – обикновеният общарски чирак, е “малък като лакът, весел като птица, храбър като Крали Марко, мъдър като книга и добър като слънце”. Това му помага да преодолее трудностите по пътя си и да промени своята съдба. За своите “Приказки от стари времена” (1916) Ивана Бърлич-Мажуранич получава прозвището “хърватският Андерсен”. Възникването им е най-добре обяснено в писмо, което писателката пише до сина си през 1938 г. : “... това са приказки, които по своята същност, така и по своето изпълнение, са оригинално мое дело. Те са съчинени около имена и образи, взети от славянската митология, и това е цялата външна връзка, която те имат с народните митологични предания...”

Съвсем друг е въпросът за вътрешната връзка... От тази гледна точка моите приказки са наистина не мои, а са разкази, видения, надежди, вярвания и упования на цялата душа на славянските племена. От славянските земи и въздух, от белите изпарения на славянските води и морета, от славянските снегове и блата, от славянските поля се създава и обновява нашето тяло – тялото на всички нас, славяните. А нашата душа е съставена от славянски чувства и чувствителност, от славянски предчувствия и тълкувания. Когато прочие успеем да се потопим съвсем в себе си, да напишем нещо направо от сърцето си, тогава всичко онова, което е написано така, е действително истинска славянска поезия”. В творбите си, включени в книгата, Ивана Бърлич-Мажуранич използва специфични названия от славянската фолклористика, влизащи в състава на хърватския, сръбския, руския, лужишкия и общославянския приказан наратив.

Литературно-историческите проучвания неизменно я нареждат сред класиците на световната детска литература, като освен с Андерсен, я сравняват с Астрид Линдгрен (заради жизнените ѝ детски персонажи) и с Джон Толкин (заради одухотвореното описание на фантастичните ѝ митологични образи). Трябва да се отдаде дължимото на художествените пластове в приказната ѝ наративистика, които впечатляват със своята философска монолитност. Критиката високо оценява естествения ѝ начин на изразяване, тънкия хумор, художествената идеализация.

Румънският класик **Михаил Садовяну** (1880 – 1961) е роден в гр.Пашкани в семейството на адвокат. Писателската си дейност започва в началото на миналия век. Публикува разкази, исторически романи, битови повести и новели. Написал е повече от 150 книги. Отличен е с Държавна награда, Златен медал на мира, Международна Ленинска награда “За укрепване мира и дружбата между народите”.

Сборникът приказки и разкази на М.Садовяну, озаглавен от българските му преводачи “През мигли”, съдържа лирични наброски за живота в румънското село и наситени с поезия истории за малчугани. Сред тях се откроява “Приказка за славея” – едно невероятно повествование за щъркелите, преоткриващи промените в живота на човешкото семейство, резултат от ранната смърт на майката, скръбта на детето и бащата, породена от непрежалимата загуба. Само песента на славея, пълна “с обич и ласка”, може да им възвърне изгубеното душевно равновесие.

„Родът на Шоймару” – един от ранните му исторически романи, разкрива политическите борби в Молдова в началото на 17 век; алчността и продажността на управниците, готови да предадат родината си в името на лични облаги от Османската империя. Героят на творбата – защитник на онеправданите, се застъпва за оземляването и възвръщането на правата на бедните селяни. Макар и пренесени в друга епоха, тези борби са отклик на съвременната на писателя действителност от 30-те – 50-те години на 20 век. Действието в повестта „Островът на цветята” (1950) се развива през 1888 г. в провинциално румънско градче, където се проследява духовното израстване на един гимназист. Потушеното селско въстание, дружбата с бездомните риба̀ри и с укриващите се от полицията работници определят неговия житейски и политически избор.

Прозата на Михаил Садовяну разглежда детството като време за получаване на първи морални и житейски уроци, а юношеството – като процес на формиране на личността под влиянието на околните, на обществените събития и на собствената духовна нагласа – безпроблемно „вписване” с цената на затваряне на очите за очевидния социално-нравствен дефицит или

търсене на най-ефективни средства за противопоставянето му в индивидуален и/или политически аспект.

Десанка Максимович (1898-1993) е видна сръбска поетеса, родена в учителско семейство в Рабровица. Тя работи като гимназиална учителка. Редактира юношеското литературно списание “Змай”. Пише поезия, повести, разкази, романи. Значително място в творчеството ѝ заемат произведенията за деца. Сред тях се открояват приказните сборници “Сърцето на Спящата кукла”(1933), “Пеещи приказки” (1938), “Пчелен пастир” (1956), “Приказка за Кратковечната” (1957), “Писма от гората” (1961), “Вярвайте на баба ми – истината дава по лъжичка” (1964) и приказката в стихове “Златната пеперуда” (1964).

Десанка Максимович е академик, носител на държавна награда за постижения в детската литература през 1958 г. В свои изказвания авторката споделя, че “литературното творчество, посветено на децата и юношите, ако не съдържа в себе си нежност и човечност, не може да бъде голямо, дори ако притежава редица други качества”. Тя превежда произведения на руски и български поети. През 1963 г. е наградена с български орден “Кирил и Методий” първа степен.

Книгата “Царят на играчките” е забавна история за попадналия в Страната на играчките човек, който с уплаха и любопитство наблюдава кукления свят, но не намира своето място в него - просто е попаднал там в неподходяща възраст. Краткият му престой обаче е ползотворен – той научава, че и в света на играчките има сблъсъци на чувства и интереси, както при хората. Липсата на динамика и на изненадващ развой на събитията се компенсира от забавни описания и вълнуващи за децата подробности: “По полето пасяха стада, направени от метал и сукно. Светулките приличаха на малки фенерчета. Дърветата също бяха изкуствени, изрязани от хартия като в театъра. Летенето на птиците се чуваше, като че кръжат аероплани. Таралежите представляваха малки кълбета, набодени нагъсто с топлийки. Тревата в долината беше от коприна и конци, а буболечките – от пъстри мъниста...” С изразни средства, достъпни за детското възприятие, са описани играчките, които пътникът избира, за да занесе на децата си у дома: “... къщичка самоходка; охлюв, дето ту показва, ту прибира рогчета; рак от корал; крава от сукно, която дава мляко; кукла, дето знае да говори три езика; палячо, който знае да изпълнява най-опасни циркови номера”...

Поетичната проза на Десанка Максимович разкрива грижата за опазването на светлата детска душевност; желанието тя да не бъде накърнена от груби житейски конфликти и стълкновения. Тази крехкост на детето, уязвимостта му от меркантилността и демагогията на възрастните, я прави страстен защитник на детските права в един свят, доминиран от зрели на възраст, но лишени от морална извисеност хора .

Световноизвестният писател **Иво Андрич** (1898-1975) е роден в град Травник в Босна. От малък остава сирак и живее при роднини във Вишеград. Завършва гимназия в Сараево. След Първата световна война следва филология в университета в Загреб. Продължава образованието си в чужбина и получава докторат. Работи като дипломатически служител. В навечерието на Втората световна война е югославски посланик в Берлин. Последните години от живота си посвещава на писателска дейност.

Иво Андрич започва да пише през 1911 г. Новелите и историческите му романи са посветени на миналото на Босна. Носител е на много национални награди, а през 1961 г. е удостоен с Нобелова награда за литература. Често цитирано е изказването му при връчването на най-престижната световна литературна премия, че писателят и неговото дело не служат на нищо,

ако по един или друг начин не служат на човека и на човечността. Интерес сред читателите предизвикват пътеписите, есетата и литературната критика на Иво Андрич.

Излязлата у нас на български език книга “Разкази за детството” включва автобиографични спомени на писателя, обединени в “За първи път на цирк”, “За пръв и последен път на сцената” и “Първи стъпки по пътя към света на книгата и литературата”. За тях Густав Кръклец пише: “От този вечен извор Иво Андрич е загребал три ведра, тези три спомена, които се вливат хармонично в неговото жизнено литературно дело”. В разказа за първите срещи на юношата с голямата литература споменът за осветената витрина на книжарницата в Сараево, където той жадно поглъща с очи подвързиите, непознатите имена и екзотичните заглавия, е предаден с изключителна топлота и проникновен психологизъм.

Зараждането на любовта към книгата е тема, която отново придобива актуалност през първото десетилетие на новия век. Ако преди столетие тази любов носеше белезите на духовна интелигентност и интелектуални изкушения, в наши дни тя е опит да се откъснем от визуалната преситеност, тенденциозната информираност, поднесените наготово истини и полуистини, до които не сме стигнали в резултат на собствени прозрения, а сме заимствали от хора, поели отговорността да мислят вместо нас. Как да оставим детето насаме с книгата, как да я превърнем в „светая светих“ на неговата душа – отговорите, които ни предлага Иво Андрич, не са повлияни от различията в пространството и времето.

Турският писател **Назъм Хикмет Ран** (1902-1963) е роден в Солун в знатно семейство. Започва да учи във военноморско училище, за да продължи традициите на рода си, но е изключен заради участие в бунт. През 1921 г. става студент в Комунистическия университет на трудещите се от Изток. След завършване на образованието си се връща в Турция. Писателската му дейност е съчетана с антифашистки прояви, заради които получава няколко присъди. Натискът на международната общественост в негова подкрепа принуждава турското правителство да отмени най-голямата от тях – 28 години затвор, и Назъм Хикмет след освобождаването си заминава през 1951 г. за Съветския съюз. Продължава да пише романи, стихотворения, да създава пиеси. Става член на Световния съвет на мира. Посещава редица страни, сред които и България. Пребиваването му у нас е отразено в книгата на Блага Димитрова “С Назъм Хикмет в България”(1952).

Приказките му за деца за първи път се появяват през 1936 г. по страниците на истанбулския вестник “Акшам”. По своята форма те напомнят художествени миниатюри, а съдържанието им кореспондира с идейните послания на фолклора. Самият автор споделя: “Според мен литературата, при цялото си разнообразие, започва с приказката и завършва с приказката”.

По всеобщо признание на критиците, най-популярна творба на Назъм Хикмет е “Влюбеният облак”, където е постигнато преливането на прозата в поезия. Тя става сценарий на анимационен филм, получил международни награди на кинофестивалите във Франция (1960), Румъния (1961), Италия (1961). Историята на красивата Айше-къз и на влюбения в нея облак, готов да я брани от лошите хора и злите им помисли, завладява със своята нежност и неподправен лиризм. Съвсем естествено малкият читател идва до прозрението, че “който обича, той е безсмъртен”.

Темата за любовта, но с по-различен възрастов адресат, е основна и във „Великанът със сините очи” – една от най-вълнуващите поетични творби на Назъм Хикмет с притчово звучене. Тя разкрива на юношите, че редом до духовните исполини, до значимите личности на нашето

време, живеят малки на ръст, но и духовно нищожни хора, които със своята комерсиалност и егоизъм могат духовно да опустошат дори тези, които обичат:

Живял великан със сини очи.

Той обичал жена – малка на ръст.

Уморила се тя да върви

редом с милия свой великан

и казала тя на очите му сини:

„Прощавайте!”

И богатото джудже я въвело

в мъничък дом

със цъфтящ орлов нокът

под прозореца.

Чак тогава великанът разбрал –

любов великанска

не се побира

в мъничък дом

със цъфтящ орлов нокът

под прозореца.

Родена на остров Сирос, бъдещата писателка **Рита Буми Папа** (1906-1984) отрано изпитва на гърба си недоимъка и лишенията. Публикува първите си стихове на 13-годишна възраст в списание „Възпитание на жената”. Завършва с помощта на по-големия си брат педагогически науки в Италия. Живее в Атина. По време на хитлеристката окупация взема участие в националната съпротива, като стиховете ѝ се превръщат в популярни песни. След Втората световна война е активна общественичка и преводачка. Посещава неколнократно България. Превежда стихове на Елисавета Багряна, Дора Габе, Блага Димитрова, Георги Джагаров. Наградена е с орден “Кирил и Методий”.

Рита Буми Папа пише и открива стихове от началото на 30-те години. Поезията ѝ за деца контаминира стари легенди и приказки от цял свят, придавайки им не само изискана поетическа форма, но и актуално съдържание. У нас е преведена само книгата ѝ „Вълшебната свирка” (1965), получила награда за детска книга. В едноименната приказка читателят открива старата легенда за свирача, който спасява града от мишите набези, но не получава обещаното възнаграждение и отвежда завинаги децата от домовете им. Тук историята, позната ни от приказката на Братя Грим, има щастливо продължение. “Улични боеве” пресъздава моменти от незагълъхналата в детската памет антифашистка борба.

И в прозата, и в поезията си за деца Рита Буми Папа ратува за възпитание в дух на морални ценности, които отиващите си поколения завещава на потомците - любов към отечеството, към родната природа, борба срещу антихуманните изстъпления, грижа за хората, осъзнаване последиците от собствените думи и дела.

Бранко Чопич (1915-1984) е босненски сръбски писател. Роден е в селцето Хашани в Босненска Краина. Расте в семейство на земеделци. Записва се в педагогическото училище в Баня Лука, откъдето няколко пъти е изключван заради оживената си политическа дейност и четене на забранена литература. Записва философия в Белградския университет. Взема активно участие в съпротивителното движение. Започва да твори още през 30-те години. Автор е на романи, разкази, стихотворения с антифашистка и селска тематика. Към децата са адресирани неговите книги с приказки и разкази – 27 на брой.: “Орлите рано летят”, “Битката в златната долина”, “Магарешки години” и други. Сборниците му с приказки са озаглавени: „В царството на пеперудите и мечките”, “Приказки партизанки”, “Военни приказки”, “Приказки под крилата на змея”, “Приключенията на котарака Тошо” и др. Той е първият редактор на детския вестник “Пионер”. Бранко Чопич е член на Сръбската академия на науките и изкуствата и на Академията на изкуствата на Босна и Херцеговина. Творбите му са преведени на руски, украински, български, полски, чешки, унгарски и немски езици. Несъгласието му с политическия режим води до самоубийството му през 1984 г. На негово име е учредена престижна национална литературна награда.

“Писането за деца – казва Чопич – е за мене най-хубавата работа, най-приятното забавление и най-добрата почивка. Когато завърша някоя книга за деца, аз се чувствам така весел, сякаш се връщам от голямо майско тържество”. Раздвиженият диалог и остроумните реплики на героите от детските му книги позволяват техните театрални постановки и радиодраматизации в редица страни, включително и в България. Подходящ пример е книгата „Приключенията на котарака Тошо”, където откриваме хумор на всички равнища – фактологическо, ситуативно, лексикално:

„При по-нататъшното пиянстване дядо Тришо изведнъж се досети:

- Чакай, чакай, побратиме, та аз трябва да хвърля във водата чувала с котарака или може би чувалът трябва да хвърли мене? Ух, сега пък забравих, не знам кой кого трябва да хвърли.

Клатушкайки се, дядото отиде до колата, метна чувала на гръб, спусна се на брета и тъжно се развика:

- Хайде, чувале, хвърли ме във водата! Хвърли ме, Тошо, стари другарю!

Нито чувалът, нито котаракът Тошо се помръдваха от мястото. При това дядото мъдро заключи:

- Пощади значи живота ми ти! Ех, тогава и аз обещавам, че няма да крада повече твоята сланина, но заради това пък отивам отново да пия.

- Ура, имаш право, братко наш! – извикаха двете магарета над вратата на кръчмата”.

Литературната критика у нас има известни претенции към преводите на приказните му творби поради допускането на многословност, претоварване на езика с причастия и „сериозна” лексика. Това обаче води до друга крайност – прокарване на тенденцията граматичните конструкции да не надхвърлят „равнището на мислене на детето”.

Сценичността на творбите на Бранко Чопич е широко използвана като аргумент в полза на синтеза на литературата за деца с други изкуства. Тя е високо оценена от националната и европейската литературна художествена критика.

В заключение ще направим следните обобщения по отношение балканската литература за деца през XX век:

Независимо от личния си мироглед и от политическите си убеждения, балканските детски писатели се включват активно в обществения живот: участие в антифашистката борба – Рита Буми Папа, Бранко Чопич, Назъм Хикмет; в управлението на страната – Михаил Садовяну; в опитите за национални промени в следвоенните години – Ивана Бърлич-Мажурич, Десанка Максимович, Иво Андрич. Въпреки различията си като личности и творци, те се опитват да създадат мостове между балканските литератури.

За съжаление, общите обществено-исторически промени не довеждат до нужното литературно сближаване между писатели и тенденции в страните, наричани в миналото „барутният погреб на Европа”. Балканските детски писатели имат своята преводна рецепция, но тя е неравномерна и по-малозначна в сравнение с преводите на творбите им за възрастни; показва не толкова обществени нагласи, колкото предпочитания на издатели и преводачи; в повечето случаи техни произведения се появяват първоначално в периодичния печат и след това – в самостоятелни издания. Илюстрация на тази тенденция е изказването на най-известната румънска поетеса Ана Бландиана, символ на промените след 1989 година: „Не само народите от Балканите и от Карпатите, а изобщо народите от Източна Европа са приели тази почти странна липса на общуване помежду им, като всеки поотделно се стреми към опознаване и сътрудничество със Запада, без никакъв интерес да опознае и да си сътрудничи със съседите. След 1989 този аутизъм ми се струва още по-странен, защото всички ние преминахме през сходен травматизиращ опит, различен все пак в различните страни, и би било извънредно интересно взаимно да анализираме тези наши драми, причините за тях, намерените решения.” Тези думи крият и друго обяснение – част от балканските писатели намират в литературата за деца през втората половина на XX век отклик на духовното си дисидентство (Бранко Чопич и самата Ана Бландиана).

Сред балканските детски автори няма носители на престижни литературни награди за детско-юношеска литература (по обясними причини, те не кандидатстват за „Карнеги медал”, защото не пишат на английски език). Ограничената им преводна рецепция и липсата на регионална подкрепа не позволяват кандидатстването за престижни награди като Златния медал на името на Х.К.Андерсен и премията на името на А.Линдгрен. Въпреки интересната си проблематика – трудностите в съжителството на разнообразни етноси и култури, оцеляването във времето на икономическа и духовна криза, преодоляването на религиозни, геополитически и патриархални предразсъдъци – те остават някак встрани от интензивния европейски литературен обмен на идеи и ценности. Решаването на този проблем трябва да се превърне в приоритетна стратегическа задача на националните балкански литератури за деца и юноши, които трябва да излязат от регионалния си изолационизъм и да се приобщат към европейското културно пространство.

Литература:

- Андрич, И. Разкази от детството. Прев. от сърбохърв. Жела Георгиева. С., Отечество, 1978.
- Буми Папа, Р. Вълшебната свирка. Прев. от гр. Марин Жечев и Михаил Берберов. С., НМ, 1979.
- Бърлич-Мажуранич, И. Чудните приключения на чирака Хлапич. Прев. от сърбохърватски Хр. Василева. С., НМ, 1975.
- Бърлич-Мажуранич, И. Приказки от стари времена. Прев. от сърбохърватски Хр. Василева. С., Отечество, 1979.
- Георгиев, Л. Югославски срещи. Десанка Максимович. – Пламък, 1970, кн.2, с.54-55.
- Детские писатели Югославии. Библиографический словарь. – Детская литература, 1977, кн.6, с.46-55.
- Десанка Максимович. – Деца. Изкуство. Книги, 1972, кн.3-4, с.44-45.
- Максимович, Д. Сърцето на спящата кукла. Прев. от сръбски Г. Пановски. С., Заря, 1947.
- Максимович, Д. Царят на играчките. Приказка за най-малките. Прев. от сръбски Вера Желязкова. С., 1994.
- Маркович, С. Особенности современной прозы и поэзии для детей у югославских народов. – Детская литература, 1977, кн.6, с.6-10.
- Преводна рецепция на европейските литератури в България. Том 6. Балкански литератури (в две части). С., АИ „Марин Дринов“, 2004.
- Садовяну, М. Островът на цветята. Прев. от рум. Й. Стратиев. С., НМ, 1955.
- Садовяну, М. Родът на Шоймару. Островът на цветята. Прев. от рум. С. Кануркова, Й. Стратиев. С., Отечество, 1982 (1989).
- Садовяну, М. През мигли. Приказки и разкази за деца и юноши. Превели от рум. М. Пенева и С. Мъгъшиян. Шумен, 1991.
- Терзиева, М. Славянски приказници. Б., Димант, 2001.
- Хикмет, Н. Влюбеният облак. Приказки. Прев. от тур. Азиз Джелил. С., НМ, 1974 (1980, 1994).
- Црнкович, М. Основоположници детской литературы. – Детская литература, 1977, кн.6, с.14-17.
- Чопич, Б. Приказки партизанки. Прев. от босненски. С., Средец, 1946.
- Чопич, Б. Приключенията на котарака Тошо. Приказки. Прев. от сърбохърв. Данаил Темков. С., НМ, 1968
- www.slovesa.net.

20TH CENTURY FRENCH CLASSICS WHO WROTE CHILDREN'S LITERATURE

Margarita T. Terzieva

Prof. Dr Assen Zlatarov University, Burgas

Abstract

The paper deals with the work of seven 20th Century French classics who also wrote children's and young-adult literature. Their aesthetic messages to the young reader have been analysed.

Key words: classic writers, children's literature

Всеки литературен факт предполага писатели, книги и читатели, или казано по-общо – творци, творби и публика. Литературният факт изгражда кръг на общуване, който с помощта на изключително сложен механизъм за предаване, отнасящ се едновременно до изкуството, до производството и до търговията, свързва определени индивиди в повече или по-малко анонимна (но ограничена) общност. Тази мисъл на социолога на литературата, писателя Робер Ескарпи, ни дава отправни точки за анализ на творчеството на група писатели, към които принадлежи той самият.

Факт е, че вече столетия има литература за деца и юноши, която играе роля за приобщаване към света и неговите проблеми; за изграждане на собствена комуникативна стретия за „вписване” в определена среда или кръг.

Втори факт: писателите, създаващи този тип литература, имат по-големи отговорности от своите колеги по перо – те дават образци и модели на поведение на бъдещите граждани; противопоставят реалните и художествените ценности и оставят на младите читатели да установят кои от тях издържат на проверката на времето.

Трети факт: литературата за деца и юноши е жанрова територия, често прекривана от живи класици. Европейските примери в това отношение са много: Англия (Сесил Дей-Луис), Полша (Хенрих Сенкевич), Русия (Алексей Толстой), България (Йордан Радичков). Не прави изключение и Франция – някои от най-известните класици на XX век са автори на популярни книги за деца и юноши. Сред тях са Морис Дрюон, Пол Елюар, Марсел Еме, Андре Моруа, Робер Ескарпи, Жак Превер, Пиер Гривари...

Морис Дрюон (1918-2009) е известен с трилогията „Краят на човечеството” (1948-1951) и поредицата от седем книги „Прокълнатите крале” (1955-1977). Носител е на наградата „Гонкур”. През 1966 г. става член на Френската академия. Бил е министър на културата на Франция (през 1973-1974), депутат в Националното събрание, депутат в европарламента. „Тисту, момчето със зелените пръстчета” е единствената приказка за деца, която съм написал досега и по всяка вероятност ще си остане единствена” – признава той. Приказната му повест е художествена реализация на идеята, че красотата и доброто ще спасят света; че приобщаването към природата ще ни дари с мъдрост и хармония.

Тисту – героят на творбата – притежава необикновена способност: при всеки допир на пръстите му поникват цветя. Така той пресъстворява света около себе си – не само природата, но и

хората: затворниците получават свобода, за да я използват по възможно най-достойния начин, а родният му град става истинска цветна градина. Кулминацията на приказката е подготовката за война, която момчето осуетява – от оръдията, насочени към врага, излизат залпове от цветя. Творбата със своята многопластовост се вписва в контекста на световната литература с мотивите за възтържествуването на доброто, с отговорността за живота на другите. Лесно се откриват и архетипите на Юнг – старец и дете. Може би главният литературен паралел трябва да бъде направен с творчеството на Волтер и финала на неговата повест „Кандид”: „Необходимо е да се грижиш за градината си”. Малките читатели се докосват до злободневни проблеми и чрез историята на Тисту формират собствените си представи за справедливост и състрадание.

Като юноша **Пол Елюар** (1895-1952) е под влиянието на унаимизма. Започва литературния си път като дадаист, за да попадне под влиянието на Андре Бретон през 1922 г. Заедно с него е сред основателите на сюрреалистичната школа. През 30-те години на миналия век преминава на позициите на “гражданската” поезия. Автор е на стихосбирките “Дългът и безпокойството”(1917), “Да умреш, за да не умираш”(1924), “Столицата на болката”(1926), “Любовта, поезията”(1929), “Щедрите очи”(1936), “Поезия и истина”(1942), “Непрекъсната поезия”(1946), на художествена и литературна критика. Признат е за най-добър преводач на Ботевите стихове във Франция. Удостоен е посмъртно с Международна награда за мир през 1953 г.

Приказката “Детето, което не искаше да порасне” се родее с лирическата проза, а повествованието ѝ е достъпно за детските възприятия. Каролин има щастливо детство и расте безгрижно, докато един ден от кинопрегледа преди главния филм съзира жестокото лице на войната. От този ден тя се променя, изоставя предишните игри и престава да расте. Това обаче ѝ донася много неприятности в обкръжаващия я свят. Разбрала, че този опит за бягство от действителността е несполучлив, Каролин отново поема риска да порасне, за да стане “малко по-мъдра и по-сърцата от другите”. Този мотив на световната литература за деца намира друго тълкуване в творчеството на Астрид Линдгрен, но и двете сюжетни линии се успоредяват в извисяването на детството като нравствен коректив за всеки от нас. Ако бунтът на Пипи е бунт срещу конформизма на възрастните, бунтът на Каролин е по-абстрактен, но и по-хуманен – тя иска промени в социалния и обществен живот, готова е да воюва за тях.

Френският писател и драматург **Марсел Еме** (1902-1967) започва да пише на 23-годишна възраст. Реалистичните му романи са написани в сатиричен дух. За книгата си “Разкъсаните картини” получава литературната награда “Рьонодо”(1929). Успех му донася романът “Зелената кобила”(1933)- сатира, примесена с галски хумор и фантастични елементи. Драмите му “Чужда глава”(1952) и “Лунните птици”(1956) са на социални теми.

Книгата за деца “Приказки на игривия котарак”(1939), пропита с поезия и фантазия, попада на малките читатели. Игривият котарак Алфонс се заселва в една обикновена ферма, запознава се с обитателите на селския двор и с двете очарователни момиченца Делфин и Маринет. Необикновената му дарба да прави “малки чудеса” въвежда в делника света на приключенията и фантазията. Творбата на Марсел Еме, написана “за деца от четири до седемдесет и пет години”, носи прелестта на един изгубен за модерния човек рай. В него времето е спряло, всички живи същества хармонично съжителстват помежду си, доброто е възнаградено, а злото получава справедливо възмездие. Тази модерна френска небивалица, за която времето и пространството са без значение, подготвя малчуганите да живеят в разбирателство със себе си и с другите, да осмислят своя човешки потенциал.

Френският романист, социолог на литературата, есеист и журналист **Робер Ескарпи** (1918 – 2000) е известен с активната си творческа и обществена дейност. Дълги години е преподавател в университета в Бордо. Живее в Песак и се занимава с регионалните проблеми на Аквитания. Спечелва симпатиите на деца и юноши с “Приказки и легенди от Мексико”(1963). През 1984 г. е удостоен с национална награда за принос в развитието на литературата, адресирана към младото поколение.

“Приказки от Куковден” е творба, замисълът за която се ражда още през 50-те години, но е писана в продължение на няколко десетилетия – до 1973 г. Авторът споделя: “Истината е, че благодарение на тях сега имам внуци и правнуци в стотици френски училища из цяла Франция, а щом започват да ме превеждат, това означава, че след време ще ги имам и по цял свят”.

В опита си да намери приказно обяснение на най-невероятни факти и обстоятелства, Робер Ескарпи създава причудливи исторически етимологии за произхода на играта „хайде-хоп“, за термина “кулиси”, за апетитната “имамбаялдъ”. Всички те притежават тайнствено очарование и зареждат малките читатели със забавни прозрения и жизнерадостен смях. Тази „съвременна митология” сродява творчеството му с произведенията на фентъзи-авторите, но до обемните им наративни повествования той не достига. Прозата му забавлява и дава мъдри житейски съвети, без да прибегва до нравоучителни послания.

Емил Ерцог (1885 – 1967), известен с литературния си псевдоним **Андре Мороа**, написва през 20-те - 30-те години на миналия век знаменитите си “семеини романи” “Климат”(1928) и “Семеин кръг”(1932). Член е на Френската академия от 1932 г. Става известен със своите романизирани биографии на Юго, Балзак, Байрон, Шели, Шатобриан. Най-популярна сред малките читатели е книгата му “Страната на хилядите желания”.

Мишел попада в Страната на хилядите желания на 7-годишна възраст. Гарванът Смутензасрамен я подлага на изпит за фея и тя се справя блестящо, защото идеално отговаря на условията да бъде фея: не може да смята, не знае правописа, не помни съдържанието на нито една басня. В приказната страна са и други нейни приятелки от класа. Там всяко тяхно желание се изпълнява мигновено – проблемът е в това, че желанието на едно дете унищожава желанието на друго. Именно тази анархия ги подтиква да потърсят реда, стремежа да правят нещо добро не само за себе си, но и за другите.

Когато желанието им да се завърнат у дома надделява, децата се подчиняват на носталгията и се озовават отново в познатото обкръжение от роднини и учители. Мишел е завладяна от училищното ежедневие, заляга над уроците, вписва се в скучното домашно ежедневие и неусетно расте. Когато се опитва да се върне отново в Страната на хилядите желания, пътят е затворен за нея – тя вече не е дете! Освен пораснала, тя е и поумняла – една тъжна и скептична констатация. За разлика от Небивала земя (островът на детството в „Питър Пан”), измислената страна на Андре Мороа има определена дидактична функция: всяко изискване към децата има своите основания; всяко задължение, макар и тягостно, ни подготвя за бъдещите ни отговорности; всяко ново знание е средство не само за физическо, но и за духовно израстване.

Жак Превер (1900-1977) започва творческия си път под влияние на сюрреализма. Паралелно с издаването на стихове работи като сценарист в киното. За него Гаetan Пикон пише: „Жак Превер е дете на парижката улица, наблюдател, подигравчив, циничен и весел, светъл и сантиментален Гаврош”... В синтезирана форма в книгата си „Приказки за непослушни деца” авторът създава съвременен моралистичен вариант на популярната приказка за Палечко. Героят не се стреми към завръщане у дома, а желае да се слее с простора.

В произведенията му, написани специално за деца, читателят буквално се потапя във водопад от каламбури, сблъсква се с абсурдни ситуации и гротескови герои. Дори когато са написани в проза, в тях се долавя ритмическа канава, защитена като присъствие с многобройни алитерации и рими. Авторитетната критика твърди, че „свежата непосредственост на детското възприятие в поезията му внася в живота елемент на вълшебната приказка, възвръща на всичко изкуствено първоначалната прелест”.

Творческото кредо на Жак Превер можем да открием в една от най-лиричните му творби – „Как да нарисуваме портрет на една птица”. Образът на птицата крие дълбока символика – според индивидуалните ни възприятия тя може да е красотата, изкуството, любовта, мечтата, творчеството, вдъхновението... Съприкосновението с тях си струва дългите години чакане и споделянето на съкровени тайни. И тук трябва да се отдаде дължимото на личността на автора – Превер счита, че изкуството се нуждае от искреност и безкористност, не отдава никакво значение на звученето на собственото мнение; това не е скромност или самоподценяване, а определена естетическа позиция.

Вероятно някои читатели ще открият в творбата определена програма за действие, за личностно израстване. Всеки сам създава живота си, набелязва планове за бъдещето, обвързан е с приятелство или любов. Ако е вложил себе си, душата си в това имажинерно строителство, то вероятно птицата наистина ще го посети:

Щом птицата дойде,
ако някога дойде,
пазете най-пълно мълчание.
Чакайте тя да се вмъкне във клетката
и когато е влязла,
затворете леко вратичката с четката.
Изличете след туй
всички пръчки една подир друга,
като внимавате да не докоснете
нито едно от перата на птицата.
Нарисувайте после портрет на дървото,
изберете на птицата
най-красивия клон,
нарисувайте също зелени листа,
ветрове,
слънчев прах,
насекоми, които свирукат в тревите
под летния зной,
и очаквайте тя да запее.

В даден момент от живота си сме постигнали целта си да бъдем това, към което сме се стремили. Можем да сме доволни или отчаяни, но отреденото ни време безвъзвратно си е отишло; получаваме не това, което искаме, а това, което заслужаваме:

Ако тя не запее,
това е лош знак,

знак, че е лоша картината.

Ако запее - добре.

Значи - можете да се подпишете.

Изтръгнете тогава внимателно

едно от перата на птицата

и в ъгъла на картината напишете с него своето име.

Пиер Грипари (1925-1990) дълго се колебае между музикалното, театралното и литературното поприще. Когато взема решение да се посвети на писането, първоначално се утвърждава като журналист, а през 60-те години на миналия век – и като писател. Неговият дебют в литературата за деца с „Приказки от улица „Брока“ (1967) го превръща в популярен и обичан автор. Издадени в хиляди екземпляри на различни езици, те са адаптирани за театъра, операта и телевизията. С увлечение френските деца четат още „Историята на принц Пипо“ (1976), „Инспектор Туту“ (1984) и други забавни книги, пълни с искрящ хумор и забавни приключения.

На картата на Париж може да се открие малката улица „Брока“ – там живее приказникът господин Грипари. Но там, разбира се, са се заселили и неговите герои – феята е във водопровода, а вещицата – в стенния шкаф. Тази история, започната през 1967 година, намира своето продължение в „Приказки от улица „Фоли-Мерикур“ (1983), където са модифицирани руски народни приказки от сборника на Афанасиев. Писателят самостоятелно учи руски в курсове, запознава се обстойно с творчеството на руските класици и пренася наученото от тях на френска почва – в литературните си небивалици, на които руският фолклорен елемент придава екзотичен привкус

Френските критици виждат в лицето на Пиер Грипари достоен продължител на традициите, завещани от Марсел Еме. Приказното събитие при него е наситено с детайли от реалността. „Той владее изкуството за създава приказки за принцеси и принцове, за дяволи и ангели, за риби и зверове, за дясна и лява пантофка – и никога не се повтаря; не можеш да сбъркаш почерка му с никой друг“. Текстът на писателя е истинско богатство, в което са включени алитерации, рими, повторения, омофония и други каламбури на фона на традиционната приказка. Словесната игра при него се интегрира с прозаичната творба.

Деца са съавтори на писателя при съчиняването на поредния сюжет. Той обединява подхода на Астрид Линдгрен с методиката на Джани Родари за детското словотворчество. Така приказките, подписани с неговото име, стават част от движението за глобализиране на литературата и тенденцията за създаване на творби за деца от самите деца, които влизат в ролята на писатели.

Пиер Грипари е утвърден театрален критик. Това обяснява сценичността на приказните му текстове и води до редица постановки в детските самодейни театрални школи, включително и в България („Привет, магьосници, и сбогом“, „Вещицата от килера“, „Приказки от улица „Муфтар“). Своя публика има и кукленият моноспектакъл „Обувки две в история една“.

Лаконичните изложения върху творчеството за деца на седем френски автори, признати приживе за класици, позволяват да направим известни обобщения за посланията на френската литература за деца и юноши, която е част от световното литературно наследство:

В творчеството на гореизброените и на десетки други френски и френскоезични автори се наблюдава дифузия на жанровете: в социално-битовата проза проникват елементи на приказното и на фантазната условност; създават се приказни алегии, приказки-притчи, „кинематографични“ приказки, импресионистични стихотворения, разкази и повести; всекидневното се опоектизира, баналното става забавно; думите придобиват нов смисъл.

Свободолюбието като традиционна личностна черта на творческите характери на френските писатели е допълнено от изискан естетизъм, преклонение пред гравитното и творческото начало у всеки човек, дълбок психологизъм, страстен хуманизъм.

Деца на новия век, потребители на подобен род четива, няма да се наслаждават на спокойни повествования, а ще бъдат провокирани да изграждат собствено мнение, да формират личностна и гражданска позиция, да не допускат да бъдат манипулирани и използвани за грандомански цели и абсурдни каузи.

Литература:

- Грипари, П. Приказки от улица „Брока“. Прев. от фр. Радост Владимирова. С., Отечество, 1989.
- Димитрова, М. Световна литература за деца и юноши. Т.2. С., УИ „Св. Климент Охридски“, 2009.
- Дрюон, М. Тисту - мальчик с зелёными пальцами. Сказка. Пер. с фр. В.Финикова. М., Детская литература, 1973.
- Дрюон, М. Тисту, мальчик с зелёными пальчиками. Сказка. Пер. с фр. В.Никитина. М., Палимпсест, 1997.
- Дрюон, М. Тисту – момчето със зелените пръстчета. Приказка. Превод от фр. Добринка Савова-Габровска. С., Отечество, 1979.
- Елюар, П. Зрънце- перце. Приказка. Прев. от Борис Делчев. С., Отечество, 1978.
- Елюар, П. Детето, което не искаше да порасне. Прев. от фр. Леда Милева. С., Отечество, 1989.
- Еме, М. Червените и сините приказки на игривия котарак. Прев. от фр. Добринка Савова-Габровска. С., Отечество, 1984.
- Ескарпи, Р. Приказки от Куковден. Прев. от фр. Лиляна Мишкова. С., Отечество, 1982.
- Калам – Жипе, Ф. Истории не като другите. – Деца. Изкуство. Книги, 1990, кн.6, с.36-41.
- Ковачева, И., М.Терзиева. 100 европейски и американски автори – творци на литература за деца и юноши. Б., Димант, 2001.
- Мавлевич, Н. Пьер Грипари. Сказки улицы Фоли-Мерикур. – Современная художественная литература за рубежом, 1988, кн.3, с.101-102.
- Мороа, А. Страната на 36 хиляди желания. С., Мадара, 1946.
- Мороа, А. Страната на хилядите желания. Прев. от фр. Анна Сталева. С., Отечество, 1980.

- Превър, Ж. Приказки за непослушни деца. Прев. от фр. Иван Бориславов. С., Отечество, 1991.
- Речник на френскоезичната литература. С., АИ „Проф. Марин Дринов“, 1998.
- Славова, М. Метаморфози на приказното. П., 1997.
- Dupon- Escarpit, D., N. du Roy, B. Epin, O.Limousin. Guide de auteurs du livre de jeunesse francais. P., 1989.
- Escarpit, R. Sociologie de la littérature. P., Coll. „Que sais-je ?“, 1973, pp. 6-7.

«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
БАШКИРСКОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЭПОСА⁴

Gulnur Bukharova

Bashkir State Teacher Training University, named after M. Akmulla,
October Revolution St., 3a, Ufa, Russia

Abstract

The material of study is a backbone of cultural memory of Bashkir people – a body of texts of mythological epos. The main subject of study is a key word or a concept of national sphere of concepts, i.e. such basic notion of Bashkir lingual culture as “native land”. The author’s aim is to show, on the basis of analysis of the given concept, Bashkir native speakers’ way of formation of world outlook and mythological and poetic model of system of knowledge about native land.

Key words: *cognitive linguistics, folklore discourse, concept.*

Когнитивное направление, возникшее в лингвистике в 90-е гг. прошлого века, благодаря его обращению к главным функциям языка, к человеческому фактору в языке, к темам языка и мышления, когда связь языка и мышления рассматривается уже не только в качестве методологической рамки, а семантика языковых единиц описывается в терминах, характеризующих именно мышление, в настоящее время занимает одно из ведущих мест в научных исследованиях.

Если до настоящего времени когнитивная лингвистика занималась в основном лексической семантикой, взятой вне интерактивного процесса, в отрыве от динамики речи, дискурса, то в последнее время наметилась тенденция к расширению концепции когнитивной лингвистики, что позволило включить в нее дискурсивный анализ. Современная лингвистика, как и все сферы гуманитарного знания, ориентируется на интерпретацию культурно-символических, социально-психологических, когнитивных аспектов человеческой деятельности в дискурсе. Именно сейчас, по утверждению М.Л. Макарова, лингвистические данные и методы обретают большую эвристическую ценность для многих социальных наук, решающих не только теоретические задачи. Обратившись к деятельностному анализу реально функционирующего языка в широком социально-культурном контексте, современная лингвистика получила «новый стимул, новые цели и перспективы для приложения своих усилий к исследованию языкового общения людей» [Макаров 2003: 24].

Методологической основой новейших лингвистических исследований является антропоцентрический принцип, суть которого заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по

4

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Концептосфера башкирского мифологического эпоса», проект № 11-14-02008a/У

их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что человек вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 212]. В дискурсивном анализе всегда отдается дань говорящей (языковой) личности, да и в исследование последней явно вовлекаются дискурс и дискурсивные (коммуникативные) особенности человека [Кубрякова 2000: 15]. Можно утверждать, что «по мере ввода в лингвистику человеческого фактора меняется природа объекта и предмета самой науки... : лингвист теперь имеет дело не с абстрактным овеществленным конструктом, не с инструментом, обслуживающим какую-либо постороннюю деятельность, а непосредственно связанную с коммуникативной деятельностью человека, обладающего таким же, как и сам исследователь, сознанием» [Макаров 2003: 24]. Говоря словами Н.Н. Болдырева, когнитивный подход к исследованию языка исходит из того, что значительная роль в формировании языковых значений принадлежит человеку как наблюдателю и как носителю определенного опыта и знаний. Именно человек, познающий и говорящий на определенном языке, формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде (принцип креативности речевого мышления), и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации. Согласно Н.Н. Болдыреву, это означает возможность обращения к любому фрагменту собственного опыта в процессе формирования значения языкового знака, т.е. использование как языковых, так и неязыковых, энциклопедических знаний. Последнее предполагает разработку особой, многоуровневой теории значения, что, в свою очередь, также дает основание говорить о кардинальном отличии когнитивной лингвистики как научного направления в целом. Исследование языка в его когнитивной функции, т.е. как средства организации, обработки и передачи информации, предполагает его рассмотрение как когнитивной способности человека [Болдырев 2004: 24]. Когнитивная способность, когниция определяется как знание, познание, т.е. и сам познавательный процесс (приобретение знаний) и результаты этого процесса (знания) [Философский...1999: 214]. Когниция – это и восприятие мира, и наблюдение, и категоризация, и мышление, и речь, и воображение и др. психические процессы в их совокупности [Пименов 2006: 58].

Текст представляется наивысшей единицей, отражающей когнитивную деятельность человека. Изучение взаимодействия между процессами получения, осмысления, переработки знания и его репрезентации в текстах является важнейшей задачей когнитивной лингвистики. «В сферу смыслов когнитивная лингвистика выходит через лингвистику текста, располагающую средствами обнаружения имплицитных смыслов, лежащих в глубине текстов и не имеющих вербального выражения» [Попова 2006: 108].

В когнитивной парадигме описания языка текст и язык представляются не как имманентные сущности, самонастраивающиеся системы, а как продукты речевой деятельности, как функциональные элементы деятельности человека в совокупности всех ее аспектов – психического, социального, культурно-национального. Текст рассматривается как единица дискурса, т.е. как составляющая коммуникативного акта, а дискурс воспринимается как еще один уровень, следующий за уровнем текста, как коммуникативное событие, порождающее текст. При таком подходе текст анализируется не только в лингвистическом аспекте, но и в неразрывной связи с экстралингвистическим – социокультурным, историческим, психологическим, прагматическим контекстом.

Включая в когнитивную парадигму знания дискурсивную составляющую, Е.С. Кубрякова предлагает новую версию когнитивизма (когнитивно-дискурсивную), которая дает возможность более глубоко понять природу креативного начала в поведении человека, т.е. подойти к рассмотрению креативности как главной характеристики человека, проявляющейся

во взаимодействии человека с миром, и определить её как основную черту деятельности нашего сознания [Кубрякова 2000: 8]. Как пишет Е.С. Кубрякова, сам вопрос о представлении знаний в голове человека, об их репрезентации, а также положение о том, что совокупность подобных представлений формирует разум и интеллект человека, – это центральные вопросы для всей когнитивной науки. Рассмотрение же самой значительной части подобных репрезентаций в языке и связи их с языком превратило лингвистику (вместе с психологией) в центр всех когнитивных поисков [Кубрякова 2004: 8]. Цель когнитивной лингвистики – проникнуть посредством постижения языка в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости [Болдырев 2004: 23].

На сегодняшний день в когнитивной лингвистике достигнуты значительные успехи в понимании связей между языковыми и когнитивными структурами, в изучении репрезентации тех и других знаний в текстах различных жанров, в описании целого ряда процессов концептуализации и категоризации мира. В России созданы и успешно работают школы по когнитивной лингвистике в Кемерово, Тамбове и в некоторых др. городах. Анализ особенностей лингвокультуры проводится на разнообразном лингвистическом, литературном и историческом материале, который включает факты английского, немецкого, французского, итальянского, русского, китайского и мн. др. языков. Лингвистов интересуют общие проблемы теории и методологии когнитивных исследований, вопросы взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры, языка как этнокультурного феномена и культурных концептов, языкового сознания, языкового самосознания и менталитета, когнитивные аспекты лексики, фразеологии и др. уровней, проблемы категоризации и концептуализации мира в языке, когнитивного моделирования и т.д. В современной науке язык представляется не просто как орудие коммуникации и познания, но и как культурный код нации.

Особую актуальность в этой связи имеет проблема представления знаний в тексте, так как текст находится в центре коммуникативного акта. Текст как продукт речемыслительной деятельности автора и материал речемыслительной деятельности интерпретатора (читателя) есть, прежде всего, по выражению Н.С. Валгиной, особым образом представленное знание: вербализованное знание и фоновое знание. В тексте линейно упорядочена совокупность знаковых единиц разного объема и сложности, т.е. это материальное образование, состоящее из элементов членораздельной речи. Однако это в целом материальное образование несет в себе нечто нематериальное – содержание (знание, событие). Более того, знание не всегда реализуется целиком вербальными средствами [Валгина 2003: 15]. При этом в задачи исследователя входит «показать соотношение и взаимодействие языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта – опыта использования языковых единиц – смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры, их содержание и связи» [Болдырев 2004: 24].

Содержание сознания не сводится только к знанию. Кроме знания, сознание имеет еще одну сторону – эмоционально-волевою, аффективную сферу переживания действительности, являющуюся способом выражения отношения субъекта к тому, что он отражает и преобразовывает, способом выражения его потребностей, интересов, целей. Феномен сознания коррелирует лишь с представлением объекта, а не с его реальным бытием. Это положение феноменологии имеет особое значение при анализе языка и речи и позволяет рассматривать разные социокультурные миры, включая бессознательное в их общий объем предмета анализа как особую модальность сознания. Таким образом, бессознательное в организации речевой деятельности и языковых явлений имеет огромное значение. Своеобразие картины мира определяется культурой, которая «отображает самосознание человека, исторически

изменяющегося в процессах личностной и групповой рефлексии над ценностно-значимыми условиями природного, социального и духовного бытия человека» [Телия 1999: 18].

Можно выделить следующие формы культуры: физическую, материальную, духовную. Все эти формы культуры на одном синхронном срезе складываются в единое образование, которое можно определить как тип культуры или модель культуры. Модель культуры напрямую зависит от характера составляющих (отношение человека к среде обитания, технологии, мировоззрения). Для древнейших этапов развития любого этнического сообщества тип культуры может быть определен как мифологический. В современных исследованиях мифология рассматривается как определенная модель культуры и как особая отрасль духовной культуры. «Вещам окружающего мира мифология придавала определенную символическую значимость, ценность. Миф выступал и как чувственный образ, и как неразрывно порождаемая таким образом система ценностей, определявшая знаково-символический статус вещей» [Найдыш 2002: 55].

В истории культуры миф предстает как исторически первая форма сознания, как сознание первобытной родовой общины, способ ее мировосприятия.

В первобытную эпоху сознание характеризовалось большей эмоционально-аффективной напряженностью, высокой активностью воображения. Высшим слоем архаичного сознания являлась мифология как особый способ обобщения, систематизация обыденных знаний о мире. Хотя миф есть некоторое объяснение мира, он базируется не на знании, он не нацелен на выявление объективных закономерностей мира. Поэтому сознание – «это не только знание о мире, но и переживание мира в его отношении к субъекту, к условиям его жизнедеятельности. Человек не только познает мир, но и оценивает его свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей» [Найдыш 2002: 35-36].

«Сознание считается такой составляющей инфраструктуры мозга, в которой сосредоточен весь ментальный опыт, усвоенный человеком за время его жизни и отражающий накопленные человеком впечатления, ощущения, представления и образы в виде смыслов, или концептов единой концептуальной системы» [Кубрякова 2004: 13-14]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, когниция охватывает любые формы постижения мира, а начинаются они с первых контактов человека с окружающей его средой; поведение человека адаптивно, а потому когниция – формирование сведений о мире – постоянно происходящий и постоянно продолжающийся процесс [Кубрякова 2004: 10].

В научной литературе определение «мифологический» прилагается к тому типу знания, которое базируется не на рациональных доказательствах, а на вере и убеждениях (предписанных культурной традицией, религиозной и идеологической системой и пр.). Такие знания имеют особую логическую структуру, отличную от позитивного мышления, и лежат в основе мифологических представлений, в своей совокупности охватывающих мироздание во всех его природных, культурных и человеческих измерениях; их сочетание называют «мифологической картиной мира» [Неклюдов 2000: 17-38].

Традиции национальной мифологии выражаются посредством текста, а строй его образов, воплощающих мифологические смыслы, обусловлен, по мнению С.Ю. Неклюдова, именно особенностями национальной культуры [Неклюдов/Электронный ресурс]. Картина мира эпохи, целостная идеологическая модель, свойственная данному типу культуры, являет собой некий инвариант, представленный вариантами, а именно – научной, художественной, религиозной, эпической картиной мира и т.д. В свою очередь, варианты осуществляются в определенных типах текстов, которые можно считать конкретными реализациями общей картины мира [Торсуева 1989: 5].

Существует два вида языковой художественной коммуникации: фольклорный (устное поэтическое народное творчество) и литературный. Им соответствуют фольклорная и литературная картины мира, которые возникли на разных исторических этапах существования человеческого общества.

В фольклорной картине мира можно выделить мифопоэтическую картину мира. В фольклорном тексте, как и в художественном, использование языковой системы связано с особым творческим подходом к явлениям языка, в нем языковые явления выполняют не только сугубо прагматическую функцию, но и поэтическую. Эта функция «охватывает все случаи «творческого» (т.е. необычного) использования языка независимо от того, на каком уровне они проявляются и какую роль играют в формировании дискурса. Злободневность изучения фольклорного текста как репрезентации национальной картины мира и менталитета того или иного народа обусловлена повышенным вниманием к национальной культуре. Посредством анализа концептосферы текста можно изучить ментальность народа. В настоящее время рассмотрение концепта в различных типах дискурса является неотъемлемой частью исследования концепта, «так как в разных типах дискурса реализуются его определенные аспекты, в то же время дискурсивный подход позволяет составить полное представление о концепте, складывающееся из мнений, установок, стереотипов отдельного человека, социальной группы, этноса в целом» [Скорнякова 2006: 146]. Кроме того, концептуальный анализ эпических текстов представляется весьма актуальным не только с теоретических позиций, но и в связи с преподаванием в вузе таких дисциплин, как филологический анализ текста лексикология и т.д.

Башкирский мифологический эпос является одним из самых репрезентативных фольклорных жанров, и его тексты играют чрезвычайно важную роль в деле изучения языковой и концептуальной картины мира народа.

В качестве материала исследования выбран первоэлемент памяти культуры башкирского народа – корпус текстов мифологического эпоса. Основной предмет изучения – ключевые слово или концепт национальной концептосферы, т.е. такое основополагающее понятие башкирской лингвокультуры как «Родная земля». Цель автора – на основе анализа данного концепта показать, как складывались миропонимание и мифопоэтическая модель системы знаний о родной земле у носителей башкирского языка.

Анализируемые нами эпические тексты «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Куныр-буга» есть отображение мифопоэтического видения мира, которое является результатом мифологического мышления. Элементы мифологического мышления и мифопоэтической картины мира закодированы в тексте эпоса на уровне семантики и носят характер универсалий, позволяющих выявить сходство и различие между концептуальными системами разных языков.

При изучении архаичного фольклорного текста итогом исследования должна быть реконструкция мифологической картины мира, модели мира или мифопоэтической модели мира. При этом первичной и основной задачей является не реконструкция внешней формы, а восстановление архетипической семантики (глубинных смыслов и символических представлений).

«Родная земля» является ядерным понятием в мифопоэтической картине мира и составляет базовый концепт мифологических текстов башкирского эпоса.

Первобытные представления башкир о родной земле связаны прежде всего со следующими закономерностями мифологического мышления:

1. Земля сотворена в мифическое время *борон-борон борондан* «давнее давнего», «давно - предавно». В эпосе «Урал-батыр» повествуется о том, как были созданы нынешнее состояние

мира – рельеф (как возникли реки, горы), небесные светила, животные, т. е. окружающее нас пространство.

2. В мифологическом сознании башкир родная земля связывается с определенным пространством. Это пространство неоднородно. Земля и все то, что на ней находится: горы, реки и т.д. создается из Хаоса усилиями народного батыра – Урала, а также действиями его супруги Хумай и их сыновей и противопоставляется чужой территории, чужим странам. «Свое» пространство является священным, а «чужое» – плохим.

3. Созданная Урал-батыром гора и сотворенная им из хаоса страна – родина башкир – это Урал.

Следует отметить, что одним из приемов концептуального анализа является выявление бинарных оппозиций – универсального средства познания мира. Поэтому рассмотрим пространственную модель мира, отображенную в башкирском мифологическом эпосе.

До создания земли существовал изначальный мир, и он представляется как непространство или Хаос. Хаос обрисовывается как *бер урын* «некое место», окруженное со всех сторон морем (водой), где *кеше-мабар бума4ан* «людей там не бывало», *килеп ая7 ба9ма4ан* «нога не ступала», *Торо ер барлы4ын Зис кем белм2г2н* «что там сухая земля есть, совершенно никто не знал»:

*Борон-борон борондан
Кеше-мабар бума4ан,
Килеп ая7 ба9ма4ан,
У тир2л2 Торо ер
Барлы4ын Зис кем белм2г2н,
Д1рт я4ын ди8геб урат7ан
Бу4ан, ти, бер урын.*

*В древнюю пору, давным-давно
Было, говорят, место одно,
Куда никто не ступал ногой,
(И на целом свете никто
Не знал, не ведал о суше той).
С четырех сторон обступала
Это место морская вода.*

В эпосе «Урал-батыр» *бер урын*, букв. некое место, окруженное с четырех сторон водой – морем, воспринимается как эмбрион вселенной, зародыш мира, обитаемая суша. Как правило, для древней космографии было характерно помещение обитаемого пространства в середине вселенной, кругом же находится область неупорядоченного. Примером такого деления пространства в эпосе считается *вода*, окружающая обитаемую сушу с четырех сторон. Вода в башкирской мифологии, как в мифологии многих других народов, обычно связана с первоначальным хаосом, некой предвечной субстанцией. И в эпосе находит отражение представление башкир о воде как о стихии первозданного хаоса. В качестве символа хаоса выступает *ди8геб* – безбрежное море. В этом некоем месте (*бер урын*), спасаясь от смерти (потопы) бегством, появляются муж и жена – *Янбирде* и *Янбике* – первые прародители человечества. Место, где они укрылись, также было влажное, озерное, болотистое. [Янбирде]:

*Беб килг2нд2, мында 2ле
Й2нлект2р б2 аб ине.*

*Было мало здесь дичи, зверья
В дни, когда мы в эти края*

*Ере л2 й1нле ким2г2н,
Уа7-уа7 к1ллек, Заб ине.*

*Забрели. В озерцах и топи
Проступали размытые тропы.*

Болотистость, влажность характеризует состояние переходности, и через «болото», как через символ хаоса, отражается та же основная идея мифопоэтического мышления о том, что мир до начала акта творения был нерасчлененным [Аминев 2005: 11].

Такое состояние переходности характерно и для жизни первобытных людей – *Янбике и Янбирде*. Как повествуется в эпосе, в древности на той земле, где родились *Янбике и Янбирде* и росли их отцы, существовал человеческий род и Смерть. Но после прихода дивов, там людей не стало, и всю землю покрыла вода. Отсюда следует, что мифическое время характеризуется борьбой Порядка и Хаоса. Вода, окружающая *бер урын* «некое место» со всех сторон, не только ассоциируется с первозданным хаосом, но и связывается с актом рождения: в начале времен, когда никто не знал о существовании суши, когда вода окружала «одно место» (*бер урын*) со всех сторон (картина хаоса), жили *Янбирде* вместе с супругой *Янбике*. Через некоторое время «*тора-бара*» от союза первых людей родились сыновья – Шульген и Урал. Следовательно, из воды (хаоса) через некоторое время рождается жизнь.

В дальнейшем развитии событий также наблюдается борьба Порядка (Космоса) и Хаоса. Олицетворением этих стихий становятся Шульген и Урал.

Один из двух сыновей первых людей на земле Шульген, нарушив йола, – родительский запрет употреблять кровь – приходит к духовной гибели. Нарушение им йола приводит также и к природной катаклизме – потопу. Он становится коварным и злым повелителем водной стихии – моря, которое потом превращается в озеро Шульген (*Ш1лг2н к1л*). Шульген является воплощением, олицетворением стихии воды и хаоса как отрицательного, опасного и губительного для жизни людей начала. *Шульген* при помощи волшебной палочки создает потоп:

*Ш1лг2н тая7 ал4ас та,
Неомайбы ла к0тм2йсе,
Ай3ылыубы к1рм2йсе,
Самрау4а 2йтм2йсе,
?ыр4а сы4а Зал4ан да,
Тая7ты бер 3у77ан да,
Барын 3ыубан ба9тыр4ан.*

*Обо всем Шульген разузнал
И жезл волшебный к рукам прибрал.
Затем, Хумай не дожидаясь,
С Айхылу своей не встречаясь,
Ничего не сказав Самрау,
От дворцовых людей в стороне
Ударил жезлом он по земле,
Всю ее затопил водой.*

В реальной географии название *Шульген* включено в поле гидронимов. Река, правый приток реки Белой в Бурзянском районе, называется *Шульген*, пещера *Шульгенташ* (Капова пещера).

Функция Урал-батыра заключается в возведении земной тверди, высоких, величественных гор: «Урал юлы – бейек тау» («Дорога Урала – высокие горы»). Чтобы спасти род людской от потопа, Урал-батыр выпивает море (после чего оно превращается в озеро) и создает высокие,

величественные горы. Из хаоса он создает космос, являясь космизатором Вселенной и олицетворением стихии горы. В мифопоэтическом представлении башкир Урал-батыр связан с верхним миром: горой, высотой, он женат на дочери царя птиц, в то время как Шульген соотнесен с нижним миром: водой и луной, он подводный царь, женат на Айхылу (Ай «луна»), образ которой имеет связь с водой (влияние луны на приливы и отливы). При помощи волшебной палочки Шульген создает потоп, который представлен в виде чудовищ – дивов, пожирающих людей. Урал-батыр уничтожает их, и из останков злых существ, таких как див, Азрака, которых Урал уничтожил, «образовалась большая плохая гора»: «ур бер яман тау бу4ан». После смерти Урала из тела самого батыра возникла Уралтау как славная гора, а в могиле батыра образовалось золото. Так объясняется в эпосе неоднородность пространства и природное происхождение (из известняковых отложений, которые образуются из останков вымерших существ) гор Башкортостана.

Организованное пространство – Космос – земная твердь, горы и все, что находится на ней, страна башкир Урал создается демиургической деятельностью Урал-батыра, второго сына первой пары людей на земле, его сыновьями, супругой Хумай и боевым крылатым конем-тулпаром Акбузатом. В архаичной модели мира «мир, разделенный на организованную (космическую) и неорганизованную (хаотическую) сферы, в целом изоморфен человеку, который также включает в себя эти две стихии» [Лотман 2002: 131].

На наш взгляд, такое воззрение на мир у башкир связан с идеей о мифических первопредках – тотемах. Как известно, в тотемистическом миропонимании человек, люди, природа, вещи – одно нераздельное целое. Космическое или земное пространство образовывается из членов тела первочеловека. В эпосе «Урал-батыр» Урал – доплеменной тотем, человек и полубог. Он как тотем совпадает с понятием «глава коллектива», и с внешней природой – горой. Из мифологии народов мира известно, что боги являются олицетворением различных стихий. Как пишет О.М.Фрейденберг, космос в тотемистическом миропонимании так же выражается в героях, как и в богах. Каждый герой – это огонь, вода, земля, небо... [Фрейденберг 1998: 49]. В мифопоэтической модели мира природа и человек, т.е. макрокосм и микрокосм, тождественны, и в эпосе «Урал-батыр» можно обнаружить многочисленные примеры антропоморфного моделирования космического пространства и ландшафта.

Таким образом, в мифопоэтическом представлении башкир Хаос (Зло – Шульген – Вода – Смерть) противопоставляется Космосу (Добро – Урал – Гора – Бессмертие).

Проанализируем теперь наименование Урал во внетекстовом плане и попытаемся проникнуть в ядро концепта. Использование метода этимологического анализа позволяет изучать данный феномен в диахронии. Н.А. Красавский отмечает принципиальную важность этимологического анализа, его целесообразность и чрезвычайную технологичность при изучении не только эмоциональных, но и любых других концептов. По его справедливому утверждению, этимология обнажает сам механизм формирования того или иного концепта, знание первичных форм и значений слов, употребляемых в языках на современном этапе их развития, позволяет увидеть ученому важнейшие направления вербально-когнитивных поступков человека в диахронии его культуры, говоря образно, «его первые шаги в вербально-когнитивном поле культуры» [Красавский 2006: 49-53]. При этом, как подчеркивает исследователь, фундаментальное описание любого концепта не может быть ограничено дескрипциями лишь его только этимолого-парадигматических характеристик, сущностные свойства концептов, вербализованных соответствующими знаками, необходимо изучать и на

синтагматическом уровне языка, шире – в тексте как способе и форме существования лингвокультуры [Красавский 2006: 53].

В реальной действительности Урал – название горной системы. Древние называли Урал Рифейскими или Гиперборейскими горами. В античных источниках говорится (в связи со скифами) о Рипейских горах, которые, вероятно, соответствуют Уралу. По Геродоту, Скифия имеет форму правильного квадрата. Южной границей «скифского квадрата» является море, а северной – мифические Рипейские горы, достигающие, по утверждениям некоторых авторов, небес. Рифей (греч.) – в мифологии это горная гряда, на которой спал бог снега и бурь, имевший ледяное сердце. В эзотерической философии это реально существовавший в доисторические времена континент, который из тропической и вечно залитой солнцем земли стал необитаемой областью за Полярным Кругом [Блаватская 1994: 410].

Как пишет Геродот, у подножия Рипейских гор обитает справедливейший народ – аргиппей [Геродот 1999: 23], а за горами, у северного моря – обитель блаженных гипербореев. Гипербореи (греч.) – страны вокруг Северного Полюса, за Полярным Кругом.

По мнению С.Я. Лурье, аргиппей – лысые люди – предшественники современных башкир [Лурье 1940: 100]. Вот какими они описываются Геродотом: «...как передают, ... лысые от рождения, ... говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами, ...пьют сок под названием «асхи». Каждый живет под деревом, на зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком. Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными ... Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть. Имя этого народа – аргиппей» [Геродот 1999: 242-243]. Этот факт свидетельствует о том, что предки башкир издревле жили у подножия Уральских гор. Вот почему Аль-Бируни (X в.) называл Уральские горы «Жидал-и башхорт» (Башкирские горы) [Валиди 1994: 12]. Башкирскими названы они и у Якута аль-Хамави (XIII в.) [Булатов 1971: 325].

Средневековые географы называли Урал Поясом, Камнем, Каменным Поясом, Земным Поясом, русские первопроходцы, как правило, Камнем. Это название, которое до XVII–XVIII вв. употреблялось и в официальных документах, – перевод с местных языков. Ненцы именуют Урал Игарка Пэ «Большие Камни», ханты – Кев «Камень». Манси называют Нёр «Камень», коми – Из «Камень» [Матвеев 1987: 177-180].

Как пишет Р.З. Шакуров, название «Урал» функционировало в средневековье только по отношению к территории расселения горных башкир, что совпадало в основном с современным хребтом Уралтау. Его стали применять для обозначения всей горной системы (т.е. в современном его понимании) только с первой половины XVIII в. в географических трудах В.Н. Татищева, П.И. Рычкова и др. [Шакуров 1998: 36-37].

Сами башкиры горный массив Урал, возможно, называли Уралтау. В такой форме название данного горного массива зафиксировано в «Книге Большому Чертежу» (1627г.): «Река Яик вытекла поровень с Оралтовою горою...» [КБЧ 1950: 92]. Возможно, элемент -тов в указанном орониме соответствует башкирскому тау «гора».

Итак, существуют Урал – название горы, страны, родины башкир, имя эпического батыра, т.е. имена собственные и *урал* – географический термин, обозначающий гору. Естественно возникает вопрос: что первично, географический термин, название горы, страны или имя эпического героя? Рассуждая над этим, Р.З. Шакуров пишет: «Название гор и страны Урал и имя эпического героя Урал-батыр вряд ли можно рассматривать в отрыве друг от друга. ...

Трудно с ходу отрицать возможность того, что горы на Южном Урале, на древней родине башкир, могли быть названы по имени героя народного эпоса» [Шакуров 2003: 68-70]. Учитывая народную трактовку названия Урал, согласно которой Урал – это горы, которым батыр «дал прорасти» на своем пути, Р.З. Шакуров не рассматривает ее всего лишь как «фольклорное» объяснение.

Действительно, в первобытном обществе батыр (герой) – до-племенной тотем. Он как тотем совпадает с главой коллектива и с самим коллективом, но и с внешней природой – горой. Как тотем он есть весь коллектив и его часть, местность, главарь племени-коллектива, отец. В тотеме слито «все» и «одно», и эта противоположность одновременна и лишена временной ступенчатости [Фрейденберг 1998: 47]. Вот почему имя эпического героя, название горы и страны выражается в языке одним и тем же словом.

Что касается собственно формы *Урал*, *Уралтау*, Р.З. Шакуров возводит ороним *Урал* к термину «урал» в значении «гора, горная система, горный кряж, опоясывающие горы» [Шакуров 2003: 69]. А в словообразовательном отношении ороним *Урал* Р.З. Шакуров, посвятивший этой теме специальную статью, рассматривает как слово тюркского (башкирского) происхождения, образованное от основы глагола «ура» – «извиваться, опоясывать» и словообразовательного аффикса «-л». По его мнению, *урал* и как орографический термин, и в виде оронима означает определенный тип горных хребтов. Башкиры считают, что на Земле существует семь гор типа Урала. Такой взгляд башкир совпадает с мнением древних арабских географов, которые разделяли земной шар на семь климатов, т.е. климатических зон [Шакуров 1998: 37].

О происхождении оронима *Урал* существует множество версий. Мы не пытались их приводить и анализировать, уделив внимание главным образом лишь выводам Р.З. Шакурова об орониме Урал, вслед за которым считаем, что в основе оронима Урал может лежать географический термин *урал*. Потому что именно в таком значении это слово проникло в русские диалекты Сибири: *урал* «каменистая гора, скалы» [Даль 1981-1982: 507], *уралы* «крутые вершины на Алтае» [Фасмер 1986-1987: 166]. В башкирском языке слово «тау» обозначает просто любую гору. Возможно, *урал* обозначает не просто гору, а высокую горную цепь. В названии Уралтау, слово *урал*, находясь перед определяемым словом тау, приобретает дополнительное значение. В словообразовательном плане в корне слова «урал», возможно, лежит слово *ур/лр* «высота», «вышина», *тау лре* «вершина горы», *лрл2л* «подниматься», а элемент (а)л – праалтайский аффикс множественного числа [Азнабаев, Псянчин 1983: 37], или же -ал – словообразовательный аффикс имени прилагательного. Следовательно, *урал* – высокий, а *Уралтау* – высокие горы. В ходе функционирования в языке слово «урал», возможно, субстантивировалось и стало означать гору. Как указывает Р.З. Шакуров, слово «урал» и в настоящее время среди южных башкир функционирует в качестве географического термина [Шакуров 2003: 69]. Такое объяснение совпадает и с фольклорным видением мира. Как мы уже писали, функция Урал-батыра заключалась в создании высоких, величественных гор.

Мифопоэтические представления народа отражаются и в языке: в основе названия Урал, вероятно, лежит башк. *ур/лр* «высота, гора, вершина горы», а в имени Шульген – башк. *ш1л/с1л/31л* «вода». Слово «урал», возможно, восходит к общеалтайскому *ога «подниматься, восходить, входить»: *ога/ - (монг.- *ога- или *ого- «входить»; тунг. *ога-; нанайск. оја «верх», эвенкийск. -*ого «взбираться, залезать»; корейск. *огі -, *огу – «подниматься», огом, огам «гора» ~ *ога- *ог(а) -(тюрк. *ог(а)~: якут. *ого «вверх», др.-уйгур. *ог- /*ога «подниматься»; монг. письм. ога-пж'-. , халха ого – «расти, увеличиваться» [Иллич-Свитыч 2003: 9].

В архаическом сознании башкир реальная гора Уралтау и страна башкир Урал соотносились с образом Урал-батыра как предка и божества, обожествлялась и почиталась ими. Гора Уралтау символизировала образ мировой горы – модели Вселенной. Об этом также можно судить по эпосу «Кара-юрга», где об Уралтау говорится как о пупе Земли: *Илде8 кендек билд23е/Яйы7, Ибел 162ге –/Урал тауы буйы бар.*

В тюркской мифологии образ мировой горы иногда соотносится с реальной горой. Так, например, у алтайских народов, у алтай-кижи мифологизируются разные реальные горы и сам Алтай. Гора Алтай именуется «Ханом». Эта гора символизирует также родину алтайцев. Так же, как гора Алтай отождествлялась с родиной алтай-кижи (алтайцев) и Алтай-ханом, так и Уралтау в народном сознании башкир отождествлялась с родиной башкир и с именем эпического героя – Урал-батыром. Возможно, поэтому в мифологических текстах башкирского эпоса, в песенном фольклоре родина башкир всегда связывается с Уралом: *Уралда Сура тиг2н /Батыр булып дан ал4ан. «с2р мене ти8 ит328,/!6е82 буй бир2йем,/ Уралы8да ти8 40м0р /№ине8 мен2н 30р2йем. Яу ас3а ла атайы8,/Тайшанма9тай уйым бар./Я84ыблатма9 1бемде /Урал тиг2н илем бар.*

Или:

№омай Уралын За4ын4ан:

Уны8 юлы буйынан

Осоп й0р0п талпын4ан,

Урал4а килеп 7аяла

Уралды уйлап мо8 с2ск2н,

А77ош булып т1л й2йеп

А77ош ырыуын 1рсетк2н.

...№омай т16м2й ос7ан, ти

Бер килг2н, ти, китк2н, ти;

Тыныс ил тип бер2мл2н

?ош-7орттарбы эй2ртеп,

!6 артынан эркелтеп,

Та4ы Урал4а килг2н, ти;

Шу8а эй2реп Уралда

?ош-7орт, й2нлек тул4ан, ти.

Загрустила она по Уралу,

Вдоль дороги, что он проложил,

Махая крыльями, пролетала,

Опустилась на гору-скалу,

Думая об Урале, грустила.

По истечении долгих лет

Позднее вывела там птенцов

И вновь Хумай сюда прилетела,

А потом животных и птиц

За собой она привела:

Дескать, здесь благодатна земля,

На Урал возвратилась вновь;

Храня к ней привязанность и любовь,

Пришли-прилетели вереницей

Звери, животные и птицы.

В чем суть тотемистических воззрений башкир? Как видно из преданий и легенд, для башкир пространство, окружающее их, неоднородно: в поисках лучших земель они кочевали с одного места на другое, и однажды, главный волк, отделившийся от стаи, показал им идеально богатую землю, равной которой нет нигде на свете [БХИ 1980: 63]. В другом варианте легенды содержатся подобные же мотивы: в определении священного места, вместе с волком, башкирам

помогает и потусторонняя сила, которая является им во сне и говорит: «Уезжайте вы отсюда. Потому что вы – святые люди, не должны вы жить здесь, уезжайте по направлению на восток, там вам будет хорошо» [БХИ 1980: 63 –64]. Исходя из мотивов преданий и легенд башкир, упомянутых нами выше и теоретических положений о сущности тотемизма, можно сделать вывод о том, что "территориальное" мышление было характерно и древним башкирам. Значит, для башкир пространство, окружающее их, было неоднородным.

Какое оно священное пространство? Для башкир священное пространство – это реальное в его совершенстве: это богатство и идеальная красота, источник жизни и плодородие (...матурлы77а, байлы77а ти8е булма4ан ер, бик матур ту4айлы йыл4алар, урман4а, емеш-ел2кк2 бай ер, таубар, к1кк2 ол4ашып, к16 яуын алып торалар ...) [БХИ, 1980, с. 63].

Как повествуются в легендах, в выборе священных мест башкирам, кроме потусторонней силы, помогают животные, в основном, волк – родоначальник-тотем. Судя по легендам, место, где он остановился или исчез, стало местом обитания народа. Волк в этих легендах выступает как священная сила, способная показать "святым людям" (№еб бында й2ш2й тор4ан кешел2р т1гел, изге кешел2р" – Вы не должны здесь жить, потому что вы святые люди) священное пространство) [БХИ 1980: 64].

Отголоски такого взгляда на мир обнаруживаются в башкирской топонимии. Например, названия Б0р0, Б1реле, Б1ре7а64ан, Башб1ре, Б1ре, Б1рел29, Б1реба97ан, связаны с культом священного волка и местом, которого он показал башкирам, также местом, куда он наступил.

Словом Б1реле названа река, что означает "Волчья". В легенде "Волчья река" волк, указавший башкирам место новой родины, появляется из могилы умершего родоначальника и, приведя башкир к безымянной реке, исчезает [БХИ 1980: 65]. Согласно другой легенде, там, где остановился волк и исчез, появился родник, и эта местность стала местом обитания рода. Возможно, подобный взгляд на мир способствовал появлению в топонимии "волчьих" названий.

У башкир существует родовое подразделение Б1рел2р ара3ы, и река, где они сидят, тоже называется Б1реле.

Академик Н.Я.Мартр, анализируя гидронимию Сибири, пишет: «Действительно первобытные названия рек сами по себе без всякой добавочной прибавки определяющих слов означают, прежде всего, нераздельно воду + реку, но в то же самое время в порядке мифологических представлений подлинно доисторических эпох с водой связаны образы различных племенных животных, в первую очередь тотемных, как-то волка, собаки, лошади, с чем неразрывно связано также то, что одновременно это племенные названия этнических образований, сидевших на этих реках» [Мартр 1926: 351].

По мотивам преданий и легенд башкир можно судить о том, что для башкир территория обитания рода имела огромное значение: с ней они связывали священное пространство. А главным ориентиром в местности им служили тотемные животные – волк, бык, лошадь, олень и т.д.

Такое воззрение башкир отражено и в мифологическом эпосе. В эпосе «Куныр-буга» название дороги связывается с женщиной, которая вслед за своей буренкой с теленком ушла в родные края. Корова в этом эпосе выступает как ориентир, показывающий родные места. В реальной действительности ?унырбуға юлы – дор. по хребту Уралтау. В исторических документах упоминается в 1881 г.: «Дорога эта ... начинается с Верхнеуральского уезда в Кубеляцкой

волости, близ дер. Муракай, отсюда... следует в Тунгатаровскую волость Троицкого уезда» [СТРБ 2002: 132-133]. Варианты названия Күс юлы, Тоб юлы.

Это говорит о том, что у древних башкир был коллективный религиозный опыт в определении священного пространства, родной земли. Чтобы понять природу географических названий, связанных с тотемными предками и тотемными животными, обратимся к трудам, где выясняется сущность тотемизма.

По мнению В.Н.Топорова, «... тотем позволяет связать данный человеческий коллектив с данной территорией, настоящее – с прошлым, культурное и социальное – с природным, а также объединить этот коллектив некоторой общей системой норм поведения» [Топоров 1991: 442].

Клод Леви-Стросс, анализируя особенности первобытного мышления, тотемизм рассматривает как классификационную систему, код и подчеркивает, что "... специфические категории и связанные с ними мифы также могут служить организации пространства", и показывает примеры мифологической географии и тотемической топографии и их связь с именами собственными [Клод Леви-Строс 1994: 239 –263].

В.С.Хан, специально исследовавший структуру практики и способ мышления эпохи первобытной родовой общины, отмечает: «... для мышления на стадии раннепервобытной общины охотников и собирателей была характерна направленность на конкретную территорию с ее животным и растительным миром. Именно эта непосредственная природная среда, от которой зависела жизнь человека, занимала центральное место в сфере первобытной практики ранних общин. До того, как человек освоил земледелие и скотоводство и другие формы производящего типа, источники своей жизни, воспроизводство животных и растений, он непосредственно связывал с конкретной местностью, определенной территорией, повторяющимися, характерными для данного региона природными явлениями...» [Хан 1993: 83]. Он подчеркивает, что "территориальное" мышление раннепервобытной общины охотников и собирателей отразилось не только в осмыслении источников жизни, причин воспроизводства животных и растений, но и социальных явлений"» [Там же]. Далее В.С.Хан, опираясь на взгляды С.А.Токарева о том, что «... само тотемистическое животное не является ни единственным, ни даже главным предметом тотемистических представлений: эти представления охватывают прежде всего определенную территорию – область кочевания данного рода и особенно ее "священный центр"», выясняет сущность тотемизма [Хан 1993: 83].

В башкирском мифологическом эпосе семантическое поле «родная земля» эксплицируется также лексемами: *беббе8 ер62* «на нашей земле», *беб тыу4ан ер* «родина», досл. «место, где мы родились», *атайбар 19к2н ер* «место, где родились наши отцы». [Янбирде]:

Борон беб тыу4ан ер62,

Атайбар 19к2н ер62

!лем була тор4айны:

Бик к1бе3е й2шт2н 1к

Ятып 1л2 тор4айны.

Там, где некогда мы родились,

Где предки свою коротали жизнь,

Смерть еще могла обитать –

Там, в расцвете жизни своей,

Множество умирало людей.

Понятия *ата-2с2*, досл. «отец-мать», *ер-3уу*, досл. «земля-вода» в эпосе также отождествляется с родиной:

Бы 7арт м2н бы 7арсы7
?айбан мында киле1ен,
Ата-2с2, ер-3ыуын
?айба тороп 7ал4анын
!662ре л2 онот7ан.

Куда б они не желали пойти,
Не было преград на их пути.
Как на земле оказались той,
Где мать, отец их, где край родной,
Говорят, они сами забыли.

Или:

Ере8, 3ыуы8 белм2ймен, |Аты8 2йтсе, эй 3ылыу!

В эпосе средний мир, где живет человек, называется ер-3ыу, букв. «земля-вода» и обожествляется. В мифологическом сознании башкир понятие *ер-3ыу* не только означало «землю-воду» или родину, что нашло отражение в эпосе, но и божество среднего мира «ыдук Йер-Суб». Как известно, мифологическая модель мира у древних тюрков включает в себя вертикальную систему размещения антагонистических миров – «голубого неба» (*kok tanrı*) вверху и «бурой земли» (*jauyz jer*) внизу [СИГТЯ 2006: 665]. Та сфера, в которой живет человек, относится к среднему миру. Божество среднего мира тюркские народы называли «ыдук Йер-Суб», букв. «священная Земля-Вода». В мифологии тюркоязычных народов Йер-Суб – 17 высших духов – добрых божеств «ыдук Йер-суб», наряду с Тенри и Умай, покровительствующие тюркам. О них упоминается в орхоно-енисейских надписях: «Да не погибнет народ тюркский», «Небо, Умай и Ер-Суб даровали нам победу» [Малов 1951: 37, 39]. Согласно мифам, Йер-Суб живут на снежных вершинах горных хребтов и у истоков рек. Ежегодно весной им приносились жертвы как божествам земли и воды [Басилов 1991: 599].

На весьма архаичный характер сложения *jer sub (suw)* (букв. «земля и вода», «земля, материк» [ДТС: 257] указывается в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» М.: Наука, 1997. Это слово широко представлено во многих современных тюркских языках: тат. *ji:rsu*: собирает. «земля–вода, угодье, поместье», баш. *ji:r-hu* «общее наименование родной земли, земля–вода, угодье», ккалп. *zer-su* «угодье», кирг. *jer-su*: «земля–вода; земля и условия, где можно вести земледельческое и скотоводческое хозяйство», узб. *jer-su* «земля (орошаемая); поместье», уйг. *jar-su* «владения», чув. *ser-suw* «страна, местность» [СИГТЯ 1997: 89].

О том, что тюрки почитали Йер-Суб – землю, и все то, что находится ней – горы, реки, озера, камни и т.п. – «землю-воду», свидетельствуют и географические названия. Слово ыдук в значении «священный» встречается в составе топонимов в орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятниках: Ыдук баш *kidirima* «Святой ключ позади (на западе); Тама4 ыдук башда *sunuşdıñız* «Мы сразились при священной вершине Тамаг»; Турк ыдук *йарі* «Тюркская священная земля»; Ыдук *йар-суб* «Священная родина» («Земля-Вода»); Оз *йарим ыдук* «Моя священная (родная) земля»; Ыдук *Otukan* (название местности).

В современных местах обитания тюркских народов, в том числе и башкир, широко представлены географические названия, имеющие эпитет ыдук//ыйык. Возможно, их возникновение в языке связано с культом божества *Yduq jar sub* – почитанием древними тюрками родной земли, гор, рек, озер, местностей. Будучи эпитетом многих географических

объектов, слово *ыдук//ыйы7* употребляется в значениях: «посвященный богу, священный, святой, благословенный, почитаемый».

Судя по данным башкирско-мифологического эпоса, *Ер – Ёыу* – это все то, что окружает человека, это и сама природа, и сам человек как часть природы, и высшее божество, олицетворяющее средний мир, и определенное пространство – Родина, и общее единое понятие для называния различных божеств земли и воды.

Пространственные понятия, в том числе и «родина», в мифопоэтической модели мира не передаются путем абстракции, поскольку само мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным, предметно-чувственным. Анализ лексического материала показывает, что пространство в архаичном сознании башкир воспринимается не как абстрактная категория, а как реально существующие конкретные предметы. Родина ассоциируется с матерью-отцом и землей-водой.

Родное «свое» пространство противопоставляется «чужому», которое имеет пейоративную (от лат. *reior* «хуже, худший») оценку: *7анлы ер* «кровавая страна», *яуыз ил*, букв. «злая страна», *7ан4а бат7ан ер* «земля, потопленная кровью», *7анлы й2и т1ге1се ил* «страна, льющая кровавые слезы»:

У84а кит328, юл буйы –

Илау-Зы7тау т0н буйы:

Яуызлы7та дан ал4ан,

А73а7алдан, батшанан

?ай4ы-этлек к1ре1се

?анлы й2шен т1ге1се

?атил батша иле бар;

–Тау-тау кеше-30й2ге,

?ан4а бат7ан ере бар...

«Перед вами лежат два пути:

...А направо пойдешь –

Вдоль дороги всей

Только слезы и плач людей.

Жестокости и скорби полна

Та горемычная сторона.

Царь коварный Катил в ней правит,

Кровь живую пьет у людей.

Всюду увидишь там груды костей –

Вот что ждет, коль пойдешь направо.

Семантическое поле «пограничное пространство» эксплицируется лексемами: *к1л* «озеро», *йыл4а* «река», *урман* «лес», *тау* «гора». Слова, выражающие эти понятия, имеют семантику «граница-переход между «своим» и «чужим» мирами. На пути к искомому месту герою приходится переходить эти границы и преодолевать сферу «чужого» пространства, где ему предстоит борьба со злом и нечистой силой, представляющим опасность для жизни людей:

Урал, Ш1л2н – ик21л2н,

К0н, абна, ай, йыл Занап,

К1л, йыл4а аша Зыу кисеп,

К1п урмандар, тау ашын,

Ѕаман ал4а китк2нд2р;

Урал со старшим братом вдвоем,

Считая дни, месяцы, годы,

Где через черный бурелом,

Где через горы, а где бродом –

Двигались вместе одним путем.

В мифопоэтической модели мира эпоса «Урал-батыр» обнаруживается тождество, или особая связанность макрокосма и микрокосма, природы и человека. Это тождество служит средством для антропоморфного моделирования Земли, космического пространства и т. д. Антропоморфизм является основным способом категоризации действительности.

Как видно из контекста башкирского мифологического эпоса, и, как говорят легенды, башкиры считали место своего рождения, место обитания народа "священным". "Священность" места обитания, Родины они связывали с камнем предков. Камень считался символом места рождения их потомков. Об этом говорит сохранившееся в башкирском языке благозвучное, возвышенное слово атайсал, букв. "камень предков", от атай «отец», сал «камень», в широком смысле слова – "родина предков". Чтобы сохранить память о предках, поклониться священной их земле, древние башкирские роды: бурзяне, кыпчаки, тангаурцы, юрматынцы, тамьяне, катаянцы, усергяне, несмотря ни на что (даже в голодные годы), собирались на Атайсал йыйыны, который проводился на поляне Атайсал в Бурз. р-не [БХИ 1995: 207-208]. В том же р-не протекает речка Атайсал, прав. пр. Белой, имеется гора Атайсал тауы. В эпосе «Куныр-буга» слово атайсал также употребляется в смысле «родная земля», «родина»: — *Буй4а буйсан, Зылыулы77а Зылыу/Урал 4ына таубы8 7оланы;/Атайсалдан килг2н барса малды8 /Кире 7айта тор4ан йолаЗы.*

В корпусе текстов башкирского мифологического эпоса понятие родной земли, родины передается через наименования конкретных географических объектов: это реки — Идель, Яик, Сакмара, Нугуш, Дим (Дема), Сармасан, озеро Асылыкуль, горы — Ирмель, Янгантау, Балкантау и мн.др. Как поется в башкирской народной песне «Урал», границы Родины простираются от Аральского моря до Алтая: *Арал ди8гебен2н Алтай4аса /Й2йелен ята баи7ортто8 далаЗы.*

Йырбары8 куп Зине8, моддары8 куп, /«йбә, йырла, баи7орт балаЗы!

Таким образом, в корпусе текстов башкирского мифологического эпоса образ родной земли, Родины ассоциируется с горой Урал, с отцом и матерью, с землей–водой, с камнем предков, а также с конкретными географическими объектами.

Представление башкир о родной земле репрезентируются различными кодами культуры. Под понятием «код культуры» понимается «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, которая членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Язык культуры осмысливается как система представлений, посредством которых человек постигает жизнь и ориентируется в социуме (идеи, мифы коллективного сознания, «общие места» и мотивы культуры), а также как система форм деятельности и поведения [Красных 2003: 297].

Как известно из мифологии большинства народов мира, космическое или земное пространство происходит, образовывается из тела первочеловека или его членов. Такое воззрение на природу находит отражение и в эпосе «Урал-батыр». Родная земля описывается через *соматический* код культуры: географический объект или космическое тело соотносимы с человеческим телом. Такая связь выражается в антропоморфном моделировании ландшафта и космоса: Урал – это первопредок башкир, гора и страна башкир. Таким образом, соматический код культуры тесно связан с *антропоморфным* кодом культуры. Как отмечает В.В. Красных, между кодами культуры нет и не может быть жестких границ [Красных 2003: 299]. Антропоморфные метафоры, изначально принадлежащие соматическому коду культуры, участвуют также в членении пространства, в структурировании окружающего мира, тем самым, становясь

пространственным кодом культуры. В мифопоэтической модели мира эпоса «Урал-батыр» природа и человек, т.е. макрокосм и микрокосм, тождественны. В названиях географических и космических объектов наблюдается особая связь макрокосма и микрокосма, природы и человека. Пространственный код культуры описывает членение пространства. Он кодирует архетипические представления о непространстве (хаосе), о родной земле и о чужой стране, о мире живых и о мире мертвых, о границах между этими мирами. Как показывают примеры, пространственные понятия, в том числе и «родина», в мифопоэтической модели мира не передаются путем абстракции, поскольку само мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным, предметно-чувственным. Анализ лексического материала показывает, что пространство в архаичном сознании башкир воспринимается не как абстрактная категория, а как реально существующие конкретные предметы. Родина ассоциируется с матерью-отцом и землей-водой, а также с камнем предков. Концепт «родная земля» передается также через *антропоморфный* и *предметный* коды культуры.

Литература

- Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш. Историческая грамматика башкирского языка. – Уфа, 1983. – 244 с.
- Аминев З.Г. Космогонические воззрения древних башкир. – Уфа: Башлингвоцентр, 2005. – 140 с.
- Басилов В.Н. Йер-Су // Мифы народов мира. – М.: Советская Энциклопедия, 1991. Т. I. – С. 599. Баш7орт халы7 ижады.)с0нс0 том. Эпос. –)ф0: Баш7ортостан «Китап» н2шри2те, 1998.
- Башкирское народное творчество. – Уфа, 1967.
- Блаватская Е. П. Теософский словарь (полный). М.: Изд-во Ассоциации Духовного Единения "Золотой век", 1994. 599 с.
- Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики// Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 18-36.
- Булатов А.Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. Материалы научной сессии по этногенезу башкир. –Уфа, 1971. –Т.4.
- Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
- Вәлиди ".-З. Баш7орттарбың тарихы; Төрк Зәм татар тарихы. – Өфө: Китап, 1994.
- Геродот. История. В 9-ти кн. / Перев. Г.А.Стратановского. – М.: Ладомир, ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 752 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. – СПб.; – М., 1880-1882 (М.,1955) – Т.1-4.
- Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь (Б - К) / Под ред. и с вступ. ст. А.В.Дыбо. Изд. 2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 408 с.

Книга Большому чертежу // Под ред. К.Н.Сербиной. – М.; –Л., 1950.

Книга Большому чертежу//Под ред. К.Н.Сербиной. М.;Л., 1950.

Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера: к вопросу о методах исследования// Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, КемГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8). – С. 47-54.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.

Лурье С.Я. История Древней Греции. – Л.,1940. – Ч.1. 1990. – 685 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.:ИТГДК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1951.

Марр Н.Я. К вопросу о названиях рек в освящении яфетической теории // Изв. Академии наук. Сер. IV. 1926. Т. 20. С.349-354.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 208 с.

Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. – М.: Гардарики, 2002. – 554 с.

Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа//Мифы и мифология современной России. Под ред. К.Аймермахера, Ф.Бомсдорфа, Г.Бордикова. – М.: АИРО – XX, 2000 (Фонд Фридриха Наумана. Биб-ка либерального чтения, 9). – С.17-38.

Пименов Е.А. Когнитивная лингвистика на современном этапе //Язык. Культура. Коммуникация [Текст]: материалы Международной научной конференции. Волгоград, Волгоградское научное издательство, 2006. – С. 52-62.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика и семиотика // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, КемГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8). – С.108-113.

Скорнякова Р.М. Методика исследования концепта// Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, КемГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8). – С. 142-147.

Словарь топонимов республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2002. – 256 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [отв. ред. Э.Р.Тенишев, А.В.Дыбо]. – М: Наука, 2006. – 908 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методические проблемы исследования фразеологического состава в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-24.

Торсуева И.Г. Интонация и картина мира художественного текста. //Текст как отображение картины мира /Сборник научных трудов. Вып. 341. – М., 1989. – С. 5-11.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986-1987. –Т. 1-4.

Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА, 1999. – 576 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.

Хан В.С. Структура практики и способ мышления эпохи первобытной родовой общины // Вестник МГУ, сер. филос. № 1, 1993. С. 83-91.

Шакуров Р.З. Историко-стратиграфическое и ареальное исследование Башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья // Дисс. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. – Уфа, 1998. – 81 с.

Шакуров Р.З. Уралтау и Урал батыр // Эпос "Урал батыр" и мифология: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2003. – С. 68-70.

**STUDY OF THE INFLUENCE OF SUBJECTIVE MODEL ACTIVITY
ON THE LABOUR EFFICIENCY**

¹Rustem V. Gabdreev, ¹Elmira E. Galimova

¹Kazan national research technical university named after A.N. Tupolev,
Karl Marx str., 10, Kazan, Russia, 420111

Abstract

In the article the relevance of studying such phenomenon as labour efficiency is substantiated, also different approaches of various experts to this study are described. The purpose of the study, the results of empiric issue of labour, efficiency and data from subjective – assessing evaluation of marketers activity are defined. It is concluded that peculiarities of subjective model of workers activity have an influence on the level of their labour efficiency, an adequate subjective model of marketers activity defines success of the activity.

Key words: *business model, work efficiency, marketing, motive*

Проблемам изучения повышения эффективности производства посвящены работы ученых О.А. Богомолова, А.П. Вавилова, И.Н. Герчиковой, В.А. Горемыхина и т.д. Исходные теоретические положения по управлению экономической эффективностью разработаны такими зарубежными учеными как Н. Уолл, Я. Маркузе, Д. Лайну, М. Портер и др. Однако данные исследования были разрознены, многие не были завершены, и поэтому полученные результаты не привели к созданию определенных концепций эффективности труда.

Как считает ряд исследователей (Колесников, Ступин, 2006), теория эффективности как наука в настоящее время находится на стадии становления. Понятие «эффективность» является комплексным многомерным показателем. Растущая популярность понятия привела его к весьма широкой трактовке и в качественном, и в количественном плане и использованию не только в экономике, но и во многих других науках практически повсеместно.

Обратимся к лексическому толкованию этого понятия. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова «эффективный» подразумевает под собой «действенный, дающий эффект», т.е. дающий «действие как результат чего-нибудь, следствие чего-нибудь» (Ожегов, 2008).

Несмотря на огромное количество опубликованных работ по проблемам эффективности, до сих пор дискуссионной остается даже сущность эффективности. Уточним содержание близких понятий.

Результативность труда – это наличие результатов, итогов труда, которые могут быть позитивными (запланированными) и негативными (неожиданными). Например, учитель стремится получить позитивные результаты в обученности и воспитанности школьников, а порой вследствие своих профессиональных ошибок сталкивается с негативными результатами в виде снижения мотивации, уровня притязаний учащихся (Маркова, 1996).

Продуктивность – наличие продукта труда, соответствующего необходимым стандартам в профессии, например, детали у рабочего, патенты и предложения у инженера, публикации, выступления, цитируемость работ у ученого и т.д.(Там же).

Эффективность – соответствие полученного результата поставленным целям и задачам; эффективность – более узкое понятие, чем результативность, ибо охватывает как правило позитивные результаты. Эффективность определяют либо количеством затрат, необходимых для получения определенного результата, либо результатом, полученным при определенных затратах (Там же).

Наибольшее распространение в экономической теории получило определение эффективности труда, где она определяется исходя из поставленных целей как функция достигнутых результатов и затраченных на это ресурсов. Например, известный советский экономист, академик Т.С. Хачатуров отмечает, что и социальная, и экономическая эффективность представляет собой отношение экономического или социального эффекта к необходимым на его достижение затратам (Хачатуров, 1979).

Оптимальность – достижение наилучшего результата в данных условиях при минимальных затратах времени и усилий участников. Возможны и другие определения слова «оптимальный»: наилучший с точки зрения определенных критериев, наилучший для конкретных условий, наилучший из нескольких результатов. Оптимальность уже чем эффективность, ибо это не просто достижение поставленной цели, а при минимальных затратах сил и времени работника(Маркова, 1996).

Сегодня под эффективностью понимают:

- конкретный результат (эффективность действия чего-либо);
- соответствие результата или процесса максимально возможному, идеальному или плановому;
- функциональное разнообразие систем;
- числовую характеристику удовлетворительности функционирования;
- вероятность выполнения целевых установок и функций;
- отношение реального эффекта к требуемому (нормативному) эффекту» (Лапыгин, 2005).

Проблемы повышения эффективности профессиональной деятельности актуальны для любого времени и для любой социально – экономической формации, однако в кризисный период их значимость возрастает. Можно выделить несколько категорий субъектов (индивидуальных и групповых), для которых эффективность деятельности становится жизненно важной проблемой:

а) для отдельного человека, специалиста, эффективность его профессиональной деятельности становится его личной проблемой, ибо она связана, с одной стороны, с удовлетворением его потребностей, с другой стороны – с построением его профессионального и жизненного пути.

б) для работодателя решение проблемы эффективного использования профессионального потенциала наёмных работников связано с оптимальным соотношением доходов и затрат, также перспективами развития его бизнеса.

в) для профессионального сообщества решение проблемы эффективности труда его членов является условием профессионального выживания и эволюции института профессионалов данного профиля.

г) для общества в целом проблема подготовки профессионалов, рационального их использования, проблема эффективности труда вообще важна с точки зрения развития общества, использования его ресурсов (Дружилов, 2011).

При оценке эффективности труда целесообразно различать:

– объективные, предметно-технологические показатели эффективности: производительность (количество продукции, выпущенной в единицу времени). Сама производительность труда характеризуется прямыми показателями – количество продукции, выработанной в единицу времени и обратными показателями – трудоемкостью, то есть временем, затраченным на производство единицы продукта; обобщающий показатель производительности – количество продукции, выработанной в единицу времени. Другими объективными показателями эффективности являются качество (соответствие продукции ГОСТам и требованиям технологии), надежность качественная (способность выполнять требуемые операции в заданный интервал времени), надежность количественная (вероятность выполнения требуемых функций в течение заданного времени и в заданных условиях),

– субъективные, психологические, личностные показатели эффективности: вкладываемость человека, вовлеченность разных сторон и уровней психики человека в осуществление деятельности, активизация не только умственных, когнитивных способностей человека, но и отработанность исполнительных операций, действий, а также зрелость мотивационно - волевых компонентов, заинтересованность человека трудом и удовлетворенность его процессом и результатом, успех - неуспех в предыдущей деятельности, а также психологическая цена результата по величине затрат личностных ресурсов, степень напряженности психических функций и процессов, необходимых для достижения нужного результата.

С учетом объективных и субъективных показателей эффективность, качество труда понимается как интегральная характеристика, фиксирующая «показатели качества и количества выпускаемой продукции, взятые в отношении к сырьевым и временным затратам на ее производство, психологической и физиологической «цене» трудовых усилий, а также по отношению к показателям здоровья и развития личности трудящихся». Подчеркивается, что качество труда – это не только технико-экономические показатели, но и социальные и психофизиологические аспекты человеческой деятельности. Другими авторами отмечается, что эффективность и качество означают не только получение лучшего результата, но и облегчение труда для человека – меньшая длительность труда, исключение лишних действий и движений, уменьшение утомления за счет устранения однообразия, монотонии, обеспечение удовлетворенности трудом по причине осознания достижения реальных успехов (Маркова, 1996).

К настоящему времени в отечественной и мировой практике разработано значительное число систем оценки персонала, которые можно классифицировать по различным основаниям. Решение вопроса о содержании (или предмете) оценки является одним из исходных при формировании любой системы. Многие методы оценки и подходы, которые используются сегодня, сложились уже в прошлом веке (Ф.У. Тейлор, А. Файоль и др.). В то же время эволюция этих методов происходит постоянно (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2005).

Оценка эффективности работы персонала позволяет, с одной стороны, обеспечить нормальное функционирование отдельных подразделений и всей организации и успешное решение производственных задач, а с другой стороны – более эффективно использовать потенциал работников (Егоршин, 2001).

А.П. Егоршин (2001), проанализировав различные научные концепции, выделяет три методических подхода к оценке эффективности персонала.

Сторонники первого подхода (назовём его экономическим) рассматривают персонал предприятия в качестве коллективного субъекта труда (совокупного работника), непосредственно воздействующим на производство. Поэтому конечные результаты производства должны служить критериальными показателями эффективности персонала. В качестве таких показателей принимаются значения результатов работы предприятия на конкретный период времени: прибыль предприятия, себестоимость продукции и т.д.

Сторонники второго подхода к оценке эффективности работы персонала (назовём его производственно – технологическим) рассматривают каждого работника только как рабочую силу. Отсюда следует, что критериальные показатели должны отражать среднюю результативность, качество и сложность труда каждого работника. Здесь работник выступает как пассивный исполнитель. В качестве показателей эффективности работы персонала выделяются: производительность труда (выработка на одного работника), темпы роста производительности труда, процент выполнения норм выработки, потери рабочего времени и т.д.

Сторонники третьего подхода (назовём его социальным) рассматривают персонал как некоторый размытый социум. Предполагается, что эффективность работы персонала в значительной степени определяется организацией его работы, мотивацией труда, социально – психологическим климатом в коллективе, то есть больше зависит от форм и методов работы с персоналом. В качестве критериальных показателей эффективности работы персонала предлагаются такие показатели: текучесть кадров, уровень квалификации персонала, уровень трудовой и исполнительской дисциплины, социально – психологический климат в коллективе и т.д. (Егоршин, 2001).

В проведённом нами исследовании приняло участие 60 маркетологов, возраст участников колеблется от 20 до 50 лет. Все специалисты имеют высшее, среднее - специальное или среднее экономическое образование и работают по специальности. Исследование проводилось одновременно со всеми испытуемыми. В качестве мотивационных факторов выступал интерес к своим показателям. Количество сотрудников, принявших участие в эксперименте, ограничено количеством в отделе, а также необходимостью их добровольного согласия на участие в эксперименте. Согласно полученным в ходе исследования данным, группа испытуемых была условно поделена на две подгруппы в зависимости от уровня их эффективности. Первую выборку составили маркетологи ОАО «Казанского вертолётного завода» и ОАО «Казанькомпрессормаш», вторую выборку составили маркетологи ОАО «Казанского оптико – механического завода» и ОАО «Казанского завода Электроприбор». Таким образом, представляется возможным сравнение сходных по ряду параметров уравновешенных выборок.

В начале исследования была проведена оценка эффективности деятельности изучаемых работников. Оценка деятельности (performanceappraisal) – формальная процедура оценки работы сотрудника в основном путём сбора информации о выполнении поставленных задач (Мескон, Альберт, Хедоури, 1992). В качестве объекта оценки выступают непосредственно

маркетологи, в качестве предмета оценки – результативность их труда, при оценке результаты деятельности работников двух выборок сравниваются между собой. Объективная оценка может быть получена благодаря установлению четких и продуманных критериев оценки персонала. С целью определения критериев, по которым производится оценка эффективности была подробно рассмотрена деятельность маркетолога, её содержание и вычленены показатели, пригодные для оценки и поддающиеся достаточно объективной количественной оценке.

Оценка эффективности деятельности маркетологов была проведена с помощью оценки результатов выполнения ими своей работы, конкретнее своих должностных обязанностей, в качестве основного показателя эффективности выступает количество заключенных контрактов за год, в качестве должностных обязанностей были рассмотрены: во - первых разработка и организация проведения мероприятий, рекламных компаний по стимулированию сбыта, во – вторых работа с каналами сбыта через технические средства связи с помощью интернет сети и телефонной сети.

Анализ результатов данной методики показал, что имеются различия в выраженности всех трёх исследуемых показателей. Наиболее сильное различие наблюдается по основному показателю эффективности труда маркетологов – количество заключённых контрактов, которое оказалось выше в выборке ОАО «Казанского вертолётного завода» и ОАО «Казанькомпрессормаш» (2,2 балла), в отличие от другой подгруппы (1,5 балла).

Выраженность основных должностных обязанностей маркетологов, таких как количество проведённых мероприятий по сбыту и количество контактов через технические средства, оказалась выше в выборке ОАО «Казанского оптико - механического завода» и ОАО «Казанского завода Электроприбор» (1,8 балла и 3,3 балла соответственно), данная выборка выполняет больший объём работы, затрачивает большие усилия, но контракты при этом заключает реже, то есть эффективность деятельности в данной подгруппе оказывается ниже.

Основной целью нашего исследования является изучение влияния особенностей субъективной модели деятельности маркетологов на уровень эффективности их труда.

Субъективную модель профессии (модель деятельности) рассматривает Р.В. Габдреев. Понятие субъективной деятельности глубже характеризует познавательную деятельность. Данную модель следует отличать от моделей, служащих орудием познания явлений в различных областях науки (Габдреев, 1983).

Моделирование рассматривается как метод, с помощью которого организуется процесс мышления познающего (студента, - в системе профессиональной подготовки). Студент использует моделирование с целью управления своей деятельностью. Модель в этом случае служит отправной точкой, от которой студент идет к объекту. Студент в своей деятельности оперирует двумя моделями учебного процесса: статической и динамической (Там же).

На основе исходной статической субъективной модели, в учебном процессе, у студента создается целая перспективная стратегия – субъективная модель познавательной деятельности. Данная модель выступает в виде «концентрата» информации об условиях будущей деятельности и возможностей в ней. Опираясь на эту модель, студент намечает цели, этапы развития и программы эффективной, по его мнению, познавательной деятельности. В данном случае модель и моделирование используется в качестве средства и метода регуляции деятельности (Там же).

В результате теоретического анализа проблемы моделирования в познавательной деятельности субъекта на разных этапах профессиональной подготовки выделяют два типа субъективных моделей, которые отличаются по цели моделирования и выполняемой ими функций:

1 – субъективная познавательная (когнитивная) модель, на основании которой формируется и регулируется (направляется и корректируется) познавательная деятельность субъекта. По цели является многофункциональной (универсальной), поскольку используется субъектом и как оптимальная система в знакомых условиях (например, решение типичных задач в процессе обучения), и как первоначальная система в новых условиях (например, первая производственная практика, когда учебные задачи сменяются профессиональными);

2 – субъективная модель профессии, на основании которой происходит процесс профессионального становления субъекта. При недостаточном уровне информированности субъекта о профессии (информационный дефицит) функции субъективной модели профессии выполняет субъективная когнитивная модель.

Еще одно из существенных отличий субъективной когнитивной модели от субъективной модели профессии заключается в том, что она формируется субъектом раньше (с момента возникновения познавательной активности (актуализации познавательной потребности)), субъективная модель профессии формируется на первоначальном этапе профессионализации (с момента возникновения и актуализации потребности в профессиональном самоопределении). В структуре обеих моделей можно выделить основные подструктуры:

1. подструктура гностических элементов (знания, представления);
2. подструктура регулирующих (регулятивных) элементов (потребностно - мотивационная система, система ценностных ориентаций);
3. подструктура аффективных элементов (эмоции и чувства, на основе которых формируется отношение);
4. подструктура информационная.

Следует отметить, что в структуре субъективной модели можно выделить два уровня:

1 – информационный (характеризуется совокупностью информационных факторов, отличающихся малым (слабым) структурированием (например, представления абитуриента о специальности, случайно выбранной в момент подачи заявления в вуз);

2 – функционально - практический (действенный), от первого отличается большей осознанностью, структурированностью, целенаправленностью и реализацией элементов в предметно-практической деятельности.

Динамическая характеристика субъективной модели профессии заключается в особенностях и характеристиках ее управления субъектом, в соответствии с получаемой информацией. Выступают объективные и субъективные факторы формирования и управления субъективной моделью. Объективные факторы – это характеристики системы профессиональной подготовки, ее компоненты, этапы, уровни; характеристики интеллектуального развития (общая база знаний). Субъективные факторы – характеристики структуры мотивации (компоненты: профессиональная, учебная, познавательный мотив смены деятельности и др.), характеристики мышления (Там же).

Профессиональная деятельность специалиста является не стихийным, а регулируемым и управляемым посредством субъективной модели деятельности процессом (по Р.В Габдрееву), поэтому возникает необходимость более подробного и тщательного исследования

характеристик субъективной модели деятельности (СМД), чтобы изучить особенности её влияния на результат деятельности маркетолога. Важно определить особенности построения адекватной субъективной модели деятельности, достаточная сформированность которой ведет к высокой эффективности ее выполнения.

С этой целью нами проведена субъективно – оценочная диагностика (основанная на методе исследования субъективной модели деятельности студентов Р.В. Габдреева). Таким образом, в соответствии с обозначенными проблемами нами были выделены две составляющие для организации данной части исследования:

1. Подструктура гностических элементов субъективной модели деятельности, выраженная в представлениях об особенностях профессиональной деятельности.
2. Подструктура регулирующих элементов субъективной модели деятельности, выраженная в основных характеристиках структуры профессиональной мотивации.

Изначально проводилось исследование гностической подструктуры субъективной модели деятельности маркетологов. Не претендуя на абсолютную полноту исследования мы будем изучать элементы гностической подструктуры СМД маркетолога, заключающиеся в представлениях маркетолога об особенностях своего труда. Начальным этапом исследования стало изучение общих особенностей построения СМД, которое заключалось в выявлении субъективных целей выбора изучаемой профессии «Маркетолог», ожидании маркетолога от труда, потребностей и удовлетворённости трудом. В соответствии с обозначенной проблемой был разработан опросник. Испытуемым предлагался текст опросника, предназначенного для определения того, соответствует ли субъективная модель профессии маркетологов реальной модели их деятельности, который включает в себя 8 вопросов: 1. Какими качествами личности должен, по Вашему мнению, обладать маркетолог? 2. Какими знаниями должен владеть маркетолог? 3. Что он должен уметь? 4. Почему Вы решили работать маркетологом? 5. Оцените себя как маркетолога по пятибалльной шкале. 6. Нравится ли Вам работать маркетологом? 7. Чего Вам не хватает как маркетологу? 8. Что Вы ожидаете от своей работы?

В качестве метода обработки использовался контент – анализ типичных высказываний (данным методом обрабатывались ответы на первые три вопроса, так как был получен очень большой объем информации). Выбор данного метода статистической обработки обоснован возможностью с его помощью, выявлять отдельные психологические характеристики мнений маркетологов.

Обобщая результаты данного этапа исследования, можно сказать, что маркетологи ОАО «Казанского оптико - механического завода» и ОАО «Казанского завода Электроприбор» не всегда имеют адекватную СМД, отмечая, например в первом вопросе, как необходимые все какие есть теоретические знания, не дифференцируя их и достаточно узко понимая знания маркетолога (не было отмечено конкретных знаний). Большинство ответов имеют некоторый формальный характер и напоминают скорее заученные нормы и положения о работе маркетолога завода.

В отличие от недостаточно эффективных испытуемых, которые наиболее важным качеством личности отметили эмоциональную устойчивость, маркетологи ОАО «Казанского вертолётного завода» и ОАО «Казанькомпрессормаш» наиболее важным качеством, необходимым в работе считают общительность. Это, вероятно, обусловлено спецификой деятельности, связанной с организацией взаимодействия с различными клиентами, где успешность чаще всего определяется умением налаживать контакты и вызывать доверие.

Сходны ответы и тех и других маркетологов на вопрос о необходимых умениях в работе, которые представлены такими профессиональными умениями как самостоятельное принятие решений по ряду вопросов связанных, например, с прогнозированием спроса на товары и услуги, с заключением контрактов.

При ответе на вопрос о причинах выбора данной профессии ответы маркетологов во многом совпадают. Основными причинами является личный интерес к экономике, а так же востребованность и престижность профессии на рынке труда в России.

Сходной так же является оценка себя как профессионала и тех и других испытуемых по пятибалльной шкале, обе выборки маркетологов присваивают себе достаточно высокие оценки (4 и 5 баллов).

По результатам диагностики выявлено, что испытуемым ОАО «Казанского оптико – механического завода» и ОАО «Казанского завода Электроприбор» не достаточно нравится работать маркетологом, что отличается от ответов более эффективных маркетологов, которым нравится работать. Причины этого раскрывает следующий вопрос: чего Вам недостаёт как маркетологу? Однако ни одна из выборок не смогла чётко сформулировать ответы на данный вопрос, чего им недостаёт, испытуемые не смогли конкретизировать.

На вопрос об ожиданиях от работы маркетологи ОАО «Казанского вертолётного завода» и ОАО «Казанькомпрессормаш» отметили успешную карьеру, что вероятно обусловлено возможностью их профессионального и экономического роста, маркетологи же ОАО «Казанского оптико – механического завода» и ОАО «Казанского завода Электроприбор» отметили социальную защищённость, приобретение опыта а так же «отточку» профессиональных навыков.

Таким образом, анализируя результаты эмпирического исследования гностической составляющей СМД рассматриваемых маркетологов, можно утверждать, что:

1. Гностическая составляющая СМД основана на представлении работников о таких особенностях своего труда, как субъективные цели выбора изучаемой профессии, ожидания от труда, потребности и удовлетворённость трудом. Субъективное представление об особенностях труда различно у маркетологов с разным уровнем эффективности деятельности.

2. У исследуемых маркетологов во многом совпадают ответы лишь по нескольким вопросам: о необходимых умениях в работе, о причинах выбора профессии, а так же оценка себя как профессионала. На вопрос о том, чего Вам не достаёт как маркетологу, ни одна выборка не смогла ответить чётко и конкретно.

3. Можно предположить, что полученная при исследовании эффективных маркетологов картина общих особенностей своего труда, является наиболее предпочтительной для осуществления высокоэффективной деятельности. Следовательно, выделяемые недостаточно эффективными маркетологами общие особенности труда, представляют собой недостаточно сформированную гностическую составляющую СМД.

Затем было проведено исследование субъективной модели деятельности маркетологов (регулятивная составляющая), основанной на представлениях о мотивах профессиональной деятельности. Анкета для выявления регулятивной составляющей СМД, выраженной в субъективно выделяемых мотивах профессиональной деятельности, основана на методике «диагностика структуры мотивов трудовой деятельности» Т.Л. Бадоева. Испытуемым предлагалось оценить своё отношение к различным 13 факторам труда по семибалльной шкале.

При обработке результатов использовался параметрический t – критерий Стьюдента для несвязанных вариационных рядов. После подсчёта среднегрупповых значений факторов и обработки полученных результатов с помощью критерия Стьюдента, было обнаружено, что статистически значимые различия между выборками отсутствуют только в категориях №10 «возможность в общении и коллективной деятельности» ($t_{\text{эмп}} = -1,17$), №11 «возможность в реализации индивидуальных особенностей» ($t_{\text{эмп}} = -0,68$), №12 «возможность творчества в процессе работы» ($t_{\text{эмп}} = -1,78$). Результаты же по остальным категориям структуры индивидуальной мотивации дают основания утверждать, что между сравниваемыми выборками существуют статистически значимые различия. Полученные результаты показали, что у испытуемых с разным уровнем эффективности деятельности наблюдается расхождение в субъективном выборе мотивов.

Анализируя результаты эмпирического исследования соотношения субъективного представления о мотивах эффективных и недостаточно эффективных маркетологов рассматриваемых заводов, можно утверждать, что:

1. Регулятивная составляющая СМД основана на представлении о мотивах собственной деятельности. Субъективное представление о мотивах своей деятельности различно у маркетологов с разным уровнем эффективности труда.

2. У исследуемых маркетологов сходны показатели лишь по трём компонентам структуры индивидуальной мотивации: «возможность в общении и коллективной деятельности», «возможность в реализации индивидуальных особенностей», «возможность творчества в процессе работы».

3. Можно предположить, что полученная при тестировании эффективных маркетологов, структура индивидуальной мотивации, является наиболее предпочтительной для осуществления высокоэффективной деятельности. Следовательно, выделяемые недостаточно эффективными маркетологами, наиболее значимые мотивы, представляют собой недостаточно сформированную регулятивную составляющую СМД.

Обобщая результаты, можно сказать, что у группы маркетологов ОАО «Казанского оптико - механического завода» и ОАО «Казанского завода Электроприбор» субъективное видение компонентов СМД размыто, неточно и недостаточно осознаётся, что приводит к низкой эффективности их деятельности. Деятельность неэффективна из-за несоответствия её модели реальной деятельности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что адекватная субъективная модель деятельности, выступающая её регулятором, определяет эффективность профессиональной деятельности. Выводы по проведённому исследованию:

1. Представление модели деятельности недостаточно эффективных маркетологов размыто, неточно и недостаточно осознаётся. Выделяемые особенности и наиболее значимые мотивы труда низко эффективных маркетологов представляют собой недостаточно сформированную гностическую и регулятивную составляющую субъективной модели деятельности.

2. Картина общих особенностей своего труда и структура индивидуальной мотивации эффективных маркетологов является наиболее предпочтительной для осуществления высокоэффективной деятельности. Адекватная субъективная модель деятельности маркетологов определяет её успешность.

REFERENCES

1. Габдреев Р.В. (1983) Моделирование в познавательной деятельности студентов. – Казань: КГУ, 108 с.
2. Дружилов С.А. (2011) Психология профессионализма: Инженерно-психологический подход. – Харьков: Гуманитарный центр, 296 с.
3. Егоршин А.П. (2001) Управление персоналом: Учеб.для вузов. - 3-е изд. - Н. Новгород: НИМБ, 716 с.
4. Колесников О.А., Ступин В.Ю. (2006) BalancedScorecard как система стратегического управления. Экономические стратегии. – № 2, С.140-146.
5. Лапыгин Ю.Н., Лапыгин Д.Ю., Лачина Т.А. (2005) Стратегическое развитие организации: Учеб.пособие. – М.: КноРус, 288 с.
6. Маркова А.К. (1996) Психология профессионализма. – М.: Знание, 308с.
7. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. (1992) Основы менеджмента: Пер.с англ. – М.: Дело, 702 с.
8. Ожегов С.И. (2008) Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 944 с.
9. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. (2005) Социально – психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 496 с.
10. Хачатуров Т.С. (1979) Эффективность капитальных вложений. – М.: Экономика, 336 с.

PECULIARITIES OF THE USAGE OF ADDRESS IN BAKHYT KENJEEV POETRY

Samal K. Serikova

Institute for Master and PhD programs

Kazakh National Pedagogical University Abai, Dzhambul, 25, Almaty 050010, Kazakhstan

Abstract

Due to very genre of collection of verses „Messages“ (2011) by one of the most representative contemporary Russian poets Bakhyt Kenjeev important conclusions may be made about Kenjeev poetics. Constructing a pattern of his usage of such grammatical category as form of address I as traditional functions of this category and some unusual ones, that are representing peculiarities of Kenjeev poetry as well. The last ones are based on the word-play, where poet shapes quite often ambigolity, e.g. duality, ambiguity, which appear as the result of specific word order. The most interesting word-play is connected with form of address to God. Here everyday usage of forms of address, that have already become interjections lost their automatism and represented the direct word.

Key words: poetry, XX century Russian poetry, Russian poet Bakhyt Kenjeev, addressee, functions of form of address, word-play, form of address to God, narrative, tradition and originality.

Одним из маркеров адресата в поэтической речи является обращение. Следует, однако, разделять более узкое понимание обращения – как грамматической категории, называющей адресата и не зависящей от остальных членов предложения, – и более широкое словарное понятие, производное от глагола *обращаться*, т.е. адресоваться к кому-либо, направлять кому-либо свои слова, речь и т.п. Различные типы обращений в языке того или иного поэта создают картину его мира и его идиомат. В настоящей статье будут рассмотрены особенности использования разных типов обращения в лирике одного из самых заметных современных русских поэтов Бахыта Кенжеева на примере его сборника стихов «Послания» (М., 2011).

Само название сборника, являющееся частичным синонимом слова «обращения», свидетельствует о явной значимости для поэта фигуры адресата. Между тем на вопрос квалифицированного интернет-собеседника, поэта и переводчика Александра Белых «Когда вы пишете – стихи или прозу – кто ваш адресат? Как вы его представляете в момент сочинительства?» Б. Кенжеев отвечает: «В момент сочинительства, кажется, читатель отсутствует» (Кенжеев, Белых www.netslova.ru). Его утверждение позволяет провести дифференциацию – разграничить понятия адресат реальный и адресат литературный, сделав вывод о концептуальной природе последнего в творчестве Кенжеева.

Стихотворений в жанре послания насчитывается двенадцать, они составляют лишь один цикл одноименной книги (в уже упомянутых заочных беседах с Александром Белых Б. Кенжеев говорит: «Очень люблю этот цикл. <...> Это действительно послания реальным людям», (Кенжеев, Белых www.netslova.ru). Однако различными типами обращений пронизан весь сборник.

В данной работе мы будем считать обращениями стихотворные тексты, в которых присутствуют личные местоимения «ты» и «вы», в том числе и зависимые от остальных членов предложения, поскольку введение этих местоимений подразумевает конкретного адресата или слушателя/читателя. (Здесь есть, правда, одно исключение – обращение к самому себе, заслуживающее отдельного исследования). Следуя типологии организации категории обращения, выделяющей четыре вида звательной функции: собственно-звательную, фиктивно-звательную, условно-звательную и координационно-звательную, рассмотрим употребление Кенжеевым обращений в этих функциях в его последнем поэтическом сборнике.

Особенность использования в стихах Кенжеева обращения состоит, прежде всего, в том, что, постоянно обращаясь к какому-либо адресату или просто обозначая свои произведения как *послания*, он создает некий нарратив. В этом нарративе есть место и традиционным обращениям:

Вольноотпущенница, давай
помиримся без стыда
весной любая живая тварь
ищет себе гнезда
1977-1981 (*Баллада прощания*)

давай, любимая, пройдем
по этой улице, по этим
дворам, где детство под дождем
по лужам шлепало, просветим
пласты асфальта, как рентген
живое тело, ясным взглядом –
чугунный дом стоит взамен
истлевшего, но церковь рядом
1980 (*В краях, где яблоко с лотка...*)

Но значительно чаще вопреки особому месту в предложении грамматической категории обращения у Кенжеева собственно-звательная функция обращения не называет адресата, но указывает на него.

Послушай, настала пора возвращаться домой,
К натопленной кухне, сухому вину и ночлегу.
Входи без оглядки, и дверь поплотнее прикрой –
Довольно бродить по бездомному белому снегу.
1975 (*Охотники на снегу*)

расскажи мне какая тревога
на твоих пересохших губах
приложить ли вечернего снега
утолить твою радость и страх
или может быть выпить немного
благо есть ещё водка и дом
чтобы спеть накануне побега
о дороге под зимним дождем <...>
улыбнись мне одними глазами
будто ветер по снегу пройди

не хочу не хочу предсказаний
пусть играет метель впереди
1978 (*хороша и легка и нелепа...*)

Фиктивно-звательная функция рассматривается языкознанием как принадлежность лирической поэзии. Имеющие метафорическую природу обращения к явлениям природы, рекам, птицам, животным изначально были характерны для фольклора, затем стали принадлежностью литературы. В поэзии Кенжеева фиктивно-звательная функция обращений используется активно, так что не обходится без традиционных для литературы образов:

Верши, *метель*, забытую работу
над чёрною страницей из блокнота
ростовщика, где кляксою моё
лукавое, дурное бытие
распластано...
(...а что дурак, и умница, и скряга...; некоторые произведения Б. Кенжеева не датированы)

Порой поэт использует легко узнаваемые реалии романтического стиха:

Ну что же, *гитара безумная*, грянь,
попробуем разворошить
нелепое прошлое, коли и впрямь
нам некуда больше спешить.
(*Всю жизнь торопиться, томиться, и вот...*),

к тому же дополняя эти реалии т.н. локальной семантикой – фрагментом старинного романа «Ямщик, не гони лошадей», с легким парафразом: первое слово романа «мне» заменено множественным числом - «нам некуда больше спешить».

Но обращения, выполняющие фиктивно-звательную функцию чаще относятся к жизни урбанистической, к «своему» стареющему городу, по-видимому, Москве, традиционно обозначенной куполами (ср. есенинское: «Я люблю этот город вязевый, Пусть обрюзг он и пусть одрях. Золотая дремотная Азия Опочила на куполах») (Есенин: 1979):

ах город мой город прогнили твои купола
коробятся площади потом пропахли вокзалы
довольно довольно навозного злого тепла
я тоже старею и чувствую времени мало
1979 (*ах город мой город прогнили твои купола...*)

Та же функция обнаруживается и в обращении к сугубо неодушевленному явлению, весьма непривычному для поэзии:

Киноархив мой, открывшийся в кои-то
веки – трещи, не стихай.
(*Киноархив мой, открывшийся в кои-то...*)

Отметим редкое использование Бахытом Кенжеевым координационно-звательной функции обращений, которая, как известно, служит для установления контакта между поэтом и читателем. Подобные обращения, особенно в современной поэзии, в большой степени условны и, скорее, указывают на определенные признаки, черты, способности и т.п., роднящие поэта и читателя.

Глина, глина у нас под ногтями,
мой читатель,
(*Ледяной синевой обделённый...*)

Условно-звательная функция, как и фиктивно-звательная, в лирической поэзии встречается часто. Посредством подобных, условных, обращений автор называет лирического адресата:

О чем ты шумишь, *приятель*? Кончай наводить тоску.
Я тоже всю жизнь растратил, сшибая по пятаку,
И долго ловил звезду я – единственную свою,
Печалась и негодуя у времени на краю.
(*Теплынь, лягушачья слякоть – а утром сулили снег...*)

А распространяя обращение, Кенжеев дает эмоциональное к этому адресату отношение и таким образом находит ему место в своей картине мира:

Шей, мастер, глотая булавки. Я сам вгрызался, бывало,
в холщовые швы
и ножницами угрожал небесам, топча отсыревшие
камни Москвы,
(*Один не услышит. Другой не поймёт...*)

Упоминания здесь заслуживают и обращения к историческим лицам и артефактам культуры:

Над городом тучи нависли.
На дачах шинкуют и спят.
Не будем считаться, *Борис*
Леонидыч, я сам виноват
(*Памяти Пастернака*)

И всю ночь *твои пасынки, Рим*,
голосят на могиле твоей.
(*Запрокинувший голову раб...*)

Как известно, условно-звательная функция обращения проявляется среди прочего в ритуальных и культовых обращениях – молитвах, заклинаниях, заговорах. Есть подобные обращения и у Кенжеева. При этом чрезвычайно любопытно, что они становятся игровым полем, особенно в его поэзии 1970-х годов, хотя, по утверждению самого поэта, «Тогда, в середине семидесятых, ещё не пахло постмодернистской эстетикой» (Кенжеев, Белых www.netslova.ru «Уховёртка под божьим камнем»). Игра с обращениями к Богу (как, впрочем, и с упоминаниями Бога вне обращений), в большинстве ставшими в поэзии простыми междометиями (*слава Богу, ради Бога, упаси Бог* и т.п.), представляет собой у Кенжеева вдохновенное балансирование между прямым значением коннотаций, связанных с именем Божьим, и его поминанием в качестве междометия, т.е. всуе. Именно таким образом использованы обращения в стихотворении *Такие бесы в небе крутятся...* 1976 г., посвященном Ю. Кублановскому. В первой процитированной строфе обращение присутствует, скорее, как междометие, однако его вторая функция – подлинного обращения – подчеркнута, во-первых, развернутым обращением к Богородице в третьей строфе, а, во-вторых, концовкой стихотворения, выходящей за пределы проблематизации грамматической категории обращения или междометия. Концовка стихотворения – *Дыши спокойно ... Бог с тобой* также может быть понята двояко – и как междометие, и как утверждение спасительного присутствия Бога рядом с адресатом (в данном

случае концовка стихотворения становится как бы оберегом для поэта Ю. Кублановского, которому посвящено стихотворение и который в 1976 г. работал экскурсоводом в упомянутом Кириллове, в Ферапонтовом монастыре. Особого упоминания заслуживает то обстоятельство, что стихотворение построено как сложное переплетение голосов – так, учитывая его хронотоп, можно утверждать, что, за исключением последней строфы, оно выстраивается как монолог человека, находящегося в Кириллове, т.е. адресата стихотворения).

Ю. Кублановскому

Такие бесы в небе крутятся –
Господь спаси и сохрани!
До наступления распутицы
Остались считанные дни.

<...> И не спастись мне перепискою,
Не тронуть лёгкого пера,
Когда такое небо низкое,
И воют волки до утра

В продрогших рощах... *Мать чистая,*
Пошли своё знамение мне,
Дай мне услышать твой неистовый,
Твой нежный голос в тишине!

Ни серафима огнекрылого,
Ни богомольца, ни купца.
Сто вёрст от тихого Кириллова
До славного Череповца.

А осень, осень кровью пламенной
Бежит по речке голубой –
В гробу дубовом, в келье каменной
Дыши спокойно... *Бог с тобой* (Здесь и далее – курсив автора статьи)
1976 (*Такие бесы в небе крутятся...*)

Подобная двойственность, обнаруживая родство с языковой игрой, не однажды возникает в поэзии Кенжеева именно при использовании обращения к Богу. Прежде чем прийти к заключению о смысле этой игры, приведем еще некоторые примеры:

Славно пьётся за светлое братство,
За бессмертие добрых друзей —
Дай-то Бог перед ним оправдаться
Незатейливой, грешной, своей...
1972 (А. Сопровскому)

Личное местоимение *ним* здесь может служить сигналом двойственности – грамматически, располагаясь непосредственно после слова Бог, именно к этому слову оно и должно относиться. В то же время система противопоставлений (признаки, относящиеся к жизни друзей - *светлое, доброе, бессмертие*, с одной стороны, и относящиеся к автору – *незатейливая, грешная <жизнь>*), с другой, позволяют предположить, что оправдание

подразумевается перед братством друзей, тем более что личное местоимение поэт пишет со строчной буквы, в то время как в разговоре о Боге оно должно было бы писаться с заглавной.

Аналогичную интенцию двойственности, недоговоренности можно отметить и в стихотворении *Сердце хитрит – ни во что оно толком не верит...*, где вновь возникает тема оправдания-отчета перед Богом:

Сердце хитрит – ни во что оно толком не верит.
Бьётся, болеет, плутает по скользким дорогам,
плачет взахлёб – и отчета не держит ни перед
кем, разве только по смерти, пред Господом Богом.

Слушай, шепчу ему, в медленном воздухе этом
я постараюсь напиться пронзительным светом,
вязом и мрамором стану, отчаюсь, увяну,
солью аттической сдобрю смердящую рану.

Разве не видишь, не чувствуешь – солнце садится,
в сторону дома летит узкогрудая птица,
разве не слышишь – писец на пергаменте новом
что-то со скрипом выводит пером тростниковым?
(*Сердце хитрит – ни во что оно толком не верит...*)

В самом общем плане Кенжеев повторяет здесь прием, использованный им в предыдущем приведенном нами примере. Последние слова первой строфы об отчете перед Господом Богом сменяются обращением *Слушай* и объяснением *шепчу ему*, и то и другое по правилам русской грамматики здесь должно относиться к Богу, однако дальнейшее вполне может быть отнесено и к мятущемуся сердцу автора.

Игра продлжается и в стихотворении, где имя Бога упомянуто дважды. В первом распространенном обращении *Не теребите, Бога ради* мы, на первый взгляд, имеем дело с междометием:

Стихи Набокова. Америка. Апрель.
Подсчитаны мои потери,
И слёзы высохли, и запоздалый хмель
Развеялся. Глазею – и не верю
Ни первой зелени, ни розам на столе.
Не теребите, Бога ради!
Иной паломник и в Святой Земле
Не обретает благодати.
(*Стихи Набокова. Америка. Апрель...*)

Второе употребление не является обращением – это известная русская поговорка, этимология которой, во всяком случае в первой части, не совсем ясна. Она означает отказ от дома, но в стихотворении Кенжеева использована в противоположном значении – как трудное утверждение странника, чужеземца в новой земле, в новом пространстве, в новых условиях, после многих утрат (*подсчитаны мои потери*). Отсылка к стихам Набокова в самом начале стихотворения должна напомнить о том, с какими сомнениями в самом себе и болью вживался в новую реальность великий предшественник (готовый, как он писал в своих стихах, чтобы «не

сходиться» с родиной, «обескровить себя, искалечить,/ не касаться любимейших книг,/ променять на любое наречье/ все, что есть у меня, мой язык» (В. Набоков: 1997) и удвоить, таким образом, собственные переживания поэта.

Однако затем он внезапно усматривает жемчужно-радужное сиянье (*асфальт в испарине дождя сияет нефтью и опалом*) в самом что ни на есть тривиальном виде, у себя под ногами, на прозаическом асфальте. И сиянье это так же носит двойственный характер, подкрепленное сразу за стихом, где о нем упоминается, именем Бога, символа света. Начатая этим именем поговорка *Вот Бог, а вот порог* получает затем продолжение *а вот и новый дом* и в результате заложенный в поговорку смысл изгнания меняется на обретение (хотя, конечно, за ним и мерцает отчаяние двух последних стихов):

Разлукой мучаясь, с трудом переходя
В разряд теней, довольных малым,
Вдруг видишь, что асфальт в испарине дождя
Сияет нефтью и опалом.
Вот Бог, а вот порог, а вот и новый дом,
Но сердце, в ритме сокровенном,
Знай плачет об отечестве своём
(*Стихи Набокова. Америка. Апрель...*)

В результате сложной, с двоящейся реальностью второй строфой подкрепляется упоминание имени Бога в первой строфе, где оно выступает в роли части обращения, выполняющего на первый, поверхностный взгляд функцию междометия. Так что имя Бога становится равноправным членом предложения.

Дважды в сборнике «Послания» можно отметить при упоминании имени Божьего в обращениях коннотации с евангельскими текстами и – вновь – соответствующую игру. Это, во-первых, стихотворение *Экран, и вокзал, и облава...*, описывающее впечатления от фильма о гражданской войне :

Откуда мерещится это,
впотьмах отнимается речь?
Очнуться. Достать сигареты.
Картонную спичку зажечь.
Хлебнуть из бутылки – какая
несладкая, Боже, лоза!

Опять, суетясь и вздыхая,
наильно закроешь глаза –
(*Экран, и вокзал, и облава...*)

Очередное обращение-междометие и на этот раз имеет более сложное, двухуровневое строение, поскольку в распространенном виде - *несладкая, Боже, лоза!* – отсылает к Евангелию от Иоанна 15:1: «Я есмь истинная виноградная лоза». Сочетание острого переживания военных событий (и изображенных на экране, и дремлющих в сознании автора (*мне сыплется в горло солома, солома гражданской войны...*)) и вопроса о Божественном присутствии/неприсутствии в мире, охваченном войной, удваивает смысл обращения, добавляя к условно-звательной функции, т.е. функции междометия, собственно-звательную функцию, т.е. действительно адресуя свое обращение Богу.

Переиначивается и функция междометия, привычно присущая словосочетанию *ради Христа* в стихотворении *То ли выдохся хмель, то ли скисло вино...*:

То ли выдохся хмель, то ли скисло вино,
то ли муха жужжит у виска.
Есть у времени вредное свойство одно –
на пространство глядеть свысока.

В паутиных углах дорогого жилья
знай талдычит, в глазах мельтеша:
Хороша ль контрабандная участь твоя?
Отвяжись, говорю, хороша.

Собеседник, товарищ, евангельский тать,
хоть из кожи наделай ремней —
только ради Христа, не берись сочинять
послесловия к жизни моей.

9 ноября 1987 (*То ли выдохся хмель, то ли скисло вино...*)

Все три обращения в последней строфе стихотворения подразумевают в качестве собеседника так ни разу и не названное время. Единственным свидетельством становится здесь соседство стихов о свойстве времени глядеть свысока на пространство (3-4 стихи) с появлением собеседника *в паутиных углах дорогого жилья*, т.е. в уничижительно названном, как бы с точки зрения времени, пространства. К тому же незримый собеседник *мельтешит в глазах*, что можно уподобить неотвратимому ходу времени. Время введено в евангельский контекст, будучи остроумно определено поэтом как *евангельский тать*, который, как сказано в Евангелии от Иоанна, *Тать не приходит, разве да украдет и убьет и погубит* (Иоанн 10:10). В таком случае, продолжая говорить о времени, которое не только убивает (что закономерно), но и обкрадывает людей, поэт заклинает его оставить попытки объяснять и интерпретировать после смерти его творчество. Распространенное обращение, составляющее, по сути, всю третью строфу, - с запретом касаться его жизни после смерти - включает словосочетание *ради Христа* и актуализирует его на фоне отсылки к евангельскому тексту.

Соглашаясь с исследователем в том, что «языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» (Гридина: 1996), обратимся к семантике использованных Б. Кенжеевым приемов. Из приведенных примеров понятно, что мы имеем дело с определенным игровым полем, которое безусловно является сознательной авторской стратегией. Наиболее частым приемом, «включающим» эту игру, становится амфиболия, возникающая вследствие игровой комбинаторики. Из нескольких разновидностей комбинаторики Кенжеев в обращениях к Богу использует, как правило, двойственность или двусмысленность, возникающие вследствие определенного расположения слов. Возникающий «структурно-аллюзивный подтекст <...> создается структурой всего текста <...> с помощью повторов, семантической многоплановости, аллюзий и т.д.» (Бердникова:2007). В данном случае субъективные аллюзии выражаются через соотнесение с прецедентными текстами.

Смысл столь активного использования амфиболии представляется очевидным: поэт, ощущает постоянное присутствие Бога повсюду вокруг себя, замечает проявления Бога во всем, что видит вокруг. Это ощущение, традиционное для православного человека, имеет у Бахыта Кенжеева одну особенность: он не только пассивно воспринимает себя в поле зрения Бога, но и

постоянно обращается к нему. И это присуще уже не любому верующему человеку, но, прежде всего, поэту, которого Бог наделил поэтическим даром и с которым поэт ведет свой разговор. Ибо его поэзия есть, прежде всего, разговор с Богом – отсюда и постоянная деавтоматизация разного рода обращений, в которых фиктивно- и условно-звательные функции уступают место собственно-звательной, т.е. функции, обозначающей диалог, беседу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бердникова Т. В. Иннокентий Анненский. <http://annensky.lib.ru/notes/berdnikova/berdnikova.htm>, открытие: 1.06.2007.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996: 7.

Есенин С. Да! Теперь решено. Без возврата... // С. Есенин. Собр. соч.: в шести т. Т.1. М., 1979: 192.

Кенжеев Б. Послания, Москва: Время, 2011.

Набоков В. К России. – Набоков В. Стихотворения и поэмы. Харьков, М., 1997: 278.

«Уховёртка под божьим камнем». Александр Белых: Диалоги с Бахытом Кенжеевым интернет-ресурс www.netslova.ru

ЦВЕТОПИСАНИЕ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Olga Zaginaiko

Institute of magistracy and doctoral studies Abai Kazakh Pedagogical University,
Dzhambyl, 25, Almaty 050010, Kazakhstan

Abstract

The article «Colors in war description of 20 century Russian prose» is devoted to studying the role of colors in military prose concerning various literary styles. We have chosen works of three authors: L.Andreev's story «The Red Laugh» about Russian and Japanese war, M.Bulgakov's novel "The White Guard" about civil war in Russia and work of K.Vorobyov about the Great Patriotic War in the USSR «Killed at Moscow», "Shout", «These are we My God!». The analysis has shown that the military prose does not do without color use. In spite of represented military operations and style of narration color is an important component of war in fiction.

Key words: *military prose, naming colors, a color palette, color figurativeness, color description.*

В изучении цвета в филологии выделяются два направления: лингвистическое и литературоведческое. Цветообозначающая лексика достаточно полно исследована в различных аспектах: фоносемантическом (Р.О.Якобсон, А.П.Журавлев), историко-лингвистическом (Н.Б.Бахилина, Л.М.Грановская), этимологическом (Н.В.Серов, А.Вежицкая), этнопсихологическом (А.В.Михеев, Р.М.Фрумкина) и т.д. Отдельное направление представляют работы лингвистов, обращающихся к анализу художественных средств языка различных писателей (Г.К.Тойшибаева, Л.П.Прокофьев, Н.А.Резник, С.Э.Нурланова и многие другие).

Существующие в литературоведении исследования по цвету можно классифицировать по нескольким направлениям: 1) литературоведческие работы с опорой на лингвистику и лингвопоэтику (Н.К.Садыкова, А.П.Журавлев), 2) литературоведческие исследования структурно-семантического характера (Г.Макевич, А.Абуашвили), 3) литературоведческие работы, посвященные поэтике цвета в творчестве отдельных писателей (Ф.И.Евнин, С.М.Соловьев), 4) исследования, объединяющие системный литературоведческий анализ с привлечением статистических данных (А.Белый, А.С.Панкратьева), 5) смежное изучение цвета в диахроническом аспекте с точки зрения литературоведения и культурологии (В.Я.Пропп, А.Робинсон), 6) междисциплинарные искусствоведческие исследования, построенные на сопоставительном анализе цвета в литературе, живописи, театре, кино (В.И.Силантьева, Н.В.Серов).

В рамках статьи мы рассмотрим, какую роль играет цвет в произведениях, посвященных разным войнам и относящихся к различным литературным стилям. Нами были выбраны произведения трех авторов: повесть Л.Андреева «Красный смех» (1904) о русско-японской войне, роман М.Булгакова «Белая гвардия» (1925) о гражданской войне в России и повести К.Воробьева о Великой Отечественной войне в СССР «Убиты под Москвой» (1961), «Крик» (1962), «Это мы, Господи!» (опубликована в 1986). Тематика, стиль повествования, особенности функционирования цвета в художественном произведении – всё это диктует

выбор определенных методов исследования. Нами использовались: статистический метод подсчета цветоименований; системный метод с выделением доминирующего цвета на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях; сравнительно-типологическая анализ, классификация цветообразов и их интертекстуальных параллелей; элементы метода комплексного исследования всей цветовой палитры.

Определимся с терминами, которые будут использованы в статье. *Цветообозначения (цветонаименования)* – это слова, несущие сему цвета. Разграничивают прямое название цвета (красный, желтый, синий) и не прямое, когда упоминание предметов и явлений вызывает в сознании цветовые ассоциации (молоко, кровь, уголь и т.д.). *Цветовая палитра* – спектр окрашенности художественной картины мира писателя и лингвопоэтическая статистика цветоименований (цветообозначений), выявленная при анализе текста. *Цветообраз* - это сращение цвета и образа, закреплённость одного или нескольких цветов за конкретными образами. *Образ цвета* – индивидуальная художественная семантика, которую приобретает конкретный цвет в произведении. Это общее значение цвета, связующее разные цветообразы и в то же время отрывающееся от семантики этих отдельных образов. *Цветообразность* – результат целостного, панорамного восприятия текста. *Цветопись* – элемент авторского стиля, который проявляется через сочетание характеристик цветовой палитры, их соотносённости между собой и с образным строем.

Работа по выявлению цветоименований в текстах начинается с подсчета слов, несущих сему цвета. Все цвета были распределены по цветовым спектрам с одной цветовой доминантой (белый, черный, красный, желтый, синий, зеленый, серый спектры). Например, спектр красного цвета включает прямое название цвета и все его оттенки. Для полноты картины учитывается не прямое название цвета (солнце, жар, раскаленный, кровь и т.д.). Отдельную группу составляют сложные цветообозначения, которые включают оттенки цвета (чернильно-синий, фиалково-голубые).

II Повесть Л.Андреева «Красный смех» была завершена 8(21) ноября 1904 года. Непосредственной причиной создания произведения стала война с Японией, начавшаяся в январе 1904 года. «Красный смех» - это экспрессивная фантазия по мотивам газетных репортажей. Это произведение никого из современников не оставило равнодушным. А.Белый откликнулся на нее статьей «Апокалипсис в русской поэзии» (Московкина 2000).

«Красный смех» имеет подзаголовок «Отрывки из найденной рукописи» и состоит из 18 отрывков плюс последний, который так и озаглавлен «Последний отрывок». «Красный смех» - это фрагменты записи отрывочных воспоминаний и размышлений о войне человека, прошедшего фронт, и его младшего брата. Материал произведения подается как поток сознания, как хаотичные сознательные и подсознательные импульсы.

Дневниковые записи начинаются с тактильных ощущений персонажа: «Впервые я почувствовал... Стоял зной. Солнце было так огромно, так огненно и страшно, как будто земля приблизится к нему и скоро сгорит в этом беспощадном огне». Ему тяжело смотреть, и он слушает: «И не смотрели глаза. Маленький, сузившийся зрачок, маленький, как зернышко мака, тщетно искал тьмы под сенью закрытых век: солнце пронизывало тонкую оболочку и кровавым светом входило в измученный мозг», «шел с закрытыми глазами, слыша, как движется вокруг меня толпа: тяжелый и неровный топот ног...» (Андреев 2002).

Но внешнее пространство – зной, солнце, кровавый свет – проникает в персонажа через зрение и испепеляет там всё: «тысячи маленьких ослепительных солнц... с боков и снизу забирались в

глаза, огненно-белые, острые, как концы добела раскаленных штыков. А иссушающий, палящий жар проникал в самую глубину тела, в кости, в мозг». И после этого герой воспринимает окружающий мир практически только зрительно. Еще в Отрывке втором он вспоминает голубые обои, лампу с зеленым абажуром, но после это видение не возвращается к нему. В сцене, когда доктор с солдатами вывозят раненных, персонаж видит всё с тончайшими цветовыми оттенками: «*черный* четырехугольник дверей стал *розоветь*, *покраснел* – где-то за холмами показалось огромное молчаливое *зарев*», как будто среди ночи всходило *солнце*», но не слышит страшного стога: «- Послушайте! – с тихим ужасом прошептал кто-то. Как мы не слышали раньше! Отовсюду приносился ровный, поскребывающий стон, удивительно спокойный в своей широте и даже как будто равнодушный». И даже по возвращении домой он видит и радуется только цветовым образам мирного прошлого - «*чашки синие* снаружи, *белые* внутри», «*голубые* обои», «лампа с *зеленым* абажуром», когда брат купает его: «Мне так хорошо было сидеть в ванне... и видеть все знакомое, простое, обыкновенное: *медный*, слегка *позеленевший* кран, стены с знакомым рисунком».

Происходит замещение одних чувств другими, в экстремальной ситуации на войне у персонажа повести обостряется именно зрительное восприятие. Передается состояние человека на грани безумия, когда он все видит и фиксирует малейшие детали, но мозг отказывается анализировать и делать выводы. Воспринимаемые персонажем зрительные образы несут дополнительную нагрузку, отражая разорванность сознания человека на войне. Из присутствующих в повести зрительных образов доминирует образ красного цвета, вынесенного даже в название. Рассмотрим и проанализируем цветовую палитру произведения.

Прямым названием цвета является слово «красный» и все его оттенки. Цветообраз задан в самом названии, соответственно, необходим подсчет словосочетаний «красный смех» и отдельно существительного «смех», даже без цветовой характеристики, так как этот образ уже окрашен в нашем сознании (маркирован). Называние цвета и его количественное употребление в тексте: красный (42), *оттенки цвета*: красноватый (6), темно-красный (1), багровый (7), багрово-красный (1), оранжевый (2), бледно-розовый (5), ржавый (1), порыжелый (1), огненный (2), *производные*: огненный (2), огненно-белый (1), огненно-красный (2), кровавый (14), окровавленный (1). Цветообраз *красный смех* встречается 21 раз, маркированное слово *смех* – 26 раз. Непрямое название цвета в тексте: *имя существительное* - кровь (22), солнце (17), огонь(ков) (6), жар (4), зарево (3), мясо (3), зной (2), пожар (2), костер (2), резня (2), побоище (2), закат (1), бойня (1), вино (1), рак вареный (1); *глаголы* – покраснеть (2), розоветь (1), гореть (8), жечь (8); *причастия* – горяч(щ)ий (6), палящий (1), раскаленный (1); *наречия* – огненно (1), красно (2). Всего 224 цветообозначения в тексте.

Красный цвет господствует на всех морфологических уровнях. Но большее количественное употребление приходится на оттенокный спектр, выраженный именами прилагательными и существительными: *смех*, *кровь* и *солнце*. Получается, что характер красного цвета в произведении Л.Андреева качественно-предметный. Скорее даже, переходящий из качественного («цветных» прилагательных общее количество - 86) в предметный («цветных» существительных - 117), при этом «опредмечиваемость» цвета возрастает к концу произведения.

При анализе фонетической стороны цветолексем красного спектра мы опирались на работу А.П.Журавлева (1991, р.34), в которой исследователь определяет звуковую окрашенность фонем русского языка при помощи звукоцветовых ассоциаций. Эксперименты показали, что практически все испытуемые соотнесли гласный «А» с густо-красным цветом, а согласный «Р»

– с темно-красным. Обращает на себя внимание обилие этих звуков в красном спектре произведения: красноватый, темно-красный, багровый, багрово-красный, оранжевый, ржавый, порыжелый, кровавый, окровавленный, жар, пожар, кровь, зарево, закат, горящий, раскаленный.

Словосочетание «красный смех» вынесено в название и является достаточно неожиданным цветообразом. Но именно благодаря парадоксальности данного цветообраза, семантический акцент переносится на цвет. Впервые цветообраз встречается в отрывке втором, его появление подготовлено огненно-красной палитрой. Когда герой находит определение происходящему, он пять раз в одном абзаце повторяет: «...беззубый смех – красный смех. Я узнал его, этот красный смех. Я искал и нашел его, этот красный смех.... Это был красный смех... и скоро он разольется по всей земле, этот красный смех!». Везде цветообраз находится в ударной позиции конца предложения и пунктуационно выделяем (дефисом, восклицательным знаком, интонационно-смысловым обрывом предложения).

Далее цветообраз употребляется пять раз изолированно, в качестве самостоятельного предложения, как абсолютно законченная смысловая единица. Уточняет значение цвета в образе доктор, который произносит подряд «огненный смех», «веселый смех», «красный смех» (3 раза), то есть, красный формируется из амбивалентной семантики огненно-веселого.

Образ «красного смеха» появляется практически в каждом отрывке, а в отрывке шестнадцатом герой спрашивает: «Ты видишь его?». Постепенный переход из психологического в физический завершается полным олицетворением цветообраза: «Перед окном стоял Красный смех!». Композиционно это подчеркивается постпозицией цветообраза, восклицательной интонацией и прописной буквой.

Цветовой палитре Л.Андреева свойственно отсутствие других цветов и авторское подчеркивание их наличия в прошлом, что способствует созданию лишь одного образа цвета: «... все кругом было красно от крови. Само небо казалось красным, и можно было подумать, что во вселенной произошла какая-то странная перемена и исчезновение цветов: исчезли голубой и зеленый и другие привычные и тихие цвета, а солнце загорелось красным бенгальским огнем – красный смех...». Отдельные цветные детали желтого цвета (желтый закат, желтый самовар, лица смертельно раненных солдат) и черного цвета («черные окна» глаз сумасшедшего, «затемненный мозг» сходящего с ума героя-рассказчика, черные тучи, черная ночь) создают контраст красному, усиливая его семантику «безумия и ужаса».

При интерпретации символики цветообраза помимо авторских внутритекстовых смыслов необходимо учитывать и традиционную символику цвета и образа. Символика смеха амбивалентна, о ее природе писали В.Я.Пропп, М.М.Бахтин, Л.В.Карасев. Позитивное значение смеха, как веселья и радости, в повести отсутствует, подчеркнут лишь зловещий, сатанинский характер смеха. Семантика красного цвета многопланова. Физиологически «красный» – теплый и раздражающий, усиливает артериальное давление, ускоряет ритм дыхания. В своей книге «Словарь символов» Х.Керлот отмечает, красный цвет – «наиболее агрессивный цвет, цвет живой протекающей крови, опасности. Это огонь, чувства, война, жертва, революция, сила, страсть, мужество, страдание, могущество, справедливость» (1994, pp. 365-366); другой исследователь Джек Тресиддер пишет: «Красный - это цвет жизни. Концепция красного как цвета любви восходит к огню, который несет тепло. В средневековом христианском искусстве красный является как цветом милосердия, так и любви, в частности, божественной любви» (1999, pp. 357, 359).

Л.Андреевым активно разработана агрессивная семантика цвета, на первый план выходит тема взаимосвязи красного цвета с огнем, причем не его животворящей силы, а испепеляющей. Так, прочтение цвета в повести соотносится с картинами в Откровении Иоанна Богослова, где образы солнца, огня и красного цвета предвещают конец света: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано было взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Откровение,6:4), «солнце стало мрачно, как власяница» (Откровение,6:13), «Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной» (Откровение,6:8-9).

Цветообраз имеет и литературные параллели. Изображение Солнца-Змия, палящего и губящего все живое на Земле, перекликается с лирикой Ф.Сологуба («Змий, царящий над вселенной» (1902), «Безумием окована земля» (1902)). По цветообразности «Красный смех» Л.Андреева перекликается с «Красной короной» М.Булгакова, оба словосочетания колористически определяют ужасающую сущность войны и возникают в тексте произведения в момент внезапной смерти молодого солдата от взрыва бомбы. По цветовому спектру, характеризующему Вселенское Зло, повесть Л.Андреева соотносится с рассказом Вс.Гаршина «Красный цветок» (1883).

Таким образом, война в произведении Л.Андреева – это Вселенское Зло, олицетворенное в образе «красного смеха». Для создания этого всеобъемлющего образа Андрееву понадобился фонетический, морфологический, синтаксический подтекст и широкий мифологический, психологический, физиологический, литературный, исторический и живописный контекст. В художественном плане из зрительно-звукового образа «красный смех» разросся до образа-символа, на котором держится повествовательный, сюжетный, пространственно-временной строй произведения.

III Рассмотрим, какие цвета использует М.Булгаков в романе «Белая гвардия» при описании гражданской войны. «Белая гвардия» во многом автобиографический роман, основанный на личных впечатлениях писателя о Киеве конца 1918 — начала 1919 года. Семья Турбиных — это в значительной степени семья Булгаковых. Турбины — девичья фамилия бабушки Булгакова со стороны матери.

Как и у Л.Андреева, в произведении М.Булгакова цвет заявлен, маркирован в заглавии. Эта цветосемантика названия имеет историко-политический аспект. Следует учесть, что в качестве возможных заглавий для романа М.Булгаков предполагал «Полночный крест» и «Белый крест».

Роман состоит из трех частей, мы выявили цветоименования согласно структурной композиции произведения. Была определена частотность употребления шести спектров (черный, белый, красный, желтый, синий, зеленый), которая дала наглядное представление о цветовой палитре романа (см. таблицу 1).

1. Цветовая палитра «Белой гвардии» М.Булгакова

Цветовой спектр	Часть 1	Часть 2	Часть 3
Черный	103	64	140
Белый	88	34	74
Красный	58	36	69
Желтый	70	34	42
Синий	40	15	40
Зеленый	19	3	20

Во всех частях романа преобладают цветоименования черного спектра, далее по убыванию – белый, красный. Желтый спектр незначительно уступает по частотности употребления красному, даже в первой части значительно доминирует. Менее всего представлена сине-зеленая гамма цветов. В использовании цветоименований наибольшая выразительность достигается не столько за счет количества и частоты употребления цветов и оттенков, сколько с помощью своеобразия их сочетаний друг с другом и образным строем.

В романе разграничены внутренний мир (дом семьи Турбиных) и внешний мир (военные действия). В обоих пространствах цветовые характеристики соотнесены с компонентами художественного мира: образами, художественным временем и пространством. В романе М.Булгакова «Белая гвардия» цветообразный строй распределен по следующим тематическим группам: мир людей (одежда), предметный мир, время, пространство. Приведем эти сведения в таблице 2.

2. Цветообразность «Белой гвардии» М.Булгакова

Тематические группы	черный	белый	красный	желтый	синий	зеленый
Мир людей	91	83	72	45	31	4
Одежда	74	20	18	26	20	10
Предметный мир	75	51	33	55	17	20
Время	7	10	1	2	-	-
Пространство	28	7	7	1	10	-

Мир людей. Для характеристики человека наиболее употребимыми оказались цвета черного, белого и красного спектров, менее всего встречается зеленый цвет, который если и

используется автором, то только для передачи пограничного психического состояния, потери сознания или крайней степени ужаса: «Придя домой, держась за стенки и *зеленя*, Николка все-таки улыбнулся, чтобы не испугать Елену...»; «и перед глазами у него (Турбина) *позеленело*... Тот обернулся и впал в состояние ужаса». Из черного спектра в описании людей чаще используются черные, серые и темные цвета. Черный цвет глаз обычно нейтрален, иногда вместе с цветом глаз подчеркивается какая-либо черта характера - «*черные упорные глаза*», а для передачи психического состояния Булгаков использует неологизм «глаза ее *черно-испуганны*». В портретных характеристиках мужчин обязательно указывается цвет усов, бороды, баков и степень их ухоженности: «*Поседевшая* инеем бархатка подстриженных усов»; «Его лицо, выкормленное и гладко выбритое, украшалось *черными*, подстриженными по-американски усиками» (Булгаков 1989).

Чувство страха вызывает черный цвет при упоминании толпы, массы народа: «по Владимирской улице *чернела* и ползла толпа»; «в *черном* месиве»; «*черным* морем разливались по соборному двору»; «разрезав *черную* реку народа»; «*черным-черно* разливался по соборному двору народушко». При описании военных групп черный, темные и серые цвета указывают не только на цвет формы, но и на характер движения: «двух дивизий *черных* колониальных войск»; «прибытие *черных* войск в Одессу»; «пришли в Город *серыми* шеренгами немцы»; «по всем дорогам *зачернело*, зашевелилось, захрустело». Вообще скопление людей в романе имеет агрессивное начало.

Желтый спектр представлен тремя частотными цветами: желтый, рыжий и золотой. Семантика желтого цвета чаще болезненная и отталкивающая: «*пожелтевшие* зубы», «*желтые* пальцы», «*желтые* ключицы», «*желтоватое* тело». У рыжего и золотого цветов амбивалентные значения употребляются в равных пропорциях. Позитивная семантика желтого и золотого связана с образом Елены, негативная – соотносится с предателем-дворником Нероном, продажной блондинкой и Василисой, в портретной характеристике которого часто упоминаются золотые коронки. «Золотой» и «золотистый» имеют стилистические различия с качественным значением – подлинности и подделки. В первой части романа встречается в основном позитивный желтый спектр: «рыжеватая (золотая) Елена», «рыжебородый Валентин»; вторая часть насыщена негативной семантикой желтого: «золотистая блондинка», «рыжий дворник»; в третьей части оба значения уравниваются: «желтые пальцы», «пожелтевшие зубы» и «Еленка рыжая», «Елена солнечно улыбаясь».

Отличительной чертой цветописи Булгакова является то, что одна и та же цветовая характеристика может относиться к противоположным героям: «Николкины *голубые* глаза», «*голубоглазый* Карась», «Жилин-вахмистр, глядя прямо в глаза взором *голубым*», «*голубые* глаза Василисы». В этих случаях цвет выполняет не просто номинативную функцию, он создает настроение: «Сияние вокруг Жилина стало *голубым*, и необъяснимая радость наполнила сердце спящего»; «успокоительнее всего на Елену действовал укладистый маленький *голубоглазый* Карась».

М.Булгаков не останавливается на одной семантике цвета, делая ее «цветовой» чертой персонажа. Напротив, он стремится активизировать противоположные значения, усложняя тем самым смысловую нагрузку и цвета и образа.

Нами подсчитывались как цветообозначения слова «белогвардеец»/ «красногвардеец» и, соответственно, - «белые»/«красные». В словах-терминах цвета имеют исторические корни. Красный восходит к красной гвоздике французской революции, символизирующей восставший народ. Белый цвет считался цветом сторонников законного правопорядка. Впервые

отличительным знаком белой гвардии были белые нарукавные повязки у буржуазной милиции, созданной в Финляндии в 1906 году для борьбы с революционным движением. Эти значения нашли свою преемственность в России в годы гражданской войны (Керлот 1994). Позже красный стал символом целой эпохи Советской власти, а за белым, как указывает Заварзина (2008, р.60), закрепилось значение «действующей против советской власти; контрреволюционный, белогвардейский» (*белая гвардия, белая армия, белый террор*).

Одежда, одевание составляют часть характеристики человеческого мира, по одежде определяется образ жизни, социальный статус, цветовые предпочтения в одежде говорят о психическом состоянии владельца, типе личности и темпераменте. Цвет одежды в романе «Белая гвардия» почти наполовину черно-серый. Это «серые шинели» и «черные штатские пальто». Часто цвет одежды выступает как метонимия и перифраз, заменяющий название человека или группы людей: «И хлынут *серые*», «*серый* человек», «два *серых*» (солдаты), «две *черные* фигуры», «некто в *сером*» и т.д.

В романе «некто в сером» - это и Троцкий, и Петлюра. Вспомним - в сером был и Воланд. Серый цвет в одежде у М.Булгакова имеет дьявольское начало, поэтому, возможно, не только констатацией является настойчивое подчеркивание автором серого цвета в форме всех участников военных действий: красноармейцы - это «*серые* разрозненные полки, которые пришли откуда-то из лесов, с равнины, ведущей к Москве», немцы «пришли в Город *серыми* шеренгами», а украинские солдаты не имеют сапог, зато имеют «широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских *серых* шинелей». Яркие пятна в одежде – это военные аксессуары: «погоны с *белыми* нашивками», «*серебряные* пуговицы», «шапки с *малиновым* верхом», «*синие* рейтузы», «цветные *зеленые* петлицы», «с *красными* звездами на папах». Детальнейшее описание военной формы противоборствующих сторон максимально передает атмосферу войны, где нет места теплым житейским цветам.

Лишь две небольшие цветовые детали в одежде имеют индивидуально-личностную характеристику. Первый – это темно-красный театральный капор, передающий семейную драму Елены. Именно он становится символом блестящего брака «между красивой, рыжей, золотой Еленой и генерального штаба карьеристом, брак с капорами, с духами, со шпорами, и облегченный, без детей». Их брак, как капор, «обветшал, быстро и странно, в один последний год, и сборки осеклись и потускнели, и потерялись ленты». И капору Елена выговаривает то, что не смогла сказать мужу: «Знаешь, Сережа, нет у меня к тебе уважения, - значительно сказала она *красному* капору и подняла палец... Капор с интересом слушал, и щеки его осветились жирным красным светом». Вторая деталь - это нелепые *желтые* отвороты в одежде Лариосика. Они подчеркивают его непосредственность, неловкость и вносят комическую струю в темную обреченность дома Турбиных.

Предметный мир романа делится на две основные группы: предметы семьи Турбиных, напоминающие о прошлой жизни (бронзовый подсвечник, розовая лампа, синий сервиз, зеленая лампа и другие), и предметы войны (черные штыки, серые пашки, бронепоезд – серая неуклюжая черепаха, желтые гробы, черный револьвер, желтое седло и т.д.), перечень последних возрастает с каждой частью. Символом границы между этими мирами, выполняющим функцию оберега, становятся «кремовые шторы»: «Жарко, уютно, *кремовые* шторы задернуты»; «сразу распахнулась *кремовая* штора»; «наши израненные души ищут покоя вот именно за такими *кремовыми* шторами»; «именно за *кремовыми* шторами и жить».

Время. М.Булгаков фиксирует, определяет в цвете и время суток («серый непроницаемый день», «белое утро»), и времена года, дает цветоопределения месяцам («белый мохнатый декабрь», «август пришел светлый и пыльный», «светлым сентябрьским вечером», «солнечное и грозное лето», «наливной золотистый август») и характеру времени, эпохи («кровавые годы», «Турбин стал умирать днем... День этот был мутноват, бел...»).

Пространство. В пространственном отношении просматриваются оппозиции верх-низ, внутреннее-внешнее. Верх – небесная сфера, безграничная и яркая: «начинал синеть покров над городом»; «кругом, над двором анатомического театра, была ночь, снег, и звезды крестами, и белый Млечный путь»; «весь морозный мир синим шелком неба»; «Последняя ночь расцвела... Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом».

Низ, пространство Города, обычно четко ограничено и мрачно: «огромное черное пятно – Город»; «на черной безлюдной улице»; «черные подвальные коридоры»; «темные закоулки». Светлые пятна в городской среде – это чаще яркий искусственный свет или мрачный природный: «бледный электрический свет», «ослепительно-белым электрическим светом», «сумрачный белесый свет царил в зале», «(дом) засветился слабенькими желтенькими огнями»; «лампы, увитые цыганскими шальями, бросали два света - вниз белый электрический, а вбок и вверх - оранжевый», «электричество вспыхнуло ярко-бело и радостно». В третьей части темнеет и верхнее пространство: «выше было черное небо»; «вслед звезде черная даль за Днепром»; «в высь, черную и синюю»; «поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира» и т.д.

Светлыми остаются лишь пространства мечты и снов: «Про все забыл (Василиса), почему-то представил себе поляну в лесу, хвойный дух. Эх, эх... знамение, сверкнуло, сверкнуло,... и, как луч в луче, стало подниматься из подземелья в солнечный дворик»; «она и появилась... в небесно-голубом саду на берегу озера»; «на правой руке какой-то белый, сказочный многоярусный сад» (сны Турбина); «а сверчок все пел и пел свою песню, где-то в щели, в белом углу за ведром» (сон Петки).

Булгаковская позиция в изображении гражданской войны близка философии ненасилия. Символическое значение трехцветия романа проходит через мифологическую интерпретацию, вбирает политическое значение и приходит к библейской символике, усиленной семантикой образа креста. Значение цветовой палитры романа, выраженной мифологическим трехцветием (красный, черный, белый), и семантика цветообразов вариантов заглавия «Белый крест» и «Полночный крест» полностью раскрываются в заключительных строках романа.

IV Третий автор, выбранный нами для этой статьи, является одним из ярких представителей «лейтенантской прозы» о Великой Отечественной войне. В повестях К.Воробьева «Убиты под Москвой», «Крик», «Это мы, Господи!» цвет не вынесен в название, как у Л.Андреева и М.Булгакова, но особая роль цветовой палитры его художественных текстов бесспорна. Необыкновенную яркость языка прозы К.Воробьева отмечал В.Астафьев (1993, р. 10): «Константин Воробьев силен там, где он пишет, точнее, живописует свободно, давая себе и своему воображению полный простор, а языку, кстати говоря, отличному, богатейшему оттенками и красками, русскому языку - полное дыхание, как ветру, напоенному запахами родной ему курской земли, русских полей и садов».

При анализе трех повестей К.Воробьева нами были выделены и подсчитаны все цветообозначения. Статистические данные позволили составить следующие цветовые палитры повестей:

- повесть «Убиты под Москвой» - белый (37), черный (27), желтый (21), сложные цветообозначения (бурый, пегий, желто-коричневый, белесовато-розовый, переливчато-радужно, лунно-дымный и другие – всего 16), синий (15), красный (14), серый (7), зеленый (3);
- повесть «Крик» - белый (31), красный (23), сложные цветообозначения (буланный, изжелта-сизый, зеленовато-мышастый, буро-огненный и другие – всего 17), черный (13), серый (9), желтый (8), синий (6), зеленый (5);
- повесть «Это мы, Господи!» - черный (54), белый (41), желтый (36), красный (33), синий (32), серый (18), сложные цветообозначения (желто-бурая, клетчатый, разноцветный, чугунного цвета и другие – всего 16), зеленый (12).

Доминирующие цвета во всех трех повестях – это белый, черный, красный, желтый. Для имени прилагательного в первую очередь важны его связи с именами существительными, которые объединяются в тематические группы, обозначим их в виде симптоматической схемы картины мира. Обычно выделяются три наиболее крупных класса: «человек» - антропофакты, «живой мир» (органическая материя, исключая человека) - натурфакты и «неживой мир» (неорганическая материя) - артефакты. К первому классу антропофактов относятся слова, описывающие внешний и внутренний портреты персонажей. Например, «по-женски белое и круглое лицо» («Убиты под Москвой»), «(девушка) покраснев, как маков цвет» («Крик»). В класс натурфактов вошли слова, связанные с природными явлениями: «красноватые пупырышки цветущего щавеля» («Это мы, Господи!»), «мутно-бутылочный свет луны» («Убиты под Москвой»). Предметные реалии отнесены к классу артефактов: «красный купол водонапорной башни» («Убиты под Москвой»), «ржавые кляпы железных засовов» («Это мы, Господи!»). Нами по аналогии для исследования военных произведений отдельно была выделена группа слов, обозначающих военные реалии, военные действия, названная как милитарифакты.

В художественном дискурсе военных повестей К.Воробьева спектр белого цвета находит воплощение в 108 цветообозначениях. Круг существительных, определяемых прилагательным *белый*, широк и разнообразен: *натурфакты* – осины, мгла, сумрак, свет, лошадь, поле, дымка, облака, березки и др. (38), *артефакты* – полушубок, изба, чашка, простыня, дверь, хлеб и др. (27), *милитарифакты* – эполеты, кресты на крыльях (2), *антропофакты* – нос, лицо, зубы, руки, глаза, щетина, ноздри, лоб, кости (41).

Из данных видно, что прилагательное *белый* и его производные активно используются при антропологических описаниях: констатирующего характера «белые крутые ноздри», «белеющие зубы»; оценочного характера «по-женски белое и круглое лицо», «белый и острый, как бумажный кулечек, нос», как характеристика психологического состояния персонажа «белесые тихие глаза», «побелевший, совершенно обескровевший нос», «лицо его было белым как снег». Индивидуально-авторской цветописью является описание белых глаз персонажа перед смертью или в минуты смертельной опасности, повторяющееся во всех трех повестях: «Убиты под Москвой» - «белесые тихие глаза»; «Крик» - «не черными, а белесо-льдыстыми глазами (от страха)», «у Васюкова были белые и пустые глаза», «белое лицо Васюкова с большими, белыми глазами»; «Это мы, Господи!» - «белесоватыми неморгающими глазами (взгляд перед казнью)», «белоглазый парень», «белесых навывкате глаз (немца)». У Воробьева цветообраз «белые глаза» приобретает экспрессивно-семантическое значение. Белые глаза, в страхе расширенные настолько, что в них теряются зрачки, передают состояние человека,

граничащее с безумием: «...*Белыми*, косящими к переносице *глазами* он смотрел куда-то сквозь нас, во что-то далекое, неведомое и страшное» («Крик») (Воробьев 1991).

В описании природы К.Воробьев щедро использует белый цвет и широкий спектр его оттенков: «*светились белыми* ранами стволы осин», «*белесовато-мутная* мгла», «*белесый* сумрак» («Убиты под Москвой»), «стоянки ...были *кружесовно-белыми*» («Крик»), «*седую* от изморози траву», «*молочная* сыворотка рассвета», «*белел* опущенный *инеем* луг» («Это мы, Господи!»). Интересно, что частотное употребление натурфактов и антропофактов с прилагательным белый практически равно (38 и 41), но в описании внешности человека белый чаще символизирует страх и смерть, а в описании природы, напротив, несет сему жизни и вечности. Это можно назвать внутренней антонимией, когда один цвет имеет противоположные значения в разных тематических группах. Непосредственно военные реалии, действия (милитарифакты) в повестях «Убиты под Москвой» и «Это мы, Господи!» ни разу не упоминаются с цветообозначениями из белого спектра. В повести «Крик» это только констатация фактов «белые, пушистые эполеты» и «белые кресты на крыльях (самолета)».

Спектр *черного цвета* реализуется в 94 цветообозначениях. В их число входят простые лексемы различной частиречной принадлежности с корнем *-черн-*. Лексема *черный* занимает вторую ранговую позицию по частоте употребления среди наименований цвета в военных повестях. Обратимся к спектру имен существительных, определяемых лексемой *черный*: *натурфакты* – лес, тучи-уроды, воронье, галки, сосны, ветви деревьев, ночь, небо и другие (29), *артефакты* – подтяжки, шаль, стена, стеганка, костюм, стол, грузовик, полотнище и другие (22), *милитарифакты* – самолет, петлицы, автоматы, танк, паук-свастика, кобура маузера и другие (14), *антропофакты* – глаза, человек в черном, налет на пальцах ног, косичка спутанных волос и другие (29).

В ряду имен натурфактов черными определяются природные реалии «очень темные, сумрачные» либо имеющие «непроницаемо густой, темный цвет»: небо, ночь, дым. Самым частотным является сочетание *черная земля (пласт земли)*. В повести «Это мы, Господи!..» черный цвет значительно преобладает над всеми другими цветами. Т.В.Кризская (2009, р.94), исследователь творчества К.Воробьева, отмечает «это является отражением авторского мироощущения в период создания повести»: «Лагерная амбулатория... была единственным светлым пятном на фоне всего *черного* и *безнадежного*».

В портретном описании *черный* чаще характеризует цвет и выражение глаз. Это цветообозначение изобилует оттенками: «глаза вспугнуто *померкли*» («Убиты под Москвой»); «смотрел *черными* глазами ворожуна», «как *углисто* блестят его глаза», «*темными* умными глазами» («Крик»); «влажный *агат* глаз», «глаза казались *дегтисовно-черными*» («Это мы, Господи!»). Цветонаименование *черный* выступает в составе метафорических сочетаний: «*Черной* душной стеной обрушивается ночь на лагерь»; «Мелькнул сереньким комочком Иван по стенке вагона, *черным* языком чудовища затрепетала выпущенная им обмотка»; «*Черные* бараки маячат зловещим видением, одиноко высаясь на окраине города» («Это мы, Господи!..»); «...О если б мог Рюмин загнать его в *черные* ворота ночи!» («Убиты под Москвой»).

Среди цветообразов, объединяющих цвет и образ, примечательна лексема *черноликий*: «...от колонны подошел к нам коренастый, *черноликий* пленный в полуобгоревшем танкистском шлеме и грязной кавалерийской венгерке» («Крик»). На наш взгляд, в контексте о человеке, оказавшемся в положении пленного, писатель не случайно прибегает к включению в состав цветонаименования стилистически маркированного компонента *-лик-*, имеющего оттенок страдания. Противоположное значение человека, слабохарактерного, позорно прощающегося с

жизнью, заложено в номинации *чернявый*: «живчиком бился *чернявый*», «повис прежде *чернявого*» («Это мы, Господи!»). В повести «Крик» повторяющийся черный цвет в портрете любимой девушки имеет явно положительную коннотацию: «девушка в *черной* стеганке, в большой *черной* шали», «с громадными *черными* косами». При описании военных атрибутов (самолет, петлицы, автоматы, танк, паук-свастика, кобура маузера) черный цвет осложняется семантикой «злое, враждебное».

Красный цвет представлен 70 цветоименованиями с корнями *-ал-, -багр-, бордов-, -красн-, кров-, малин-, -розов-, рде-*. Тематические группы, окрашенные в красный цвет: *натурфакты* – огонь, звезды, солнце, мак, горизонт, груды костей (лошади), рябина, птичка, утро (26); *артефакты* – соус, пачка сигарет, здание тюрьмы (12); *милитарифакты* – Армия, капитанские шпалы, воротник шинели, пятиконечные звезды (4); *антропофакты* – пена (самоубийство Рюмина), мозоли, пальцы, раны (28).

В антропологической группе из красного спектра чаще употребляется цветообозначение *красный* и его частичные варианты – *кровь, сукровица, кровавятся, окровавленный*. Они являются составной частью натуралистического изображения ранений и смерти на войне, не лишённого поэтических элементов: «стекали веские капли *крови*» («Убиты под Москвой»); «тяжелые *бордовые* капли медленно стекали», «*темные* струйки *крови* теплыми червяками ползли по ладоням» («Это мы, Господи!»). Иногда автор смещает акценты, перенося цветосимвол в другую тематическую группу, тем самым объединяя две тематические группы одной лексемой цвета. Сцена повешения пленных в повести «Это мы, Господи!» показана на фоне пейзажной зарисовки. Писателем введен в нее колористический оттенок заходящего солнца, представленный сложным прилагательным *красно-красный*: «Запрудив обширную площадь, пленные образовали пустоту вокруг виселицы. Немцы-конвоиры остервенело следили за секциями командиров, политсостава, евреев. *Красно-красным* шаром закатывалось в полосу сизой тучи *солнце* на окраине лагеря».

В повести «Крик» лексема *красный* участвует в создании самостоятельного художественного образа. В пропадающем сознании тяжело раненого лейтенанта Воронова, оказавшегося в плену, возникает видение красного от засева мака поля: «... От края и до края земля засеяна *красным* маком. ...Стебли мака не стоят на месте. Они несутся к солнечной точке, в беге сливаются в сплошной поток чего-то густого и липкого, которое вот-вот смочит с ног, и тогда я закрывал глаза. *Красный* поток застывал, медленно превращался в маковый засев, но стебли опять бежали, и я знал, что теперь надо открыть веки». Из всей цветовой палитры военных повестей в красном спектре зафиксировано больше всего глаголов и отглагольных форм (*краснеть, кровавится, окровавленный, алели, рдело*), это самый динамичный, экспрессивный образ цвета.

Желтый спектр произведений о войне составляют 65 цветоименований. В их число входят как прямые цветоименования с корнем *-желт-*, так и не прямые (солнце, жёлчь и др.). Круг существительных, определяемых прилагательным *желтый*: *натурфакты* – звезды, поросль, солнце, солома, глина, овес (15), *артефакты* – хлеб, цепи, стены, пол коридора, гвозди, сапоги (27), *милитарифакты* – залп, огонь, огневой вал, «мессершмит», автоматная очередь (16), *антропофакты* – борода, скулы, кожа, ноги, головка спящего ребенка (7).

В этом цветовом спектре значительно преобладает окрашенность предметного мира. 22 цветообозначения-артефакта встречаются в повести «Это мы, Господи!». Если внешний вид концлагеря в произведении описан в красных тонах («*красное* четырехэтажное здание тюрьмы»), то во внутреннем мире преобладает *желтый цвет* («Посреди бесстенного навеса стояли две ванны, наполненные чем-то *желтым*, жидким. Это и была баланда, сваренная из

костной муки»; «Набрав полный рот кровавой слюны, Сергей по дороге харкнул ее на *желтый* пол коридора»; «Это — быль и явь, это — неумолимая правда, как вот эти *желтые* цементные стены и стальные двери камеры!») или его оттенок *ржавый* («*ржавые* кляпы железных засовов», «*ржавая* корявистая ложка», «*ржавые* браслеты грызли щиколотку»). Здесь автор продолжает закрепленную за желтым цветом символику безумия и сумасшествия, добавляя значение безысходности и угнетенности.

Яркой особенностью цветописы К.Воробьева являются сложные цвета. Среди сложных цветоименований представлены классы дихромных и оттеночных цветов (*мишisto-зеленый*, *сахарно-белый*, *дегтярно-черный* и т.п.), случаи включения в цветоименование какого-либо другого признака объекта (*мутно-бутылочный*, *рогато-черный* и т.п.), использования метафоры (*фиалково-голубые*, *лунно-дымные* и т.п.). Обращает на себя внимание и сложная техника цветописания: автор использует существительные-колоративы, сами несущие сему цвета (огонь, мгла, туман и др.), прибавляя к ним цветочные прилагательные, тем самым уточняя или усложняя, полученный цветообраз – *белесовато-мутная мгла*, *голубой снег*, *белесые тучи*. Интересно, что такие поэтические цветообозначения парадоксально встречаются в самых страшных сценах войны и сочетаются в основном с военными реалиями: «*сахарно-бело* и невинно-жутко из сапога высывалась конечностью кость», «*лунно-дымные* стебли ракет», «*рогато-черный* автомат», «три *фиалково-голубых* «ястребка»» (ранение Анисимова) («Убиты под Москвой»); «а стоянки с колючкой перед моим взводом были *кружевно-белыми*», «глаза у коня были величиной в кулак, *чернильно-синие*, молящие», «рассыпались две большие *мертвенно-зеленые* звезды» (взрывы), «Перемот смотрел не черными, а *белесо-льдыстыми* глазами» («Крик»); «*желтовато-мутный* пламень взрыва окутал голову», «глаза каждого казались *дегтisto-черными*» (от страха смерти), «*оловянными* пуговками *синели* выкатившиеся из орбит глаза» («Это мы, Господи!»). Эта яркоцветовая маркированность ключевых военных эпизодов на общем черно-бело фоне приковывает особое внимание и создает дополнительный эффект тревожности, нервозности.

В повести «Убиты под Москвой» сложные цветоименования связаны с описанием природы и человека (натурфакты и антропофакты). Мир природы в ярких красках видит то персонаж Алексей: «Луна взошла задернутая *желто-коричневой* пеленой, и стало еще тягостнее и тревожнее от ее *мутно-бутылочного* света», то повествователь, его цветовидение носит философско-поэтический характер: «За деревней помаленьку светлело небо, и в той его части *розово* мигали и гасли звезды... - наступало утро».

Натуралистические эпизоды ранений и смерти на протяжении всей повести читатель видит глазами главного героя: «Он (Алексей) увидел на дне окопа огромные глаза Анисимова и его *гипсово-белые* руки, зажавшие пучки соломы... Он вскочил на четвереньки и заглянул в ноги Анисимова – на мокрой, полуоторванной поле шинели там волочился *глянцево-сизый* клубящийся моток чего-то живого». Цветообразы предметного мира (артефакты) и военных реалий (милитарифакты) чаще всего встречаются в речи рассказчика-повествователя: «Этот первый залп получился удивительно стройным, как падение единого тела, и сразу же в разных местах села в небо взметнулись *лунно-дымные* стебли ракет».

Цветопись военных повестей К.Воробьева широка и разнообразна. Во взаимосвязи с темой войны каждый цвет несет определенную сему: *белый* – амбивалентное значение и смерти, и жизни; в *черном* – доминирует семантика чего-то злого и враждебного; *красный цвет* – практически полностью теряет этимологическое значение красивого, становится синонимом лексеме – кровавый; *желтый цвет* – реализует отрицательную семантику цвета – цвета

сумасшествия и безумия. Многообразие сложных цветообразов демонстрирует мастерство словесной живописи К.Д.Воробьева и позволяет говорить о языковом новаторстве в цветописании войны.

Подводя итог, можно констатировать, что военная проза не обходится без использования цвета и цветообразов. Во всех рассмотренных нами произведениях общим является доминирующее трехцветие. У Андреева триколор располагается в последовательности красный – черный – белый, при этом красный «заливает» другие цвета, у Булгакова небольшой разрыв между группами цветов, расположившихся в последовательности черный – белый – красный, у Воробьева общее по всем повестям соотношение цветов белый – черный – красный. А.Чернова (1987, р. 227) в своей книге отмечает, что эти цвета свойственны произведениям большинства писателей. Данные предпочтения можно объяснить наибольшей контрастностью и многозначностью этих цветов, восходящих к мифологическому трехцветию, первичному по происхождению и более других цветов спектра связанному с жизненно важными сферами. Все три писателя не оставляют без внимания лексическое многообразие оттеночных цветоименований. Каждый цветовой спектр имеет более десяти простых и сложных цветообозначений. Для всех рассмотренных нами произведений общим будет то, что вне зависимости от изображаемых военных действий и стиля повествования цвет является важной составляющей картины войны в художественной литературе.

Экспрессионизм цветописания войны повести Л.Андреев потребовал выдвижения монохромной палитры. Это проявляется в цветоименованиях и на фонетическом уровне – частотность взрывного согласного, и на морфологическом – глагольным цветовыражением. Л.Андреев расширяет ореол одного цвета и углубляет его символику, выводя тем самым цветоименование за рамки обычного функционирования, оживляя и материализуя цвет. Война в изображении Л.Андреева – это фантазмагорический цветообраз. М.Булгаков дает панорамное видение цветовой картины мира, где акцент делается не на цвете, а на всем цветообразе, несущем символическое значение. Цветообразность «Белой гвардии» представляет яркую всестороннюю окрашенность мира людей, где в цвете фиксируются внешность, эмоции, психологические портретные черты, одежда, через цвет передается характер отдельной личности и толпы. Предметный мир также связан с человеком и образно-символически передает его душевное состояние и внешние события. Именно за знакомыми и близкими цветообразами предметного мира персонажи М.Булгакова прячутся от черно-бело-красных реалий войны. В повестях К.Воробьева отмечается контраст между тематикой произведений и многообразной цветообразностью ее воплощения. К.Воробьев живописует цветом как художник, подбирая полутона, комбинации и продумывая цветовые композиции. Цветообразы у Воробьева реалистичны и ирреальны одновременно, что подчеркивает абсурдность происходящего на войне.

REFERENCES:

- Андреев, Л 2002, *Красный смех*, АСТ, Москва.
- Астафьев, ВП 1993, *Награда и муки (Публицистика)*, Москва.
- Баева, МИ 2004, `Красный цвет в русской и английской культурах`, *Русская речь*, №4, С.125-127.

Булгаков, М 1989, *Белая гвардия*, Правда, Москва.

Воробьев, КД 1991, 'Крик'; 'Убиты под Москвой'; 'Это мы, господи! ', *Собрание сочинений. В 3 т.*, Т.1, Современник, Москва.

Журавлев, АП 1991, *Звук и смысл*, Просвещение, Москва.

Заварзина, ГА 2008, 'Цветовая палитра в политическом языке', *Русская речь*, №6, С. 60-63.

Керлот, ХЭ 1994, *Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ*, Букинистическое издание, Москва.

Кризская, ТВ 2009, *Язык художественной прозы К.Д.Воробьева: дис. ... канд. филол. наук*, Курск.

Московкина, ИИ 2000, '«Красный смех»: апокалипсис по Андрееву', *Андреев Л.Н. Красный смех. Ремизов А.М. Петушок: Тесты, комментарии, исследования, материалы для самостоятельной работы, моделирование уроков*, ВЛАДОС, Москва, С.108-121.

Тресиддер, Дж 1999, *Словарь символов*, ФАИР-ПРЕСС, Москва.

Чернова, А 1987, *...Все краски мира, кроме желтой: Опыт пластической характеристики персонажа у Шекспира*, Искусство, Москва.

ON THE STUDY IDENTITY DISCOURSE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

Ekaterina Bakshutova

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

443099, Samara, Russia

Abstract

Analyzes the social constructionist approach to the problem of non-discursive and discursive relations in the specification, development and social change – attitudes, values, identities. The problems of collectivity and collective identity. The features of discourse, design and maintenance intelligentsia identity – mifologizm due to the need to legitimize the situation in society, a doubling of the antinomies in the description of a picture of the world and their own place in it, connected with the history of the conflict is rooted in traditional attitudes and functions of the intellectual modernization, communicative isolation.

Key words: *the intelligentsia, the discursive construction of identity, generation of meaning, attitudes, historical and discursive analysis.*

В социально-гуманитарных науках понятие идентичности в последние десятилетия невероятно актуализировалось. В условиях постмодерна и постпостмодерна, когда «старые» социальные структуры общества теряют свою актуальность и не обеспечивают идентичности, когда группами утрачены (поскольку не являются необходимыми) традиционные социально-экономические функции и мир (западный мир, прежде всего), по сути, разделен на управляющих и управляемых, когда декларируемые «старые» ценности утратили доверие, а новые консьюмеристские горизонты не могут охватить всех мотивационно-потребностных состояний большинства, потребовался кто-то, кто способен взять на себя ответственность за производство идентичности, за создание неких культурных универсалий, принадлежность к которым будут готовы разделить многие. Наиболее остро данная проблема проявляется в сфере этничности, и связанных с ней националистических проектах разного содержания и качества исполнения. Вероятно, как неосознаваемый протест против тоталитаристских перспектив, со стороны интеллектуалов все чаще будируется проблема интеллигенции. Слово «интеллигент» в свете различных коннотаций сегодня также «популярно» в политическом дискурсе.

Если идентичность – это тождество, а идентификация – ответ на вопрос «на кого я похож?», то возможно, что в процессе личностной и социальной идентификации, в бытии в целом, мы должны ответить на два вопроса: «похож ли я на самого себя?» и «кто тот Другой, кто похож на меня (и на которого похож я)»? Парадоксально, что с конца 1960- годов XX века идентичность (тождество, единство) как теоретический предмет «снимается» концепциями различия (Деррида, Делёз) и защитой прав «неидентичного» (Адорно и Хоркхаймер) [см.: Малахов, 1998. С.43]. И более того, получается, что идентичное изучается/конструируется при помощи инструмента, который изначально распознается как метод изучения различий. Данное обстоятельство как нельзя лучше иллюстрирует проблему интеллигентской идентичности.

В.С. Малахов отмечает, что хотя субъектами социальной практики обычно выступают группы, идентичность носит индивидуальный характер даже на уровне социальных действий, поскольку именно индивиды вступают во взаимодействие и объединяются в группы. Идентичность «есть рефлексивная категория, «обладать» ее могут только индивиды; группам же идентичность может быть «приписана». Говорить о ««коллективной идентичности»» можно лишь в той мере, в какой определённые индивиды разделяют друг с другом одну и ту же идентичность (и в этом смысле принадлежат одному и тому же коллективу)» [Малахов, 2001. С.115]. Коллективная идентичность – не более чем метафора, поскольку, по мнению автора, общество не имеет качества субъективности, т.е. «говорить применительно к коллективу о “сознании”, “волении” и “чувствовании” можно разве метафорически» [Малахов, 1998. С.47]. Однако это метафора, представляющая реальность, потребность людей соотносить себя с какой-либо группой, коллективом.

Ещё в начале XX века Г.Г. Шпет понятие коллектива рассматривает в различных аспектах – как коллекцию, массу или множество, как «сумму», совокупность некоего среднестатистического, как некую организацию [Шпет, 1996]. Ни в одном из этих случаев не может быть и речи о коллективном духе, однако коллектив является реальной вещью, «социальной вещью». При этом, отмечает автор, коллектив не может быть объектом психологическим, поскольку психологическое изучает не взаимодействие, лежащее в основе социального, а единицы, входящие во взаимодействие (по сути, то, о чем пишет и Малахов, представляя группу как совокупность индивидуальных психологий). Согласно Г.Г. Шпету, требуется некий иной подход, выходящий за пределы и общей психологии, и «социальной вещи», обезличивающей реальные социальные взаимодействия, ещё одно понимание коллектива. «В целом такой коллектив живёт “своей” жизнью, но всякая попытка фиксировать хотя бы один момент в нём необходимо требует соотнесения этого момента к вещам и отношениям, находящимся вне этого коллектива. Ни один момент не “действует” здесь в собственном смысле, а только “участвует” в целом, будучи направлен на нечто “вне” себя и целого» [Шпет, 1996. С.339]. Такой тип коллективов, выражающий реальные отношения Г.Г. Шпет действительно называет *типом*. Этот тип не есть родовая характеристика или нечто «среднее», он близок литературному типу, поскольку «включает элемент творчества, будучи тем не менее иногда адекватным выражением некоторого коллективного предмета... тип до крайности интенсивен и индивидуален, он не результат обобщения, обезличивающего индивидуальное, а репрезентант многих индивидов» [Шпет, 1996. С.340]. При этом коллективный тип в своём репрезентанте – воображаемый (мещанин, китаец, трус и пр.), «но в нём может быть своя психологическая правда» [Там же]. Итак, в качестве коллективности философ предлагает совокупность переживаний; анализируя коллективность (переживания), мы говорим о «вещах», «днях», «делах», «идеалах» и пр., то есть «социальные явления, язык, миф, нравы, наука, религия, просто всякий исторический момент вызывают соответствующие переживания человека» и важно, что «как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их переживаниях, как “отклика” на происходящее перед их глазами, умами и сердцем» [Шпет, 1996. С.341]. Переживания могут возникать как в связи с внешними, объективными обстоятельствами, так и в связи с «идеальными предметами», и поэтому мы должны уметь различать «“историю” соответствующих “идей”, как историю развития культуры, от психологического отношения к ней рассматриваемого коллектива, в *среде* которого эта история осуществляется» [Там же].

Несомненно, что и методологически (с точки зрения современного научного социально-гуманитарного знания в целом, и конструкционистской эпистемологии, в частности), и

практически (с позиций онтологии) за производство и воспроизводство идентичностей «ответственен» дискурс. Но кто является субъектом самого дискурса, конструирует его? И в частности, кто конструирует интеллигентский дискурс, она сама, или другие субъекты социального взаимодействия?

По мнению М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс существуют три подхода, анализирующие дискурс именно с позиции социального конструкционизма: дискурсная теория Лакло и Муффа, критический дискурс-анализ (КДА), дискурсивная психология. Авторы утверждают: «В основе всех подходов – общее представление о том, что наш способ общения не только отражает мир, идентичности и социальные взаимоотношения, но напротив, играет активную роль в его создании и изменении» [Филлипс, Йоргенсен, 2004. С.15]. Несомненно, все они обладают различающимися их дефинициями, как относительно приверженности идеям постструктурализма [Русакова, 2006. С.16], и вслед за этим – в понимании соотношения дискурсивного и недискурсивного (собственно социальных, экономических, политических и т.д. практик) в порождении и изменении знания, лингвистического и социологического акцентов в дискурс-анализе. Однако для всех трёх направлений одним из ключевых моментов теории и метода является проблема конструирования идентичностей.

Дискурсивная психология рассматривает дискурс как ситуативное использование языка и речи в повседневной практике общения. Её основной интерес – изучение того, «как люди посредством дискурсивной практики создают конструкции о мире, группах и идентичностях» [Филлипс, Йоргенсен, 2004. С.202]. Здесь учитываются культурные, исторические и социальные контексты общения, установки и намерения участников коммуникации, основным методом выступает интервью как основной метод, выявляющий соотношение между языком, значением и психологическими состояниями людей, поскольку оно трактуется как социальная интеракция. В теории дискурсивной психологии «значение встроено в язык, и поэтому для анализа значения необходимо исследовать язык» [Филлипс, Йоргенсен, 2004. С.209], и вопросы, и ответы (например, формулировки вопросов, темы, отслеживание местоимений и т.д.), а так же репертуар интерпретаций, выступающий как дискурсивный ресурс для выбора идентичностей (создание идентичностей может быть ограничено доступных дискурсивных ресурсов), идентичности же могут рассматриваться «как продукт субъективных позиций в пределах дискурсов... и как продукт определённых дискурсов, и как ресурс социальных действий при взаимодействии» [Филлипс, Йоргенсен, 2004. С.172-173].

В центре внимания КДА Фэркло – роль дискурсивной практики в поддержании социального порядка и осуществления социальных изменений. При этом Фэркло различает социальные и дискурсивные практики. По его словам, «Формирование общества с помощью дискурса происходит отнюдь не благодаря тому, что люди свободно играют с идеями. Он является следствием их социальной практики, которая глубоко внедрена в их жизнь и сориентирована на реальные, материальные структуры» [Цит. по: Филлипс, Йоргенсен, 2004. С.102]. Мы, однако, вправе задать вопрос, каким образом были сформированы материальные практики, с которыми нам в настоящее время приходится иметь дело? Не были ли и они дискурсивным продуктом, создание которого растянуто во времени? В любом случае, Фэркло, акцентируя своё внимание на интердискурсивности, лингвистических аспектах анализа текста (например: интеракционный контроль; этос – конструирование идентичности посредством языка, мимики и жестов; метафоры; выбор слов; грамматика).

Также Фэркло подчёркивает, что «дискурсы принимают участие в конструировании социальной идентичности и социальных отношений (дополняя значения и системы значений)»

[Филлипс, Йоргенсен, 2004. С.159], то есть, КДА позволяет ответить на вопросы, какие идентичности воспроизводятся теми, кто вовлечён в дискурсивный процесс; кто управляет этим процессом; служит ли он сохранению традиции или обновлению. Фэркло отмечает, что социальная практика обеспечивает контекст дискурс-анализа, но напомним, что его подход является более тексто-ориентированным. Различия в интерпретации дискурсивного и социального, в акцентах на когнитивных операциях или социальных моделях, в понимании роли власти и т.п. присутствуют и внутри самого КДА.

Остановимся на дискурсивно-историческом методе Р. Водак, представляющей дискурсивную социолингвистику. Исследователь выделяет три уровня анализа, обусловленные тем, что существуют «определённые ментальные процессы, которые связывают производство и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями» [Водак, 2006. С.123], особенно если речь идёт о ментальных процессах в социальных группах. Прежде всего, это содержательный аспект; второй этап связан с выявлением стратегий аргументации, которые, будучи связаны с когнитивными процессами, раскрываются в таких концептах как фреймы, скрипты и схемы. Третий уровень анализа выявляет языковые реализации стратегий (слова, метафоры, ярлыки и др.), коррелирующие с самими стратегиями [Wodak, 1998. С.75]. Автор подчёркивает, что «мы обязаны принимать во внимание убеждения, мнения, воспоминания о прошлом при изучении проблемы идентичности, изложении событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик» [Водак, 2006. С.123]. Р. Водак заостряет внимание на когнитивной связи между языком/дискурсом и обществом, поскольку такие понятия, как «коллективная память», «воображаемое сообщество» являются неотъемлемыми категориями когнитивных процессов. Итак, к трём уровням анализа, выделенным в теориях дискурса Йоргенсен и Филипс – дискурс, текст и общество – необходимо добавить ещё и когнитивный аспект, т.е. ментальные модели, – как пишет Луман, – общеизвестные истины, которые влияют на принятие решений и межличностное взаимодействие [Водак, 2006. С.124].

Таким образом, можем подвести некоторые итоги. Идентичность – понятие дискурсивное и рефлексивное, конструируется она в дискурсивном процессе (тексты, обмен текстами, их производство в расчете на определенную аудиторию, обеспечивающее обладание символическим капиталом; а также понимание текстов, обеспечивающее самоидентификацию внутри языкового пространства на основе языка, разделяемого группой). Дискурсивный процесс укоренен в истории, обладает темпоральностью, «обостряется» в сложные для общества периоды, раскрывается в разделяемых индивидами, составляющими группу, принимающими коллективную идентичность, значениях и смыслах.

Однако вернёмся к вопросу о том, кто ответственен за конструирование дискурса интеллигенции. Группа эта создаётся в условиях модернизации «сверху» для обслуживания интересов власти (необходимость образованных кадров для развития промышленности, военного дела, строительства, просвещения и др.). Постепенно она выходит за пределы, необходимые власти, и чтобы сохранить собственные символические позиции в обществе, начинает предпринимать попытки легитимировать свой статус. Сначала в конце XIX века, затем во второй половине XX века ощутил рост «активности» интеллигенции, проявляющий себя в текстах почти сакрального характера, обличающих власть как эксплуататорскую, тоталитарную, бесчестную, тем самым представляя интеллигенцию не просто образованным сообществом, но группой, единственно имеющей право на создание и ретрансляцию «должной» картины мира, т.е. символический капитал, конвертируемый в дальнейшем,

согласно П. Бурдые, в несимволические капиталы: экономический, социальный и культурный [Бурдые, 1993]. К концу советской истории в обществе закрепились представление об особой группе людей с «разбуженной совестью», ставящей общественное выше личного блага и способной на бескорыстное самопожертвование «от имени и во имя» всего народа и общественного блага. Представление это – не только миф образованной части русского общества о самой себе, но и инструмент самоопределения и легитимации в модернизирующейся России» [Иванов, 2004. С.16].

Кентавризм, свойственный русскому национальному характеру в целом, «антиномичность России, жуткая её противоречивость» наиболее развёрнуто были описаны Н.А. Бердяевым в разгар первой мировой войны и накануне революции 1917 года: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире» и она же – «самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики»; это «самая нешовинистическая страна в мире» и в то же самое время «национален в России именно её сверхнационализм, её свобода от национализма», - поэтому-то «Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства»; «Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своём народном дионисизме, не желающем знать формы», но одновременно она – «страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишённая сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжёлой плоти» [Бердяев, 1990. С.11,13,15,16,21].

Бердяев отмечает и дизъюнктивность как принципиальное свойство русского духа – отсутствие середины в отношениях между полюсами. Противоположности встречаются и в других культурах, «но только в России тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма» [Бердяев, 1990. С.23]. Свидетельством справедливости слов Н.А. Бердяева служит как «знаменитая непредсказуемость российской истории», так и её «не менее заметная повторяемость – свойства, проявляющиеся в невиданных – по сравнению с другими странами и народами – масштабах» [Кондаков, 1997. С.51].

Указанная противоречивость «усугубляет» проблему интеллигентской идентичности. С одной стороны, интеллигенция – группа, конструируемая по западному образцу, с функционалом, идущим вразрез с традиционной культурой (не только в России, но и в других модернизируемых странах). И в то же время необходимо отметить, что интеллигентская идентичность, формируемая дискурсом, изначально конструируется «на разрывах», главный из которых связан с невозможностью найти «правильный путь» развития страны. «Россия – Запад» – это первый глобальный ментальный конфликт российской интеллигенции. В результате возникает не просто столкновение культур, обычаев, традиций, но аксиологический конфликт, раздваивающий не только возможную стратегию развития, но всю когнитивную схему интеллигенции, представляющую реальность. Нужно отметить, что в культурологических исследованиях отмечается преодоление данного противоречия, и связано оно, несомненно, с культурой. Произведения русских классиков – это гимн России, русскому патриотизму, но одновременно это и воспевание любви к столице европейского типа – городу, построенному Петром, «окну в Европу», культура которого понятна европейцам. Г.П. Кнабе полагает, что «суть интеллигенции изначально предполагала соединение национальной самоидентификации с европейской», то есть в «органичном соединении постоянного

стремления к благу своей страны и к внутреннему самоотождествлению с ней со столь же постоянной верой в то, что содействовать такому благу может передовой, хозяйственный, политический и культурный опыт стран Западной Европы» [Кнабе, 2003. С.10]. Однако, это «примирение» оказалось возможно только *a posteriori*, на рефлексивном и теоретическом уровне. Реальное переживание антиномий «свое – чужое», «Запад – Восток», «национальное – западно-ориентированное» направления в культуре постепенно порождают обвинение (самообвинение) интеллигенции в неспособности породить что-либо самостоятельно. Антиномия эта неизбежна, поскольку интеллигенция изначально – общественная прослойка, образованная по европейскому образцу (как «западники», так и «славянофилы»), группа идеологической и даже виртуальной идентификации.

В то же время, мы уже отмечали выше, что при перенесении западноевропейских моделей на русскую почву в силу историко-культурного своеобразия России, *утрачиваются* многие, составляющие необходимую суть моделей общественного устройства на Западе (экономика, право, политика), скорее даже не утрачиваются, а *трансформируются* из сферы интеллектуальной в нравственную, что позволяет говорить об интеллигенции, как о самобытном российском явлении, что является предметом, как особой гордости, так и особой вины, интеллигентского дискурса. По словам М.Ю.Лотмана, «интеллигенция оказывается одновременно и испорченным «своим» и неправильным «чужим» [Лотман, 1997. С.127]. Как писал М.О.Гершензон, «не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм – что ни этап, то иностранное имя» [Гершензон, 1991. С.94-95].

В результате мы получаем психологический портрет - трагическую картину русской интеллигенции, как ее пишет М.О. Гершензон: «мы не люди, а калеки, все, сколько нас есть, русских интеллигентов, и уродство наше – даже не уродство роста, как это часто бывает, а уродство случайное и насильственное. Мы калеки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растет заодно с волею, что наше сознание, как паровоз, оторвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится впустую, оставив втуне нашу чувственно-волевою жизнь» [Гершензон, 1991. С.85].

Оппозиция «Россия – Запад» имеет значение не только в целом в процессах модернизации, становления и развития русской культуры, но она и служит основой дискурса самоопределения интеллигенции, понимания того, откуда же и, главное – зачем она появилась.

Другой «разрыв» связан с посреднической ролью интеллигенции в семиотическом пространстве «Власть – Народ». Взаимодействие с властью характеризуют сменяющиеся во времени установки (скрипты) как интеллигенции в целом, так и отдельных представляющих ее «подгрупп» – свергнуть, реформировать, подстраиваться, ненавидеть, захватить власть. Взаимодействие с народом определяется широким спектром отношений – функций: просветить, призвать, спасти, отмежеваться от «обывателей», испытывать чувство вины, обвинять. По мнению культуролога А.А. Иванова, в дореволюционный период формируются основные семиотические константы интеллигентского мифа. Он отмечает, что «мифологема формируется как комплекс устойчивых стереотипов восприятия социальной реальности и способна проявляться в различных дискурсах и активизировать разнообразный спектр значений, но всегда эксплицирует сходную систему взаимоотношений между элементами структуры», и определяет таким образом ее структуру:

- 1) медирующее положение интеллигенции в двуполярной системе «власть / народ»;
- 2) «народ» как объект просвещения и заботы;
- 3) «власть» как универсальный ключ к решению социальных проблем;
- 4) представление о миссии интеллигенции – носительницы особых нравственных качеств [Иванов, 2004. С.30].

А вот за период советской истории, интеллигенция уже не столько пытается свергнуть деспотичное правительство и защитить народ от самодержавной власти, сколько обеспечить собственную безопасность. К тому же, как отмечает В.А.Шкуратов, что в стереотипе интеллигентности смешиваются ностальгия по дореволюционным временам и идеальные искания советской эпохи: обыденное сознание включало в интеллигентский набор «хорошие манеры как у представителя высшего света, благородство как у дворянина, духовность как у священнослужителя, образованность качеств, лишившихся после революции своих традиционных носителей» [Шкуратов, 2005. С.248]⁵. Этот «высокий» идеал дополнялся образом «чудаковатого, оторванного от жизни, но честного, доброго и самоотверженного человека из мира знаний» героя художественных произведений. В любом случае – это характеристики положительные. Что касается идеологической функции интеллигенции, то реализуется только при тесном сотрудничестве интеллигенции с высшим уровнем власти и господствующей идеологии – в разнообразных Советах и Союзах.

Поскольку миссия оказалась невыполнима, В 60-е и 70-е годы начинается идеологическая борьба внутри интеллигенции – кто же более интеллигентен. Более распространенным, чем понятие «интеллигенция», стали слова «интеллигент» и «интеллигентность». Данное понятие в основе своей подразумевает духовность человека, образованность же, как изначальный смысл слова, отступает на задний план: образованность более не является достаточным условием интеллигентности, данным индивидуальным качеством может обладать любой член общества (в качестве адекватного примера интеллигентного человека чаще всего приводят Гошу из фильма В.Меньшова «Москва слезам не верит» 1980 г.).

И, наконец, сама интеллигенция как субъект дискурса, ее самосознание, самопрезентация, подобно другим мифологемам интеллигентской картины мира, в разные периоды истории наполняются разным содержанием и оценками. Названные конструкты дискурса – все это не просто способы описания мира в литературе или других письменных практиках, но и неотъемлемые, необходимые к отрефлексированию элементы группового сознания (пусть это и метафора), переходящие из дискурса в реальность.

И ещё одно обстоятельство, характеризующее интеллигентский дискурс. Ещё В. фон Гумбольдт писал: «Человек понимает самого себя не иначе, как удостовераясь в понятности своих слов для другого» (Цит. по: [Постовалова, 1982. С.64]). Современная теория диалога подразумевает, что и говорящий, и слушающий влияют на смысл индивидуального высказывания, которое не имеет смысла, если анализируется изолированно, вне ситуации общения, в отрыве от контекста, пространственно-временных параметров общения, субъекта и объекта речи. Обе стороны активно участвуют в построении общего смысла, который, возможно, не запланирован заранее, а общая стратегия такого диалога – не стремление к оппозиции, а достижение общего, разделённого понимания. Как отмечает Т.Ф. Плеханова,

⁵ (Шкуратов В.А. // Логос, с.248)

«чтобы понять высказывание, нужно услышать “голос” говорящего со всеми его отголосками и модуляциями, нужно увидеть его связь с ближним и дальним контекстом, нужно почувствовать напряжение поиска своего “слова” и общего смысла, возможного и необходимого только в данной ситуации общения как “со-гласия”, т.е. совместного звучания нескольких голосов» [Плеханова, 2004. С.24-25]. Несомненно, что в качестве языкового высказывания может и должен рассматриваться текст. «Диалогические отношения гораздо шире, разнообразнее и сложнее диалогической речи. Два высказывания, отдалённые друг от друга во времени и в пространстве, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т.п.)» [Бахтин, 1979. С.303-304]. Именно поэтому любой «интеллигентский» текст, в какой бы период истории он ни был создан, понятен «интеллигентному» читателю в любой другой период, сотворчество дискурса, единое (хоть и раздвоенное) сознание позволяет ставить через запятую имена Бердяева, Горького, Солженицына, Сахарова и др. Именно они, эти имена, включённые в дискурс, детерминируют социализацию сообщества интеллигенции, и служат эпонимами идентичности. Однако вопрос о диалогичности дискурса интеллигенции не так прост. Кто является со-участником коммуникации интеллигенции? Предположительно Власть и Народ должны быть представлены в дискурсе, как тот Другой, с которыми осуществляется диалог и совместное смыслопорождение. Однако история интеллигенции – это скорее история несостоявшегося диалога интеллигенции и Мира; не-открытость Другому обуславливает и невозможности интерпретативного самопознания. Вот почему, несмотря на многоуровневость сознания, сверхсвязность и наличие антиномий, интеллигентский дискурс, по существу остаётся дискурсом самоопределения и самопознания (то есть конструирования идентичности) вплоть до настоящего времени. Говоря словами У. Эко, интеллигентский дискурс является «открытым» текстом, примером «такого синтактико-семантико-прагматического устройства, в самом процессе порождения которого предусматриваются способы его интерпретации» [Эко, 2005. С.11-12]. На самом деле, этот текст открыт не для всей публики, а только для той, которой понятны смыслы, значения, интенции этого текста. Текст, открытый для интеллигенции, закрыт (уже не в смысле У. Эко) для остального общества, он является своеобразной коммуникативной стратегией, которая в более широком контексте таковой не является и приводит к «коммуникативному идиотизму», как выражается Ф.И. Гиренок, суть которого сводится к тому, что «нас не слышат даже тогда, когда мы говорим» [Гиренок, 2010].

Практически любой текст связан с другими текстами (языковыми и не-языковыми) диалогически, каждый раз создаваясь и воссоздаваясь при новом прочтении, включённом в разные историко-культурные контексты, повседневное общение, дискурс совместного смыслопорождения. В текстах смыслы связаны с ключевыми словами, которые, по мнению Вержбицкой, как «конец клубка, потянув за который, можно распутать весь “клубок” установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, пословицах и т.д. [Вержбицкая, 1999. С.284]. Таким образом, мы полагаем, что именно дискурс интеллигенции со всеми его особенностями (антиномичность, аутокоммуникация, сверхсвязность), наряду с культурой страны, выступает основным фактором и социализации личности, и конструирования групповой идентичности. В связи с «удвоившейся двойственностью» интеллигентского сознания (относительно Своего и Чужого) чрезвычайно сложно выявить прототип идентичности интеллигента, который бы позволил «сгруппировать» интеллигенцию в коллектив, обладающий общей как для самих «носителей» идентичности, так и для «наблюдателей», структур знания, одинаково организующий и социальный, и индивидуальный

опыт. Отсюда и столь жаркие споры о том, кого же считать интеллигентом и интеллигенцией – споры идут внутри интеллигентского дискурса, и именно он и поддерживает идентичность. Ни для одной другой социальной страты не является столь необходимым выяснение того, кто есть интеллигент.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Мысль, 1990.
- Бурдьё П.* Социология политики: Пер. с франц. – М.: Socio-Logos, 1993.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. А.Д. Шмелева / Под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Водак Р.* Взаимосвязь «дискурс – общество: когнитивный подход к критическому дискурсу-анализу // Современная политическая лингвистика / Под ред. Э.В. Будаева, А.П. Чудинова. Екатеринбург. С.123-136.
- Гершензон М.О.* творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. С. 85–108 .
- Гиренок Ф.И.* Политический палимпсест России [Электронный ресурс] // Журнал «Золотой Лев» – издание русской консервативной мысли, 2010. № 265-266 // URL: www.zlev.ru
- Иванов А.А.* Мифология интеллигенции в русской культуре второй половины XX века. Дисс...канд. Культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2004.
- Кнабэ Г.П.* Жажда тождества: Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра (Вып.39), 2003. М.: РГГУ.
- Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Лотман М.Ю.* Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции, Неаполь, май 1997. Россия / Russia. Новая серия под ред. Н.Г. Охотина. Вып 2. М.: О.Г.И., 1999. С. 122–149.
- Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии, 1998. № 2. С.43-53.
- Малахов В.С.* Символическое производство идентичности и конфликт // Язык и этнический конфликт / Под ред. М. Брилл Олкотт и И. Семёнова; Моск. Цент Карнеги. М.: Гендальф, 2001. С.115-138.
- Постовалова В.И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982.
- Русакова О.Ф.* Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Изд.дом «Дискурс-Пи», 2006. С.10-28.
- Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Гуманитарный центр, 2008. 2004.

- Шкуратов В.А.* Интеллигенция в проекте современности // Логос, 2005. № 6 (51). С.243-252.
- Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. М.; Воронеж, 1996. С.261-372.
- Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. М.: Изд-во РГГУ, 2005.
- Wodak R.* Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identitaet. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 1998.

Contents

KAZAKH BILINGUAL DISCOURSE SPECIFICS

Ainakul B. Tumanova

Kazakh-British Technical University, Tole bi, 59, Almaty 050000, Kazakhstan

4

HISTORICAL PEDAGOGICAL ASPECTS OF HIGH EDUCATION TEACHER TRAINING METHODOLOGY'S DEVELOPMENT IN MEXICO

Elena Zhizhko, Martín Beltrán Saucedo

Master's Program in Education, Autonomous University of Zacatecas

98000 Jardín Juárez, Centro, Zacatecas, México

16

INTERPERSONAL ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ON-LINE AREA

Irina F. Turuk, Evdokiya I. Lobanova

Department of foreign languages. Moscow State University of Economics,

Statistics and Informatics. Russia

25

SUBTEXT AS FICTION MODEL OF PERCEPTING THE REAL WORLD AND SELF-IDENTIFICATION IN THE 1-PERSON NARRATIVE

Kudryavtseva I. Maria

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

31

TEACHING COMPREHENSION OF A FOREIGN PROFESSIONALLY ORIENTED TEXT BY TRANSLATOR

Nataliya Nikolaevna Gavrilenko

Peoples' Friendship University of Russia, 6, Mikluho-Maklaya st.,

117198, Moscow, Russian Federation

50

TEACHING TRANSLATION ANALYSIS OF A SPECIFIC DISCOURSE

Nataliya Nikolaevna Gavrilenko

Peoples' Friendship University of Russia, 6, Mikluho-Maklaya st. ,

117198, Moscow, Russian Federation

60

ОДЕЖДА – «ВНЕШНЯЯ» ФОРМА НАПРАТИВА САМОИДЕНТИЧНОСТИ

Оксана Н. Лагода

Кафедра дизайна, Государственный технологический университет, Черкассы, 18006, Украина.

71

RUSSIAN AND JAPANESE NAMES IN LINGVOKULTUROLOGICAL DIMENSION

Vladimir N. Zhdanov

Sapporo University, Sapporo, Japan

84

**REGIONAL SPECIFICITY OF AN IMAGE OF THE STRANGER IN LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF THE INHABITANT OF BOUNDARY REGION**

Tamara N. Zhuravel

Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University,
82a Svobodny avenue, Krasnoyarsk, Russian Federation.

94

**THE ROLE OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES
IN THE DEVELOPMENT OF FUTURE SCENARIOS**

Tatiana A. Novolodskaya

The Department of Philosophy, SPb SU ITMO (Saint-Petersburg State University of Information Technologies,
Mechanics and Optics), 11, Chaikovskogo str., St-Petersburg 191187, Russia

102

**CONCEPT OF SOCIAL REPRESENTATION OF YOUTH AND ITS ROLE IN FORMATION
OF INTERGROUP AND INTERPERSONAL COMMUNICATION OF STUDENTS IN THE
CONDITIONS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS**

Tassimova Aislu A. Institute of humanitarian researches ,

Sarkulova Zhanar Aktobe State University after K.Zhubanov

Aktobe city, st. named after Brothers Zhubanovs' , 263, 030000, Kazakhstan.

111

AXIOLOGY OF JOURNALISM: THE PARADIGM AND METHOD OF ANALYSIS

Viktor A. Sidorov

St.Petersburg State University, faculty of journalism: 199004, St.Petersburg, 1 line of Vasilyevsky island 26

123

**CLASSICAL AND MODERN POLITICAL CONSERVATISM: PRINCIPAL VALUES
OF POLITICAL CULTURE**

Anastasia S. Zabolotnaya

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

146

CENSORSHIP AS A CONCEPT OF MODERN SOCIETY

Elena A. Agapova, Alexei A. Agapov

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

153

COORDINATING SYNTACTICAL CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Elena A. Zhukova

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

160

VALENCY AND EXPECTATION

Galina G. Matveeva, Ekaterina V. Firsova

Pedagogical institute of Southern Federal University, Rostov-on-Don, B. Sadovaya Str., 33

172

MEANS OF COHESION IN ASYNDETON IN RUSSIAN AND FRENCH

Gontareva Zinaida

The Pedagogical Institute, Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

180

ARTISTIC TEXT IN THE PERSPECTIVE OF THE CATEGORY OF PERSONALITY

Natalya V. Malycheva

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

198

DEMONSTRATIVE PRONOUNS AS MEANS OF TEXT COHESION

Yana S. Yamshikova, Tatyana V. Milevskaya

Southern (Uzhny) Federal University, Russia, Rostov-on-Don, 33, Sadovaya St.

215

**THE CRITICALLY REFLECTIVE SIGHT OF THE PHILOSOPHERS
OF THE XIXTH CENTURY AT SCIENCE AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE
(ARTHUR SCHOPENHAUER, FRIEDRICH NIETZSCHE)**

Yevgeny E. Nesmeyanov

Southern (Uzhny) Federal University, 33, Sadovaya St., Russia, Rostov-on-Don

223

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СЛОВАРЯ
CONCISE OXFORD ENGLISH DICTIONARY 11TH EDITION, REVISED, 2006)**

Ирина В. Бескровная

Педагогический институт Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая 33

239

**BALKAN WRITERS OF CHILDREN'S AND YOUNG-ADULT LITERATURE
IN THE 20TH CENTURY**

Margarita T. Terzieva, Prof. Dr Assen Zlatarov University, Burgas

253

20TH CENTURY FRENCH CLASSICS WHO WROTE CHILDREN'S LITERATURE

Margarita T. Terzieva, Prof. Dr Assen Zlatarov University, Burgas

261

**«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
БАШКИРСКОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ЭПОСА¹**

Gulnur Bukharova

Bashkir State Teacher Training University, named after M. Akmulla, October Revolution St., 3a, Ufa, Russia

268

**STUDY OF THE INFLUENCE OF SUBJECTIVE MODEL ACTIVITY
ON THE LABOUR EFFICIENCY**

¹Rustem V. Gabdreev, ¹Elmira E. Galimova

¹Kazan national research technical university named after A.N. Tupolev, Karl Marx str., 10, Kazan, Russia, 420111

287

PECULIARITIES OF THE USAGE OF ADDRESS IN BAKHYT KENJEEV POETRY

Samal K. Serikova

Institute for Master and PhD programs

Kazakh National Pedagogical University Abai, Dzhambul, 25, Almaty 050010, Kazakhstan

297

ЦВЕТОПИСАНИЕ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Olga Zaginaiko

Institute of magistracy and doctoral studies Abai Kazakh Pedagogical University,

Dzhambyl, 25, Almaty 050010, Kazakhstan

306

ON THE STUDY IDENTITY DISCOURSE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

Ekaterina Bakshutova

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, 443099, Samara, Russia

321